

RAYMOND CHANDLER'S PHILIP MARLOWE A CENTENNIAL CELEBRATION

NEW PHILIP MARLOWE STORIES
BY SOME OF THE WORLD'S LEADING MYSTERY AUTHORS
BYRON PREISS, EDITOR

ФИЛИП МАРЛОУ РЭЙМОНДА ЧАНДЛЕРА: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

**НОВЫЕ РАССКАЗЫ
О
ФИЛИПЕ МАРЛОУ
ОТ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ АВТОРОВ,
РАБОТАЮЩИХ В ДЕТЕКТИВНОМ ЖАНРЕ**

Под редакцией Байрона Прейсса

*Перевели с английского
Каролина Румянцева
и
Станислав Веприцкий*

БАЙРОН ПРЕЙС БУК

**АЛЬФРЕД А. НОПФ
НЬЮ-ЙОРК**

1988

15 «Уличное кафе Долорес Додд»

«Идеальное преступление»

16 Санта-Роза, родной город Марлоу

«Спасая Грэйс»

17 Дом Сандора

«Блондинка с грустными глазами»

18 Авеню Сан-Висенте, 449,

«Пустой рукав»

19 Ранчо Бойлстон

«Выбор дилера»

20 Дом Майры Хитли, Пасадена

«Красный камушек»

21 Росарито, Мексика

«Глубокий юг»

22 Курорт Биг Рок

«Яркая звезда»

23 Дом Кэшей

«Горькие лимоны»

24 Сарай из саманного кирпича,

«Человек, который знал Дика Бонга»

25 Заправочная станция

«Игровая Площадка Дьявола»

26 «Хрустальная тувелька»

«Азия»

27 Флагстафф, Аризона

«Карандаш»

28 Каньон Пуриссима

«Прощай, любимая»

29 Дом Элизабет Мердок, Пасадена

«Высокое окно»

30 Озеро Биг-Бэр-Лэйк

«Леди в озере»

31 Лакост

«Воспроизведение»

Оглавление

ОТ ПЕРЕВОДЧИЦЫ	6
ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ!.....	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	14
МАРЛОУ В ТРИДЦАТЫЕ	19
ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	20
ЧЕРНОГЛАЗАЯ БЛОНДИНКА	40
ОРУЖЕЙНАЯ МУЗЫКА.....	51
СПАСАЯ ГРЭЙС	64
КОМАНДА ИЗ МАЛИБУ	81
МАРЛОУ В Сороковые.....	94
БЛОНДИНКА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ	95
ПУСТОЙ РУКАВ	112
ВЫБОР ДИЛЕРА	125
КРАСНЫЙ КАМУШЕК.....	139
ГЛУБОКИЙ ЮГ	150
КОНСУЛЬТАЦИЯ В ТЕМНОТЕ	158
В ГОРОДСКИХ ДЖУНГЛЯХ.....	170
ЯРКАЯ ЗВЕЗДА	177
МАРЛОУ В ПЯТИДЕСЯТЫЕ	189
УБИЙСТВО В КЛУБЕ «ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ».....	190
ЯЧЕЙКА № 246.....	201
ГОРЬКИЕ ЛИМОНЫ	209
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ДИКА БОНГА.....	222
ESSENCE D'ORIENT	241
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ	254
АЛИБИ	270
ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЬЯВОЛА.....	282
АЗИЯ	298
МЫШИ	309
КАРАНДАШ	319
ОБ АВТОРАХ И ИЛЛЮСТРАТОРАХ	331

©1988 by Byron Preiss Visual Publications, Inc., введение

©1988 by Frank MacShane, авторские права на отдельные произведения

©1988 by Simon Brett, Robert Campbell, Max Allan Collins, Robert Crais, Loren D. Estleman, Ed Gorman, James Grady, Joyce Harrington, Jeremiah Healy, Edward D. Hoch, Stuart M. Kaminsky, Dick Lochte, John Lutz, Francis M. Nevins, Jr., Sara Paretsky, W.R. Philbrick, Robert J. Randisi, Benjamin M. Schutz, Roger L. Simon, Julie Smith, Paco Ignacio Taibo II, Jonathan Valin, and Eric Van Lustbader, соответствующие произведения

©1988 by John Martinez, Paul Rivoche, Javier Romero, and Dennis Zieminski, соответствующие иллюстрации

©2025 Кароліна Румянцева, MtF, LGBT+, а ще й Україна, як розумієте, переклад з англійської на російську

©2025 by Stanislaw Wepricki, wepricki@gmail.com, перевод с английского

ОТ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

*Тлеет сигарета в уголке рта,
Шляпа на затылке, замутнённый взгляд,
Пистолет под мышкой, а в кармане нож –
Детектив на гангстера очень уж похож...¹*

Рэймонд Чандлер не был первым автором в жанре «крутого детектива», чьи произведения стали доступны русскоязычному писателю. Первым, если я, конечно, не ошибаюсь, стал Росс Макдональд, чей «Последний взгляд» был опубликован в далёком 1973 году в сборнике «Современный американский детектив» московского издательства «Радуга».

В 1979 году настала очередь другого корифея – Дэшила Хэммета, чей «Стеклянный ключ» был напечатан в «Подвиге», приложении к журналу «Сельская молодёжь».

Ну, а Чандлеру, лучшему, на мой взгляд, из этой тройки лучших (опять же, на мой скромный взгляд) оставалось оставаться неизвестным ещё восемь лет, пока в журнале «Сельская молодёжь» под названием «Золотой дублон Брашера» не был представлен сокращённый перевод его романа «Высокое окно».

Я хорошо помню свои впечатления от прочтения, это реально было что-то новое, не влюбиться в Чандлера и Марлоу было просто невозможно.

С тех пор прошло немного времени, и стали доступны произведения других авторов, появилась возможность сравнивать, но Чандлер всё равно остался моим самым любимым писателем – эта любовь как пришла, так и осталась со мной.

Что-то ему очень удавалось, что-то нет. На мой взгляд, малый формат у него явно проигрывает его же романам, сюжетные линии которых, как ни странно, основывались на его же рассказах. Тем интереснее, мне кажется, познакомиться с предлагаемым сборником, который содержит произведения «по мотивам Чандлера» и с главным его героем именно в формате малой прозы.

В предлагаемом сборнике, на мой взгляд, произведения разного уровня, какие-то удачные, другие не очень. Авторы каких-то забудешь уже через некоторое время, а какие-то вызовут желание познакомиться с другими их произведениями (у меня так было с Максом Алланом Коллинзом – его рассказ, можно сказать, заставил меня познакомиться с его книжной серией о Натане Хеллере). В общем, полагаю, каждый сможет найти для себя что-то своё.

Тем более, уверена, что с большим форматом последователей Чандлера Вы уже знакомы.

Мы начали работу над сборником в далёком уже 2021 году. После 24/02/2022 перед нами встала дилемма: довести её до конца или нет. После долгих раздумий мы решили продолжить, поскольку, как мы уверены, поклонник творчества Чандлера не может встать на путь оправдания преступления, не тот посыл в произведениях этого автора. И даже когда в дом моих родителей попала ракета (по счастью она не взорвалась, и никто не пострадал), это нас не остановило. Как сказал один из советских лидеров «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством.

¹ Знаю, знаю, больше подходит Майку Хаммеру, чем Марлоу, но очень хотелось это куда-нибудь вставить. Хотя, может в этом и есть квинтэссенция «крутого детектива»? (Здесь и далее комментарии переводчицы.)

Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся»².

Поэтому мы рады, что нам наконец-то удалось закончить этот труд, пусть это и заняло гораздо больше времени, чем мы изначально планировали, и сейчас Вы держите в руках этот сборник, который, пусть и опосредованно, но имеет отношение к одному из самых лучших писателей, когда-либо работавших в детективном жанре.

Возможно, но вовсе необязательно, у Вас может возникнуть вопрос, как нам удалось работать над этим сборником вдвоём? Честно говоря, никто уже не помнит, кто какой вклад внёс (да, это и не важно), но если в примечаниях Вы увидите слово «бугенвиллия» – знайте, это точно была не я!

С любовью,

К.Р.

Апрель 2025 г.

P.S. Мы долго думали включать ли в сборник ранее уже переведённый на русский язык последний рассказ Рэймонда Чандлера «Карандаш». Решили всё-таки включить, чтобы, так сказать, не нарушать его каноничность – в нашем экземпляре рассказ присутствовал. К тому же не хотелось лишать читателей возможности ознакомиться со всеми иллюстрациями сборника, а к этому рассказу её выполнил Хавьер Ромеро.

Вышеупомянутый рассказ приводится в переводе А. Липатова.

² Сталин, если кто не знает.

ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ!..

Собственно, всё, что можно было сказать, уже сказано.

У нас всё готово!

Марлоу ждёт клиента...

И она себя не заставит долго ждать...

И, как говорил Шерлок Холмс, «Охота начинается!..»³

Итак, почитаем?..

«Она стала первой кинозвездой, на которую мне пришлось работать...»

³Рассказ «Убийство в Эбби-Грейндж» (1904) из сборника «Возвращение Шерлока Холмса».

Эта шикарная книга посвящена столетию со дня рождения Рэймонда Чандлера и представляет собой сборник новых рассказов о Филипе Марлоу, написанных двадцатью тремя из числа наиболее известных писателей, работающих в детективном жанре. Созданный с одобрения наследников Чандлера, он знаменует никого не оставляющее равнодушным возвращение Филипа Марлоу, одного из самых незабываемых персонажей этого столетия.

Чандлер подытожил свое представление о типичном частном сыщике следующим образом: «Человек, который сам по себе не обозлился на этих злых улицах, ничем себя не запятнал и ничего не боится... Детектив... должен быть обычным полноценным человеком, но в то же время и не совсем таким. Он, должен быть, если использовать довольно избитую фразу, человеком чести... говорит он, как обычный человек его возраста, то есть с грубым остроумием, живым ощущением гротеска, отвращением к притворству и презрением к мелочности».

Филип Марлоу – это то, что Рэймонд Чандлер оставил Америке в наследство. Он и циничен, и идеалистичен, романтичен, и полон отчаяния, а сути, ранимый человек, путешествующий по пейзажу из красоты, упадка и насилия, который отражает видение Чандлером Калифорнии.

Новаторская структура этой антологии прослеживает жизнь Марлоу с середины 1930-х годов, когда началась его карьера частного детектива, по 1959 год, в котором происходят события «Пудл Спрингс», незавершенного романа Чандлера о Марлоу⁴. Фрэнк Макшейн, автор известной книги «Жизнь Рэймонда Чандлера», внёс свой вклад, написав к этой книге введение, в котором исследуется насколько созданный Чандлером персонаж Марлоу соответствует ему самому.

Саймон Бретт, Макс Аллан Коллинз, Лорен Д. Эстельман, Стюарт М. Камински, Джон Лутц, Сара Парецки, Роджер Л. Саймон, Джулия Смит и пятнадцать других известных авторов детективной литературы написали оригинальные рассказы с участием Филипа Марлоу. Завершает книгу «Карандаш», последний рассказ о Марлоу Чандлера.

Каждая история сопровождается послесловием, в котором автор комментирует влияние историй Чандлера на своё творчество.

Истории проиллюстрированы запоминающейся, сильно стилизованной художественной графикой известных художников Хавьера Ромеро, Джона Мартинеса, Денниса Земенски и Пола Ривоша.

⁴ На данный момент это уже не так. Через год после выхода данного сборника роман был закончен Робертом Б. Паркером.

БАЙРОН ПРЕЙС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеальных антологий не существует. Очень хорошие встречаются крайне редко.

...Некоторые из лучших сборников... представляют собой не столько антологии, сколько собрание сочинений в одном томе. Вы многое получите за свои деньги, но только железный человек сможет удержать это в руках, не вывихнув запястий. Если это останется единственной возможностью, то я предпочту полный Словарь Вебстера. В нём нет ни одной неинтересной страницы.

Рэймонд Чандлер

Я приехал в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, чтобы утвердиться в намерении завершить то, чем я уже занимался. Спустя почти сто лет после рождения Рэймонда Чандлера, и почти три десятилетия с тех пор, как им были напечатаны последние слова, относящиеся к литературной карьере Филипа Марлоу, я пригласил примерно двадцать пять современных авторов детективной прозы, чтобы отметить творчество Чандлера, с согласия его наследников, написанием новых произведений о Филипе Марлоу.

Моим гидом в тот классический солнечный лос-анджелесский полдень был номинант на премию Эдгара Роберт Крейс, романист и один из ведущих сценаристов на телевидении. На вид ему было примерно столько же, сколько Марлоу, тридцать восемь. Что-то подсказывало мне, что Чандлеру бы этот человек понравился. Он был воплощением надежд Чандлера на авторов детективов, человека хорошо оплачиваемого и уважаемого, который стремится достичь чандлеровского высочайшего уровня, чтобы к его детективным романам относились как к серьёзной литературе.

Крейс проводил меня в университетскую научную библиотеку, где хранится большая часть известных писем и рукописей Чандлера. После долгих объяснений нам выдали шесть или семь коричневых коробок, содержащих папки и конверты с такими манящими надписями, как «Чандлер, Рэймонд, 1888-1959. “Пудл-Спрингс”. Ла-Хойя, 1959. 23. 1. 22 x 14 см. машинописный текст с голографическими исправлениями». Я взволновано открыл именно этот конверт и извлёк содержимое. В руках я держал страницы канареечно-жёлтого цвета, стандартные листы для пишущей машинки, разрезанные пополам, на которых печать шла вдоль длинного края через тройной интервал. В печатной машинке Чандлер использовал синюю ленту, и визуальный эффект был прямо противоположен тому, что можно было бы ожидать от одного из гениев «крутого детектива». Рукопись была просто красива. Цвета напомнили мне коллекцию фарфора Клода Моне из его столовой в Живерни. Канареечно-желтый и королевский синий. Последние цвета Филиппа Марлоу Рэймонда Чандлера.

Мы пролистали страницы и добрались до «Воспроизведения» и писем Чандлера, включая адресованные Уилбуру Смиту из библиотеки Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, в которых объяснялось назначение подобных жёлтых листов, составлявших рукопись. Чандлер писал, что они содержат «от 125 до 150 слов, и текст на них настолько невелик, что не утомит вас. Но, если на каждом нет немного мяса, значит, что-то пошло не

так». Мы настолько погрузились в бумаги, что Крейсу пришлось напомнить мне, что у нас осталось всего несколько минут до закрытия. Я вновь подтвердил своё желание найти у Чандлера одобрение созданию этой книги.

На следующий день я опять вернулся в библиотеку и нашёл послание от 3 июня 1957 года, отправленное Чандлером Эдгару Картеру относительно телсериала о Филипе Марлоу. В нём Чандлер выступает за своё участие работе над сериалом, но только в качестве автора диалогов для Марлоу:

... кажется, что если бы мне удалось передать характер Филипа Марлоу, рискуя — с какой-то степени уверенности — от того, что меня посчитают невыносимо тщеславным, то я всё ещё смог бы поверить, что существует Марлоу, а не какая-то карикатура на него... В конце концов, лет пятнадцать или даже более, очень многие пытались его у меня украсть, но до сих пор у них ничего не получилось. Полагаю, что все писатели сумасшедшие, но всё же верю, что, если они хоть немного хороши, то и ужасно честны.

Наконец-то я нашел в словах самого Чандлера что-то, что можно было отнести к этой книге, но это в лучшем случае это обескураживало. На ум пришла нетерпимость Марлоу к фальши. Существовало ли какое-либо оправдание желанию продолжить историю Марлоу с другими авторами?

Я вернулся к газетам, к благоприятной рецензии Чандлера на антологию Джеймса Сэндоу «Простое и причудливое убийство», цитатой из которой открывается это предисловие. И на последней странице я обнаружил слова, которые успокоили меня по поводу того, что мы намеревались сделать. Чандлер написал о Сэндоу:

У меня такое чувство, хотя он этого и не выразил напрямую, что он рассматривает хронику этого непреложного искусства детектива как единственную действительно значимую литературу нашего времени, в том особом смысле, что интеллектуальная озабоченность темой — жуткая для одних, восхитительная для других, в некотором роде привлекательная почти для всех — это основа почти для единственного вида творчества, которое получается у нас лучше, чем когда-либо прежде.

Именно такое творчество воспламенило разум Чандлера. Именно любовь к потенциальным возможностям детектива захватила его воображение и подтолкнула к работе. Его письма переполнены размышлениями об творчестве в детективе. Его самой большой надеждой по отношению к своим собственным произведениям было то, что они сохранятся именно как литература. Я думаю, было бы справедливо сказать, что его глубокое уважение к детективу как литературе разделяют все авторы этой книги. Они ровесники Чандлера. Многие не стали бы теми писателями, которыми они теперь являются, если бы Чандлер не проследовал за Хэмметом и Кейном с задворков беллетристики к вершинам искусства. Авторы в этой книге были собраны, чтобы почтить память Чандлера, а не обокрасть его. Думаю, он был бы польщен их вниманием, точно так же, как ему было лестно быть избранным президентом ассоциации писателей детективного жанра Америки в 1959 году. Полагаю, он бы критиковал каждую историю в этой книге, часть за частью, пока не дошёл бы до конца книги и всё-таки не нашел бы одну, которая понравилась бы ему больше остальных, но не настолько, чтобы назвать её идеальной. В мире Марлоу никогда не было ничего совершенного, и всё же, если в нём была элементарная мораль, благородство обычного человека, то он заслуживал внимания. Отзыв Чандлера о Сэндоу заставил меня почувствовать, что в этом сотрудничестве есть

особая честь. По этой причине, ради благих намерений авторов, я рискую этой книгой и сожалею только о том, что Чандлер не сможет её прочесть.

ВВЕДЕНИЕ

ОН ЗАСТАВИЛ СЛОВА ТАНЦЕВАТЬ: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РЭЙМОНДА ЧАНДЛЕРА

Рэймонд Чандлер писал детективные истории не потому, что ему было что рассказать о преступности в Америке, а потому, что он хотел понять и примириться одолевавшими его противоречиями. В молодости он рос со своей матерью в Англии, и у него остались горькие воспоминания о своём детстве в Америке, где он родился сто лет назад. Его отец был таким жестоким алкоголиком, что матери пришлось развестись с ним, а столкновение их личностей сделало его настороженным и подозрительным, хотя по натуре он был открытым и романтичным.

Будучи студентом Далвич-колледжа в Южном Лондоне, Чандлер получил отличное классическое образование, что привело его к написанию острых критических эссе и рецензий. Но также его тянуло к романтической поэзии. То, к чему он стремился как писатель, было той формой искусства, которая преодолела бы разрыв между двумя сторонами его натуры, стать правдивой, не будучи грубой, и красивой, не впадая в сентиментальность.

Чтобы создать и развить свой стиль, Чандлер прошел в Лондоне курсы по написанию коротких рассказов. Он писал очерки и статьи, которые были многословными и излишне литературными, хотя и хорошо построенными, а также написал короткий рассказ в манере Генри Джеймса. Не имея собственного стиля, он обращался к писателям, которыми восхищался, и создавал свои сочинения по их образцу, но результаты звучали как пародии.

Понимая, что он не сможет добиться успеха в Лондоне как журналист и поэт, в 1912 году Чандлер решил вернуться в Америку. Он перебивался случайными заработками по всей стране, но, в конце концов, был принят на работу в Лос-Анджелесе в нефтяную компанию «Дэбни Ойл», в которой достиг поста вице-президента и руководителя канцелярии. В это время Чандлер прочитал многое из современной художественной литературы, но писать не пытался. Однако в 1932 году он был уволен из нефтяной компании из-за пьянства и прогулов. Тогда он решил изменить свой образ жизни и предпринял ещё одну попытку стать писателем. Он даже указал себя как «писателя» в адресном справочнике Лос-Анджелеса.

Начал он снова начал с подражания, взяв на этот раз за образец Эрнеста Хемингуэя. К сожалению, с его чувством юмора это опять звучало как пародия:

Хэнк отправился в ванную почистить зубы.

– Чёрт с ним, – сказал он. – Ей не следовало этого делать.

Это была хорошая ванная. Маленькая, с отслаивающейся от стен зеленой эмалью. Но к черту всё это, как сказал Наполеон, когда ему доложили, что снаружи ждёт Жозефина. В ванной было широкое окно, через которое Хэнк рассмотрел сосны и лиственницы. С них капали редкие капли. Выглядели они мягкими и уютными.

– Чёрт с ним, – сказал Хэнк. – Ей не следовало этого делать.

Чандлер был прав, когда искал эталон, поскольку знал, что эмоции, которые он хотел выразить, не могут быть выражены просто и открыто. Ему нужно было найти ту форму,

которая позволила бы ему честно выражать свои чувства. Он знал, что творчество писателя – это не просто техника, которой можно научиться: это процесс, который позволяет романистам, поэтам и авторам научной литературы донести правду о своих чувствах. Акт творчества – единственное средство, с помощью которого, это может быть раскрыто. Это тот самый процесс, который помогает писателю убедиться в том, что его работа является эмоционально и интеллектуально точной.

В это время Чандлер открыл для себя жанр бульварной литературы, в частности, криминальный журнал «Чёрная маска», основанный в 1920 году. Он обнаружил, что ему нравится писать детективы, потому что подобные произведения были рассчитаны на непритязательного читателя. Было и практическое соображение. «Меня внезапно осенило,» – говорил он, – «что я мог бы работать в этом жанре, ещё и получая деньги, за то, что буду учиться». Чандлера этот жанр привлёк, потому что работа в нём почти полностью зависела только от усидчивости, с чем вполне можно было справиться. В отличие от «литературного» творчества, здесь к автору предъявлялись требования в отношении объёма и владения темой а, следовательно, требовалось, чтобы он владел искусством рассказчика, что не являлось абсолютно необходимым в художественной литературе. Чандлер начал с изучения творчества таких писателей, как Дэшил Хэмметт и Эрл Стэнли Гарднер, чтобы понять, чему он сможет у них научиться. Он копировал их технику, писал и заново переписывал в их стиле множество историй, пока не понял, в чём суть.

Позже Чандлер напишет: «Анализируйте и подражайте; никакая другая школа вам не нужна». Этим он и занимался месяцами, не имея никакого намерения опубликовать написанное. Он был более, чем реалистичен. «Ни один писатель в моём возрасте никогда не получал чек с неуказанной суммой», – писал он. – «Всегда приходилось принимать какие-то условия, навязанные извне, соблюдать определенные табу и стараться кому-нибудь угодить». Более того, Чандлер осознал основную истину, которую способны признать лишь немногие писатели: «Ни один писатель не написал в точности того, что хотел, потому что никогда целиком всё написанное не исходило только изнутри и только от него, и неважно, чего бы ему хотелось на самом деле. В любом случае, это отражение реакции на происходящее вокруг».

Когда Чандлер решил, что уже достаточно всему научился то, отправил написанное Джозефу Т. Шоу, редактору «Чёрной маски», который сразу же согласился это опубликовать. Первые напечатанные рассказы были лучше написаны и выделялись на фоне большинства других, публиковавшихся в этом жанре, но в них всё ещё было мало чего особенного или присущего исключительно Чандлеру. Просто стало очевидно, что он в совершенстве овладел техникой. Ещё предстояло выяснить, удастся ли ему создать что-нибудь по-настоящему присущее только ему и, следовательно, способное выразить его чувства и мысли.

Чандлер принял в детективной литературе то направление, которое рассказывало о крутых парнях, как самое подходящее. Английская школа, по его мнению, была безнадежно нереалистичной. В реальной жизни детективы – это не аристократы или сельские викарии; это люди с ограниченным интеллектом, которые просто выполняют свою работу. Таким образом, в своём собственном творчестве он создавал героев, которые полностью соответствовали условиям школы крутого детектива. Однако в них было мало индивидуального, их имена мало что о них говорили: Джонни Далмас, Тед Кармади, Джонни Де Русе, Пит Энглич, Сэм Делагуерра и Мэллори. Иногда они говорили от первого лица; чаще там был всезнающий рассказчик. Это не имело особого значения, потому что всё это звучало одинаково, а истории были настолько переполнены действием, что для персонажей или окружающего мира оставалось мало места.

Поскольку Чандлер получил образование в Англии, то он обнаружил, что при написании историй, в которых люди даже разговаривали по-другому, ему приходится начинать с нуля. «Мне пришлось изучать язык американцев как иностранный», – говорил он. Этот процесс по-настоящему поразил его воображение. Как поэт, он был влюблён в то, что называл магией слов, и хотел привнести это в свои детективные рассказы. Он знал, что напряжённое повествование необходимо для поддержания интереса читателя, но в то же время он хотел выражать чувства, которые сопровождают действие.

Позже Чандлер объяснял, что он имел в виду, в письме Фредерику Льюису Аллену из «Харпер’с мэгэзин»: «Давным-давно, ещё, когда я писал для бульварных журналов, я вставил в рассказ что-то вроде «он вышел из машины и пошёл вниз по залитому солнцем тротуару, пока тень от навеса над входом не коснулась его лица подобно прохладной воде». При публикации они это убрали. Их читатели не оценили бы такого: это просто тормозит действие. И я решил доказать, что они ошибаются. Моя теория заключалась в том, что просто так считается, что никого не волнует ничего, кроме действия; что на самом деле, хотя они этого и не осознают, их очень мало волнует происходящее. То, что их действительно волнует, и то, что волнует меня, – это создание эмоций посредством диалога и описания; то, что они помнят, то, что их преследует, это, например, не то, что человека убили, а то, что в момент своей смерти он пытался поднять с полированной поверхности стола скрепку, а она постоянно у него выскальзывала, так что напряжение отражалось у него на лице, а рот был полуоткрыт в какой-то мучительной усмешке, и последнее, о чём он, вообще, думал, была смерть. Он даже не слышал, как она стучала в его дверь. Эта чёртова маленькая скрепка всё время выскальзывала у него из пальцев, а он просто не мог подвинуть её к краю стола и там её схватить.»

Хотя описание и помогает вызвать чувства, оно менее эффективно, чем человеческий голос, независимо от того, используется ли он в диалоге или повествовании. Характерный голос несет в себе убежденность и достоверность. Он выводит историю на новый уровень и завоевывает симпатии читателя. Этот голос и становится, по сути, стилем автора. Для Чандлера этот стиль был выражен языком, который сочетал силу классического английского языка Далвичского колледжа с живостью американской разговорной речи. Вместе они образовали мост, позволивший Чандлеру соединить две стороны своего сознания, романтическую и реалистическую.

Филип Марлоу был тем средством, с помощью которого Чандлер сделал возможным этот союз. Марлоу был физически крепким, справедливым и умным человеком. Эволюционируя из детективов более ранних рассказов, он обладал некоторыми чертами Чандлера, но он не был им. Он также не был трудолюбивым детективом из реальной жизни. Он был не только жёстким и бесстрашным, но также остроумным и нежным. В реальной жизни такое сочетание маловероятно, но, придав Марлоу сильную и яркую индивидуальность, Чандлер сделал его правдоподобным и убедительным.

Вообразить, что Чандлер создал Марлоу как идеального самого себя, значит упустить главное, поскольку Марлоу – это продукт воображения. Он, по словам Чандлера, «олицетворение жизненной позиции, преувеличение возможностей», и больше ничего. «Весь смысл, – говорил Чандлер, – в том, что детектив существует уже сложившимся и не меняется, что бы ни происходило, он, как детектив, находится вне истории и над ней, и всегда останется таким. Вот почему он никогда не добьётся девушки, никогда не женится, никогда по-настоящему у него не будет никакой личной жизни, за исключением того, что ему нужно есть, спать, иметь место, где хранить одежду. Его моральная и интеллектуальная сила заключается в том, что он не получает ничего, кроме своего гонорара, за который он, если у него получится, он будет защищать невиновных, охранять беспомощных и уничтожать несущих в мир зло, и именно тот факт, что он должен этим

заниматься, зарабатывая себе на скучную жизнь в порочном мире, – и выделяет его из всех остальных».

Энергия и идеализм Марлоу помогли Чандлеру развить его как сложного персонажа. Чандлер продумал настолько полно и так подробно, что он стал способен самостоятельно рассказать свою историю. В художественной литературе часто случается так, что после того, как автор начинает рассказ, тот продолжает жить своей собственной жизнью. Автор настолько созвучен психологии своих персонажей, что ему больше не нужно ничего придумывать. Он просто следует туда, куда ведут персонажи, и тем самым раскрывает внутреннюю логику истории.

Как посредник, с помощью которого Чандлер рассказывал свои истории, Марлоу стал для своего создателя таким же реальным, как и любой другой существующий человек. В 1951 году Чандлер даже создал некий портрет Марлоу, описав его привычки, образование, предпочтения в выпивке и женщинах, быт и обстановку в доме. И все же, несмотря на большое сходство, Марлоу сильно отличается от самосозерцательного художника Чандлера. Подобно рассказчику Джозефа Конрада Марлоу, в честь которого, возможно, он и был назван, Филип Марлоу стал своего рода соучастником Чандлера. Когда он сам рассказывает историю вместо всезнающего рассказчика, он может допускать такие комментарии, которые, сам Чандлер, как автор, не стал бы делать из-за боязни прослыть в нравственном отношении бестактным.

Обычно персонаж, который переходит из одного романа в другой, становится хорошо узнаваемой фигурой. Читатели, которым он понравился, приветствуют его, и в каждой новой истории он служит привычной точкой отсчёта. Но по мере того, как Чандлер менялся с годами, менялся и Марлоу. Закончив «Младшую сестру», роман, который привлек к Чандлеру повышенное внимание литературных интеллектуалов, Чандлер сказал своему лондонскому издателю Хэмишу Хэмилтону, что, возможно, перестанет использовать Марлоу. «Я нахожу такой подход всё более и более неестественным», – написал он. – «Боюсь, что у мистера Марлоу появилось нечто большее, чем просто подозрение, что человек его амплуа начинает выглядеть довольно нелепо в роли мелкого частного детектива. Он начинает задумываться, пытаясь соответствовать своей репутации среди интеллектуалов. Парень забеспокоился.»

По мере того как Чандлер старел, он становился всё более усталым и уязвимым. Зная, что его жена очень больна, он поспешил завершить «Долгое прощание». С этой книгой он хотел продвинуться на новую территорию и написать детективную историю, которая имела бы размах обычного романа. Поэтому он нарушил некоторые условности жанра, стремясь сделать Марлоу более чувствительным человеком, чем он позволял раньше. Чандлер заставляет Марлоу подружиться с персонажами его книги и даже влюбиться в одну из них. Подобные переживания приносят ему боль и одиночество, и Марлоу становится ещё более разочарованным. В значительной степени Чандлеру удастся сделать Марлоу гораздо более интересным персонажем, чем он был в предыдущих романах, но большая часть лёгкости исчезает по мере того, как увеличивается доля цинизма. Вот описание того, как Марлоу наблюдал у бассейна за хорошенькой девушкой: «На верхнюю площадку трамплина по лестнице поднималась девушка в белом купальнике из акульей кожи и с соблазнительной фигурой. Я с воодушевлением уставился на белую полосу между загорелыми бедрами и краем купальника. Затем она скрылась из виду, отрезанная от меня широким выступом крыши. Спустя мгновение я увидел, её прыжок в полтора оборота. Брызги поднялись достаточно высоко, чтобы поймать солнце и породить радугу, которая была почти такой же красивой, как девушка. Затем она выбралась из воды по лесенке, растегнув, сняла белую шапочку и потрясла своей причёской из обесцвеченных волос. Потом она, покачивая попкой, направилась к небольшому белому столику и уселась рядом с парнем в белых тренировочных штанах и тёмных очках, напоминающим лесоруба, с

таким ровным загаром, что он не мог быть никем иным, как служителем при бассейне. Он протянул руку и похлопал её по бедру. Она открыла рот величиной с пожарное ведро, и рассмеялась. На этом мой интерес к ней иссяк. Смеха я не расслышал, но мне хватило распахнувшейся на её лице дыры, когда она расстегнула зубы.»

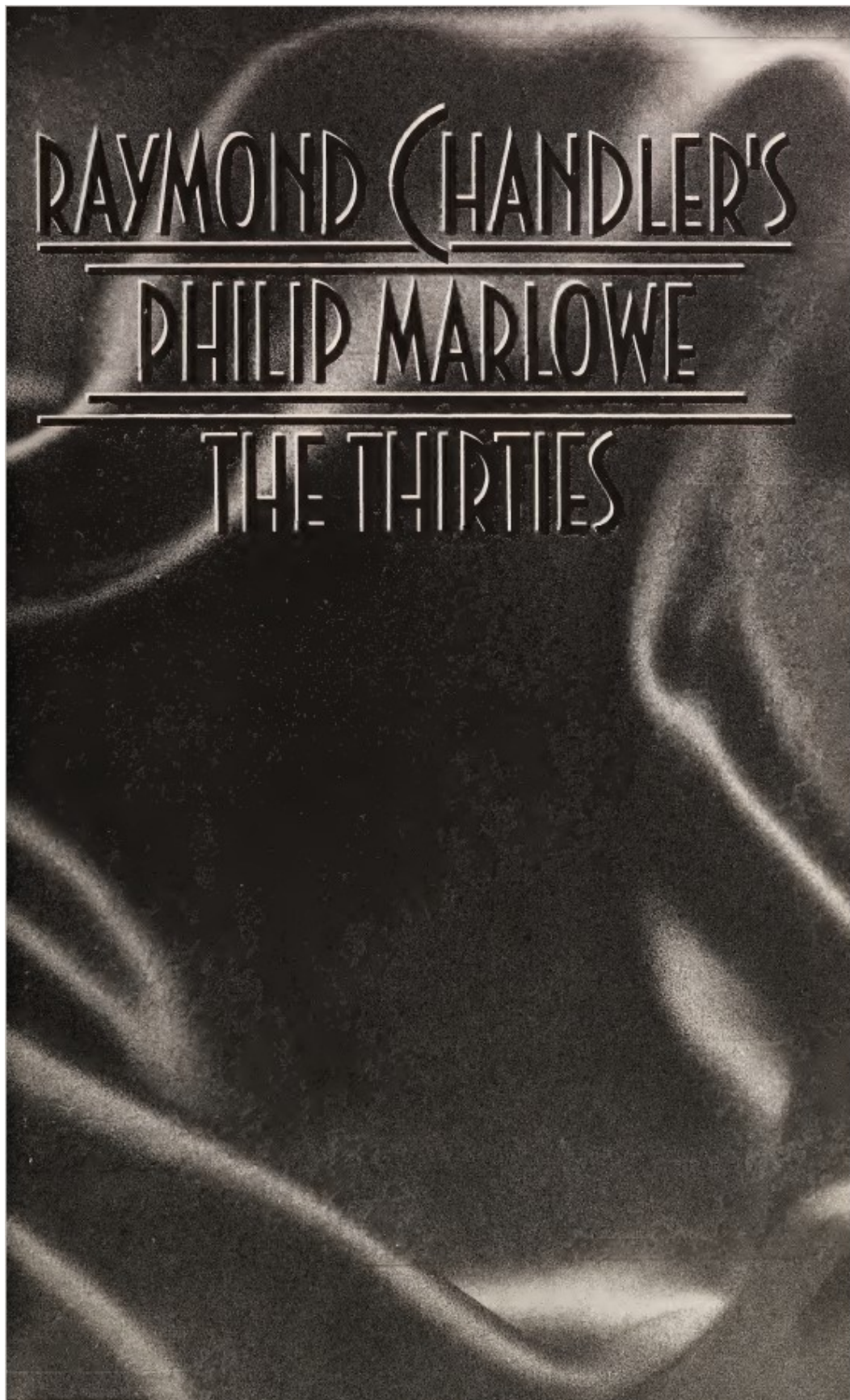
После смерти Сисси Чандлер подвергся сильнейшему стрессу. Он написал «Воспроизведение» и начало «Пудл Спрингс», но в эмоциональном плане оставался нестабильным. В подавленном настроении он становился сентиментальным и начинал себя жалеть; когда настроение повышалось, он становился преувеличенно жизнерадостным. Поэтому лучше запомнить его таким, когда он был в лучшей форме, когда они с Марлоу были единой командой, в которой они вместе хорошо работали, когда он сохранял душевное равновесие и контроль над собой, и это позволяло ему создавать свои лучшие произведения. «Стиль – это человек», – однажды сказал Бюффон⁵, и в свои шестьдесят Чандлер попытался объяснить, что он подразумевает под этим словом: «В конечном итоге, как бы мало вы об этом не говорили или даже не думали, самое долговечное в творчестве – это стиль, и стиль – это самое ценное вложение, которое в своё время может сделать писатель. Окупится это не скоро, ваш агент будет насмехаться, ваш издатель – неправильно всё понимать, и потребуются найти людей, о которых вы никогда не слышали, чтобы постепенно убедить их в том, что если писатель на творческом пути оставляет свой индивидуальный след, то это всегда окупается. Он не может этого сделать, просто прикладывая усилия, потому что стиль, о котором я говорю, – это отпечаток индивидуальности, и у вас, по крайней мере, должна быть она. Если же она у вас уже есть, то вы сможете выразить её на бумаге, особо об этом не задумываясь. Полагаю, в этом есть какая-то ирония, что, именно по этой причине, из поколения «состоявшихся» писателей, которых я имею ввиду, ничего не выйдет. Только забота о выработке стиля ни к чему не приведёт. Никакая его шлифовка и бесконечное редактирование не окажут сколь-нибудь заметного влияния на ощущение того, как это написано. Это качественный результат переживаемых автором эмоций и восприятия им окружающего мира; именно способность перенести их на бумагу и делает его писателем, в отличие от огромного числа людей, которые обладают таким эмоциональным и острым восприятием действительности, но не смогут и на гугол⁶ миль приблизиться к тому, чтобы изложить их на бумаге».

Чандлер был настоящим художником. Он создал персонаж, который стал частью американской национальной мифологии, и, описывая Лос-Анджелес, он изображал мир редкой красоты и неприглядной коррупции – американскую действительность. Он заставил слова танцевать, и читатели продолжают откликаться на его волшебство.

⁵ Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707—1788) – французский естествоиспытатель.

⁶ 10¹⁰⁰

МАРЛОУ В ТРИДЦАТЫЕ

МАКС АЛЛАН КОЛЛИНЗ

ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

1935

Художник Джон Мартинес

О

НА СТАЛА первой кинозвездой, на которую мне пришлось работать, но

особого впечатления это на меня не произвело. Если бы я был таким впечатлительным, то на меня произвёл бы впечатление сам Голливуд. Но, увидев, как Голливуд на так называемом серебряном экране изображает людей моей профессии, я не особо впечатлился.

С другой стороны, Долорес Додд была самой красивой женщиной, которая когда-либо хотела воспользоваться моими услугами, и вот это действительно произвело на меня впечатление. Достаточно, чтобы, когда она позвонила мне в том октябре и попросила приехать в её «Уличное Кафе» у Палисейдс⁷ в Монтемар-Виста, я отправился туда, задавшись вопросом, будет ли она настолько же красивой во плоти, как на целлулоидной плёнке.

Когда я выехал на шоссе Пасифик-Коуст, было ясное прохладное утро с голубым небом, господствующим над бескрайним сверкающим морем. Пеликаны играли в пятнашки с разбивающимся прибоем, пролетая прямо под изгибами белогубых волн. Яхты, похожие на детские игрушечные кораблики, шли по морю где-то там, между мной и горизонтом. Казалось, что я мог бы протянуть руку к одной из них, чтобы схватить и попытаться получше рассмотреть, а может быть, и обнюхать, подобно Кинг-Конгу, оценивающему нижнее бельё Фэй Рэй⁸.

«Уличное Кафе Долорес Додд», как гласил рекламный щит на заднем склоне холма, представляло собой широко раскинувшуюся двухэтажную гасиенду размером с выброшенный на берег роскошный лайнер. Над его центральным входом, самым большим из множества арочных проемов, возвышалась трехэтажная башня, напоминающая приземистый маяк. Машин было немного — время приближалось к десяти утра, слишком рано, чтобы собрать на ленч толпу страждущих, а для коктейлей было ещё рано даже для Марлоу. И не говорите.

Она ожидала в безлюдном коктейль-баре, в котором соперничество массивных деревянных балок в традиционном испанском стиле с мебелью из хрома и кожи и кирпичного бара из хрома и стекла закончились вничью. Она была крупной блондинкой, у которой было больше изгибов, чем у шоссе впереди, с правильным количеством холмов и долин. Одета в облегающее летнее белое платье, она, скрестив ноги, сидела на одном из барных стульев; и вовсе необязательно упоминать, что это были самые красивые ноги на планете. Я просто не смог бы доказать обратного. Я не настолько хороший детектив.

— Филип Марлоу? — спросила она, от улыбки на её щеках появились ямочки, следом уже целиком заулыбалось её лицо в форме сердечка, а весь мир тоже улыбнулся, не исключая меня. Она не сдвинулась с места, просто протянула руку так, что это одновременно было и небрежно, и по-королевски.

Я взял её за руку, не зная, то ли её стоит поцеловать, то ли пожать, или следуют вложить в книгу, как цветок, который хочется сохранить. Я смотрел на неё в лёгком смущении; она была настолько привлекательной, что я не знал, куда направить свой взгляд, и, куда бы я

⁷ Пасифик-Палисейдс — район в Вестсайде Лос-Анджелеса, штат Калифорния, расположенный примерно в 20 милях (32 км) к западу от центра Лос-Анджелеса.

⁸ Фэй Рэй (15 сентября 1907 — 8 августа 2004) — американская актриса канадского происхождения, известная прежде всего благодаря исполнению роли Энн Дэрроу в фильме «Кинг-Конг» (1933).

не посмотрел, всё равно чувствовал себя не в своей тарелке. И ничего не мог с собой поделать.

Её кожа имела бледно-кремовый оттенок, а волосы были почти белыми. В прессе её называли блондинкой цвета мороженого. И было понятно почему.

Затем я добрался до её глаз. Конечно же, они были синими, васильково-синими; и с длинными и густыми ресницами, настоящая Маккой⁹, не какая-то дешёвая подделка. И в то же время это были самые печальные глаза, в которые я когда-либо заглядывал. Улыбка застыла на моём лице, как будто я взглянул в лицо Медузы Горгоны, а не двадцатидевятилетней бывшей учительницы шестых классов из Массачусетса, выигравшей когда-то конкурс талантов.

– Что-то не так? – спросила она. Затем она похлопала по табурету рядом с собой.

Я сел и сказал:

– Всё в порядке. Просто раньше у меня не было в клиентах кинозвезды.

– Понятно. Мне Вас очень рекомендовали.

– О?

У неё был низкий, хрипловатый голос, в котором не было вымученности или наигранности; она была такой, какой была бы Мэй Уэст, если бы Мэй Уэст не была карикатурной.

– Мой друг из офиса окружного прокурора в центре. Он сказал, что Вас уволили, потому что Вы чересчур честный.

– На самом деле, я предпочитаю считать, что ушёл сам. И мне не нравится думать, что я чересчур честен.

– О?

– Просто достаточно честен.

На это она широко улыбнулась, продемонстрировав зубы, которые были белее, чем может передать кинокамера.

– Могу я предложить Вам что-нибудь выпить, мистер Марлоу?

– Ещё немного рановато.

– Знаю. Так могу я предложить Вам выпить?

– Конечно.

– Что-нибудь особенное?

– Меня устроит всё, где нет маленького бумажного зонтика.

Она угостила меня ржаным и себе плеснула того же. Это мне в женщинах нравится.

– Вы слышали о Брюнете Лэрде? – спросила она, вернувшись на свой барный стул.

– Слыхал о нём, – ответил я. – Но никогда не встречался.

– Что Вы о нём знаете?

Я пожал плечами.

– Крупный игрок. Управляет казино по всей Южной Калифорнии. С каждым днем их всё больше и больше.

Она взмахнула в воздухе длинным красным ногтем, как будто отгоняла жука.

– Полагаю, Вы заметили башню над моим рестораном.

⁹ Идиома, означающая что-то настоящее, неподдельное, отличающееся высоким классом и качеством. Как одноименный художественный фильм 1993 года с неподражаемой Ким Бэйсингер.

-
- Будьте уверены.
- Я живу на втором этаже, а башня надо мной довольно просторная.
- Вы имеете в виду, что она достаточно велика для казино.
- Верно, – кивнула она. – Ко мне несколько раз приходил Брюнет. Я каждый раз ему отказывала. Но, в конце концов, ведь с таким расположением и моей клиентурой казино может приносить неплохую прибыль.
- С юридической точки зрения у вас всё хорошо. Зачем думать о плохом?
- Согласна. Но если у меня возникнут какие-то проблемы с законом, то это будет скандал, а Голливуду не нужны скандалы. Вы же знаете, что скоро будет суд над Басби Бёркли.
- Известный режиссёр и хореограф, создатель стольких пустых иллюзий, совершил тройное убийство, управляя автомобилем в пьяном виде недалеко отсюда.
- Но теперь, – сказала она, нервно поджав губы, – я начала получать записки с угрозами.
- Конкретно от Брюнета?
- Нет. На самом деле, это записки о вымогательстве. Просят меня заплатить Арти Льюису. Знаешь его? Он – руководит оркестром.
- Почему ему?
- Он у Брюнета в кармане. Из-за долговых расписок. А мы с Арти раньше встречались. Сейчас он живёт в Сан-Франциско.
- Понятно. Ну, а с копами Вы разговаривали?
- Нет.
- Почему нет?
- Не хочу, чтобы у Арти были неприятности.
- Вы разговаривали с Арти?
- Да, и он утверждает, что ничего об этом не знает. Ему не нужны мои деньги. Он даже не хочет, чтобы я вернулась — у него новая девушка.
- Хотел бы я увидеть девушку, которая могла заставить забыть Долорес Додд.
- Итак, – сказал я, – Вы хотите, чтобы я во всём разобрался. Могу я увидеть те записки?
- Нет, – сказала она, тряхнув своими белокурыми локонами, напоминающими причёски древнегреческих богинь, – дело не в этом. Я сожгла их. Ради Арти.
- Но, ради всего святого, – сказал я, – при чём тут я?
- Мне кажется, за мной следят. Мне нужен телохранитель.
- Я удержался от того, чтобы окинуть её голодным взглядом и отпустить колкость. Она была весьма симпатичной женщиной, и тот факт, что её тело принадлежало к тому типу, право охраны которого, следовало бы оплачивать самому детективу, казался не заслуживающим упоминания. О себе упомянул мой гонорар.
- Двадцать пять в день плюс расходы, – сказал я.
- Прекрасно, – сказала она. – Можете заказывать здесь всё, что угодно. И напитки тоже. Просто подписывайте счёта.
- Отлично, – ухмыльнулся я. – Интересно, какую ещё выгоду можно получить от этого рэкета.
- Можете стать моим шофёром.
- Что ж...
- У Вас с этим проблемы, мистер Марлоу?
-

– У меня есть лицензия частного детектива и разрешение на ношение оружия. Но у меня нет лицензии на оказание услуг шофёра.

– Думаю, водительских прав будет вполне достаточно, – её губы раскрылись как для весёлого поцелуя. – В чём настоящая проблема, Марлоу?

– Я не ношу форму. Строго в штатском.

Она натянуто улыбнулась, и, криво усмехнувшись, сказала:

– Хорошо, сохраняйте достоинство... Но Вы должны позволить мне оплатить стоимость пары новых костюмов для вас. Я включаю их в сделку.

– Хорошо, – ответил я.

Так что на следующие два месяца она стала моим единственным клиентом. Я работал на неё шесть дней в неделю — с понедельника по субботу. По воскресеньям Бог, Марлоу и Додд отдыхали. Я возил её в ярко-красном «паккарде» с откидным верхом, машине, предназначенной для блондинок в жемчугах с развевающимися на ветру волосами. Конечно же, она садилась сзади. Почти каждый день я доставлял её в студию Хэла Роуча, где она участвовала в мюзикле с Лорелом и Харди. Я ожидал её в разных тёмных уголках звукозаписывающей студии, наблюдая под ярким светом за каждым её движением. В чёрном парике, кружевном корсете и облегающей цыганской юбке Долорес была одной из тех девушек, которую можно привести домой познакомиться с мамой, и если маме она не понравится, то к чёрту маму.

Вечерами она посещала клубы, главным образом «Трокадеро» и «Эль Мокамбо». Я сидел в коктейль-баре, спокойно пил и ждал, пока она со своими многочисленными кавалерами отправится по домам. Некоторые из этих парней были шикарными типами, появляясь с которыми на публике она оказывала студии; с парой других она провела ночь.

Не люблю распространяться вне школы о том, что происходит внутри, но эту историю вообще не стоило бы рассказывать, если откровенно не признать одного: Долорес спала со всеми подряд. Позже, когда газетёнки начали распространять слухи об алкоголе и наркотиках, всё это оказалось чушью. Но Долорес была общительной женщиной. Она была полна очарования, и щедро этим пользовалась.

– Марлоу, – сказала она однажды вечером в начале декабря, когда я, как обычно, высадил её и проводил до входной двери «Кафе», – мне кажется, я в тебя влюблена.

В этот вечер она оставалась одна, уже сыграв подружку одного из этих голливудских забавных парней для Луэллы Парсонс¹⁰ и компании. Одна, и только со мной.

Она обхватила меня за талию. От неё пахло спиртным, как и от меня, но никто из нас не был пьян. Она мягко купалась в лунном свете и аромате «шанели номер пять».

Она поцеловала меня своими, напоминающими рой пчёл, губами, жая так же нежно, как и глубоко.

Я отодвинулся.

– Нет. Мне жаль.

Она поморщилась.

– Что не так?

– Я наёмный работник. А тебе сегодня просто одиноко.

Её глаза, в которые я редко заглядывал из-за глубины таившейся в них печали, посуровели.

– А тебе никогда не бывает одиноко, ублюдок?

¹⁰ Луэлла Парсонс (6 августа 1881, Фрипорт — 9 декабря 1972, Санта-Моника) — американская журналистка, кинообозреватель и колумнист.

Я сглотнул.

– Никогда, – сказал я.

Она занесла руку, чтобы вклепить мне пощечину, но вместо этого просто коснулась моего лица. Нежно, как океанский бриз, и сегодня вечером этот бриз был нежен, так нежен.

– Спокойной ночи, Марлоу, – сказала она.

И проскользнула внутрь.

– Спокойной ночи, – сказал я, ни к кому не обращаясь.

Потом к себе:

– Спокойной ночи, Марлоу, чётов болван.

Я отогнал «паккард» в гараж, который был пристроен к бунгалу над ресторанным комплексом; для этого мне нужно было, повернув направо, проехать по Монтемар-Виста-роуд до Серетто-Уэй. Оштукатуренное в средиземноморском стиле бунгало на Кабрильо, как и многие дома в Монтемар-Виста, взбиралось по склону холма подобно выходящей виноградной лозе. Им владел партнёр Долорес Додд по «Кафе», кинорежиссёр и продюсер Уоррен Истман. У Истмана была такая же квартира над рестораном, как и у Долорес, а также бунгало, и, казалось, он жил то тут, то там.

Мне было интересно, какая сделка была заключена между Истманом и моим клиентом, но я никогда этим напрямую не интересовался. Истман был худощавым, щеголеватым мужчиной лет сорока с небольшим, с заостренным подбородком, маленькими усиками и «мысом вдовы»¹¹, вокруг которого его гладкие черные волосы зачесывались назад, придавая его лицу ромбовидную форму. Он часто сидел в коктейль-баре с «кровавой мэри» в одной руке и сигаретой в мундштуке в другой. Он всегда вёл дела с киношниками.

– Марлоу, – подозвал он меня однажды однажды вечером к бару. Сидел он на том же стуле, что Долорес в то самое первое утро.

– Это Ник ДеСиро, агент по поиску талантов. Ник, а это ищайка, которую наняла Долорес, чтобы он защитил её от крупного преступного игорного синдиката.

ДеСиро был ещё одним красивым смуглым мужчиной, немного старше Истмана, хотя у и него не было усов и залысин режиссёра. Одет он был в белый костюм и тёмную спортивную рубашку с расстегнутым воротом, открывавшим пышную чёрную растительность на груди.

Я пожал ДеСиро руку. Его пожатие было крепким и влажным, как пригоршня снятого с почвы верхнего слоя.

– Ники – бывший муж твоей клиентки, – сказал Истман, помахивая сигаретой в мундштуке, пытаясь придать себе тот непринужденный декадентский вид, в котором так усердно трудится Голливуд.

– Мы с Долорес остались приятелями, – сказал ДеСиро, прикуривая заграничную сигарету блестящей серебряной зажигалкой, которую он затем захлопнул бессмысленно широким жестом. – Мы расстались любовно.

– А я слышал, что из-за жестокого обращения, – сказал я.

ДеСиро нахмурился, и Истман вмешался с бойкой многословностью:

– Не верь всему, что прочтёшь в газетах, Марлоу. Кроме того, нужна же причина для развода.

– Ты должен был с таким сталкиваться по своей работе, – сказал ДеСиро, и в его тонком голосе прозвучало раздражение.

¹¹ Линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз.

-
- Я не занимаюсь разводами, – ответил я.
 - Ну, конечно, – сказал ДеСиро.
 - Не я. Если вы, джентльмены, извините меня...
 - Марлоу, Марлоу, – сказал Истман, касаясь моей руки, – не будь таким обидчивым.
- Я подождал, пока он уберет руку с моего плеча, затем сказал:
- Вы что-то хотели, мистер Истман? Я не любитель этой голливудской болтовни.
 - Мне не нравятся ваши манеры, – сказал ДеСиро.
 - Никому не нравятся, – ответил я. – Но мне недостаточно много платят, чтобы я обращал на это внимание.
 - Марлоу, – сказал Истман, – я просто пытался убедить Никки, что мой новый фильм идеально подходит для одного из его клиентов. Я снимаю детектив. Об идеальном преступлении. Идеальное убийство.
 - Такого животного не существует, – сказал я.
 - О, правда? — отозвался ДеСиро, приподняв бровь.
 - Убийство и, вообще, преступление – не точная наука. Всё планирование в мире не сможет учесть человеческого фактора.
 - Тогда чем объяснить, – лукаво спросил Истман, – сотни убийств, которые в этой стране остаются нераскрытыми?
 - Криминалистика — более точная наука, чем убийство, – признал я, – но в этом мире много коррумпированных копов – и много просто тупых.
 - Тогда идеальные преступления *существуют*.
 - Нет. Только нераскрытые. И далёкие от совершенства следователи. Доброго вечера, джентльмены.
- Это был самый обстоятельный разговор, который состоялся у меня с Истманом или ДеСиро за всё то время, что я проработал у мисс Додд, хотя время от времени мы здоровались в «Кафе».
- Но Истман был женат на актрисе по имени Миранда Даймонд, горячей латиноамериканке, чьи родители были родом из Мехико, хотя сама она выросла в Бронксе. Она воображала себя следующей Лупе Велес¹² и была такой же чувственной, хотя её красивые черты всегда оставались твёрдыми, как надгробный камень.
- Однажды вечером она загнала меня в угол в «Кафе», в коктейль-баре, где я выпивал, будучи на работе.
- Ты придурок, – сказала она.
- Раньше нам не приходилось разговаривать.
- Надеюсь, Вы употребили этот термин в самом лучшем смысле, – сказал я.
 - Ты охраняешь эту суку, – сказала она, усаживаясь рядом со мной на диван из кожи и хрома. Её ноздри раздувались; и если бы в руках у меня был красный плащ, я бы его бросил и ринулся к трибуне.
 - Да, мисс Додд – моя клиентка, мисс Даймонд.
- Она улыбнулась.

¹² Марія Гвадалупе Вильялбос Велес (18 июля 1908, Сан-Луис-Потоси, Мексика — 13 декабря 1944, Лос-Анджелес, США), более известная как Лупе Велес) — американская актриса, родом из Мексики, сделавшая успешную карьеру в Голливуде в 1930-е и 1940-е годы.

-
- Ты меня знаешь.
- О да. А ещё я знаю достаточно, чтобы называть Вас при определённых обстоятельствах миссис Истман.
- Мы с мужем живем отдельно.
- Ах.
- Но мне бы не помешала небольшая помощь в суде по разводам.
- Какая именно?
- Его фотографии с этой сучкой в постели. – Она произнесла «этой» как «тобой».
- Это бы Вам помогло.
- Да. Видишь ли... у моего мужа есть похожие фотографии, на которых я запечатлена с одним джентльменом в компрометирующих позах.
- Понимаю, иногда в такой ситуации застают даже миссионеров. – Я предложил ей сигарету, она её приняла, и я зажёл её и свою. – И если бы у Вас были подобные фотографии, Вам бы удалось добиться более выгодного соглашения.
- Вот именно. Интересно?
- Я не занимаюсь разводами. И не продаю клиентов. Это конфликт интересов.
- Она улыбнулась; положила руку мне на бедро.
- Я могу сделать, чтобы это того стоило. Финансово и... во всём остальном.
- Рождество ещё не наступило, а две богини, сошедшие с экрана, уже хотели залезть ко мне в постель. Должно быть, я действительно что-то из себя представлял.
- Нет, спасибо, сеньорита. Я сплю в одиночестве... Только со своей совестью.
- Затем она предложила мне проделать с собой то, что она только что предлагала мне. Идеи её переполняли.
- Меня тоже. Я был почти уверен, что у Долорес и Истмана действительно был роман, но он был из разряда «включить/выключить». Иногда они были нежны друг с другом, в этой тошнотворной сюсюкающей голливудской манере; а следующим вечером он был к ней холоден; следующим же холодна с ним была она. Это была любовь — я узнал её, — но такая, которая рано или поздно взорвётся, как перегретый двигатель.
- За десять дней до Рождества знаменитый британский комик, настолько знаменитый, что я, чёрт возьми, даже никогда о нём и не слышал, почтил Долорес ужином у «Трока». Наверху, за столиком на двенадцать персон, в шикарной кремово-золотой столовой, Долорес чествовали её друзья из шоу-бизнеса, в то время как я сидел внизу, потягивая ржаной виски за полированной медной стойкой бара обшитой дубовыми панелями «Подвальной гостиной», с такими же ненастоятько знаменитыми, чтобы находиться наверху. Я уж точно не чувствовал себя как отполированный медный пятак. Я был просто шофёр с пистолетом и красивой клиенткой, которой сейчас был не нужен.
- Что было мне точно известно: за те два месяца, что я работал на Долорес, я не заметил, чтобы за ней кто-нибудь следил, за исключением нескольких поклонников, которых я не стал бы осуждать. Думаю, я и сам был немного влюблен в эту блондинку с волосами цвета сливочного мороженого. Но она была моей клиенткой и спала с кем попало, а ни одна из этих черт не привлекала меня в девушках.
- Примерно через полчаса после того, как устроился внизу, я услышал наверху крик. Женский крик, крик, который, возможно, принадлежал Долорес.
- Я бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки за раз, и когда я ворвался в шикарный обеденный зал, в руке у меня был пистолет. Обычно, когда я
-

появляюсь в шикарных обеденных залах с пистолетом в руке, все взгляды устремляются на меня. Но не в этот раз.

Долорес пыталась добраться до своего бывшего мужа, у которого это вызывало смех. Её удерживала Пэтси Питерс, темноволосая комедийная актриса с резиновым лицом, которая была партнершей Долорес по двухсерийным лентам. ДеСиро, в белом смокинге, держал под руку старлетку, блондинку лет двадцати с вырезом до самых туфель. Старлетка выглядела испуганной, а ДеСиро громко смеялся.

Я убрал свой пистолет и заменил Пэтси Питерс.

– Мисс Додд, – я мягко прошептал ей в ухо, удерживая за обе руки сзади, – не делайте этого.

На мгновение она обмякла, затем выпрямилась и с чопорным достоинством произнесла:

– Со мной всё в порядке, Филип.

Это был единственный раз, когда она меня так назвала.

Я её отпустил.

– В чём проблема? – спросил я. Вопрос был обращён и к Долорес Додд, и к её бывшему мужу.

– Он поставил меня в неловкое положение, – сказала она без каких-либо дальнейших объяснений.

Не говоря больше ни слова, я сказал ДеСиро:

– Уходите.

ДеСиро выдавил из себя улыбку.

– Меня пригласили.

– Приглашение отменяется. Уходите.

Его лицо напряглось, и он задумался, чтобы ему сказать или сделать. Но мой взгляд прилип к нему, как магнит к железу, и он просто забрал свою спутницу с её декольте, не забыв прихватить с собой пыль своих следов.

– Вы готовы отправиться домой? – спросил я Долорес.

– Нет, – ответила она с застенчивой улыбкой, пожала мою руку и вернулась к столику на двенадцать персон, где её ожидала компания представителей Голливуда. В конце концов, она была их почётной гостьей.

Спустя два часа и две рюмки я сопровождал её домой. Она сидела в красном «паккарде» на заднем сиденье цвета леденцового яблока в своей норковой шубке, прозрачном вечернем платье лилово-серебристого цвета и бриллиантовом колье и рассказывала мне, что же произошло, при этом ветер развеивал её льдисто-светлые волосы.

– Ники сам где-то заполучил приглашение, – сказала она, почти перекрикивая ветер. – Без моего ведома. Попросил организаторов зарезервировать место за столом рядом со мной. Потом он опоздал, пришёл с этой девушкой, с этой маленькой старлеткой, а это, как ты, возможно, заметил, почти то же самое, что шлюха, и устроился за другим столиком, оставив меня на вечеринке в мою честь сидеть рядом с пустым местом. Он сидел там и обнимался с этой маленькой шлюшкой, тогда я встала, подошла к ним и высказала всё, что думаю. Это... немного вышло из-под контроля. Спасибо, что вмешался, Марлоу.

– Вы мне за это платите.

Некоторое время она сидела молча; слышно было только ветер. Был холодный субботний вечер, такой же холодный, как охлажденный мартини. Я спросил, не хочет ли она поднять

на кабриолете верх, но она ответила «нет». Когда мы медленно двигались по Сансет, она начала оглядываться назад.

– Марлоу, – сказала она, – за нами кто-то следит.

– Не думаю.

– Говорю тебе, за нами кто-то следит!

– Я слежу в зеркала. У нас всё в порядке.

Она наклонилась вперед и сжала мне плечо.

– Пошевеливайся! Ты же не хочешь, чтобы меня похитили или убили? Ради бога, это могут быть гангстеры Брюнета!

Здесь командовала она. Я нажал на педаль. На скорости около семидесяти миль в час¹³ мы плыли на запад, следуя изгибам Сансет; на пересечении бульвара и прибрежного шоссе была станция техобслуживания, и я притормозил.

– Что ты делаешь? – встрепенулась она.

Я повернулся и взглянул в испуганные голубые глаза.

– Я собираюсь заправиться и понаблюдать. Посмотреть, не появится кто-нибудь, или может кто подозрительный проедет мимо. Не волнуйтесь. Я вооружен.

Я внимательно осматривал каждую машину, проезжавшую мимо станции. И не увидел никого или ничего подозрительного. Затем я заплатил служителю, и мы направились по прибрежному шоссе на север. Ехали мы аккуратно и медленно.

– Я должна тебя уволить, – сказала она, надув губы.

– Это моя последняя ночь, мисс Додд, – сказал я. – Мне нравится работать за деньги. А я чувствую, что Ваши просто беру.

Она наклонилась вперед и снова сжала мое плечо.

– Нет, нет, говорю тебе, я напугана.

– Почему?

– Я... Я просто чувствую, что ты мне всё ещё нужен рядом. Ты даёшь мне чувство безопасности.

– Вы получали ещё какие-то записки?

– Нет. – Теперь её голос звучал очень тихо.

– Если это произойдёт, позвони мне или копам. Или всем сразу.

Было два часа ночи, когда я остановил большую машину перед широко раскинувшимся «Уличным кафе». Я дрожал от холода; дул морской бриз, Старик Зима¹⁴ мстил Калифорнии. Я повернулся и снова взглянул на неё. Я улыбнулся.

– Провожу Вас до двери, мисс Додд.

Она в ответ тоже улыбнулась, но на этот раз улыбка не осветила ни её лицо, ни мир, ни меня. На этот раз улыбка была такой же печальной, как и её глаза. И даже печальнее.

– В этом нет необходимости, Марлоу.

– Уверены?

– Да. Сделай мне одолжение. Останься ещё на неделю. Всего лишь на неделю, неважно решу ли я взять тебе замену или... ну, что?

¹³ Больше 112 км/ч.

¹⁴ Старик Зима – олицетворение зимы. Название является разговорным выражением зимнего сезона, происходящим из древнегреческой мифологии и языческих верований Старого Света.

– Хорошо.

– Отправляйся домой, Марлоу. До понедельника.

– До понедельника, – сказал я и проводил её взглядом до входной двери «Кафе». Затем я отогнал «паккард» в гараж наверху, на Пэлисейдс, сел в свой пыльный неэлегантный «мармон» 1925 года выпуска и отправился к себе домой в Берглунд в Голливуде. У меня было предчувствие, что Долорес Додд не придёт сегодня разбирать постель у себя дома.

Моё предчувствие оказалось верным, но по другой причине.

В понедельник утром, солнечным, но прохладным, если уже и не холодным, я заехал на одну из парковок рядом с «Кафе»; было около половины одиннадцатого, и моя машина оказалась тут единственной. Большая входная дверь была заперта. Я стучал, пока внутрь меня не пустила уборщица-испанка. Она сказала, что этим утром ещё не видела мисс Додд. Из кухни я поднялся по отдельной лестнице, которая вела к двум квартирам. Дверь на верхней площадке лестницы была не заперта; за ней находились смотрящие друг на друга двери двух квартир. Я постучал в её дверь.

– Мисс Додд?

Ответа нет.

Я ещё какое-то время я продолжал стучать в дверь, потом пошёл и снова нашёл уборщицу.

– Мария, ты не знаешь, где может быть мисс Додд? Кажется, её нет у себя.

– Возможно, она осталась у мастера Истмана.

Я кивнул, собрался уходить, а затем оглянувшись и вслед запоздавшей мысли добавил:

– А вчера ты её видела?

– Я не работаю по воскресеньям.

Что ж, Мария, как Господь, Марлоу и Долорес Додд, отдыхала по воскресеньям. Не могу её за это осуждать.

Я подумал о том, чтобы прокатиться на машине наверх окружным путём, потом послал эту идею к чёрту и начал восхождение по бетонным ступеням пешеходного моста, который дугой выгибался над шоссе сразу же за «Кафе». Эти ступени, все двести восемьдесят, ведущие прямо вверх по крутому холму, были единственной прямой дорогой от прибрежного шоссе к бунгало на улице Кабрильо. Принесённый ветром песок покрывал ступени, а оцинкованные перила были холодными и влажными, как рукопожатие лжеца.

Я кряхтел, прокладывая себе путь к вершине. Начал я молодым человеком, достиг среднего возраста продвинувшись вперёд на сто шагов и теперь был готов отправиться напрямик в дом престарелых. Я уселся на верхнюю ступеньку, холодную и мокрую, и высыпал песок из своих потёртых «флоршеймов»¹⁵, радуясь, что последние несколько недель не утруждал себя их чисткой. Затем я встал и взглянул вниз, на этот головокружительный ступенчатый обрыв, туда, где от песка и моря отражалось солнце. Пляж ослеплял, океан ослеплял. Это было красиво, но на это было больно смотреть. Чайка с неуклюжей грацией билась с ветром, как боксёр, проигрывающий в последнем раунде.

Вскоре я уже стучался в парадную дверь Истмана. Никто не отзвался. Пошел проверить, на месте ли машина моего клиента, распахнул усеянную чёрными заклёпками синюю дверь гаража. Машина действительно была там, красный «паккард» с откидным верхом стоял рядом с «линкольн-седаном» Истмана.

Моя клиентка тоже была там.

¹⁵ Florsheim Shoes — обувной бренд в США.

Она полулежала на переднем сиденье «паккарда», распростёршись на руле. На ней все еще были норка, розовато-лиловое с серебром платье и бриллиантовое кольцо, всё то, в чём она была в субботу вечером у «Трока». Но её одежда была мятой, в таком беспорядке, который наводил на мысли о неубранной постели; и спереди на платье было немного крови, свернувшейся рубинами под бриллиантами. На её лице тоже было немного крови, на её белом, очень белом лице.

У неё всегда была бледно-кремовая кожа, но сейчас она была белой, как подвенечное платье. Пульса на шее не прощупывалось. Она была холодной. С момента её смерти уже прошло какое-то время.

Я стоял и смотрел на нее и, может быть, плакал. Это ведь касалось меня, нет? Затем я вышел и поднялся по боковой лестнице к мансарде над гаражом и разбудил пожилого человека по фамилии Джонс, который там жил; он работал бухгалтером в «Уличном кафе». Я спросил его, есть ли у него телефон, и он ответил, что есть, и я им воспользовался.

Я рассказал свою историю людям в форме четыре раза, прежде чем появились люди из Центрального отдела по расследованию убийств. Старшим детективом был лейтенант Рэндалл, худой, мрачный, отстранённый мужчина лет сорока пяти с гладкими густыми седыми волосами и ледяными глазами. Его коричневый габардиновый костюм был недорогим, но хорошо отглаженным. Свою лёгкую фетровую шляпу зелёного цвета в знак уважения к покойной он держал в руке.

Из уважения же ко мне он выслушал мою историю, когда я рассказал ее в пятый раз. Но, казалось, он не придал ей особого значения.

– Так говорите, что эта женщина была убита, – сказал он.

– Я говорю вам, что на неё давили парни из игорного синдиката, а она не сдавалась.

– И ты был её телохранителем, – сказал Рэндалл.

– Ну, и телохранитель, – сказал ещё один из отдела убийств, грубая тень Рэндалла, хрустнул костяшками пальцев и рассмеялся. Мы были в гараже, и смех гулким эхом отражался от цемента, как баскетбольный мяч, прыгающий по пустой площадке.

– Да, я был её телохранителем, – натянуто сказал я Рэндаллу. – Но по воскресеньям я не работал.

Рэндалл кивнул. Он подошёл к кабриолету и взглянул на труп. Фотограф из отдела по расследованию убийств делал снимки; хлопки и вспышки света сопровождали передвижения Рэндалла вокруг машины, как будто он был звездой на церемонии открытия где-нибудь в Голливуде.

Я вышел на улицу. Запах смерти достаточно неприятен и тогда, когда погиб тот, кого ты не знал; а когда умирает кто-то, кого ты знаешь, это как приступ астмы в парилке.

Рэндалл нашёл меня, когда я закуривал свой второй «кэмэл», прислонившись к оштукатуренной стене гаража.

– Похоже на самоубийство, – сказал он.

– Конечно. Так и должно быть.

Он приподнял бровь и повел плечом.

– Зажигание включено. Угарный газ.

– Двигатель не работал, когда я приехал.

– Скорее всего, бензин давно уже кончился. Если то, что ты говоришь, соответствует истине, то она здесь с ночи субботы... то есть с раннего утра воскресенья.

Я пожал плечами.

– По крайней мере, на ней та же самая одежда.

– Когда мы установим время смерти, то всё прояснится.

– Да? Посмотрим, что по этому поводу скажет коронер.

Ледяные глаза Рэндалла окончательно застыли.

– Почему?

– Из-за резкого похолодания, которое было в последние три дня. Сегодня утром теплее, но в воскресенье вечером, Господи... Этот морской бриз был просто убийственным, если вы простите мне это выражение.

Рэндалл кивнул.

– Возможно, было достаточно холодно, чтобы замедлить разложение, ты ведь это имеешь в виду.

– Пожалуй.

Он водрузил шляпу обратно на голову.

– Нам надо поговорить с этой пташкой, Истманом.

– Сейчас скажу. Он, скорее всего, на студии. «Парамаунт». Когда у него съёмки, то, ещё до рассвета, за ним утром, заезжает лимузин.

Рэндалл отправился в мансарду старика Джонса позвонить. Я докурил свою сигарету.

Грубоватый напарник Рэндалла вышел из гаража и положил руку на плечо молодому полицейскому в форме, который, казался смущённым подобным вниманием.

– Блондинка цвета мороженого, да? – сказал большой коп. – Я бы и сам не отказался от пары ложечек.

Я похлопал грубияна по плечу, он повернулся ко мне и глупо сказал: «А?», а я отвесил ему затрещину. Он рухнул, как подорванное здание.

Но не вырубился.

– Ты заплатишь за это, ублюдок, – сказал он голосом хулигана со школьного двора, которым и остался. Он потрогал кровь в уголке рта, поднялся с цемента.

– Ты отправишься в чёртову тюрьму за то, что ударил чёртова копа.

– Сначала найди свидетелей, – сказал я.

– У меня есть, – ответил он, но повернувшись, увидел, что молодой полицейский исчез.

Я подошёл к нему и встал, пряжка к пряжке, а затем изобразил улыбку, которая не имела с улыбкой ничего общего.

– В любое время, когда захочешь рассчитаться со мной, как мужчина с женщиной, то легко меня отыщешь.

Он попробовал свою кровь на вкус, захлопал ресницами как девчонка, пробормотал что-то неразборчивое и исчез внутри гаража.

Рэндалл спустился по деревянным ступенькам, и с твёрдой улыбкой остановился передо мной.

– Только что разговаривал с Истманом. Конечно, потом мы допросим его для протокола, но то, что он сказал, возможно, кое-что объясняет.

– О?

Он кивнул.

– Да. Он говорит, что не видел её в ту ночь после вечеринки. По-видимому, около полуночи он запер дверь на лестничной клетке. Ту самую дверь, которая ведёт к обеим

квартирам над «Кафе». Он сказал, что, ему показалось, что мисс Додд упоминала, что собиралась к матери той ночью.

– Хотите сказать, что она не смогла попасть внутрь?

– Верно.

– Но, чёрт возьми, мужик, она бы постучала.

– Истман говорит, что если она и стучала, то он её не слышал. Говорит, что всю ночь был сильный ветер, внизу шумел прибой; он полагает, что это заглушало всё остальное.

Я ухмыльнулся.

– Он и правда так думает? Итак, что же, по Вашему, случилось?

– Ну, когда мисс Додд обнаружила, что не может попасть к себе домой, она, должно быть, решила подняться вверх по лестнице, потом дошла до гаража и провела остаток ночи в своей машине. Должно быть, ей стало холодно, и она включила двигатель, чтобы согреться, тут-то её и достали выхлопные газы.

Я вздохнул.

– Минуту назад Вы говорили о самоубийстве.

– Я всё ещё допускаю такую возможность.

– А что насчёт следов крови на лице и платье?

Он пожал плечами.

– Возможно, она потеряла сознание и ударилась головой о руль, поранив при этом рот.

– Послушайте, если она хотела согреться, зачем ей оставаться в своём открытом кабриолете? Рядом «линкольн», он не заперт, и в нём торчат ключи.

– Я не могу ответить на этот вопрос — пока.

Я покачал головой. Потом ткнул в него пальцем.

– Спросите пожилого джентльмена сверху, слышал ли он, как она открывала двери гаража и заводила холодный двигатель «паккарда» где-то между двумя часами ночи и рассветом. Спросите его!

– Я спрашивал. Он не слышал. Но была ветреная ночь, и...

– Да, и прибой внизу что-то там свирепо сокрушал. Верно. Пойдём, взглянем на её туфли.

– Хм?

Я показал на свои потрепанные «флоршеймы».

– Я только что преодолел эти двести восемьдесят ступенек. Результат — кошмар любого чистильщика обуви. Давайте посмотрим, поднималась ли она по этим ступенькам.

Рэндалл кивнул и повёл меня в гараж. Полицейские ещё не принимались за машину, поэтому лейтенант не стал открывать дверцу, а просто осторожно наклонился внутрь.

Затем он выпрямился, обдумывая увиденное. На мгновение мне показалось, что обо мне он забыл. Затем он сказал:

– Взгляни сам.

Я бросил последний взгляд на прекрасную женщину, которая отправилась в никуда на этой неподвижной машине.

На ней были изящные серебристые туфли на каблуках; они были так же чисты, как хрустальные туфельки Золушки.

На дознании коронер согласился со мной в одном: «Сильный ветер и очень низкая температура, преобладавшая в те выходные, сохранили бы тело дольше обычного времени, необходимого для начала разложения».

В остальном выводы расследования представляли собой клубок противоречий и были такими же неубедительными, как непорочное зачатие. Всплыло несколько новых зловещих фактов. *Внутри* горла у неё обнаружили кровоподтёки. Кто-то засовывал ей в горло бутылку? Уровень алкоголя в ее крови был высоким — 1,3 промилле — намного выше того, который можно было бы объяснить тремя или четырьмя порциями, выпитыми ею у «Трока». И, как выяснилось, в машине оставалось бензин — несколько галлонов. А зажигание, тем не менее, было включённым...

Но окончательный вердикт coronera гласил, что Долорес умерла от отравления угарным газом, «от случайного вдыхания». Тем не менее, газеты писали о самоубийстве, а на улицах Голливуда всё чаще слышалось «замять». Ещё один скандал был никому не нужен. Не после дневников Мэри Астор¹⁶ и смертельных наездов пьяного Басби Бёркли.

Я тоже не купился на вердикт coronera.

Я знал, что три человека в тот понедельник, когда я нашёл Долорес, обращались к властям с сообщением, что видели её в воскресенье, спустя долгое время после того, как она «официально» умерла.

Миранда Даймонд, ныне уже бывшая жена Истмана (их развод, наконец, завершился, по-видимому, довольно мирно), утверждала, что видела Долорес, всё ещё одетую в свой наряд, в котором она была в «Трокадеро», за рулем её примечательного «паккарда» с откидным верхом на углу Сансет и Вайн в воскресенье, в середине утра. Миранда рассказала полицейским, что та была в компании высокого, смуглого, опрятно одетого молодого человека, которого Миранда никогда раньше не видела.

Миссис Уоллес Форд, жена знаменитого режиссера, сообщила, что около четырёх часов дня в воскресенье у неё с Долорес состоялся короткий телефонный разговор. Долорес позвонила, чтобы сказать, что она будет на коктейльной вечеринке у Фордов, и может ли она прихватить с собой «нового симпатичного друга»?

И напоследок, что самое главное, отметил и сам Уоррен Истман. Соседи сообщили полиции, что слышали, как Истман и Долорес сильно ругались в бунгало над рестораном на Кабрильо, в воскресенье утром, примерно во время завтрака. Когда Истмана допросили по этому поводу, он показал, что вышвырнул её вон, и что она выкрикивала непристойности и колотила в дверь в течение десяти минут (и полиция действительно обнаружила следы от ударов на скрытой кустарником двери в гасиендном стиле).

— Это была ссора между влюблёнными, — сообщил Истман репортеру. — Я прослышал, что у неё появился новый парень — какой-то латинос из Сан-Франциско — а она это отрицала. Но я-то знал, что она лжёт.

¹⁶ Мэри Астор (настоящее имя Люсиль Васконселлос Лангханке, 3 мая 1906 — 25 сентября 1987) — американская актриса. В 1936 году её второй муж Троп угрожал использовать на судебном слушании по делу об опеке над их четырёхлетней дочерью Мэрилин личный дневник Астор, в котором говорилось о её связях со многими знаменитостями, включая Джорджа Кауфмана. Официально дневник никогда не был представлен в качестве доказательства, но Троп и его адвокаты постоянно упоминали его. После того, как дневник был украден, Астор призналась, что он существует на самом деле. Признала она и то, что описывала в нём свои отношения с Кауфманом, но уверяла, что многое из того, в чём её обвиняли, является неправдой. Дневник был признан неприемлемым искажённым документом, и судья приказал конфисковать его и опечатать. Астор говорила, что потом дневник был уничтожен с её разрешения.

Истман также сообщил прессе, что реально Долорес не владела никакой долей в «Уличном кафе» своего имени; она ничего в него не вкладывала, кроме как позволила использовать своё имя, за что и получала пятьдесят процентов прибыли.

После коронёрского дознания я позвонил Рэндаллу, и он сообщил мне, что дело закрыто.

– Но мы оба знаем, что чем-то пахнет, – сказал я. – Разве Вы не собираетесь что-нибудь предпринять?

– Да, – ответил он.

– Что именно?

– Я собираюсь повесить трубку.

И он так и сделал.

Рэндалл был хорошим полицейским в плохом городе, честным человеком в системе, настолько коррумпированной, что и Борджиа были бы возмущены. Но он мало что мог поделать с давлением мэрии, на которую, в свою очередь, давили киномагнаты; в Лос-Анджелесе был лишь один большой бизнес, и это киноиндустрия. А я был всего лишь частным детективом с мёртвым клиентом.

С другой стороны, она заплатила мне за то, чтобы я её защищал, а я, в конечном счете, этого не сделал. Я взял её деньги, и мне казалось, что она за них должна что-то получить, пусть даже это будет посмертно.

Я выбрался от себя в понедельник утром — ровно четыре недели спустя, как обнаружил в гараже растаявшую блондинку цвета мороженого, — и в «Кафе», которое всё ещё носило её имя, в коктейль-баре сидел в одиночестве, читал «Варьете» и пил «кровавую мэри» Уоррен Истман. Он устроился меж фотографий и всего через два стула от того места, где сидела она, когда нанимала меня в первый раз. На нём был синий блейзер, кремовый шелковый галстук и белые брюки.

Он опустил газету и взглянул на меня; он был удивлен, увидев меня, и это не было приятным сюрпризом, хотя он и изобразил зубастую улыбку под подергивающимися маленькими усиками.

– Что привело тебя сюда, Марлоу? Мне не нужен телохранитель.

– Не будьте так уверены, – добродушно ответил я, устраиваясь рядом с ним.

Он смотрел на меня свысока сквозь прищуренные глаза; полагаю, его ромбовидное лицо кому-то и казалось красивым, но для меня оно было каким-то резко-угловатым, прямо охотничий нож с волосами.

– Что, – спросил он, – ты хочешь этим сказать?

– Я имею в виду, что знаю, что это ты убил Долорес, – ответил я.

Он рассмеялся и вернулся к своей газете.

– Уходи, Марлоу. Найди какую-нибудь школьницу, которую легко напугать, если ты хочешь именно этого.

– А я действительно хочу кое-кого напугать. У меня только один вопрос... Ваша бывшая жена участвовала с Вами в убийстве или просто была на подпевках?

Он отложил газету. Отпил «кровавой мэри». Его лицо оставалось деревянным, но глаза оживились.

Я гортанно рассмеялся.

– Ты с твоими запутанными загадками. Ты был настолько умен, что почти спланировал свой путь в газовую камеру, так ведь? Со своими маскарадами и шарадами.

– О чём, чёрт возьми, ты говоришь?

– Ты был достаточно умен, чтобы сообразить, что холодная погода может заставить ошибиться в определении времени смерти. И подумал, что это сможет заставить коронера подумать, что Долорес встретила свою судьбу на *следующий* день — возможно, и в воскресный вечер. У тебя нет алиби на утро воскресенья. А ведь именно тогда ты её и убил.

– Правда? Марлоу, я видел её в воскресенье утром за завтраком. Я поссорился с ней, соседи слышали...

– Точно. Они всё *слышали*, но ничего не *видели*. Именно так ты всё и инсценировал, либо с твоей бывшей женой, либо с кем бы она тебе не приходилась, твоей нынешней старлеткой. В общем, с какой-то актрисой, той самой, которая позже позвонила миссис Форд, чтобы принять приглашение на коктейльную вечеринку, а ещё, чтобы распространить слух о новом любовнике из Сан-Франциско. Приятный штрих. Вытаскивает на белый свет слух о гангстерах из Сан-Франциско, которые ей угрожали; был ли «смуглый мужчина», которого Миранда видела боевиком мафии, выдававшим себя за её любовника? Жиголо с пистолетом? А может быть, участником танцевальной группы Арти Льюиса? Пусть копы и газеты гадают. Что ж, но со мной это не пройдет; Я был с ней последние два месяца. В её жизни не было новой серьезной любви, ни в Сан-Франциско, ни где-либо ещё. Ваш «смуглый мужчина» — это маленький латиноамериканский любовник, которого никогда не существовало.

– Миранда *видела* его с ней, Марлоу...

– Нет. Миранда ничего не видела. Она рассказала историю, которую ты хотел от неё услышать; она согласилась, а ты при разводе пошёл ей навстречу. Ты можешь себе это позволить. Теперь ты единоличный владелец «Уличного кафе Долорес Додд». Всё под контролем, никакого вмешательства со стороны звезды с вывески. И теперь можно принять предложение Брюнета Лэрда, так ведь?

Это вздрогнул, как будто его ударили.

– Что?

– Вот поэтому ты и убил Долорес. Она стояла у тебя на пути. А ты хотел наверху устроить казино; это означало бы большие деньги, очень большие.

– У меня есть деньги.

– Да, и ты их тратишь. Ты себе ни в чём не отказываешь. Я проверил. Я уже хорошо тебя знаю, а собираюсь узнать ещё лучше.

Глаза дрогнули на ромбовидной маске его лица.

– О чём ты говоришь?

– Сначала ты пытался её запугать — записки с вымогательством денег, слежка; возможно, Брюнет помогал тебе, а возможно, ты проделал всё сам. Я не знаю. Но потом она наняла меня, и ты ушёл в тень, чтобы придумать что-нибудь новенькое.

Он усмехнулся и лукаво взмахнул своим мундштуком с сигаретой, которую собирался прикурить.

– Я, затаив дыхание, жду, какую же дьявольскую штуку я сотворил в следующий раз.

– Ты решил совершить идеальное преступление. Прямо как в кино. Однажды холодным вечером ты бы убил Долорес, отключив её выпивкой, и, оставив умирать в гараже с включённым двигателем. Затем ты постарался бы создать впечатление, что она всё ещё была жива — в то время, на которое у тебя было прекрасное и неоспоримое алиби.

– В твоих словах нет никакого смысла. Вердикт следствия — смерть от несчастного случая...

– Да. Но предполагается, что время смерти – ночь *перед* тем, как, по вашим словам, вы видели её в последний раз. Ваша мелодрама слишком запутана для простодушных властей, которые и хотели-то всего лишь замять дело. Они пришли к более простому, очевидному, аккуратному решению, что Долорес умерла в результате несчастного случая рано утром в субботу.

Я рассмеялся, но только один раз.

– Ты был так увлечён погоней за «идеальным преступлением», что сам себя обманул, Истман.

– Я и правда, так думал, – сухо сказал он. Это был не вопрос.

– Ваш сценарий нужно было ещё раз переписать. Сначала ты сказал копам, что остались на ночь в квартире над «Кафе» в субботу вечером, заперев дверь на засов около полуночи и случайно оставив Долорес снаружи. Но позже ты сообщил, что видел Долорес на следующее утро, примерно во время завтрака — в бунгало.

Его улыбка дрогнула.

– Возможно, я переночевал в квартире и поднялся позавтракать в бунгало.

– Не думаю. Я думаю, что её убил ты.

– Против меня не выдвинуто никаких обвинений. И никто этого не сделает.

Я посмотрел на него с жёсткостью судьи, выносящего приговор.

– Я сейчас выдвигаю обвинение. Я обвиняю тебя в убийстве первой степени.

Его улыбка стала кривой; он уставился в свой красный напиток. Дым от сигареты в мундштуке вился вверх, как гирлянда.

– Ха. Гражданский арест, так что ли?

– Нет. Закон Марлоу. Я собираюсь тебя убить.

Он пристально посмотрел на меня.

– Что? Ты с ума сошёл...

– Да, сошёл. В том смысле, что я очень разозлился, вот как. В течении года, двух. Я собираюсь тебя убить. Вот только как, я пока не уверен. Только когда, ну... возможно, завтра. Возможно, через месяц. А может, на следующее Рождество. Я ещё не решил.

– Ты не серьёзно!

– Я смертельно серьёзен. Увидимся.

И я оставил его там, в баре, со стаканом «кровавой мэри», которая сама собой перемешивалась у него в руке.

Вот как я поступил с Уорреном Истманом: я провёл две недели, следя за ним и позволяя ему меня заметить. Давая ему понять, что я слежу за каждым его шагом. Заставляя его бросаться на тень, которой я был, да и на все остальные тени тоже.

Затем я остановился. Некоторое время я спал с пистолетом под подушкой, на случай, если у него разыграется честолюбие. Но больше я его не беспокоил.

В Голливуде ходили слухи, что Истман каким-то образом — никто точно не знал каким, но каким-то — замешан в деле Додд. И никто в городе не думал, что это могло быть что-то иное, кроме совершенного убийства. У Истмана так и не было следующей картины. Он превратился из одного из самых горячих режиссёров в городе в самого холодного. Такого же холодного, какими были те выходные, когда умерла Долорес Додд.

«Уличное кафе» перестало привлекать богатых знаменитостей, но с обычными людьми, стремящимися удовлетворить любопытство, всё было в порядке. Истман заработал на этом немного денег, всё верно; но казино там так и не появилось. Сочетание негативной

рекламы и уход клиентуры из высшего общества, должно быть, изменили мнение Брюнета Лэрда.

В течение года после смерти Долорес Додд Истман был помещён в дом отдыха, что является вежливым способом назвать так «психиатрическую больницу» или «сумасшедший дом». Следующие четыре года он то появлялся в подобных местах, то исчезал из них, а затем, одной очень холодной, ветреной ночью, умер от сердечного приступа.

Сдержал ли я свое обещание? Убил ли я его?

Мне хочется думать, что косвенно я это всё-таки сделал. Мне нравится думать, что шофёр-телохранитель, которого не было рядом, когда Долорес Додд совершала ту свою последнюю долгую поездку в ту самую ночь, когда её грустные голубые глаза закрылись навсегда, всё-таки отработал полученные от неё деньги.

Мне нравится думать, что на свой несовершенный лад я совершил идеальное преступление.

Эта история основана на реальных событиях, а именно на возможном убийстве актрисы Телмы Тодд¹⁷. Я позволил себе некоторые вольности, изменяя имена и используя выдуманных персонажей, иногда заменяя реальных участников событий на персонажей Чандлера (например, Брюнет Лэрд заменил Лаки Лучано), и, хотя здесь существует реальная историческая подоплека, «Идеальное преступление» следует рассматривать как художественное произведение. Я изучил ряд книг, посвященных смерти Телмы Тодд, и, в частности, мне хотелось бы сослаться на Марвина Дж. Вулфа и Кэтрин Мадер, авторов «Падших ангелов» (1986).

В романе «Прощай, любимая» (1940) Марлоу ненадолго заходит в уличное кафе, которое принадлежало Тельме Тодд, и поднимается по двумстам восьмидесяти ступенькам на Кабрильо-стрит. (В замечательной книге Элизабет Уорд и Алена Сильвера «Лос-Анджелес Рэймонда Чандлера», вышедшей в 1987 году, есть несколько фотографий этой лестницы на склоне холма — на самом деле ступеней там двести семьдесят, — а также фотографию до сих пор сохранившегося здания, в котором размещалось кафе, сейчас в нём располагается «Паулист Продакшнз», организация по производству католических телевизионных и кинопрограмм.)

Мои романы о детективе из Чикаго Натане Хеллере посвящены реальным преступлениям и вовлеченным в них реальным людям, а их действие происходит в тридцатых-сороковых годах. Мне показалось уместным написать рассказ о Марлоу в манере, присущей историям о Хеллере. Это не значит, что я написал историю о Хеллере и сменил имя героя на Марлоу. Хеллер занимается бракоразводными процессами, наверняка переспал бы с Долорес Додд и взял бы деньги практически у любого, кто бы ему их предложил; и он смог бы запросто убить Уоррена Истмана. У Хеллера есть

¹⁷ Утром 16 декабря 1935 года тело Телмы Тодд было найдено в её собственной машине в гараже актрисы Джеуел Кармер, жены Роланда Уэста, партнёра Тодд по бизнесу. По заключению экспертов её смерть была вызвана отравлением угарным газом. Вечер до этого Тодд провела в компании других звёзд в популярном голливудском ресторане «Трокадеро». Хотя у неё и произошла ссора с бывшим мужем, друзья утверждали, что Телма оставалась в хорошем настроении, и причин для самоубийства у неё не было. В итоге следователи пришли к выводу, что смерть актрисы стала несчастным случаем из-за того, что она решила согреться в автомобиле и уснула. Несмотря на это в прессе поползли разные слухи относительно смерти актрисы. Очень популярным было мнение, что Телма Тодд была убита нью-йоркским гангстером Лаки Лучано из-за того, что отказалась с ним встречаться. Также ходили слухи, что к её смерти причастен её бывший муж Пэт Дисикко.

границы, которых он не переступит, но они кардинально отличаются от тех, которые есть у Марлоу.

Я в большом долгу перед Чандлером. (Мэллори, главный герой нескольких моих романов, назван в честь раннего воплощения Марлоу.) В моих романах о Хеллере идея всегда заключалась в том, чтобы вести рассказ в стиле Марлоу от первого лица, что – в сочетании с присущими ему пронизательностью и обостренной наблюдательностью – позволяет расширить ландшафт повествования в традиционной детективной истории. Сам Чандлер провёл подобный эксперимент в «Долгом прощании» (1954), который был самым длинным романом о частном детективе, написанным от первого лица, до появления моего «Настоящего детектива» в 1983-ем году. В «Мемуарах» Натана Хеллера ландшафт повествования основан на исторических событиях, которым был свидетелем, повествующий о них в традициях Марлоу/Чандлера частный детектив.

У Чандлера было и есть много последователей. Мы, те, кто следует за ним, несём ответственность за то, чтобы почтить его память и его достижения, не подражая ему, а пытаясь сделать так, как сделал он — открывать новые горизонты в этой давно существующей, но обширной области.

Макс Аллан Коллинз

БЕНДЖАМИН М. ШУТЦ

ЧЕРНОГЛАЗАЯ БЛОНДИНКА

1936

Художник Джон Мартинес

Я

ПРОСНУЛСЯ, уткнувшись носом в газету, а в голове у меня трезвонил

телефон. Я покачал головой, и телефон оказался на столе. Рука пауком метнулась к нему, ухватила за горло и заставила замолчать.

– Привет, – сказала она. Её голос дрогнул в обоих слогах.

Когда я не ответил, она попробовала ещё раз.

– Здравствуйте, мистер Марлоу, Вы здесь?

Я заглянул внутрь пиджака, чтобы узнать наверняка, и ответил:

– Да, это Филипп Марлоу.

– О, слава Богу, мистер Марлоу. Меня зовут Франсин Лей Де Русе. Моего мужа зовут Джонни Де Русе. Вы его знаете?

Я знал Джонни Де Русе. Он был игроком из Вегаса. И это он занял место Бенни Сирано. Я не был уверен, что хочу знать больше.

– Да, я его знаю.

– Мне бы хотелось, чтобы Вы проследили за ним, мистер Марлоу. Думаю, он встречается с другой женщиной. Если это так, я хочу, чтобы Вы сделали фотографии.

– Извините, миссис Де Русе, но я не занимаюсь делами о разводах.

– Но мистер Кармади сказал, что Вы лучший. Что Вы именно тот человек, с которым мне бы следовало поговорить.

Старый добрый Тед Кармади, подкидывающий мне иногда кое-какую работёнку. С тех пор, как он познакомился с Джин Эдриан, для всех нас, обычных трудящихся, он стал Санта-Клаусом. А ведь сейчас ещё и ноябрь не наступил.

– Извините, миссис Де Русе. Тед перепутал меня с каким-то другим Филиппом Марлоу. Как я уже сказал, я не занимаюсь разводами.

– Хорошо, Вы знаете, где найти этого другого Филиппа Марлоу?

– Нет, миссис Де Русе, понятия не имею.

– Что ж, извините, что отняла у Вас время, мистер Марлоу, если это, вообще, Ваше имя.

И она как-то бестактно повесила трубку.

– Без проблем, – пришлось мне ответить самому себе.

Я протёр глаза и уставился на крышку стола. И это всё, что я смог? А ведь я просто собирался зайти в офис и перепечатать свои заметки, прежде чем отправиться домой. Но, похоже, у меня ничего не получилось. Я залез в карман и вытащил записную книжку и роман, который читал, «Быстрый», автор некто Пол Кейн. Ходили слухи, что Кейн работал в городе сценаристом, и его настоящее имя было Рурик. Ходили слухи, что и Рурик тоже не было его настоящим именем. Может быть, на самом деле его звали Марлоу.

Я раскрыл блокнот. Всю ночь я провёл, в качестве одолжения для моего друга из офиса окружного прокурора, в слежке за полицейским. Похоже, окружной прокурор был очень недоволен проводимым полицией расследованием недавно происшедшего убийства. Вот меня и попросили меня последить за полицейским, потому что тот не знал меня в лицо. Долгое время он провёл за ужином у «Муссо и Фрэнка» с явно не горюющей вдовой,

прежде чем высадить её у её дома. Следующие два часа я провёл, преследуя его, пока он бесцельно разъезжал по нашему гостеприимному Городу Ангелов.

Я подошёл к раковине в углу, набрал в ладони немного воды и плеснул себе в лицо. Вытирая его насухо, я взглянул на своё отражение в зеркале. Мы выглядели как один и тот же человек, но это было совсем не так. Я действительно знал, куда подевался тот, другой Филип Марлоу. Он исчез вскоре после визита Делано Стайлза.

Я вернулся к своему столу, развернул кресло так, чтобы оно было обращено на восток, и устался на бульвар Кахуэнга. Потом я закрыл глаза, и сюда вернулась весна. Лучи послеполуденного солнца лились так интенсивно, что казались растекающимися по полу маслом. А Делано Стайлз рассказывал мне о своей жене.

Он прошествовал прямо в мой кабинет, сел, наклонился вперёд и сказал мне:

– Мне нужно, чтобы Вы нашли мою жену, мистер Марлоу.

Я оторвал взгляд от шахматной диаграммы, которую изучал, и спросил:

– И зачем?

– Затем, что она ушла. Она сбежала, мистер Марлоу, и забрала с собой моего сына.

Я воспользовался моментом, чтобы взглянуть на то, от чего она убежала. Он был высоким, стройным, костюм в тонкую полоску сидел на нём хорошо. Его чёрные волосы были зачёсаны назад, на висках виднелась седина. Сильные, ровные черты его лица портили нелепые, тоненькие, как будто нарисованные карандашом, усики.

– Давайте сделаем шаг назад, – сказал я. – Как зовут Вас, Вашу жену и Вашего сына?

– Я Делано Стайлз – Он замолчал, чтобы сделать глубокий вдох. Его голос звучал так, словно он преодолел бегом все шесть лестничных пролетов до моего офиса. – Мою жену зовут Моника, а нашего сына зовут Брэндон. Ему пять лет.

– Когда пропала Ваша жена, мистер Стайлз?

– Может быть, пару часов назад. Мне позвонил продавец автомобилей с Уилкоккс. Он сказал, что она пришла к нему и хотела продать машину. Когда он узнал, что машина оформлена на моё имя, то сказал, что не сможет её у неё купить. Он как раз звонил мне, когда она вытащила из машины несколько чемоданов и покинула салон вместе с Брэндоном. Как только я узнал обо всём этом, то сразу же отправился туда разузнать всё поподробнее. Потом я попытался поискать их сам. Но, честно говоря, мистер Марлоу, я не из тех людей, которые могут заставить людей отвечать на вопросы. Поэтому я открыл телефонный справочник, увидел, что Ваш офис находится неподалеку, и сразу же приехал сюда узнать, могу ли я воспользоваться Вашими услугами.

– Извините, мистер Стайлз, но у меня нет никакого опыта в делах о разводах. Я специализируюсь на страховании и уголовных расследованиях.

– На самом деле речь не идёт о разводе, мистер Марлоу. Я хочу вернуть Брэндона, а не жену. Ему всего пять, мистер Марлоу, и он совсем маленький. Ему, должно быть, страшно, ведь его таскают по незнакомым районам, эта женщина, которая утратила способность ясно мыслить.

– Почему Вы так считаете?

– Потому что у неё не было причин поступить подобным образом.

– Она когда-нибудь раньше убегала?

– Нет. Она никогда не делала ничего подобного раньше. Это так... так импульсивно.

Ничто из сказанного Стайлзом до сих пор не преодолело моего отвращения к бракоразводным делам. И, кроме того, у меня в банке было ещё целых семь долларов.

– Не знаю, мистер Стайлз. Семейные дела действительно не по моей части.

Это всё потому, что такие дела всегда казались мне узаконенным шантажом. Два человека пытаются накопить побольше грязи, чтобы потом можно было тыкать в неё носом друг друга, пока один из них не взмолился: «Достаточно!» И я не собирался быть чьей-то лопатой. Но опять же, может быть, на этот раз всё по-другому. Я выжидал, чтобы узнать это.

– Вы женаты, мистер Марлоу?

– Нет.

– Дети есть?

– Нет.

– Тогда Вы не знаете, каково это – потерять кого-нибудь, не так ли? Я люблю своего сына, мистер Марлоу. Мне надо, чтобы он был рядом. Я не хочу, чтобы Моника возвращалась. Я предложу ей справедливые условия. Уверю Вас, подглядывать в замочные скважины Вам не придётся.

Я всё обдумал. Он просто хотел, чтобы нашли его ребёнка. Меня не просили доказать, что мать недостойна жить среди порядочных и богобоязненных людей, не говоря уже о том, чтобы быть замужем и растить ребенка.

– Хорошо, мистер Стайлз, я возьмусь за это дело. Если она попытается сбежать из города, то ей понадобятся деньги. Она обращалась в банк?

– Нет, я позвонил туда перед тем, как приехать сюда. В любом случае, все счета на моё имя.

– У неё есть свои средства?

– Вы имеете в виду её семью? Думаю, нет, её родители фермеры. Они даже не местные. Откуда-то из Арканзаса, из Литл-Рока, что ли.

– Как Вы с ней познакомились? Не похоже, что бы вы вращались в одних и тех же кругах.

– Так и есть. Но здесь, в Голливуде, похоже, все круги пересекаются, Вы так не думаете? Во всяком случае, мне так кажется. Моника была танцовщицей в «Сирано». Там я с ней и познакомился. Она хотела стать актрисой. Признаюсь, я был совершенно ею очарован, мистер Марлоу. Она потрясающая девушка. Но, в последнее время мне кажется, что она больше увлеклась моими связями, а не мной.

Если взглянуть на браки в Голливуде, то этот был ничем не хуже других. Это продолжается до тех пор, пока её внешность и его деньги заставляют друг друга чувствовать себя прекрасно. Когда это перестаёт работать, все, наконец, понимают, что они друг другу чужие, разводятся и заново начинают эту чёртову катавасию.

– Она снималась в каких-нибудь фильмах? – Это могло бы облегчить её поиски. В этом городе все помешаны на узнавании актёров и актрис. Просто находиться с ними в одном городе уже скрашивает чьи-то дни.

– Нет, она нигде не снималась. Мечты Моника превышают её таланты. Даже мне не удалось этого изменить. Кажется, в своих неудачах она винит меня. Я старался дать ей всё, и вот как она мне отплатила.

Стайлз впал меланхоличную задумчивость. Я вернул его к действительности.

– У Вашей жены есть друзья, к которым она могла бы обратиться в такой ситуации?

– Нет. Моника была, как говорится, была «только с автобуса», когда я встретил её в «Сирано». А вскоре мы поженились. Она никогда не прилагала усилий, чтобы подружиться с кем-то из моих друзей. Она просто сидела дома и души не чаяла в Брэндоне.

Я вытащил блокнот, раскрыл его и приготовился записывать.

– Что она забрала с собой?

– Я попросил горничную проверить, когда позвонили по поводу машины. Она сказала, что Моника взяла два чемодана с одеждой для себя и для Брэндона, немного косметики, украшения, плюшевого мишку Брэндона и его любимое одеяло.

– Во что они были одеты?

– Роксана, горничная, говорит, что на ней была бирюзово-голубая юбка и шёлковая блузка кремового цвета. На Брэндоне были белые гольфы до колен, шорты цвета хаки и рубашка в зелено-белую полоску.

– Хорошо. У Вас есть фотографии кого-нибудь из них?

– Да, есть. – Он вытащил бумажник, извлёк фотографию и протянул её мне.

Моника Стайлз сидела в кресле, обняв сына. Он прислонился к ней так, что их щеки соприкасались. Брэндон был маленьким светловолосым мальчиком с глубокими ямочками на щеках и уверенной улыбкой любимого ребенка.

Вьющаяся копна светлых волос обрамляла лицо его матери. Я изучил это лицо. Широкий, высокий лоб сужался от выступающих скул к маленькому квадратному подбородку. Её полная верхняя губа была широкой и опущенной вниз. Она великолепно улыбалась, надувая губки. Глаза её были скрыты большими солнечными очками.

– Какого цвета глаза у Вашей жены?

– Чёрные.

Я посмотрел на него.

– Да, чёрные. Это очень необычно. При этом, она натуральная блондинка.

– Мне надо будет её забрать, – сказал я, постукивая по фотографии.

– Если надо... Пожалуйста, не потеряйте её, мистер Марлоу.

– Я буду её беречь. А теперь, как звали того продавца, который Вам звонил?

– Этого человека зовут Артур Шуман. Он главный управляющий «Пибоди Моторс». Они находятся на Уилкоккс, между Сансет и Голливудом.

– Ладно. Как я смогу связаться с Вами сегодня, если найду их?

– Остаток дня я буду в своём офисе. Это на Россмор, как раз напротив студии «Парамаунт».

Он дал мне прямой телефон своего офиса.

– Мой гонорар составляет двадцать долларов в день и расходы. Если я не найду её сегодня, то советую Вам позвонить «Пинкертону» в Литл-Рок, чтобы услышать её на другом конце провода.

Стайлз открыл свой бумажник и начал выкладывать хрустящие двадцатки на мой стол.

– Двадцать за Ваше сегодня и сорок на расходы. Пожалуйста, найдите её, мистер Марлоу.

– Именно это я и собираюсь сделать, мистер Стайлз.

Он встал и повернулся, чтобы уйти. У меня оставался один вопрос, но я не был уверен, что мне надо узнать ответ. Когда его рука легла на дверную ручку, я всё-таки решил его задать.

– Мистер Стайлз, почему Ваша жена так спешит покинуть город?

Он медленно повернулся и, глядя на меня сверху вниз, сказал:

– Мистер Марлоу, уверяю Вас, это личное дело между моей женой и мной. Я уверен, что Вы сможете это уважать.

– Конечно, – ответил я.

Я посмотрел, как Стайлз закрыл за собой дверь, а затем уставился на стопку счетов на моём столе. Лос-Анджелес был неподходящим городом, чтобы быть в нём бедным. Когда

бродяги пытались сюда попасть, мэрия соорудила забор из парней в синем, чтобы они и сметь не мечтали перелезть через него. При таких сложившихся обстоятельствах, почему Моника Стайлз решила оказаться с деньгами по другую сторону? Я смогу спросить её об этом, когда найду.

Я поднялся, отстегнул кобуру и запер пистолет в столе. Сегодня я ни в кого не собирался стрелять. С деньгами в бумажнике я запер офис и отправился поработать.

«Пибоди Моторс» находились на один квартал на запад, а потом ещё на один на юг. Шуман оказался толстым и лысым, и, судя по тому, как он пританцовывал, ему ещё и жали ботинки. Он подтвердил всё, что рассказал мне Стайлз.

Я поблагодарил его за помощь и вышел из салона. Стоя на тротуаре, я попробовал представить, как стою тут с двумя чемоданами, ребёнком и без гроша в кармане и пытаюсь выбраться из города. Отсюда далеко до Юнион Стейшн¹⁸ или аэропорта. А автобусная остановка была всего в двух кварталах, на Вайн. Автобусы дешевле и отправляются чаще. Если Моника Стайлз вообще ещё оставалась в городе, то она была где-то поблизости. В этом я был уверен.

Я спустился по Уилкоккс и пересек Сансет, высматривая места, где она могла бы раздобыть денег. На Санта-Монике я заметил на лавке ростовщика золотой трезубец и зашёл вовнутрь.

У человека за прилавком в глазу была лупа, а в руке безделушка.

– Извините, – сказал я.

Он положил камушек на бархатную подушку и взглянул на меня.

– Да?

Я достал фотографию Моника и Брэндона Стайлз.

– Эта женщина заходила сюда сегодня днём?

Он взял фотографию и внимательно её изучил.

– Нет, пока я был здесь, я бы запомнил. Она такая симпатичная.

– Хорошо, спасибо. В этом районе есть ещё какие-нибудь ломбарды?

– Нет. В этом направлении мы единственные. Большинство остальных в Смоктауне. А что, кстати, собирается задвинуть эта юбчонка?

– Украшения.

– Стоящие? – с надеждой спросил он.

– Да уж, неплохие. – Я открыл бумажник и положил на бархатную подушечку пятёрку. К ней я приложил визитку. – Если она появится, позвони мне. Это того стоит.

Он сунул купюру в карман рубашки и глянул на карточку.

– Конечно, мистер Марлоу.

– Если там меня не застанешь, то я буду в забегаловке Эла Леви. Знаешь где это?

– Да, это та, что на Вайн, рядом с автобусной станцией.

– Точно.

Я вышел из магазина и направился на восток по Санта-Монике к Вайн. Насколько теперь я мог судить, у Моника Стайлз всё ещё не было денег. Одета в шёлковую блузку и чулки, она вряд ли многого бы добилась, попытавшись прибегнуть к попрошайничеству. Я также не мог представить её за упражнением «разбей и схвати», по крайней мере, с прицепом в виде маленького Брэндона.

¹⁸ Железнодорожный вокзал в Лос-Анджелесе.

Я добрёл до автобусной станции и проверил расписание. Следующий автобус на восток отправлялся в 7:30, через два часа. Я медленно обошёл терминал, но их нигде не было. Я подумал о том, чтобы спокойно просидеть здесь эти два часа и самой ей позволить наткнуться на меня, но в запасе у меня оставалась пара ходов плюс глупая мысль, что я должен заработать свой гонорар.

Закусочная Эла Леви находилась чуть дальше по кварталу. Я вошёл, неспешно обошёл стойку и кивнул Элу. Он хмыкнул из-за сигары, засунутой за щеку, и продолжил мыть посуду. Я сунул в телефон пять центов и позвонил знакомому гостиничному детективу. Магазины довольно скоро закроются, а поскольку миссис Стайлз не было на автобусной станции, единственным местом, где она могла затаиться, были апарта-отели¹⁹ к северу от Голливудского бульвара.

– Апартаменты на Грамерси Плейс, – слышался голос.

– Кувалик на месте?

– Минутку. – Я подождал.

– Кувалик, – прохрипел он.

– Стэн, это Филип Марлоу.

– Да, Марлоу, давно не виделись.

– Мне нужна услуга.

– Какая?

– Я ищу женщину. С ней пара чемоданов и ребёнок. Бирюзовая юбка, кремовая блузка. Симпатичная блондинка. Будь начеку и обзвони своих приятелей по соседству. Если найдёшь её, позвони мне, я у Эла Леви, хорошо?

– Конечно, Марлоу.

– Спасибо.

Я развернулся на табурете и уставился на Эла Леви. У Эла был луковицеобразный нос настоящего пьяницы, который светился так, когда он злился, что казался долькой помидора, помещённой меж его глаз.

– Что будешь, Марлоу? – прорычал он. Из-за заточки, коснувшейся его горла, голос у него звучал однотонно.

– Виски.

Эл по-дружески плеснул мне, и я мне пришлось немного отхлебнуть, прежде чем отправиться к кабинке в дальнем углу для ожидания того момента, когда зазвонит телефон.

Я потягивал виски и ждал почти час. Когда раздался звонок, то это был Кувалик.

– Твоя девушка здесь, Марлоу.

– Где?

– На Кенмор, недалеко от Голливуда.

– С ней был ребёнок?

– Нет. Только кукла. Она направлялась в сторону отеля «Морвуд Армс».

– Спасибо, Стэн.

¹⁹ Гостиницы или отели, созданные по принципу квартир (апартаментов), но при этом у арендатора нет необходимости заключать договор с владельцем: постоялец может выписаться практически в любой момент. Система бронирования стандартна, как и в других отелях. Может применяться посуточная аренда апартаментов.

– Да не за что.

Я прикончил остатки виски и вернулся в быстро сгущающиеся сумерки. «Морвуд» находился в двух кварталах отсюда, на противоположной стороне Кенмора. Я занял позицию напротив входа в отель, но Моники Стайлз там не заметил.

Она появилась на тротуаре рука об руку с пожилым мужчиной, который выглядел и одевался так же, как её муж. Возможно, она училась заводить друзей. Одета она была именно так, как описала горничная, но вдобавок на ней были солнцезащитные очки, которые я уже видел на фотографии.

Когда они подошли к входной двери, она повернула голову в моём направлении и провела рукой по своим прекрасным светлым волосам. На левой руке у неё сверкнул бриллиант, в ушах были золотые пуговики, её длинную восхитительную шею обвивало золотое ожерелье, а большая красная булавка удерживала её блузку застёгнутой. Я покачал головой. Она была одета как будто они все – она сама, ребёнок и даже плюшевый мишка – возвращались в Литл-Рок, и всё равно, всё это выглядело как «горизонтальный боп»²⁰. Но это была проблема Стайлза, а не моя.

Когда они прошли сквозь вращающуюся парадную дверь «Морвуда», я пересёк улицу и воспользовался в вестибюле их телефоном, чтобы позвонить клиенту. Я сообщил ему, что нашёл его жену и что его сын, вероятно, где-то поблизости. Он поблагодарил меня и сказал, что скоро будет. Я ответил ему, что не стоит торопиться и повесил трубку. Я был здесь не для того, чтобы делать снимки или помогать в этом кому-то ещё.

Вернувшись на свой насест, я закурил сигарету и стал ждать, когда она выйдет обратно. Примерно через двадцать минут она вылетела из отеля, грохоча по ступенькам своими высокими каблуками. Её руки были широко расставлены для сохранения равновесия, как будто плиты у неё под ногами прогибались.

Я отшвырнул окурок и бросился за ней. Ноги её просто куда-то несли, а я боялся, что она меня заметит, если я слишком к ней приближусь. Поэтому я сбавил скорость и удовольствовался тем, что просто держал её в поле зрения.

Она свернула направо, на Франклин и нырнула в подворотню. Это был боковой вход в апартаменты «Голден Уэст». Мой дом, «Хобарт Армс», находился всего в квартале отсюда.

Когда я добрался до входа и уже потянулся к ручке, дверь распахнулась, и я столкнулся лицом к лицу с Моникой Стайлз. В левой руке у неё был большой чемодан, а под мышкой – чемодан поменьше. В другой руке она держала маленькую ладошку своего сына. Он посмотрел на меня, и на его лице уже не было той уверенной улыбки. Такие широко раскрытые глаза бывают, когда мир вокруг тебя рушится, а ты задаешься вопросом, сможешь ли ты сквозь завалы когда-нибудь хоть что-нибудь разглядеть. К груди он прижимал своего плюшевого мишку.

– Извините, – сказала она, – мне надо пройти.

Я протянул руку и схватил её за локоть.

– Извините, миссис Стайлз. Я не могу позволить Вам уйти.

Её голова резко повернулась ко мне.

– Отпустите меня. Вы не имеете права мне мешать.

– Дело не в Вас, миссис Стайлз. Дело в мальчике. Его отец не хочет, чтобы он уезжал из города.

– Нет, – закричала она. – Он не может забрать его. Нет! Нет! Нет!

²⁰ Намёк на сексуальный характер отношений.

Она замахнулась правой рукой, чтобы ударить меня по лицу. От удара я увернулся. Она уронила чемоданы мне на ноги и ударила обеими руками. Я протянул руки, схватил её за запястья и сильно встряхнул. Она задвигала головой взад-вперёд, пытаясь меня укусить. Её солнцезащитные очки слетели, и я притянул её к себе.

Стайлз сказал правду. Она была блондинкой до кончиков волос, а глаза у неё были чёрные. Но ещё тут были также фиолетовый, жёлтый и красный цвета.

– В «Морвуде» дела ведут грубо? – спросил я.

– Нет, ублюдок. Это произошло сегодня за завтраком. Любезность твоего босса.

Изменение в цвете её лица как раз подходило, чтобы объяснить случившуюся драку подгоревшей яичницей с беконом.

– Почему он Вас ударил?

– Откуда мне знать. Может быть, солнце взошло слишком рано. Я перестала задаваться такими вопросами уже давно. Мне всё равно, какой будет ответ. Я просто хочу уехать. Это больше невыносимо.

Мальчик, который спрятался в темноте, когда его мать замахнулась на меня, подошёл к ней, обнял и прислонился головой к её бедру.

Она погладила его по голове и прошептала:

– Всё в порядке, Брэндон. С мамой всё в порядке.

Её пристальный взгляд заставил меня сделать из неё лгунью. Я пропустил это мимо ушей.

– Куда вы собирались?

– На автобусную станцию. Сесть на автобус в семь тридцать на восток. У меня родня в Арканзасе. А здесь у меня никого нет. Делано держал меня взаперти в доме. Он ни за что бы меня не отпустил. Он так ревновал ко всем, кто хоть взглянул на меня.

– Почему Вы не заложили драгоценности? Могли бы уже давно убраться отсюда.

– Смеётесь, мистер? Думаете, я не пробовала? Они ненастоящие. На них я не смогла бы добраться и до Помоны²¹. Делано мне никогда ничего не доверял. Он никогда не давал мне денег. Я не понимала, что всё, что он мне давал, было подделкой. Единственное, что у меня настоящее, – это Брэндон.

– Откуда Вы узнали, что «Морвуд» – это заведение для любителей острых ощущений? Предполагалось, что Вы только сошли с автобуса.

– Когда я узнала, что украшения фальшивые, я пришла в отчаяние. Больше у меня ничего не было. Ростовщик это заметил. Он-то и рассказал мне о «Морвуде».

– И что он получил за то, что он оказал Вам такую любезность?

– Он сказал, что получит своё со стойки регистрации за каждого парня, которого я приведу.

Когда всё закончится, то я отправлюсь поговорить с ростовщиком. Вероятно, разговор будет коротким и болезненным.

– Сколько у Вас денег?

– Хватит, чтобы мы с Брэндонем покинули штат. Было достаточно легко подцепить парня, но на остальное меня не хватило. В номер пошла только с последним. Заставила его раздеться первым. А потом схватила его бумажник и убежала.

Я подумала обо всём, что услышала сегодня, и готов был отмахнуться от всего этого как от своекорыстной полуправды. От всего, кроме синяка под её глазом. В который я поверил.

²¹ Город в округе Лос-Анджелес, Калифорния.

Меня не волновало, что это могло произойти из-за её поведения, такому не могло быть никакого оправдания. Поэтому я достал бумажник и вытащил шестьдесят долларов.

– Вот, возьми. На это вы доберётесь домой, ещё и на еду хватит.

Она медленно протянула руку и забрала у меня купюры.

– Спасибо. Не знаю, как я смогу отплатить Вам. Мистер...

– Марлоу, Филип Марлоу. И Вы мне ничем не обязаны. Эти не мои деньги. Я их не заработал. Я Вас так и не нашёл.

Я потянулся за одним из чемоданов, а когда обернулся, то увидел Делано Стайлза,двигающегося к нам через улицу. По бокам от него шли два крепких Гарри.

Я вытащил из кармана ключи от машины, повернулся и вложил их ей в ладонь.

– Бегите. На углу кабриолет. Вы всё ещё можете успеть на автобус. Не ездите в Литл-Рок. Он будет вас там ждать. Исчезните.

Она потянулась за чемоданом, но я сказал:

– Брось их, или у вас ничего не получится.

Она надорвала разрез на своей юбке, сбросила туфли на каблуках, подхватила Брэндона и побежала, спасая свою жизнь.

Я наблюдала за лицом Брэндона через её плечо, когда она бежала вверх по улице, и удивлялся, почему он не звал своего отца.

Стайлз показал вверх по улице, и один из его головорезов бросился в погоню. Я выскочил на дорогу и в броске перехватил его выше коленей. Он опрокинулся и ударился головой об асфальт. Это на секунду его оглушило. Я схватил его за воротник, приподнял и прикрыл его лавочку.

Позади я услышал шаги и откатился в сторону. Стайлз пнул меня в голову, но я перехватил его за лодыжку, сильно крутанул, и он упал. Я вскочил на ноги и увидел второго парня, стоявшего на перекрёстке. Моя машина отъезжала от бордюра. Он сунул руку в карман куртки и вытащил пистолет. Принял небрежную позу стрелка и прицелился вдоль улицы своей неподвижной рукой.

Я побежал по улице, крича: «Нет!», но опоздал, а его цель была слишком близко. Я увидел, как машина приближалась к нему. Он выстрелил раз, другой, а затем скользнул вбок, как тореадор, когда машина пронеслась мимо него на трех остававшихся целыми шинах, резко свернув вправо, перескочила через бордюр и врезалась в аптеку Монро.

Стрелок убрал оружие в кобуру и неторопливо направился к месту аварии. Я нагнал его, развернул и, круша ему челюсть, сломал себе руку. Стайлз пробежал мимо меня и распахнул пассажирскую дверь машины. Вдалеке послышался вой полицейских сирен.

Стайлз застонал: «О, боже мой», и опустился на колени. Я заглянул в окно водителя. Моника Стайлз склонилась над своим сыном. Она держала его голову в своих руках и всюду его целовала. Снова и снова она бормотала: «Малыш, малыш». Но он её не слышал. Говорят, у детей мягкие кости, но так далеко шея и у них не поворачивается.

Я подошёл к скамейке на автобусной остановке, сел и закурил сигарету. Вынул её изо рта, уставился на её светящийся красный кончик и захотел его потушить о своё сердце. Но вместо этого я ждал, пока вой сирен заглушит две серии рыданий.

Но этого так и не произошло, и сейчас я уже не тот человек, которым был до того дня. Но имя осталось тем же, и некоторых это вводит в заблуждение. Вот почему каждый раз мне приходится напоминать им, что я не занимаюсь разводами.

Я прочитал свой первый роман Рэймонда Чандлера на дежурстве (два доллара за ночь), на кушетке в помещении для персонала в одной из больниц Западной Вирджинии. То было «Долгое прощание». Когда я слез с крючка, со мной остались две вещи: стиль Чандлера и Филип Марлоу.

Поэтические образы Чандлера оставили «те самые старые сцены» свежими и яркими, навсегда запечатлевшимися в моей памяти. Он писал диалоги тем языком, на котором хотелось разговаривать, и, в любом случае, он заставил звучать их естественно.

Марлоу, как и все детективы, сам создавал проблемы в своём деле. Чандлер сделал цену его решений центральной частью своих романов. Семь раз Рэймонд Чандлер рассказывал историю борьбы Филипа Марлоу с коррупцией, его окружавшей. И с каждым разом история становилась всё лучше. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я впервые встретился с Филипом Марлоу, а я всё ещё испытываю те же самые чувства.

Бенджамин М. Шутц

ЛОРЕН Д. ЭСТЕЛМАН

ОРУЖЕЙНАЯ МУЗЫКА

1937

Художник Деннис Зимински

ФИС КАРСОНА МОЛДИНА располагался на подвальном этаже здания

департамента недвижимости «Мамонт Пикчерз», прямо между гардеробом Мэй Уэст и комнатой, заполненной надколотыми бутылками, пригодными для использования в драках в салунах. Это была наполненная запахами комнатка без окон, с пыльной лампочкой на потолке и большим письменным столом из жёлтого дуба, на котором дети Ноя вырезали свои инициалы в те самые дождливые дни. А Ной унаследовал его от своего деда.

Сам Молдин был немного старше стола. Крупный смуглый мужчина, лишившийся волос, с большими белыми усами, формой напоминающими велосипедный руль, и глазами, похожими на осколки синего стекла, по слухам, его разыскивали в Оклахоме по обвинению в убийстве, совершённом в 1899 году. Правдивы слухи или нет, но во «фронтире»²², который он носил в кобуре под старым клетчатым пиджаком, не было ничего фальшивого. Его янтарная ручка стукнулась о стол, когда он наклонился вперед, чтобы взять принесенные мной письма. Синие глаза по очереди пробежались по каждому.

– Тут они все?

– А разве их тут мало? – спросил я.

Он коротко и сухо рассмеялся, и бросил листки на старую, в пятнах промокашку.

– От маленькой шлюшки больше хлопот, чем приносит её контракт. Рано или поздно руководство студии поймёт это и даст ей пинка. Тогда, на те деньги, что они тратят на этих пиявок, они, для разнообразия, сделают несколько хороших картин. Стоит ли ожидать неприятностей из-за того, как они к тебе попали?

– Нет, я сбросил тела в Ла-Бреа²³. – Я ухмыльнулся и прикурил «кэмэл». – Я заплатил им намного меньше, чем они просили. Они не соглашались, но знали, что ни один бульварный листок в Голливуде не напечатает того, что в этих письмах, а серьёзные газеты это не заинтересует.

– Я бы пристрелил этих ублюдков.

– Так почему не пристрелили?

– Мне платят за то, чтобы я прекращал неприятности, а не начинал их. Сколько мы тебе должны, Марлоу?

– Выкуп съел большую часть аванса. Сотенной должно хватить.

– Чёрт. – Он вытащил из заднего кармана кожаный нереспектабельного вида бумажник, отделил три пятидесятидолларовых купюры от других, находящихся внутри него, и протянул их мне.

– Лишние пятьдесят на виски, – сказал он.

– Какой ещё виски?

– Который понадобится тебе, чтобы смыть вонь с рук. Я бы лучше разделал бычка в темноте, чем пожал руку кому-нибудь из них.

– А кто сказал, что я пожимал руки? – Я вернул ему одну из купюр. – «Мамонт» не выплачивает бонусы частным звёздам. Отложите это в ваш пенсионный фонд.

²² Револьвер «Кольт Фронтир» 44-ого калибра, выпускавшийся с 1878 года.

²³ Район битумных озёр на территории Лос-Анджелеса, в Калифорнии.

– А кто собирается на пенсию?

Я собрался уходить. Когда я был уже у двери, он меня окликнул. Его обветренное старое лицо было непроницаемо.

– Если не хочешь брать чаевые, может, согласишься их заработать. Есть девушка, которой не помешало бы помочь.

– Каким образом?

– Точно не знаю. Она отклонила слишком много предложений, и её отстранили от работы. А перед этим она начала опаздывать на съёмки, путать реплики, делать то, чего никогда раньше не делала. У неё проблемы, но она не говорит, какие.

– У кого её контракт?

– У Сэма Уайтсайда.

Я выплюнул дым.

– У неё проблемы.

– С Уайтсайдом тогда всё в порядке, когда ты на него не работаешь и никогда не терял деньги ни на одной из его картин. Это один из видов неприятностей. У неё всё по-другому. Я думаю, ей нужна ищейка.

– Кто она Вам?

Он поднял свою старую голову.

– Что это значит?

– Это значит то, что это значит, Карсон. Если она твоя дочь, хорошо. Если она твоя любовница, это тоже нормально, но это меняет мой подход к ней. И ты это знаешь.

– Догадываюсь. Возможно, мне *стоит* уйти в отставку. Я так долго общался с этими прославленными сводниками, что начинаю думать, что меня будут принимать за одного из них. Криста для меня просто человек, попавший в беду. Уайтсайд попросил меня поговорить с ней, когда всё это началось, но я смог из неё вытянуть только то, что ей не место в этом городе. Такой молодой парень, как ты, вероятно, смог бы добиться большего.

– Её зовут Криста?

– Криста Вайн. Она певица, и при том хорошая. Ей следовало бы петь в «Кармен», а её пихают в мюзиклы. Знаешь, эти, с Диком Пауэллом²⁴ и кучей эльфов во фраках. Сам-то я люблю вестерны.

– Где мне её найти?

– В Лорел-Каньоне. – Он нацарапал адрес на листке из блокнота с логотипом студии и протянул его мне. – Она замужем за Сонни Блумом.

– Гангстером?

– Я тебя умоляю. Предприниматель из Голливуда. Он профинансировал две её картины.

– Может себе позволить. Когда его парни истребили в Нью-Джерси парней Фрэнка Нунцио, он заполучил Атлантик-Сити.

– Так ты у нас антисемит? Девушка никак не может повлиять на то, в кого она влюбится. В Голливуде всё не так, как кажется. – Он продолжал держать адрес в руках.

Я его забрал.

– Кто платит?

²⁴ Дик Пауэлл (14 ноября 1904 — 2 января 1963) — американский актёр, продюсер, кинорежиссёр и певец. В 1944 году он снимется в роли Марлоу в фильме «Это убийство, моя милочка», который в 1946 году фильм будет удостоен Премии Эдгара Алана По.

– Студия, кто же ещё?

– То есть Вы.

Он откинулся на спинку стула. Его пиджак распахнулся, обнажив большой револьвер.

– Мне слишком много платят за то, чтобы я сидел за этим столом, и я слишком стар, чтобы его покинуть.

– Чёрта с два.

И я ушёл.

Сонни Блум, чьё настоящее имя было Натаниэль Голдблум, был бы как дома в одной из историй Горацио Элджера, если бы «Уорнер Бразерс» решила её экранизировать. Родившись в 1907 году в семье евреев-иммигрантов в Ньюарке, он, будучи ещё в коротких штанишках, начал свой путь от мелкого воровства к крупной автомобильной краже, приведшей его на два года в исправительное учреждение, а в двадцать четыре года устроился к Большому Фрэнку Нунцио водителем грузовика, перевозящего пиво. Пара стычек с конкурирующими бутлегерами привлекла к нему внимание Нунцио, который назначил его своим телохранителем, в чём он не преуспел, поскольку, спустя восемнадцать месяцев Большой Фрэнк был застрелен неизвестными во время прогулки по набережной. Несколько месяцев после этого бушевала пивная война. По её окончании Сонни Блум в возрасте двадцати шести лет оказался вице-королем Нью-Джерси, его интересы варьировались от нелегальной торговли алкоголем до подпольных лотерей и рэкеты в профсоюзе докеров Атлантик-Сити. По прошествии двух лет, он перенёс свою деятельность на Западное побережье, где его приятная внешность, уличный шарм и связи с торговцами марихуаной в Мексике вскоре сделали его любимцем в голливудском сообществе. В свои тридцать лет грубоватый выходец с Востока с зачёсанными назад волосами и галстуками, бросающимися в глаза, он стал такой же неотъемлемой принадлежностью бассейнов и теннисных кортов Беверли-Хиллз, как и железные статуи жокеев. В Южной Калифорнии трудно игнорировать сбывшуюся Американскую Мечту.

Дом, который он делил с Кристой Вайн, был построен какой-то позабытой звездой в те времена, когда героини выплясывали с розами в зубах. Это было здание в стиле голливудской гасиенды, с покрывающей крышу красной черепицей, повсюду арки и наружные лестницы, которые изгибаются между розами и кипарисами, растущими в совершенной гармонии. Там, где подъездная дорожка из композитного материала пролегла мимо парадной двери, шофер в рубашке с короткими рукавами и бриджах для верховой езды, которые мог бы носить и Эрих фон Штрогейм²⁵, был занят натиранием воском капота сине-черного «обёрна»²⁶ с колпаками размером с коктейльный столик. Я поставил свою коробочку за ним и поднялся по ступенькам к двери.

Дверной звонок исполнил «Хуаниту»²⁷. Горничная, чьи по-немецки железные черты лица подсказали мне, что песня обращалась не к ней, отнесла мою карточку в тень дома и вернулась через пять минут. «Миссис Блум примет Вас». Она впустила меня внутрь, взяла шляпу и отправилась обратно куда-то в окрестности.

Я ждал. Напольная плитка в комнате была испанской. По обе стороны изогнутой лестницы, такой же, как и снаружи, в мексиканских горшках росло что-то игольчато-испанское. На

²⁵ Эрих Освальд Ганс Карл Мария фон Штрогейм (22 сентября 1885 — 12 мая 1957) — американский кинорежиссёр, актёр, сценарист.

²⁶ Auburn Automobile — американская автомобильная компания, существовавшая с 1900 по 1937 год. В 1926 году начала выпускать линию роскошных автомобилей.

²⁷ Хит Эла Джолсона 1923 года.

одной из стен в рамке висел плакат, рекламирующий корриду на испанском языке. За изгибом лестницы стоял комплект английских доспехов, выглядевших смущёнными.

— Ужасно, не правда ли? Это Сонни настоял на том, чтобы купить и поставить всё это здесь. Я говорила ему, что к остальной части дома это не подходит. Но Вы ничего не говорите Сонни.

Она подошла ко мне, когда я рассматривал доспехи. Блондинка, что не редкость в этой части света, но такого оттенка, что не принадлежал Харлоу²⁸, Джоан Беннетт²⁹ или кому-нибудь ещё из тех тысяч, которые могут вам повстречаться; он был присущ ей одной. Волосы волнами спадали ей на плечи, обрамляя лицо с немного восточными глазами и подбородком, который близко подошёл к тому, чтобы стать острым. У неё был легкий загар, необычный для этой бледной толпы, участвующей в съёмках. Халат на ней, был из шёлка, отливающего морозным золотом. Подпоясанный на талии, он оставлял открытыми её ключицы, но прикрывал ступни.

— Может быть, он уверен, что костюм из жести ему просто необходим, — сказал я, спустившись с облаков на землю. — В Джерси такие бы дорого стоили.

Она протянула руку, которая казавшуюся слишком лёгкой для камня, который был на ней. — Я Криста Вайн. Вас действительно прислал Карсон, мистер Марлоу?

На обратной стороне визитки я написал «Карсон Молдин».

— У него так и не было шанса спасти дочь банкира от понёсшей лошади, и это его убивает. — Я вернул ей руку, это была одна из самых трудных задач, которые мне пришлось решать в последнее время.

— Он думает, что Вы попали в какую-то передрагу.

— На самом деле, нет. Он как старый добрый дядюшка. Но я была бы плохой хозяйкой, если бы позволила Вам уйти без выпивки. Или Вы на дежурстве?

— Я не из этих.

— Значит ли это, что Вы выпьете?

— Только если это будет налито в стакан.

Она рассмеялась так, как умеют смеяться только певицы, повернулась и, приподняв халат, как это делают на костюмных фотографиях, направилась туда, что, как я догадался, они называли гостиной. Она была выдержана в бело-голубых тонах, с французскими дверями, выходящими в сад, который и близко не был таким впечатляющим, как Версальский. В углу был небольшой бар и граммофон, который стоил примерно столько же, сколько моя машина.

Из-за стойки бара Криста Вайн произнесла:

— Это единственное, что я никогда не позволяла Грете — это наша горничная — делать для Сонни. Мне нравится самой смешивать напитки. Что смешать для Вас?

— Стакан со скотчем.

Она налила его из хрустального графина, себе плеснула что-то в высокий стакан цвета, соответствовавшего её халату, и отнесла всё к синему ситцевому дивану. Я забрал свой стакан, и мы устроились на нём. Она закинула одну шелковистую ногу на другую и продемонстрировала мне золотистую сандалию и розовый лак на ногтях.

²⁸ Джин Харлоу, урождённая Харлин Харлоу Карпентер (3 марта 1911 — 7 июня 1937) — американская киноактриса, кинозвезда и секс-символ 1930-х годов.

²⁹ Джоан Беннетт (27 февраля 1910 — 7 декабря 1990) — американская актриса. Помимо многочисленных ролей на театральной сцене она также сделала успешную кинокарьеру, начав сниматься ещё со времён немого кино.

– Мне жаль, что Вы впустую потратили своё время, – сказала она. – Карсон прямо как наседка.

– Эта наседка в девяносто девятом в Макалестере застрелила троих вооруженных мужчин в баре, который был не таким милым, как Ваш. – Я попивал скотч. – А где Ваш муж, мисс Вайн?

– В этом доме я миссис Блум. Он вернулся на Восток по делам. Что Вам рассказал Карсон?

– Рассказал, что Вы отказываетесь от работы и забываете свои реплики.

– Я певица, а не актриса. Я лучше запоминаю слова, если они положены на музыку. И это Вы ещё не видели сценарии, которые мне предлагают.

– Как у Вас с Сэмом Уайтсайдом?

– Сэм милый.

– Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь о нём так отзывался.

– Ну, со мной он был таким. Ему не хотелось отстранять меня от работы, но таковы правила. Рано или поздно он захочет, чтобы я сыграла роль, которая мне подходит, и на этом всё это закончится. Да, Грета.

Ну, и детектив. Я и не расслышал, как немка-горничная оказалась в комнате у меня за спиной. Она стояла, сложив руки на фартуке.

– Телефон, миссус.

– Кто там?

– Он не сказал. Он сказал, что это важно.

– Я поговорю наверху. – Она поставила свой нетронутый напиток на белый кофейный столик и поднялась. – Пожалуйста, извините меня, мистер Марлоу. Устраивайтесь поудобнее. Поставьте пластинку, если хотите.

Она вышла, Грета последовала за ней.

Несколько пластинок в шкафу были записаны Кристой Вайн. Я поставил одну, «Мужчина, которого я люблю». Её голос, плотный как шёлк с бархатной подкладкой, был слишком хорош для звуковой дорожки к кинофильму, в котором всё было на высоте. Какое-то время я стоял, глядя в сад, а потом во мне проснулся детектив. В баре было полно вин и ликеров, разлитых еще до Сухого закона. Ковёр и шторы были куплены в Париже. А в ящике столика с синей лампой у неё лежал автоматический пистолет.

Это был никелированный «браунинг» 32-го калибра с перламутровыми накладками. Гравировка на рукоятке гласила: «То, что присмотрит за тобой. Сонни». Одной из самых популярных записей Кристи Вайн была «Тот, кто присмотрит за мной». Я понюхал ствол и поморщился. Женщинам никогда не придёт в голову почистить оружие после стрельбы.

К тому времени, когда вернулась горничная, пистолет уже вернулся обратно в ящик стола. У неё была моя шляпа.

– Миссус сказала, что ей жаль. Её надо срочно уехать.

– Она уже уехала?

– Одевается. Она сказала, позвоните позже.

Шофер уже получил указания. Он надел свой форменный пиджак и уже был за рулём. «Обёрн» в лучах послеполуденного солнца блестел, как смазанная сталь.

Я заехал за угол и припарковался рядом с бугенвиллией³⁰ в вазоне. Сквозь её ветви мне был виден въезд в поместье Блумов. Оно было окружено четырехфутовой каменной стеной, и это был единственный путь попасть туда или выбраться наружу. Я убивал время, валяя дурака с портативным шахматным набором, который держу в перчаточном ящике рядом с «люгером».

Слон уже готовился взять королевскую пешку, когда «обёрн», мурлыча, выехал на улицу и повернул налево, проехав прямо передо мной. Я пригнулся, пропуская их, затем отложил шахматы, завёл мотор и двинул за ними. На тенистой улице не было движения, и я отпустил их на два квартала.

Мы проехали живописным маршрутом мимо апельсиновых рощ и деревянных нефтяных вышек в Голливуд, где по-настоящему первоклассный закат с трудом пробивался сквозь неоновые огни. Дальше движение стало более оживленным, и мне пришлось приблизиться к ним. На Сансет «обёрн» въехал на бордюр перед кафе, и шофёр вышел, чтобы открыть Кристе Вайн дверцу, но он оказался недостаточно проворен: она успела преодолеть половину тротуара, прежде чем он успел за ней поухаживать. На ней была жёлтая хлопчатобумажная рубашка, из-за которой какой-нибудь дружок волшебницы-модельера был отправлен в художественную школу, тёмные очки и платок, покрывающий волосы. Она зашла в кафе, а шофер вернулся за руль.

Я нашёл свободное место в полуквартале отсюда и установил зеркало заднего вида так, чтобы видеть дверь кафе. К шахматам я не притронулся.

Примерно через пять минут мимо моей машины, держа в руках кожаный портфель, прошёл дородный мужчина в синем шелковом костюме и серой фетровой шляпе. Я снова пригнулся и выпрямился как раз в тот момент, когда он входил в кафе.

Дело становилось интересным. Тысячу лет назад, когда я ещё работал в офисе окружного прокурора, то допрашивал Брока Валентайна по делу, связанному с взрывом нескольких игровых автоматов в Западном Голливуде. Он прибавил в весе, но бульдожьих черты лица и аккуратные черные лакированные усики никуда не делись. Он вышел через две минуты и отправился обратно тем же самым путём, каким пришёл, но без портфеля.

Тот оказался у Кристи Вайн. Она, щёлкая его замками, пересекла тротуар, бросила искомый предмет на заднее сиденье и сама последовала за ним вовнутрь. Она ещё закрывала дверь, когда «обёрн» тронулся с места, взвизгнув колёсами. Конечно же, я последовал за ними.

Через некоторое время мы выехали из города и направились по Малхолланд-драйв к холмам. То тут, то там виднелись освещенные окна, напоминающие апельсины, которые пропустили во время сбора урожая, но через несколько кварталов и они скрылись за деревьями. Наши машины остались на дороге единственными. Я выключил фары и пользовался тем, что позволяла луна. Наконец, на вершине Малхолланда у «обёрна» зажглись стоп-сигналы. Я съехал с асфальта, заглушил мотор и остановился на траве.

В «обёрне» загорелся верхний свет, и кто-то вышел. Я подождал минуту, обдумывая возможность проверить ситуацию, подобравшись поближе. Затем кто бы это ни был, вернулся в машину, и она развернулась. Я снова прикинулся на сиденье незаметным, пока великий гонщик проносился мимо. Когда его шины завывали на поворотах вниз, я достал из перчаточного ящика «люгер» и большой фонарь, и выбрался наружу. Ночь была тёплой даже для Южной Калифорнии. Вдали от дороги пели древесные лягушки.

³⁰ Бугенвиллея — род вечнозеленых растений семейства Никтагиновые (Ночецветные). Распространены в Южной Америке.

Я нашёл портфель, не включая фонарь. Прислоненный к плюмерии³¹, он мягко поблескивал в отражённом свете Голливуда, сверкающего у подножия холма. Я близко к нему не подходил. Я довольно хорошо представлял, что в нём находится.

На вершине холма власти округа Лос-Анджелес установили телефонную будку, из которой папины дочки могли вызвать эвакуатор, когда в такую хорошую теплую ночь, как эта, местные ромео устраивали обычное представление с неисправным стартером. Я приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть внутрь руку и выкрутить лампочку, затем открыл её до конца и набрал номер Берни Олса из офиса окружного прокурора. Он узнал мой голос.

– Фил, как поживаешь, мой мальчик? Я думал, ты в цементе аргайле³² уже плещешься в прибое у Пэлисейдс.

– Пока ещё нет, – сказал я. – А ты, как вижу, всё также работаешь в вечернюю смену.

– Как и ты. Если только этот звонок не носит светского характера.

– Что вы слышали за последнее время о Броке Валентайне?

– Ничего хорошего, а я читаю некрологи каждый день. Ходят слухи, что он связан с большими деньгами с Востока. Патроны он больше ни для кого не носит. А что с ним?

– Из этих денег с Востока принадлежит ли что-нибудь Сонни Блуму?

– Это имя упоминалось. Его, кстати, разыскивает окружной прокурор. Сонни забыл к нему зайти.

– На слушания?

– Предварительные. Никто не видел его уже с месяц. А что задумал Брок?

На этот вопрос я ответить не мог. Да и, наверное, всё равно бы не успел. В этот момент кто-то рывком распахнул дверь кабинки. Луну закрыла чья-то тень.

– Очень жаль, ищейка, – произнесла она. В её дыхании я почувствовал запах чеснока. Затем что-то прошелестело, и в моём черепе взорвался черный свет, а я почувствовал на языке вкус соли с железом, как раз перед тем, как подобное перестало меня волновать.

Я проснулся от того, что в лицо мне бил свет, но он был не солнечным; для этого он был слишком ярким, и мне показалось, что в самой его сути могу разобрать буквы «Дж. Э.»³³. Это был мой собственный фонарь. Я сказал: «Выключи его, или я заставлю тебя его съесть». Подразумевалось, что я хотел сказать именно это. Но прозвучало это как на другом языке. Я лежал на спине, она была влажной. Я надеялся, что это кровь кого-то другого, не моя. Голова была словно разбитый термос. Я знал, что если пошевелю ею, осколки провалятся вовнутрь.

– Сколько пальцев, Фил?

Я посмотрел. Подумал, что их два.

– Октябрь, – ответил я. – Тысяча девятьсот тридцать седьмой.

Мужчина усмехнулся. И тогда я понял, что это Берни. Он выключил фонарь. Когда из моего поля зрения исчезли фиолетовые пятна, я где-то поблизости расслышал пение древесных лягушек. Я лежал на покрытой росой траве рядом с телефонной будкой на Малхолланд.

³¹ Плюмерия — род тропических деревьев семейства Кутровые.

³² Вязаные изделия с узором из ромбов или квадратов, расположенных в шахматном порядке и образующих параллельные и поперечные полосы разных цветов. С начала XX века изитная карточка аристократии.

³³ «Дженерал Электрик» — американская многоотраслевая корпорация, производитель многих видов техники, включая бытовую и осветительную технику.

– Я отследил твой звонок, – сказал он. – Самая приятная дурацкая работа, какая у меня бывала. А ты всегда был твердолобым.

Я сказал:

– Портфель.

– Какой портфель?

– Неважно. Ты уже ответил. Есть огонёк? – Я похлопал себя по карманам в поисках «кэмела».

Поддерживая мою голову одной рукой, он сунул мне сигарету меж губ и дал прикурить от спички, которую зажжёт, чиркнув ею о ноготь большого пальца. На вкус дым напоминал шоколадное мороженое.

– Не хочешь поделиться новостями с парнем, который спас тебя от голубей? – спросил Берни.

Я сел. Невидимый эльф замахнулся лопатой, чтобы огреть меня по затылку, но я от него отмахнулся.

– Полагаю, что Сонни Блума похитили. Криста Вайн сказала мне, что он вернулся в Джерси, но в этот момент ей кто-то позвонил, и после этого она куда-то засобиралась. Потом она в кафе на Сансет встретилась с Брокком Валентайном, и он передал ей портфель. Она привезла и оставила его тут. Вот тогда я тебе и позвонил. А после этого погас свет.

Берни сказал:

– Сонни Блум мёртв.

Я взглянул на него. Его тусклые колючие брови были едва заметны на темном овале его лица.

– На мой стол это попало как раз в тот момент, когда я собирался отправиться сюда, – сказал он. – Кто-то всадил в него две пули и выбросил за рестораном в Бэй-Сити рано вечером.

– Примерно в это же время его жена приехала сюда.

– Думаю, кто бы это ни был, он был уверен, что она всё равно всё привезёт.

– На кого думаешь? – спросил я.

– Этот парень явно гангстер. Завтра утром просмотрю всю картотеку по Лос-Анджелесу и отберу тех, кто мне *не понравится*. Ты в порядке? Может быть, мне следовало позвонить костоправам?

– Это просто голова.

– Видел нападавшего?

– Нет, но я бы узнал его в темноте. Должно быть, на ужин у него был зубчик чеснока.

– А голос был скрипучим, как будто он полоскал горло наждачной бумагой номер пять?

– Знаешь его?

– Вонючка Ховак. Раньше он снимался в кино, прошёл весь путь, сначала на подхвате, потом характерные роли. Возможно, он даже сделал бы карьеру, если бы не считал, что чеснок помогает предотвратить всё – от фурункулов до цирроза печени. Через некоторое время с ним просто никто не хотел работать, и его уволили. Последнее, что я о нём слышал, он был силовиком на контракте. Тебе ещё повезло, что у тебя череп всё еще на месте. Он посильнее Депрессии.

Я курил и думал. Берни принял моё молчание за что-то другое.

– Ты уверен, что тебе стоило бы немного отлежаться в больнице? Не хотелось бы, навещая тебя в Камарильо, помогать санитару выкатывать тебя на солнышко.

– Я в порядке.— Я положил руку ему на плечо, и мы вместе поднялись. Небо и земля пару раз поменялись местами, но я продержался, пока они не утратили интереса к этой игре.

– Меня надо подбросить домой, если мою машину угнали.

– Она там. Не могу сказать за приёмник.

– У меня никогда его не было. На какой студии работал Ховак, «Мамонт»?

– Да. Как ты догадался?

Я ухмыльнулся в темноте.

– Я опытный детектив.

– Забавный ты парень, Марлоу, прямо Фред Аллен³⁴. Вот твоё корыто. Вот эта наклонная педаль означает «вперед». – Он положил мою руку на ручку двери. – Если у тебя появятся какие-нибудь идеи, вспомни, кто тебе их подкинул.

Грета, горничная-немка, открыла на звонок в бигудях и пушистом халате.

– Хозяйка спит, – сообщила она в щель не шире её лица. – Приходите завтра.

Она начала закрывать дверь.

Я упёрся в неё плечом.

– Уже завтра. Большую часть прошедшей ночи я проспал. Скажи миссис Блум, что либо я, либо копы.

Она оставила меня на месте, а сама ушла. Я вошёл и выкурил сигарету. И ещё одну, а потом вниз спустилась Криста Вайн. На ней был тот же халат, в котором я видел её тогда. На лицо был нанесён свежий макияж.

– В чем дело, мистер Марлоу?

– Я подумал, Вам, возможно, будет интересно узнать, что на Вонючку Ховака уже выпущена ориентировка. Когда его поймают, то окружной прокурор его разговорит. Убийство немного не по его части.

– Я не знаю никого с таким именем.

– Конечно, знаете. Это тот, кого Вы наняли, чтобы меня убрать, в то время как кто-то другой забирал выкуп, который Вы выманили у Брока Валентайна за освобождение Сонни.

Она посмотрела на меня, на струйку крови, запекшуюся у меня на лбу, на пятна от травы на моем костюме.

– Вы пьяны. Сонни в Нью-Джерси.

– Сонни в формальдегиде, и Вы это знаете. Вы его туда отправили. Его нашли прямо там, где его бросил Ховак, или, может быть, это был Ваш шофер? Мужчинам нравится оказывать Вам услуги. Спросите у Карсона Молдина.

– Грета, вызови полицию.

Горничная наблюдала за происходящим с лестничной площадки. Она отвернулась.

³⁴ Фред Аллен (настоящее имя — Джон Флоренс Салливан; 31 мая 1894 — 17 мая 1956) — американский комик, чьё абсурдное шоу на радио (1934—1949) сделало его одним из самых популярных юмористов в так называемую классическую эру американского радио.

– Да, позвони им, – сказал я. – Узнай, почему они задерживаются. По дороге сюда я оставил сообщение другу из офиса окружного прокурора. Я был с ним до этого и мог бы сразу ему всё рассказать, но сначала мне хотелось встретиться с Вами.

– Может быть, это я пьяна. Я не могу Вас понять.

– Вам следовало выбросить пистолет после того, как застрелили Сонни, или, по крайней мере, почистить его. Может, это означает, что Вы этого не планировали. Но всё остальное Вы спланировали великолепно. Думаю, когда копы копнут глубже, они узнают, что Вы когда-то снимались вместе с Ховаком. Вы помнили о нём, знали, чем он занимался после того, как ушёл из кино. Вам он был нужен для грязной работы. Неважно, зачем Вы убили Сонни. Суть в том, что Вы извлекли из этого максимум пользы, спрятали где-то труп, в то время как убедили его партнёра, что он был похищен конкурирующей бандой и что они приказали Вам доставить выкуп в одиночку, только с шофёром. Валентайн принёс наличные вчера вечером, а Вы изобраили, что доставляете деньги, потому что догадались, что я буду следить. Ховак околачивался там, чтобы не позволить мне увидеть, кто забрал портфель, и куда потом он поехал. А он сильно бьёт, Ваш Ховак.

Её лицо напоминалоobelisk.

– Слишком много можно извлечь из пистолета. Я имею в виду, даже без лаборатории.

– Пистолет можно было бы оставить на потом. Всё стало ясно тогда, когда меня ударил Ховак. Перед этим он сказал: «Очень жаль, ищейка». Он мог узнать, что я ищейка, если бы ему кто-то сказал. А Вы с Карсоном были единственными, кто знал, что я занимаюсь этим делом.

– Да. – Это слово было только, чтобы заполнить тишину. Затемobeliskразбился. По её щеке скатилась слеза.

– Я больше не хотела, чтобы он меня бил.

– Кто, Сонни?

– Он много раз меня избивал. Я ходила с такими синяками, что пришлось отказаться от работы, чтобы не показываться на съемочной площадке. Я даже не помню, из-за чего всё произошло в тот раз. Он накинудся на меня, и я воспользовалась этим. – Она вытащила из кармана халата «браунинг» и направила его на меня. – Он дал мне его, чтобы я могла защищаться.

– Такая защита Вам сейчас не нужна. Вам нужен адвокат. – Продолжай говорить. Я не рассчитывал, что на сцене появится пистолет. Вдалеке завывали сирены.

– Мне это было нужно тогда. Вы же прочли, что он на нём выгравировал. Я выстрелила в него, и он упал. – Она протянула пистолет мне.

Я забрал его и продолжил дышать.

– Как и любой другой, с двумя пулями. – Я положил пистолет в карман плаща.

Она сказала:

– Я выстрелила в него только один раз.

В подвальном кабинете пахло пылью и застарелым потом, как в заброшенной раздевалке или за кулисами в старом театре. Голая лампочка на потолке проливала пыльный свет на большой стол из жёлтого дуба и коробки с резиновыми мечами и накладными бородами, расставленные по углам. Я нашёл бутылку и стакан в одном из ящиков стола, налил себе и устроился как можно удобнее на старом потёртом стуле. Спустя долгое время дверь открылась, и у меня появилась компания. Его лысая голова была покрыта шляпой, которая

скрывала его смуглое лицо и белоснежный руль усов, но старый клетчатый пиджак и большой кольт, который был под ним, достаточно хорошо его идентифицировали.

Он сказал:

– Чувствуй себя как дома, Филип.

– Ты опоздал, иначе я бы не начал без тебя, – отозвался я. – Звонок тебя разбудил?

– Плохо сплю в последнее время. – Он остановился в дверях, упёршись ладонями в бёдра.

– В Сонни стреляли дважды. Раз из 32-ого и ещё из старого 45-ого. Мне сказал Берни Олс в доме Кристи Вайн. Он скоро будет тут.

– С ней всё в порядке?

– Они забрали её. Зачем ты это сделал, Карсон?

– Ты скажи.

– Я думаю, ты знал, что происходит и велел ей позвонить тебе в следующий раз, когда Сонни начнёт ей угрожать. Она так и сделала, но к тому времени, как ты туда добрался, она уже заткнула его. А ты всё довершил.

– Это был не первый раз, когда я убил мужчину, чтобы защитить женщину.

– Я слышал, их было трое.

– Нет, это был другой раз. Можешь ли ты винить меня за это?

– Нет. Хотя тебе не следовало пытаться на этом заработать.

– Её сукин сын оставил ей по завещанию один доллар. Дом и всё остальное отходили его сестре из Ньюарка. Кресте он об этом сообщил. Он задолжал ей этот выкуп за то, что она терпела его так долго. И ты, в самом деле, думал, что я собираюсь что-нибудь забрать себе?

– Не имеет значения, что я думаю, Карсон. Если бы ты оставил всё как есть, Криста, вероятно, отделалась бы самообороной, ты оправданным убийством. А шутка с похищением всё это делает похожим на преднамеренное убийство.

– Не с моей точки зрения. И не с твоей, если ты согласишься на это как я.

Я отпил ещё немного его пойла.

– Ты использовал меня, Карсон. Тебе нужен был козел отпущения, который сообщил бы копам, что видел передачу выкупа, за этим ты меня и нанял. Ты подставил меня, чтобы я не увидел слишком много. Я смотрю на это по-твоему до определенного момента, а потом у меня начинает болеть голова.

– Это должен был быть ты, Филип, – сказал он. – Ты был единственным, на кого я мог рассчитывать, когда дело зашло так далеко. Я сказал Ховаку быть помягче.

– Поэтому я даю тебе шанс сдать пушку до того, как сюда понаедут копы. Это будет хорошо выглядеть на суде. – Я протянул руку.

Он покачал головой.

– Я не могу так поступить.

– А я и не думал, что сможешь. – Я стал подниматься. Он присел, расставив ноги, и я остановился.

– Ты первый, – сказал он.

– Садись?

– Было так, когда те трое убийц пришли за мной в Макалестере.

– Это было тридцать семь лет назад.

– Тридцать восемь. Я старше, и мне нужно преимущество.

– Это совсем не обязательно, Карсон.

– Доставай.

Я выхватил «люгер» из открытого верхнего ящика стола и прострелил ему плечо, пока он всё ещё доставал свой «кольт». Он ударился спиной о стену и выронил его. Схватился за плечо.

– Он всё это время был у тебя под рукой.

– Была долгая ночь, – сказал я. – И мне тоже нужно было преимущество.

– Вот так всё и начинается.

Во второй раз за эту ночь я услышал сирены.

Я пришёл к Чандлеру довольно поздно, уже после того как опубликовал свою первую книгу, и был рад увидеть в нём родственную душу. Задолго до того, как я его прочёл, я экспериментировал с экзотическими сравнениями и метафорами, и восемь лет обучения искусству убедили меня в важности визуальных эффектов, вещей, тесно связанных с творчеством Чандлера. Я продолжаю перечитывать все его произведения, используя их как своего рода путеводную звезду, напоминающую мне, откуда я вышел и как далеко мне предстоит оказаться. Он был и остается, независимо от жанра, лучшим американским стилистом этого столетия.

Лорен Д. Эстлеман

ДЖОЙС ХАРРИНГТОН

СПАСАЯ ГРЭЙС

1938

Художник Пол Ривош

Т

ЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК раздался в самый разгар сна с хорошим скотчем с

привкусом дыма и смеющейся зеленоглазой блондинкой, готовой вот-вот выскользнуть из чего-то очень удобного.

Оператор спросила меня, не Филип ли я Марлоу, и вопреки здравому смыслу я признал свою вину. Затем она спросила меня, приму ли я звонок из Санта-Розы. Я был слишком не в себе, чтобы расслышать имя. Пустая квартовая³⁵ бутылка, радостно взиравшая на меня с подоконника, мне явно не приснилась. Несмотря на бетономешалку где-то между ушей и песчаную дюну во рту, мне удалось сесть. Моё внимание привлекла та часть, в которой упоминалась Санта-Роза. Я сказал:

– Конечно. Почему бы и нет? Может быть, давно забытый родственник оставил мне миллион «симолеонов»³⁶.

Голос, услышанный по телефону, отбросил меня где-то на десять лет назад.

– Филип? Это ты? Ты, наверное, меня не помнишь. Это твоя кузина Джун.

– Кто умер? – спросил я. – И когда я получу свой миллион?

Она захихикала — пронзительное хихиканье, заставившее меня вспомнить об аттракционе с автоматической старухой, которая за пенни предсказывает судьбу, бездумно кудахча в стеклянной клетке.

– Ты всегда был шутником, Филип, – прошептала она. – Никто не умер. Во всяком случае, пока. Но именно по этому поводу я и должна с тобой встретиться.

– Вам не обязательно встречаться со мной по какому-либо поводу, леди. У меня никогда не было кузины Джун, Мун, да хоть Спун³⁷. И как бы мне ни было неприятно прерывать разговор с такой милой и юной штучкой как Вы, но я всё-таки предложу Вам пойти и найти кого-нибудь другого, с кем можно поиграть в телефонные игры.

Я швырнул трубку, затушил окуроч в пепельнице, итак переполненной его дохлыми собратями, и попытался наверстать упущенное во сне.

Не получилось. Кузина или нет, Роза Джун из Санта-Розы стронула с места состав, полный мыслей, который мне обычно удаётся удержать на запасном пути. Нет ничего глупее курицы, если только это не яйцо. Я честно познал эту глубокую народную мудрость. Родился я в Санта-Розе, и моей первой работой, когда я ещё учился в средней школе, была упаковка яиц на одной из местных куриных ферм. Яйца затем отправлялись в такие места, как Сан-Франциско и Лос-Анджелес, а я оставался в Санта-Розе, среди перьев и запаха куриного помёта. Но ненадолго.

Телефон зазвонил снова. Я схватил трубку и закричал: «Нет!»

На этот раз это был не оператор. Джун сказала:

– Ну, совсем не обязательно так раздражаться. Даже если ты меня не помнишь, то я-то тебя помню. Иногда о тебе пишут в газетах. Однажды там даже была твоя фотография. Итак, не мог бы ты заехать в Санта-Розу, чтобы я могла поговорить с тобой об одной моей проблеме?

³⁵ 1 американская кварта для жидкостей = 0,9463 л.

³⁶ Ещё одно жаргонное название доллара.

³⁷ Июнь, Луна, ложка (англ.)

– Нет.

Она вздохнула.

– Я так и думала. Поэтому я здесь, в Голливуде. Я и моя сестра Джэнуари³⁸. Это она изображала оператора. Теперь ты нас вспомнил? Мы те самые близнецы Эбботт. Она сейчас замужем, а я нет, но мы всё ещё близнецы. И я знаю, что на самом деле мы не кузены, но после того, как ты поцеловал меня за спортзалом, ты сказал, что мы могли бы быть «целующимися кузенами».

– Я так сказал?

– Это было самое приятное, что мне когда-либо говорили.

– Когда это было?

– О, должно быть, было лет пятнадцать назад. Может, шестнадцать.

– И ты это помнишь.

– Да. А ты нет.

– Полагаю, с меня за это причитается. Где, ты говоришь, остановилась?

Она назвала какой-то клоповник на Мелроуз.

– Но я могла бы приехать к тебе домой. Мы с сестрой хоть и ехали всю ночь, но ни капельки не устали.

– Ну, а я устал. Приходи ко мне в офис утром.

– Уже утро, глупышка.

– Я имею в виду, попозже этим утром. Давай...

Я покосилась на будильник, которому ещё ни разу не удалось меня разбудить. Было девять тридцать. Мне стоило предположить, что уже утро. Венецианские жалюзи и тёмно-коричневые портьеры из материала, подходящего для монашеской рясы, не пропускали солнечный свет в единственное окно моей спальни.

– Пусть будет одиннадцать тридцать.

Я дал ей адрес своего офиса и отправился под холодный душ.

Я узнал их в ту же минуту, как увидел. Они сидели бок о бок на двух прямых стульях, которые я держу в своей приёмной на случай, если одновременно ко мне придут два клиента. Или хотя бы в один день. Приёмную я никогда не запираю. В ней нет ничего ценного, а мне бы не хотелось отговаривать кого-либо меня подождать, пока я не покончу с текущим делом или похмельем.

Джун была абсолютно права насчёт Санта-Розы и даже насчёт поцелуя за спортзалом. Они с сестрой были однойцевыми близнецами. В каждой школе есть некрасивая девочка. Девочка, которую никто не любит и с которой не хотят дружить. Санта-Розе повезло. У нас таких было две. Близнецы Эбботт, Джун и Джэнуари. Я поцеловал Джун за спортзалом под проливным дождем, потому что другие девочки украли её одежду, а затем столкнули её в овраг, в самую большую в мире грязевую ванну. Стоял декабрь, было холодно, и в течении около трёх недель до этого шёл дождь, как это иногда случается в северной Калифорнии.

Я отдал ей свой дождевик, поцеловал в перепачканный грязью лоб и отвёз домой на своём драндулете. Затем я вернулся в школу, нашёл тех девочек и взял их с собой на куриную ферму отведать контрабандного самогона, которые я там держал, а потом я запер всех четверых на ночь в одном из курятников. Все они были мертвецки пьяны, когда я защёлкивал замок, так что не очень-то возражали. Не так, чтобы сразу.

³⁸ Джун (англ. June) – Июнь, Джэнуари (англ. January) – Январь.

Пятнадцать лет мало что изменили в близнецах. Они оставались такими же безобразными. Безобразие не так уж плохо, если у вас есть ещё что-то, на что можно отвлечься, когда каждое утро смотрите в зеркало. Посмотрите на Элеонору Рузвельт.

Но близнецы пытались убедить мир и самих себя, что платиновые блондинки-неваляшки с ярко-пурпурными губами-бантиками купидона и выщипанными до тонкой линии бровями – это фантастически круто. На Харлоу это работало, но она умерла. А с ними это выглядело нелепо и жалко.

Одна из них вскочила и бросилась ко мне. Другая развалилась на шатком деревянном стуле и скрестила свои мускулистые ноги, вытянутые в моём направлении. Одеты они были одинаково, в зелёный шифон в белый горошек со множеством оборок и завитушек, и веяло от них ароматом «Вечера в Париже». Их маленькие толстые ножки были втиснуты в белые туфли детского размера с Т-образным ремешком, из-за которого на подъёмах выделялись четыре неприятных на вид выпуклости.

Та, что повисла на мне, ухмыльнулась мне в подбородок и попыталась хрипло прошептать: – Теперь ты меня припоминаешь? Я тебя помню, но ты стал намного выше. И красивее.

Другая пропищала голосом, который поразительно напоминал кудахтанье кур в Санта-Розе:

– Хватит валять дурака, Джун. Это была твоя идея. Я всё ещё полагаю, что она воняет, но давай перейдём к делу, раз уж мы здесь.

– Хорошая мысль, – ответил я ей, отпирая дверь своего кабинета. – Проходите, пожалуйста, в кабинет и расскажите мне обо всём.

Обстановка здесь не очень сильно изменилась с тех пор, как я ушёл отсюда прошлым вечером. Даже воздух остался тем же самым, густым и спёртым, от избытка сигаретного дыма и недостатка озона. Я открыл окно, чтобы оживить атмосферу выхлопными газами от уличного движения на бульваре Кахуэнга.

Близнецы разобрались между собой, Джэнуари плюхнулась в кресло для посетителей, а Джун прислонилась к ряду из пяти зеленых металлических картотечных шкафов, которые я купил на распродаже. Если дела не пойдут лучше, мне придется вернуть их заполненными ещё меньше, чем когда я их заполучил.

Их было легко отличить друг от друга, несмотря на то, что они были очень похожи. Джэнуари источала угрюмое недовольство, горьковатая аура джина боролась с ароматом её духов. Джун, по крайней мере, сохранила искру жизнелюбия в своих маленьких глазках-пуговках.

Она подмигнула мне и сказала:

– Даже не знаю, с чего начать.

– Как насчёт начала, – предложил я.

Я устроился в кривобоком вращающемся кресле за столом и положил шляпу на телефонный аппарат. Это не помешало бы ему зазвонить, если бы ему вдруг вздумалось, но, судя по тому, как идут дела в последнее время, особой опасности это не представляло.

Джун вздохнула и открыла свою белую кожаную записную книжку, двойняшку той, что лежала на коленях у Джэнуари. Вытащила фотографию с обрезанными краями и прижала её к своей отнюдь не маленькой груди. Джэнуари выпрямилась и бросила на сестру злобный взгляд.

– Ну, ведь мы же хотим его найти, так ведь? – взмолилась Джун.

– Мне всё равно, даже если я больше никогда не увижу этого сукина сына! – тщательно накрашенные губы Джэнуари скривились в злобном оскале. Это почти сделало её привлекательной.

– Но, Джэн, с ним же Малышка Грэйс. Мы же хотим вернуть её, не так ли?

– Если он причинит вред ребёнку, я убью его. Клянусь Богом, я оторву его причиндалы и запихну их ему в глотку.

Вечеринка становилась немного грубоватой для моих нежных чувств.

– Дамы, дамы, – я попытался разрядить обстановку. – Ваша сестринская привязанность трогательна, но если мы хотим чего-то добиться, то должны придерживаться бесстрастного подхода. Кто-то пропал?

– Нет! – закричала Джэнуари.

– Двое, – перебила её Джун. – Муж Джэн, Уолтер, и их дочь, Малышка Грэйс.

– Они не просто пропали, – проскрежетала Джэнуари сквозь зубы, которые всё это время пытались размельчиться друг об друга в зубной порошок. – Он её похитил. Когда я до него доберусь, он умрёт. И мне всё равно, если кто-то об этом узнает.

Она открыла свою сумочку и вытащила самый маленький пистолетик, который я когда-либо видел. Он почти затерялся в её пухлой розовой лапе, но у меня не было никаких сомнений, что со своей задачей он справится.

– Вы умеете им пользоваться? – Спросил я её самым мягким и рассудительным голосом, на который был только способен.

– Чёрт возьми, ещё бы! Прямо между глаз старине Уолтеру Уотсону, когда его найду.

Она направила пистолет на меня, исключительно для того, чтобы показать мне, как хорошо она умеет целиться.

– Что ж, это просто замечательно. Но пока, не могли бы Вы его убрать? Если Вы в меня выстрелите, случайно, конечно же, то я не смогу помочь Вам найти Уолтера, не так ли?

Она развернула пистолет, направив его на сестру.

– С таким же успехом и ты могла бы всё рассказать. Я просто ненавижу кому-либо рассказывать. Всё это так отвратительно.

– Ну-ну, милая, – сказала Джун. Тебе вовсе не обязательно говорить ни слова. Я знаю, как это тебя расстраивает. – Она бочком подобралась к сестре и протянула руку ладонью вверх. – Почему бы тебе просто не отдать мне это. Невежливо наставлять пистолет на того, кто пытается тебе помочь.

Пока они размышляли о тонкостях этикета обращения с пистолетом, я незаметно выдвинул ящик и положил руку на свой «тридцать восьмой». Держал я его там как раз для таких светских случаев.

Но Джэнуари засунула свою смертоносную игрушку обратно в сумочку и вытащила вместо неё коричневую стеклянную бутылочку с лекарством.

– Это для нервов, – пробормотала она, отвинчивая крышку. – Я ужасно нервничаю.

Она отхлебнула из бутылки, причмокнула губами и закрыла крышку обратно, не предложив никому другому сделать такой же изящный глоток. Эмили Пост³⁹ бы такого не одобрила.

Джун вразвалочку подошла и положила передо мной на стол фотографию.

³⁹ Эмили Пост (урожденная Прайс; ок. 27 октября 1872 – 25 сентября 1960) – американская писательница, романистка и светская львица, известная своими работами об этикете.

– Это он, – сказала она, – с Малышкой Грэйс.

Я уставился на высокого, худощавого джентльмена в купальном костюме. Он щурился на солнце, прячась за орлиным клювом и широкой улыбкой, переполненной ехидства. Малышке на его плечах на вид было лет пять-шесть. Её светлые волосы были уложены обязательными кудряшками, а маленькие ручки были прижаты к ушам парня. Её ноги с босыми ступнями болтались у него на груди, их пальцы были скрючены. Но именно её глаза дали мне ясно понять, что ей не нравится находиться там, где она была, так высоко над этим миром. Они были большими и испуганными, а рот маленьким и сжатым. Зыбкая полоска воды блестела на солнце позади них.

– Снимок сделан на Клир-Лейк около трёх недель назад, – сказала Джун. – Уолтер пытался учить её плавать.

– Забудь о плавании, – пробормотала Джэннуари. – Видел бы ты, как она отбивает чечётку. Да она могла бы успеть сколотить состояние в кино, прежде чем состарится. Она самая симпатичная малышка в мире. Уолтер не имел права...

Она замолчала, разразившись потоком пропитанных джином рыданий.

Материнская любовь. Голливуд в те дни был ею переполнен. Они приезжали из Айовы, Небраски и Канзаса. Жадные женщины с суровым взглядом и их нарядные, накрашенные куколки-дочери. И все пытаются стать следующей Ширли Темпл⁴⁰. Судя по тому, как я всё понял, близнецы шли по горячему следу Уолтера, который либо пытался спасти свою маленькую дочь от того, что её сердце будет разбито равнодушием киношников, либо опередил маму Джэн и тётю Джун в продаже их товара. В любом случае, это дело было не по моему профилю.

Я оттолкнул от себя снимок.

– А что, разве в Санта-Розе больше нет полиции? – спросил я.

– Кучка тупоголовых кретинов, – огрызнулась Джэннуари. – Я бы не обратилась к ним найти нос Джимми Дуранте⁴¹. Кроме того, мы думаем, что Уолтер где-то в Лос-Анджелесе. Его сестра Люсиль работает швеей на одной из студий. Я ей вчера звонила, и её голос показался мне неприятнее, чем обычно. Она сказала, что не видела Уолтера уже несколько месяцев. Но я ей не верю. Она ненавидит меня и была бы просто в восторге, если бы Уолтер ушёл от меня и забрал с собой Малышку Грэйс.

Во время нашего разговора Джун сидела на краю стола. Теперь же она наклонилась и взяла меня за одну из рук, которая по своим делам находилась рядом с ней.

– Филип, ты должен нам помочь, – выдохнула она. – Есть ещё кое-что... Мы думаем... Я имею в виду... У нас есть веские основания полагать, что Уолтер что-то делает с Малышкой.

Её круглое лицо приобрело цвет высохшей слизи, отчего пятна румян на её щеках выделялись, как световоры в Мохаве⁴².

– Что именно? – кротко спросил я. Знаю, знаю, я плохой парень, который заставляет её назвать неназываемое.

⁴⁰ Ширли Темпл (23 апреля 1928 — 10 февраля 2014) — американская актриса, певица, политик. Современными киноведами считается самой популярной детской актрисой всех времён.

⁴¹ Джеймс Фрэнсис «Джимми» Дуранте (10 февраля 1893 — 29 января 1980) — американский певец, пианист, комик и актёр. Его грубый, резкий голос, нью-йоркский акцент, юмор, джазовые композиции и выступающий нос сделали его одним из самых известных и популярных личностей Америки в 1920—1970 годах.

⁴² Мохаве — пустыня на юго-западе Соединённых Штатов Америки, занимает значительную часть южной Калифорнии, юго-запад Юты, юг Невады и северо-запад Аризоны.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – уклонилась она. – Он всегда берёт её на руки, целует и обнимает. Мы никогда не заставляли его за чем-то большим, но он часто остаётся с ней наедине. Он заботится о ней, пока мы с Джэн работаем в салоне красоты.

– Диву даюсь, девочки! Он её отец. А что он должен делать? Относиться к ней как к предмету обстановки?

Джун убрала свою руку, оставив на моей липкую плёнку пота. Она безнадежно вздохнула и поникла, как сдувшийся резиновый матрас.

– Надо было догадаться, – сказала она. – В подобное никто не хочет верить. Нам самим потребовалось довольно много времени, чтобы хотя бы даже позволить себе допустить мысль о таком. Теперь ты знаешь, почему Джэн так расстроена. И почему мы не считаем возможным обратиться в полицию. Если всё это всплывет, то может испортить жизнь бедной девочке.

В том, что она сказала, была доля правды. Сплетни в маленьком городке могут стать смертельно опасными. Присущий американцам врождённый инстинкт убийцы есть не только у бандитов и подонков. Уничтожение репутации – одно из величайших развлечений деревенских святош, а, насколько я помнил, в Санта-Розе ханжества, было больше, чем требовалось.

После вспышки активности Джэн в кресле сонно покачивала головой, то ли соглашаясь с обвинениями Джун, то ли пребывая в ступоре от джина, точно я сказать не мог. Теперь же она величественно поднялась на своих крошечных ножках.

– Давай убираться отсюда, – прохрипела она. – Этот парень выворачивает наизнанку мой желудок.

Она сложила на свои лапы на животе, как бы помогая удержать его на месте.

– Ничтожество. Он не хочет нам помогать, так что давай найдём Малышку Грэйс сами.

Она прошествовала к двери кабинета и распахнула её настежь. Затем она повернулась и собрала в кулак всё презрение, накопившееся за двадцать восемь – тридцать лет жизни в качестве одной из близняшек Эббот.

– Надеюсь, ты сдохнешь, – ласково произнесла она. – И надеюсь, ты будешь умирать медленно и в мучениях. Ты занят паршивым делом в паршивом городе, но это тебя устраивает. А я бы даже не наняла тебя даже вывезти мусор. Ты слишком... слишком... отвратителен для этого.

Она начинала мне нравиться. В ней была какая-то неприкрытая честность, которая компенсировала фальшивый лоск волос, осветлённых содержимым склянок, и изобилие косметики.

– Подождите, дамы, – сказал я. – Я не сказал, что не возьмусь за это дело. Так получилось, что сейчас у меня затишье. И я могу уделить день или два.

– О, это просто замечательно... – пробормотала Джун, приобретая свой полный размер. – Я так и знала, что ты это сделаешь.

– Но твоя сестра должна перестать называть меня отвратительным. Я очень чувствительный парень. Согласен на паршивый, но это и всё.

После того как я узнал подробности о цвете волос, глаз и тому подобном, во что были одеты пропавшие, когда их видели в последний раз, и на какой машине ездил Уолтер, я попросил адрес его сестры.

– Мисс Её Надменная Презрительность Люсиль Уотсон проживает в Бэй-Сити, – сказала Джэнуари и назвала мне номер улицы в захудалом районе за пирсом с аттракционами. – Тебе обязательно надо с ней разговаривать? Она будет рассказывать обо мне гадости.

– Обещаю услышать не больше, чем потребуется. На какой студии она работает?

Январь назвал одну из самых крупных – фабрику грёз, где армия бедных недотёп считает, что им крайне повезло, что у них есть возможность стучать молотками, пилить, шивать и раскрашивать свою жизнь. Думаю, так и есть. Платят им еженедельно.

Больше они ничего не могли мне сообщить, поэтому я спустился с ними на лифте, что было весьма рискованной поездкой, учитывая общий вес близнецов и ветхое состояние механизма.

Запихнув их в помятый «додж родстер» и показав, где можно пообедать, я вернулся в офис и начал работу с телефонных звонков.

Ни одна из крупных студий не объявляла набор новых куколок, и только на одной из них за последнюю неделю появилось кто-то новый моложе шестнадцати лет – британский чудопитомец, привлечённый одним из боссов по своим не столь уж неясным причинам. Где-то в Ущелье Гауэр⁴³ ещё сохранились жалкие остатки независимых студий, но в наши дни даже ковбои-пенсионеры не могли там найти работу.

С другой стороны, у Уолтера Уотсона действительно были своего рода связи. Пришло время нанести визит мисс Люсиль Уотсон.

Я отправился на студию, где она работала. Один из охранников был полицейским на пенсии, который знал подноготную того, из-за чего меня несколько лет назад уволили из офиса окружного прокурора. Он мне обрадовался.

– Ах, Филли, – простонал он, – разве не ужасно то, как город обходится с тобой? Мне следовало бы отправиться куда-нибудь в горы рыбачить на озёрах, но попробуй заняться этим на пенсию полицейского, и ты станешь героем на стороне закона. А теперь посмотри на нас обоих. Простофили от слова «просто».

– Закон, вот простофиля, – возразил я ему. – А шлюхи всегда простофили. Они продадут себя каждому, кто помашет банкнотами, и забудут, каково это – остаться чистым. Мне нужна твоя помощь, Ральф. Ничего такого, что могло бы навлечь на тебя неприятности.

– Скажи что, и получишь, – сказал он, ухватив меня за плечо так, что это напомнило, как он обычно хватал преступников, когда тащил их в фургон. Я постарался не поморщиться; он старался выглядеть дружелюбным.

– Мне надо поговорить с мисс Люсиль Уотсон. Она работает здесь швейей.

– Конечно, – сказал он, – я её знаю. Высокая худая брюзга в очках со стёклами, напоминающими дно у рюмки. Но сегодня я её не видел. И, если подумать, то вчера тоже. Дай-ка я сверюсь со списком.

Он нырнул в свою будку два на четыре рядом с воротами и показался через несколько мгновений, покачивая головой.

– На больничном с прошлой недели, – сказал он. – И я не знаю, где она живёт.

– Вот чёрт, – отозвался я. – Она из Бэй-Сити, но я надеялся застать её здесь. В Бэй-Сити меня не слишком любят.

Он громко расхохотался и проревел:

– Задай им жару, Филли! Эти придурки, по сравнению с тобой, просто клоуны, впрочем, так оно и есть.

Когда я удалялся от студии, солнце било мне в глаза, а жара врывалась в открытые окна, как будто снаружи случился взрыв на сталелитейном заводе.

⁴³ Прозвище пересечения бульвара Сансет и Гауэр-стрит в Голливуде.

Как только я въехал в Бэй-Сити, то остановился у аптеки и купил коробку шоколадных конфет у маленького опрятного пожилого джентльмена в белом халате фармацевта. Он улыбнулся, заворачивая коробку в зелёную бумагу и перевязывая её жёлтой бечевкой.

– Подарок для твоей сладкой, – пробормотал он. – Как мило. Она просто счастливица.

– Спасибо, папа, – сказал я, убирая сдачу в карман. – Я передам ей, что ты так сказал. Но она может не согласиться.

Грязно-белое оштукатуренное бунгало мисс Люсиль Уотсон я обнаружил в ряду других точно таких же. От других её отличало наличие белого забора из штакетника вокруг двора перед домом и огромным кустом гортензии, который находился за ним.

Я нажал на кнопку звонка и услышал, как он зазвонил где-то внутри дома. Выкрашенная в красный цвет дверь смотрела на меня с деревянным безразличием и оставалась закрытой. Я позвонил ещё раз и обернулся, чтобы осмотреть двор перед домом. Под гортензией лежал Чарли Маккарти⁴⁴. Его рот был открыт, но он ничего не говорил.

Дверь со скрипом приоткрылась примерно на дюйм, и на меня уставился слезящийся глаз. Голос прохрипел:

– Я ничего не покупаю. Уходите.

– А я ничего не продаю. На этой неделе я раздаю. – Как воспитанный мальчик, я снял шляпу. – Вы Люсиль Уотсон? Если это так, то Вы только что выиграли еженедельный приз «Лучшему слушателю недели» от радиостанции «Синяя сеть».

Я помахал коробкой шоколадных конфет.

– Всё, что от Вас требуется, ответить на несколько простых вопросов.

Глаз убрался от двери и вернулся, увеличенный толстой линзой. Линза посмотрела на коробку с шоколадом, а затем на моё лицо.

– Какие вопросы?

Дверь со скрипом приоткрылась чуть шире.

– Ничего особенного, но мне нужно убедиться, что Вы слушаете радио. У вас ведь есть приёмник, так?

– Конечно, слушаю, – огрызнулась она.

К этому времени дверь была приоткрыта достаточно широко, чтобы я смог рассмотреть обе линзы, жёсткую волнистую, как накрученную пальцами, покрытую лаком копну и накрахмаленное лавандовое с белым домашнее платье с поясом натянутое на жалкую раму. Линзы покоились на остром любопытном носу, не совсем таком, как орлиный клюв Уолтера, но явно находящемся с ним в родственных отношениях. Она облизнула тонкие бледные губы и протянула за коробкой костлявую руку.

– Нет-нет-нет, – сказал я, убирая коробку за спину. – Нельзя дотрагиваться, пока я не увижу приёмник, и Вы не расскажете мне о своих любимых программах.

– О, ну, заходи, – сказала она. – Думаю, вреда от тебя не будет. Если что, шляпная булавка куда надо быстро научит тебя хорошим манерам.

Гнусавый говор выдавал в ней беглянку из Страны Высокой Кукурузы.

Она провела меня через маленькую тёмную прихожую в ещё более тёмную гостиную, обставленную массивной мебелью из какой-нибудь католической миссии. Радиоприёмник был одной из напольных моделей «Филко» с круглой зелёной шкалой настройки. Шла очередная глава послеполуденной агонии из жизни молодого Уиддера Брауна.

⁴⁴ Известная кукла чревовещателя Эдгара Бергена. Была одета в свой знаменитый цилиндр, смокинг и монокль. На иллюстрации к рассказу изображена именно она.

– Вот он, – сказала она. – А мои любимые программы – «Семья одного человека» и «Джек Бенни». А Вам за это платят?

– А что насчёт детей? Что им нравится?

– Я не замужем, – огрызнулась она.

– Прошу прощения, мисс Уотсон. Во дворе я увидел куклу. И подумал, что она кого-то из Ваших детей.

– Какая кукла? – Она подошла к окну и раздвинула тяжёлые шторы.

– Один из Чарли Маккарти. Кажется, такой в наши дни есть у каждого.

– Это моей племянницы, – сказала она. – Она гостила здесь со своим отцом. Бедняжка. Будет скучать по этой кукле. Она её так любит. Думаю, придётся ей её отослать.

– Они вернулись домой? – спросил я.

– А тебе-то какое дело?

– Абсолютно никакого, – признался я, в своей лучшей манере работая под простофилю. – Просто мне кажется, что детям лучше расти там, где люди усердно работают и ходят по воскресеньям в церковь.

Я надеялся, что не слишком перегибаю.

– Я бы предположил, что Вы из Айовы.

– Я много работаю и хожу в церковь по воскресеньям. Но ты прав, юноша. Мой брат забрал Малышку Грэйс с собой домой в Каунсил Блаффс. Так что теперь насчёт конфет?

Я протянул коробку.

– Должно быть, маленькой девочке тяжело не иметь матери, – заметил я.

– Кто тебе это сказал? – спросила она, срывая зеленую бумагу.

– Никто. Но Вы не упоминали мать Малышки. Она умерла?

– Это было бы благословением. – Она открыла коробку, выбрала вишенку в шоколаде и отправила её в рот. – Она с самого начала была для бедного Уолтера сущим испытанием, пьяница и блудница. А я ведь его предупреждала. Но он не слушал. Но когда она начала это с маленькой Грэйс, это было уже чересчур. Уроки чечётки и перманентные завивки. Накрасить её и заставить петь в баре. Каково это, я вас спрашиваю?

Её слова были липкими от шоколада и негодования.

– Да, мэм, – сказал я. – Ну, значит, они уже на пути домой.

Она съела ещё одну конфетку и уставилась на меня сквозь свои линзы.

– Вам очень интересно узнать о моём брате и его местонахождении, не так ли? Никогда не слыхала ни о какой ерунде, связанной с «Лучшим слушателем» на «Синей сети». Но зато слышала о том, что любопытство убивает кошку⁴⁵.

Её линзы направились куда-то поверх моего левого плеча. Прежде чем я успел обернуться, чтобы посмотреть, что там, вся мебель католической миссии обрушилась мне на голову. В нос ударил запах ковровой пыли, а во рту появился привкус железа. Последнее, что я услышала, был тоненький голосок, кричащий: «Мамочка!»

И первое, что я услышал, когда вновь обрёл эту способность, было «Чёрт возьми, Джек, это цикута!» из «Филко». Послеобеденная агония переросла в настоящее приключение, и известный всем американцам парень шёл по горячим следам злодеев в душных

⁴⁵ Английская пословица, используемая для предупреждения об опасностях ненужных исследований или экспериментов. Она также подразумевает, что любопытство иногда может привести к опасности или несчастью.

тропических лесах Амазонии. В то время как победитель всеамериканского конкурса болванов вынужденно прикорнул на аксминстерском ковре⁴⁶. Я приподнял одно веко и увидел крошечную чёрную туфельку в трёх дюймах от своего носа.

Чарли Маккарти сидел, прислонившись к ножке стула, и самодовольно ухмылялся. Я ожидал, что он отпустит одну из своих остроумий, и не стал бы винить его, если бы он так и поступил. Я это заслужил. Но он просто сидел и смотрел, как я поднимаюсь на колени и ощупываю больное место у себя на затылке. Крови нет. Просто кашеобразный комок, который мог образоваться от удара бейсбольной битой или лома. Уолтер Уотсон хорошо прицелился. Шишка была точно по центру моего черепа.

Закончив изучать своё отношение к боли, я заметил, что в деревянной руке Чарли сжимает листок бумаги.

– Спасибо, приятель, – сказал я, забирая его у него. – Ты зависаешь с приятной компанией.

В записке говорилось: «Джун должна была рассказать, что болтала о тебе с тех самых пор, как в газете появилась твоя фотография. Мы тебя ждали. И спроси её о мистере Хэпе Дилэйни. А Джэн передай, что с Грэйс всё в порядке». Подписи не было. Я выключил радио, когда оно пропело: «А ты про-о-о-обовал пшени-и-и-ичные хло-о-о-опья?»

Потом положил записку в карман, сунул Чарли Маккарти под мышку и совершил быструю экскурсию по бунгалу. В маленькой задней спальне стояли односпальная кровать и раскладушка. Под детской кроваткой я нашёл розовый детский пляжный костюм с пятнами от сидения на траве.

Вторая спальня была ненамного больше. Я узнал, что мисс Люсиль Уотсон читала перед сном Библию и носила зубные протезы. Кухня вообще ничего мне не сообщила, если только не принимать в расчёт аккуратность хозяйки. Люсиль была поклонницей «Фелс-Нафты»⁴⁷. И на этом всё. Ни намёка на то, куда они упорхнули. Один только несомненный факт, что Уолтер и Малышка Грэйс были здесь, а теперь их тут нет.

И я сделал единственное, что мог. Имя Хэпа Дилэйни прозвучало как колокольчик вдали. Что-то связанное организацией деятельности детей-карманников в кинотеатрах по всему городу. Эдакий Феджин⁴⁸ наших дней. Но, вроде как, это было давно, но, с тех пор, я ничего о нём не слышал. Я вернулся в затхлую гостиную, страдающую от избыточного веса, поднял трубку и попросил оператора соединить меня с «Голливуд Ситизен Ньюс». У моего периодического собутыльника и предсказателя по любому поводу Бенни Флиндерса, возможно, имеются какие-нибудь актуальные сведения.

Когда Бенни подошёл к телефону, его голос напоминал голос страдающего от несварения желудка больше, чем обычно.

– Ты мне просто скажи, Марлоу, – простонал он. – Как быть парню, которому его девушка даёт от ворот поворот, костоправ советует бросить пить, а волосы начинают выпадать клочьями размером со стог сена? Где ты пропадал, малыш? Я не видел тебя месяц или около того.

Бенни разговаривал как старик с тех пор, как я с ним познакомился, а по возрасту он был гораздо ближе ко мне, чем к Мафусаилу⁴⁹.

Я спросил его о Хэпе Дилэйни, и он рассмеялся.

⁴⁶ Имитация восточного ковра.

⁴⁷ Американский брэнд хозяйственного мыла.

⁴⁸ Персонаж-антагонист в романе Чарльза Дикенса «Приключения Оливера Твиста», возглавляющий группу детей, которых он учит зарабатывать на жизнь карманными кражами и другими видами преступной деятельности в обмен на крышу над головой.

⁴⁹ Согласно Библии, один из праотцов человечества, сын Еноха, потомок Сифа. Прославился своим долголетием: прожил 969 лет. Старейший человек, чей возраст указан в Библии.

– Без проблем, – сказал он. – Вышел из тюрьмы около полугода назад и сейчас подвизается как поставщик. Зная Дилэйни, это должно быть что-то незаконное, но пока на него ничего нет. У него офис где-то в Хайленде, но он там почти не бывает. Он разъезжает по побережью в поисках талантов. Называет себя агентом, специализирующимся на детях-актёрах. Между нами говоря, я думаю, речь идёт о покупке-продаже. Не знаю, кто с ним работает, но ходят слухи о вечеринках с участием совсем ещё детей. И я не имею в виду вождение хороводов. У тебя на него что-то есть?

– Пока не знаю, Бенни. Но как только я узнаю, это станет твоим. Спасибо.

На обратном пути в Голливуд, когда Чарли Маккарти устроился на сиденье рядом со мной, я попытался завязать с ним небольшой разговор.

– А теперь скажи мне вот что, мой деревянноголовый друг. Если близнецы Голди и Дасти⁵⁰ вели дела с Хэпом Дилэйни, и если Уолтер узнал об этом, то почему он не раструбил об этой сделке на весь свет?

Кукла ответила:

– Не будь дураком, ищейка. Уолтер хочет заполучить и деньги, и ребёнка.

– Какие деньги? – спросил я.

– Деньги, которые им троим заплатили за товар. А, может быть, только двоим из них.

– Кому – двоим?

– Сам разберёшься. Ты же детектив.

На большее меня не хватило. Ответы куклы вызвали только больше вопросов.

Был уже поздний вечер, когда я, наконец, припарковался на Хайленд-авеню через дорогу от здания, где, по моей информации, располагалось агентство Дилэйни. Лифтёром здесь был розовощёкий парень, который, казалось, был готов устроить песни и пляски. В офис Дилэйни на девятом этаже вела дверь в карамельную полосу, а за ней за столом в такую же полосу сидела миловидная бабуля.

– Привет, – проворковала она мне. На столе стоял круглый аквариум, полный леденцов. В одном углу стояла лошадка-качалка, а в другом – кукольный домик. – Чем мы можем Вам помочь?

– Мы можем сказать мне, здесь ли Хэп Дилэйни. – Я угостился зеленым леденцом и положил на стол одну из своих визитных каточек.

Когда она прочла моё имя вслух, воркование сменилось карканьем.

– Сегодня мы уже закрылись. Я как раз собиралась уходить.

Она потянулась за соломенной шляпкой с цветочками и нахлобучила её набекрень на своей седой макушке.

– Он ведь не собирался отправиться в Санта-Розу, так ведь? – спросил я.

– Санта-Что? – пробормотала она. – Не понимаю, о чём Вы говорите.

Она встала со стула и дикими глазами уставилась на приоткрытую дверь на другой стороне приёмной.

– Потому что, если это так, то ему не нужно отправляться так далеко. Товар, который у него украли, не покинул город. – Я говорил, обращаясь к приоткрытой двери, достаточно громко, чтобы тот, кто был по ту её сторону, мог слышать всё, что я скажу.

⁵⁰ Прозвище, часто используемое для описания двух талантливых людей, работающих в тесном сотрудничестве ради общей цели, особенно в спорте.

Дверь открылась, и милая старушка уселась обратно. Мужчина в дверном проеме немного походил на юного Санта-Клауса – круглые розовые щеки, круглый нос пуговкой, копна вьющихся рыжих волос и улыбка шириной с каньон Топанга. Просто всеми любимым дядюшка.

– Всё в порядке, Бесси, – сказал он. – Отправляйтесь домой. Я обо всём позабочусь.

Она выскользнула за дверь, а Хэп Дилэйни проводил меня в свой кабинет. Оформление в карамельную полоску просто поражало воображение. Одну сторону комнаты занимал фонтанчик с газировкой и три табурета. Повсюду были куклы и плюшевые мишки, в том числе парочка Чарли Маккарти.

– Итак, Вы Филип Марлоу, – сказал он. – Слышал о Вас. Садитесь, садитесь. Я бы предложил Вам выпить, но в баре есть только сарсапарилла⁵¹. Чем могу быть полезен?

Я присел на диван между кукол Ширли Темпл и пятерняшек Дионн.

– Я разыскиваю девочку. Малышку Грэйс Уотсон. Маленькая птичка начирикала мне, что мне стоит поискать здесь.

Он весело рассмеялся.

– Вы знаете, сколько таких малышей проходит передо мной за неделю? Все они танцуют чечётку. Все они поют. Все они похожи друг на друга. Что я ищу, так это кого-нибудь, кто бы выделялся в этой толпе.

– А что происходит с теми, кто у кого этого нет? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Откуда я знаю? Возвращаются домой, вырастают и выходят замуж за соседского мальчишку. Если, конечно, мать им позволит.

– А не бывает так, что Вы, случайно, предлагаете им какую-нибудь другую работу, а?

– Например? – Он больше не улыбался.

– О, ну, я не знаю. Какая ещё работа может подойти пятилетней девочке?

– Послушай, Марлоу, – сказал он. – Это законный бизнес. Может, и не очень приятный, но всё законно и честно. Я не знаю, кто направил тебя сюда, но это абсолютно зря. Я не видел твою Малышку-как-её-там.

– Не возражаете взглянуть на фотографию? – Я вытащил снимок из кармана и протянул ему.

Он едва взглянул на него.

– Как я уже сказал, они все похожи друг на друга. А все матери думают, что смогут на них разбогатеть. И некоторые отцы тоже. Но если бы в эту дверь вошла обычная маленькая девочка с веснушками и косичками, её я бы узнал. Она бы выглядела по-другому. Понимаешь, о чём я? – Он вернул мне фотографию. – Что-нибудь ещё?

– Ну, если она появится, Вы могли бы позвонить мне. Она может быть со своим отцом. Визитку я оставил у Бесси.

Внизу, среди длинных теней, я скорчился в машине и стал наблюдать за фасадом здания. Ему потребовалось около двадцати минут, чтобы протиснуться наружу через вращающуюся дверь. Прямо у тротуара его ждало такси. Я наблюдал, как он направился в сторону Мелроуз, а затем развернулся и двинулся за ним. Что-то мне подсказывало, что я знаю, куда направляется Дилэйни, поэтому я рискнул и остановился, чтобы позвонить. Ральф, полицейский со студии, рассказал мне, где останавливаются нанятые работники, когда им приходится задерживаться на работе допоздна. Еще несколько монет, и Люсиль

⁵¹ Безалкогольный напиток, по вкусу напоминающий корневое пиво.

выдала мне для пущей убедительности главу и стих из Книги Второзакония. Я назвал ей время и место, и она ответила: «Посмотрим».

На первом этаже гостиницы, где остановились близнецы, было кафе. Сквозь зеркальное стекло я разглядел кого-то ярко-рыжего и платиновую блондинку, которые, склонившись друг к другу, сидели за маленьким столиком. Я оставил машину там, где парковаться было нельзя, прямо рядом со входом и направился в вестибюль гостиницы. Позвонил в номер близнецов по внутреннему телефону. Ответил невнятный голос.

– Немедленно спускайся в вестибюль, – сказала я.

– Ч-что?

– Ты хочешь вернуть Малышку Грэйс или нет?

– Но я даже не одета, – запричитала она.

– Оденься, протрезвей и спускайся вниз. Я буду тебя ждать.

Я повесил трубку, прежде чем она придумала другую причину, по которой она бы не смогла. Затем я устроился в вестибюле у входа в кафе, откуда можно было наблюдать за Джун и Хэпом Дилэйни.

Дилэйни больше не был похож на любимого всеми дядюшку. Он лаял на Джун, а та принимала это, опустив голову. Затем она подняла голову и начала лаять на него. Так продолжалось что-то около десяти минут. Они прерывались только, когда официантка наполняла их кофейные чашки.

Джэнуари устроилась рядом со мной, с обиженным видом и с сонными глазами.

– Взгляни на того мужика, – сказал я ей. – Когда-нибудь видела его раньше?

– Конечно, – ответила она. – Именно он говорил, что сможет устроить Малышку Грэйс в кино. Он приехал в Санта-Розу в поисках талантов и сказал, что она лучшая из всех, кого он когда-либо видел.

– Вот так просто вошёл в дверь и сказал? – спросил я.

– Ну, не совсем так, – застенчиво ответила Джэнуари. – В газете было объявление о прослушивании талантливых детей. Потому я и взяла Малышку Грэйс. Так это и было. Он даже приходил к нам домой, чтобы встретиться с Уолтером и Джун, просто чтобы показать, что всё в порядке. Потом мы все собирались приехать сюда, чтобы найти жилье, на то время, когда Малышка Грэйс будет начинать свою карьеру. Но Уолтер сбежал с ней прежде, чем мы успели это сделать. О чём он разговаривает с Джун?

Её пухлая рука взлетела ко рту.

– Боже ж ты мой! – выдохнула она.

– Что ещё?

– Контракт! Мы с Уолтером подписали контракт. Как думаешь, мистер Дилэйни может подать на нас в суд?

– Об этом не беспокойтесь, – ответил я ей.

– Но я хочу, чтобы Малышка Грэйс стала кинозвездой, – запричитала она. – Ей это вполне по силам. Она достаточно симпатичная.

– Так и есть. Она достаточно симпатичная, чтобы за твоей спиной Уолтер и Джун продали её Хэпу Дилэйни, чтобы он смог предложить её какому-нибудь любителю детей и игр с ними.

Она прищурилась, глядя на меня, и издала странный звук, который застрял у неё в глотке.

– Это грязно, – наконец выдавила она из себя. – Это самое грязное, что я когда-либо слышала. И даже Уолтер не способен ни на что подобное.

– Ты уверена? – спросил я её.

– Я больше не знаю, в чём я уверена, – простонала она.

Мне она больше нравилась, когда отрывала куски от моей шкуры.

– Что ж, тогда пойдём внутрь, – сказал я. – Нет ничего лучше, чем узнать всё из первых рук.

Я открыл дверь кафе и повёл её за собой. Джэнуари топала позади меня, как мать-слониха в поисках своего потерявшегося детёныша. Джун увидела нас первой и привстала со стула. Она изобразила на лице улыбку и замахала руками официантке.

– Ещё два стула! – крикнула она. – Похоже, у нас намечается вечеринка.

Джэнуари устремилась к ней с натиском «Армии солдатской надбавки»⁵², марширующей на Вашингтон.

– Я хочу своего ребенка. Где мой ребенок? Как ты могла так поступить со мной, Джун?

– Заткнись, – сказала Джун. – Ты опять напилась. Что ты за мать? Разве не видишь, что здесь мистер Дилэйни? Он хочет найти её не меньше нашего.

– Нет! – закричала Джэнуари. – Только не он. Где деньги, Джун? Я не видела никаких денег. Сколько он заплатил тебе за моего ребенка?

Официантка принесла два стула и попыталась поставить рядом с нами.

– Пожалуйста, сядьте, – прошептала она. – На вас смотрит менеджер.

Джэнуари один стул опрокинула, а другой подняла на уровне груди, как будто была укротительницей львов в небольшом цирке с одним манежем.

– Не будь смешной, – сказала Джун. – Почему бы тебе не выпить? Давай пойдём в бар.

– Тебе бы этого и хотелось, так ведь? – спросила Джэнуари. – Кто же это всегда готов купить мне бутылку джина? Кажется, я только сейчас начинаю кое-что понимать.

Хэп Дилэйни устало поднялся на ноги, и ради меня его улыбка вернулась на прежнее место.

– Семейные разборки, – сказал он. – Ненавижу оказываться в их гуще. А Вы?

Я положил руку ему на плечо и толкнул обратно в кресло. По ту сторону зеркального стекла я кое-что увидел – мужчину с орлиным носом и маленькой девочкой на плечах. И пару зеркальных линз, притаившихся за ним. Другую руку я положил на предплечье Джэнуари и помог ей опустить стул на пол. Она дрожала.

– Давайте все сделаем глубокий вдох, – сказал я.

Поднял стул, который опрокинула Джэнуари, и сел на него. Джэнуари устроилась на краешке своего. Официантка расслабилась, а менеджер вернулся к тому, чем обычно занимаются менеджеры гостиничных кафе, когда не ожидают какого-либо беспорядка.

И тут дверь на улицу открылась.

Джэнуари вскочила со своего стула и преодолела половину зала, прежде чем кто-то успел сказать хоть слово. Она забрала Грйс с плеч Уолтера, вернулась и села, посадив девочку к себе на колени.

– Хорошо, – сказал Хэп Дилэйни. – Давайте со всем этим покончим. Верните мне мои три тысячи, и я забуду, что когда-либо вас видел, ребята.

– У меня их нет, – сказала Джун. – Я отдала их Уолтеру.

Уолтер сказал:

⁵² Демонстрация голодного марша ветеранов Первой мировой войны, собравшихся летом 1932 года во время Великой депрессии в столице США городе Вашингтоне с требованием досрочно выплатить деньгами их контрактные военные сертификаты. Марш был разогнан 28 июля 1932 года.

– Ты мне не давала трёх тысяч. Скорее, три сотни. А я бы не продал свою Малышку за жалкие три сотни.

– Они что-нибудь сделали с тобой, детка? – прошептал Джэнуари во взъерошенные кудри Грэйс. – Ты можешь рассказать маме.

Грэйс зарылась лицом в зелёно-белые оборки матери и разрыдалась.

Уолтер подошёл к столу и положил руки на плечи Джэнуари.

– Я сожалею обо всём, Джэн, – сказал он. – Но я пытался всё рассказать тебе, но это было бесполезно. Ты никогда меня не слушала. Ты всегда слушала Джун, и поверь мне, за всем этим стоит она. Она передала ему Грэйс три дня назад. Когда я узнал об этом, то приехал сюда и попросил Люсиль помочь мне найти ее. Это было нетрудно. Она знает, где в этом городе находится вся грязь.

– Это Бесси Принс, – пробормотала Люсиль. – Она управляет обычным ранчо для детей в Долине. Все об этом знают, но никогда не думала, что обнаружу там родную племянницу.

– Правда? – рявкнула Джун. – Обвини во всём меня, почему бы и нет? Но вы двое хотели этого так же сильно, как и я. Только ты слишком слаба, чтобы признать это.

– Всё, чего я хотела, это чтобы мой ребенок стал кинозвездой, – прошептала Джэнуари.

– Все так говорят, – признался мне Дилэйни. – Но я чист. Никто не сможет на меня ничего повесить.

– Может быть, мистер Дилэйни. Но не думаю, что Вам следует поступать так, как Вы поступаете, с маленькими девочками.

Она сидела там же с Малышкой Грэйс на коленях и маленьким пистолетом в руке.

– Не двигайтесь, мистер Марлоу, – сказала она. – Я знаю, что мне действительно не следует этого делать, но я просто ничего не могу с собой поделать. Уолтер, ты потратишь те деньги, чтобы найти мне действительно хорошего адвоката, а потом мы отправимся домой.

Я и не пошевелился. Было приятно наблюдать, как Дилэйни пытается заползти под стол. Она выстрелила ему прямо в нагрудный карман его яркого клетчатого пиджака. Затем направила пистолет на Джун.

– Отдай Уолтеру остальные деньги, – приказала она.

– Нет! – сказала Джун. – Они мои. Это мой билет из Санта-Розы.

– А что не так с Санта-Розой? – спросила Джэнуари. – Без тебя там будет даже лучше.

И она выстрелила в Джун дважды, просто для уверенности.

Люсиль подобрала белую сумочку Джун, на которую попало немного крови, и исчезла через вход в вестибюль.

Когда прибыла полиция, Джэнуари всё ещё сидела на стуле, а Малышка Грэйс спала у неё на коленях. Пистолет она отдала мне, а я передал его им.

Они обращались с ней довольно прилично. Позволили ей оставить ребенка при себе, по крайней мере, на некоторое время. Для разнообразия они даже не стали приставать ко мне. Думаю, они были рады, что кто-то навсегда вывел Хэпа Дилэйни из бизнеса.

Уолтер немного всплакнул и извинился за то, что ударил меня по голове.

– Я думал, ты работаешь на Джун, – сказал он. – Она всем рассказывала, что ты был её школьным возлюбленным. У меня в школе никогда не было возлюбленной. У меня никогда никого не было, пока я не встретил Джэн. Знаешь, она прекрасная женщина. Просто иногда немного вспыльчивая. Когда всё закончится, я заберу их с Грэйс домой. Я заглажу вину перед ними обоими.

После того, как все убралось, и я задумался, чем бы занять остаток вечера, официантка предъявила мне счет за два кофе и яблочный пирог с мороженым. Мне пришлось выдать ей долговую расписку – устроить вечер в «Трокадеро», чтобы её увидели нужные люди, и она начала карьеру в кино. Я не спрашивал её, умеет ли она отбивать чечетку.

Когда растёшь ребенком, который любит кино и часто посещает библиотеки, то довольно трудно не встретиться с Рэймондом Чандлером. Как и с множеством других писателей.

Из этих двух самых моих любимых мест я всё-таки больше предпочитала библиотеку. Честно. Я могла бы провести там всю свою жизнь. Но по субботам после обеда нас всех неряшливой толпой отправляли в кино. Я не возражала, и мне никогда особенно не было дела до того, что именно показывают. Посмотрела я тогда много хорошего. Кое-что из этого было по Чандлеру, но тогда я этого не знала. Мой ослепленный детский глаз видел только Богартов и Бэколл⁵³. Только позже я начала интересоваться авторами сценария и книги, по которой был снят фильм.

В те дни я сделала выдающееся открытие. Фильмы, которые мне нравились больше, чаще всего были основаны на книгах, и этот простой факт вернул меня в библиотеку, где я предпочла бы оказаться в первую очередь. И печальные новости. В библиотеках, в которые я ходила, были небогаты Чандлером. Да, Диккенс. Да, Стейнбек. Л. Фрэнк Баум, Джек Лондон и Оскар Уайльд. И я прочитала всех их и многих, многих других, чьи книги послужили или нет основой для кинофильмов, прежде чем добралась до Чандлера.

Повлиял ли Чандлер на мою работу? Будь я проклята, если знаю. Мне бы хотелось, чтобы это было так, потому что он был тонким, честным, кропотливым мастером. Я читала и перечитывала всё, что он написал, и всё, что смогла найти о нём, пока работала над «Спасая Грэйс». И будьте уверены, на эту историю влияние он оказал. Это было удовольствием. И сочинение, и чтение. Мне бы хотелось думать, что все мы, кто внёс свой вклад в создание этой книги, узнали намного лучше Чандлера-человека и Чандлера-писателя. И пусть этот опыт сделает всех из нас писателей лучше, чем мы думали, что когда-нибудь сможем стать.

Джойс Харрингтон

⁵³ Хамфри Богарт (1899 — 1957) — американский киноактёр, исполнитель роли Марлоу в художественном фильме «Большой сон» (1939). Американский институт киноискусства назвал Богарта лучшим актёром в истории американского кино. Лорен Бэколл (настоящее имя Бетти Джоан Перски 1924 — 2014) — американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. Вдова Хамфри Богарта

ДЖОНАТАН ВЭЙЛИН

КОМАНДА ИЗ МАЛИБУ

1939

Художник Хавьер Ромеро

Р

ОСТОМ он был около шести футов двух дюймов⁵⁴, не шире пивного

фургона, лет сорока-сорока пяти, в серой фетровой шляпе, надвинутой на уши, клетчатом спортивном пиджаке, обтягивающем его, как корсет из китового уса, и с сигарой размером со скалку, зажатой между пальцами правой руки. Его лицо, насколько я мог разглядеть из-под полей шляпы, было хмурым, что-то среднее между небрежным презрением, которое и впрямь крупный мужчина испытывает к простым смертным, и прищуром глаз, означающим по-настоящему опасного человека, которому наплевать на копов, полученный или нанесённый урон, не упоминая уже такую мелочь, как электрический стул. Возможно, я ошибался, но мне показалось, что выглядел он как ходячая неприятность.

Большой человек осмотрел мой выцветший офис, затем всем лицом прищурился, как будто от этого вида у него разболелись глаза.

– И сколько берёт такой парень, как ты?

Он прорычал это твёрдым презрительным голосом.

– Почему такой парень, как ты, хочет это узнать?

– У меня есть для тебя работа. Доставь посылку. Это займёт всего несколько часов.

– Работа у меня не почасовая. И не связана с доставкой.

– Мило, – тихо сказал он. – Это очень мило.

Он положил сигару на угол стола и взял с него пинцет, на мгновение притворившись, что рассматривает его, как будто это корабль в бутылке. С ухмылкой на губах он поднёс его к лицу и небрежно разломил на две части. Всё ещё улыбаясь, он бросил кусочки обратно на стол.

– Я тоже милый, – сказал он.

– Могу подтвердить.

Мужчина взял сигару и стряхнул пепел на ковёр, но, в любом случае, это было всё, на что тот годился. И ещё в январе я сам собирался доломать этот пинцет. И всё же в нём было ещё что-то, что мне не понравилось.

– Ты *сделаешь* это для меня, – сказал он, помещая сигару обратно в рот.

– Я?

Он кивнул.

– Зайдешь в дом, отдашь парню конверт, а затем забудешь, что видел меня.

– И как мне это удастся?

Он снова ухмыльнулся, как будто ему показалось чертовски милым, что придётся разбить стул для клиентов, чтобы он смог удержаться от улыбки. Перегнувшись через стол, он положил мне свою чудовищную руку на плечо, как будто мы играли в пятнашки, и «это» меня только что опятало.

– Пошли, – сказал он.

Смысла спорить я не увидел.

⁵⁴ Около 185 см.

Вытянув меня из-за края стола, он подтолкнул меня к двери из рифленого стекла. Свободной рукой он взял с вешалки мою шляпу и нахлобучил её мне на голову.

– Я бы хотел позвонить маме, – сказал я через плечо. – Она будет волноваться.

Парень открыл дверь и вытолкнул меня в коридор.

– Как мило, – пробормотал он себе под нос.

В метре от Кахуэнга-Билдинг, где находилась моя конура, был припаркован серый «паккард». Он не был совершенно новым, как у первоклассного гангстера, или хромированным, изготовленным на заказ, как у торговцев плотью из мира кино, но был в достаточно хорошем состоянии, чтобы заставить меня призадуматься о парне позади меня, парне с железным кулаком у моей спины. Машина не подходила к сигаре скалкой, мятой шляпе и пиджаку рыночного зазывалы. У такого парня должен был быть «плимут» с дыркой в полу и одометром⁵⁵, который заработает только в день, когда закроются абсолютно все банки.

Он поместил меня на переднем сиденье как коробку с фарфором и устроился на месте водителя. Машина просела под его весом, как дешёвый матрас. Не говоря ни слова, он рванул вниз по Голливудскому бульвару.

В то утро апрельского ветерка было как раз достаточно, чтобы донести аромат апельсинов из больших рощ в долине. Он странным образом смешивался с запахом горелой резины от «короны» водителя, что навевало мысли о ящике с фруктами, раздавленном грузовиком.

Здоровяк проехал на красный свет и направил «паккард» на юг по Вестерн.

– Куда мы направляемся? – Я спросил только из любопытства.

– Я же говорил тебе, – сказал он, жуя сигару. – Ты собираешься встретиться с парнем и передать ему посылку.

– А что в посылке?

Его плотно сжатые губы изобразили улыбку.

– Всё в порядке, шпик. Там бабки.

– Кому мы платим?

– Крысе по имени Лома.

Я приподнял бровь.

– Тони Лома, организатор боёв?

Здоровяк выглядел неприятно удивленным.

– Ты его знаешь? – спросил он ледяным тоном.

– Я знаю о нём. Достаточно, чтобы я не захотеть оказаться у него в должниках.

Опасное выражение исчезло с лица здоровяка.

– Ну, ты ведь не всегда получаешь то, что хочешь. Разве твоя мама не учила тебя этому, ищейка?

Мы повернули налево на Уилшир, миновав богато украшенный фасад театра «Уилтерн». Он ещё не открылся на двойное дневное представление, но его купол уже был освещен, как зеркало туалетного столика. Парень на стремянке составлял из букв название.

– «Секреты французской полиции», – прочёл я на куполе. – Как вам такое?

⁵⁵ Прибор для измерения количества оборотов колеса. При помощи него может быть измерен пройденный транспортным средством путь.

Здоровяк хмыкнул.

– Я участвовал в нём.

– Ты актёр?

Здоровяк по всамделешнему рассмеялся, и поскольку смеху пришлось пробиваться сквозь сигару, в итоге получилось что-то похожее на лай собаки с костью в пасти.

– Чёрт возьми, нет, я не актер. У меня был перерыв между боями, и для нас с Элмо нашлась трюковая работёнка на пару дней.

– Значит, ты борец?

Он ответил не сразу.

– Я борюсь там, в «Олимпийском».

– Может, я слышал о тебе?

Здоровяк вынул сигару изо рта и изучил её истрёпанный кончик.

– Может.

Он снял с нижней губы табачную крошку.

– Несколько лет назад у меня был шанс сразиться с Лондесом и завоевать титул чемпиона в супертяжелом весе.

Я подождал и, когда он не продолжил, спросил:

– Под каким именем?

– На ринге меня звали Крушитель.

– Просто Крушитель? И ничего больше?

– С большой буквы, – ответил он без тени улыбки.

Я ему улыбнулся.

– Крушитель, да? И как прошёл матч с Лондесом?

– За неделю до боя, в предварительном поединке с Бадди Брюстером мне сломали плечо.

Он снова сунул сигару в рот и затянулся.

– Потом немного прибавил в весе. В волосах начала появляться седина. Теперь мы в одной команде с Элмо.

Мне было трудно представить себе парня, который смог бы сломать ему плечо, есть у него седина или нет. Но я был готов поспорить, что старина Бадди Брюстер не поместился бы спереди между нами, а, может быть, и сам по себе на заднем сиденье. Это заставило меня задуматься, что тут делает такая мелкая сошка как я. Я не мог себе представить, чтобы Крушитель нанимал человека, чтобы отдать долги, пусть даже и такому головорезу, как Тони Лома.

Поэтому я спросил его:

– Почему ты выбрал меня для этого поручения?

И снова большой человек не торопился с ответом, как будто каждое слово было монетой, извлекаемой из его собственного кармана.

– Знакомый парень сказал мне, что ты человек честный. И говорит, ты умеешь держать язык за зубами.

Судя по тому, как он это сказал, ему часто приходилось обжигаться. Но это не было ответом на вопрос.

– Я имею в виду, почему бы тебе самому просто не заплатить Ломе? – спросил я.

Лицо Крушителя снова приобрело то самое туманное выражение, будто его веки стали парой широкополых шляп.

– Я ему не нравлюсь, и он мне тоже. В следующую нашу встречу... будут проблемы.

– Такие парни, как Лома, не гуляют в одиночку.

– Будут проблемы, – повторил Крашер.

К тому времени мы уже были на Гранд-стрит и направились на юг через Банкер-Хилл в сторону Экспо-Парка. Внезапно до меня дошло, куда мы направляемся, к Олимпийской арене на Саут-Гранд. Довольно скоро я смог её увидеть – огромный бетонный блок, вздымающийся из тротуара, подобно миражу на автостраде.

Крушитель припарковал «паккард» прямо у входа с южной стороны здания. В хороший вечер, с хорошей афишей, дверной проём был бы забит болельщиками, репортерами и хорошо одетыми женщинами с налитыми кровью глазами, жаждущими ещё одной схватки для достойного завершения вечера. Но в этот утренний час вокруг никого не было, за исключением пары испанских ребятишек, боксирующих со своими тенями прямо на тротуаре.

– Я должен кое-что проверить, – сказал Крушитель, ставя машину на ручной тормоз.

Он вышел, а за ним и я. Через вестибюль я проследовал за ним в темноту арены.

Трибуны покоились на стропилах, вздымающихся до самого потолка, и отделялись друг от друга дорожками, ведущими к рингу. Сгусток свинцово-серого света падал на огороженный канатами квадрат ринга в центре, слабо освещая его, как смотровой стол в морге. Где-то в полумраке кто-то работал с грушей. Было слышно эхо ударов кулаков по её коже.

Мы обогнули трибуны до лестницы, затем спустились на один пролёт к раздевалкам. Коридор был увешан плакатами, рекламирующими главные события прошлых лет. На одном из них я заметил имя «Крушитель», в самом низу плаката. На полпути по коридору здоровяк вдруг остановился у двери и постучал по косяку — один короткий, два длинных.

– Да? – отозвался кто-то внутри.

Кому бы не принадлежал голос, он был принадлежал не тому, кого ожидал услышать Крушитель.

– Элмо? – рявкнул он.

– Его нет.

Лицо здоровяка побагровела, сравнявшись цветом с ржаным виски. Сделав один быстрый шаг назад, он опустил плечо и врезался в дверь раздевалки с силой, которую надо было увидеть, чтобы оценить по достоинству. Даже для парня его габаритов это было впечатляюще. Дверь раскололась и, затрещав, слетела с петель, как будто в неё врезался «шевроле».

Инерции от удара здоровяка хватило, чтобы он преодолел путь в половину длины раздевалки. На бетонном полу он потерял равновесие и оказался на коленях перед невысоким, коренастым, лысеющим парнем с морщинистым, сильно загорелым лицом. Я видел это лицо раньше, в спортивном разделе газеты и ещё раньше, когда работал в окружной прокуратуре, в альбоме для опознания. Тони Лома.

Вместе с ним в комнате находились ещё два парня, большие, неповоротливые «торпеды» в дешёвых чёрных костюмах, выглядевших так, словно их купили этим утром на распродаже в морге.

Лома взглянул на Крушителя, стоящего на коленях на полу, и начал смеяться. Две «торпеды» секундой позже тоже засмеялись. Они могли себе это позволить. У всех троих в руках были пистолеты 38-го калибра.

Стоя на коленях, Крушитель посмотрел на Лому. Я видел, что ему было наплевать на оружие, и лысому это тоже было понятно. Он перестал смеяться, взвёл курок и приставил ствол ко лбу Крушителя.

– Даже не думай об этом, – сказал он здоровяку.

Грудь Крушителя вздымалась. Ему требовалась вся его выдержка, чтобы не наброситься на парня. Было видно, как он борется сам с собой. Здравомыслящая часть, в конце концов, победила, но это было неокончательное решение. Сделав еще пару глубоких вдохов, он провёл рукой по своим сидящим волосам. Шляпу он потерял по пути вовнутрь.

– Где Элмо? – произнёс он голосом, которым еле владел.

– Это и нам самим интересно. У тебя ведь нет никаких идей, так ведь, Круш?

Крушитель устался на него.

Лома убрал пистолет от лба Крушителя и отступил на шаг.

– Тебе не следовало связываться с этим подонком. От него только плохие новости.

Крушитель бросил на Лому затравленный взгляд.

– Если ты прикончил его, Тони, ты заплатишь.

Лысый парень усмехнулся.

– У тебя кишка не тонка, особенно когда три ствола направлены тебе в голову. Я всегда говорил так о тебе, Круш. Больше мужества, чем мозгов.

– Ты много чего говорил, Тони.

Лысый парень слегка покраснел.

– Тебе заплатили. На что тебе ещё жаловаться? Это бизнес.

– Бизнес, – повторил Крушитель.

Лома взглянул на меня через разбитую дверь.

– Кто твой приятель?

– Никто, – ответил Крушитель, медленно поднимаясь на ноги.

– Скажи этому никому, чтобы вынул руки из карманов и заходил. – Лома кивнул одной из «торпед», и тот направил свой пистолет на меня.

Я поднял руки и шагнул в дверь.

Лома оглянулся на Крушителя.

– У Элмо есть время до двух часов дня, Круш, чтобы придумать, где взять деньги. Его приятели дольше ждать не будут.

– Твои приятели, – с горечью сказал здоровяк.

– Элмо большой мальчик. Ему не следовало вмешиваться в это дело.

– Ему не следовало связываться с тобой.

– Скажи ему, чтобы собрал пять «кусков» или отправится на дно Тихого океана.

Здоровяк наклонился и поднял свою шляпу, и прежде чем одеть снова на голову, отряхнул её о штанину.

– Ты получишь бабки, – сказал он.

Лома сунул пистолет в карман и направился к двери. Две «торпеды» последовали за ним на некотором расстоянии, как будто несли шлейф его платья.

– Элмо знает где, – сказал Лома у порога. – Скажи ему, чтобы был там. Прятаться бесполезно. Мы найдём его. Ты знаешь, что найдём.

Трое головорезов ушли. Здоровяк смотрел им вслед таким взглядом, от которого у нормального человека пошла бы из носа кровь. Через некоторое время он опустил голову.

– Ты знаешь, где Элмо? – спросил я его.

– У меня есть идея.

– У него есть пять «штук»?

Здоровяк горько рассмеялся.

– У него нет горшка, в который можно было бы помочиться. Я, они есть у меня. – Он покачал головой. – И это всё, что у меня есть. Шесть лет работы. И я должен отдать всё этой обезьяне Ломе.

– Как твоему приятелю Элмо удалость ввязаться в неприятности с этими парнями?

Он опустил подбородок еще ниже, как будто ситуация была настолько неловкой, чтобы прямо смотреть на неё.

– Когда мы были на киношном ранчо, Элмо связался с одной голливудской дрянью из компании Ломы. Он же пацан, ему всего девятнадцать. Он не знает, с какой стороны хлеб намазан маслом, но думает, что знает всё. Какая-то крошка подмигивает ему, и он из кожи вон лезет, чтобы оказать ей услугу. Она уговаривает его смотаться в Тихуану, чтобы забрать посылку для приятелей Ломы. И чёртов дурак соглашается. А на пути обратно в Малибу посылку украли.

– Кто?

– Кто ж знает. Может быть, одна из «торпед» Ломы. Не исключаю, что могла быть та лживая крыса.

– И потому, Элмо надо вернуть деньги за товар.

– Он не скопил ни цента, – сказал Крашер. – Он так и не понимает, что не всегда будет при деньгах, что ему не всегда будет девятнадцать.

– Этот парень твой родственник?

Здоровяк поднял голову и злобно уставился на меня.

– Друг.

– Настолько хороший, чтобы тратить на него свои деньги?

Сокрушитель хмыкнул.

– А насколько хорошим должен быть друг?

Мы остановились у отеля здоровяка перед встречей с голливудскими приятелями Ломы. Крушитель не сказал, зачем мы тут, и я предположил, что это по причине того, что деньги были тут или где-то поблизости.

Это было дешёвое заведение под названием «Метрополь», на углу Седьмой и Спринг. Вестибюль не свидетельствовал о переизбытке трудолюбия у персонала, но в самой комнате было на удивление чисто, а, может быть, это говорило только о самом Крушителе. Его обиталище выглядело скромно, опрятно, с безукоризненной обстановкой, как солдатская казарма. Мне это было знакомо, жилище закоренелого холостяка. И запахи здесь были соответствующие – мыльной пены для бритья, виски и толстых сигар, которые курил этот здоровяк.

Пока Крушитель рылся в белье в шкафу в ванной, я взглянул на фотографию, стоящую на прикроватной тумбочке. Это был снимок Крушителя, сделанный в гораздо лучшие годы, когда его лицо ещё не напоминало измятую фетровую шляпу, а волосы не приобрели стального блеска. На фотографии также была девушка, бледненькая и хорошенькая,

казалось, испытывающая какое-то благоговение перед крупным мужчиной, находящимся рядом с ней. Кем бы она ни была, он всё ещё помнил её, настолько, чтобы держать её фотографию у своей кровати.

Другим единственным украшением комнаты был плакат на двери с изображением Крушителя и рыжеволосого парня, подписанного Молодым Волком. Я решил, что этим Молодым Волком и был Элмо. Но на плакате волком он определенно не выглядел. Он выглядел мускулистым, незрелым и бестолковым, как уличный хулиган. Но, вероятно, на моё мнение повлиял тот факт, что я знал, в каком положении он оставил своего напарника.

Пока я стоял там, уставившись на Элмо, в комнату вернулся Крушитель с холщовой спортивной сумкой на молнии. У него было странное выражение лица.

– Здесь кто-то побывал, – сказал он. – И думаю, что знаю, кто.

– Лома?

Здоровяк кивнул.

– Он, вероятно, заглянул сюда, разыскивая Элмо, перед тем, как отправиться в «Олимпийский».

– А где Элмо?

– Они с этой шлюхой остановились в каком-то дешёвом мотеле на Лонг-Бич. «Заколдованные коттеджи». Полагаю, он попытается укрыться там от Тони и его парней.

– Надеюсь, Элмо оценит то, что ты для него делаешь.

– Говорю же тебе. Он мой друг.

Крушитель положил холщовую сумку на кровать и взглянул на фотографию на прикроватной тумбочке.

– Он сын женщины, которую я когда-то знал. – Он снова взглянул на сумку. – И я ей кое-что задолжал.

Он расстегнул молнию и достал пару маек, спортивные трусы, несколько пар свернутых белых носков и пару туфель. Когда сумка опустела, он достал из кармана перочинный нож и вытащил из неё фанерное дно. Положив его на кровать, он сунул руку внутрь, и его лицо побелело.

– Господи, – тихо произнёс он.

Он поднял сумку и заглянул в неё. Затем он перевернул её вверх дном. Оттуда выпал маленький кусочек бумаги. Крушитель швырнул сумку через всю комнату, поднял бумажку и уставился на неё.

– Он снова сделал это со мной, – недоуменно произнёс он и тяжело опустился на кровать.

– Этот ублюдок снова это сделал.

– Кто?

– Лома, – сказал он, и я услышал, как ярость заклокотала в его горле. – Он заплатил этой горилле Брюстеру, чтобы тот сломал мне плечо, чтобы он смог организовать для своего парня титульный бой. А теперь он забрал мои деньги. Все, до последнего пенни!

Он скомкал листок бумаги и бросил его на пол.

– Я убью его.

– Минутку, – сказал я. – Маловероятно, чтобы такой парень, как Лома, который тут ничего не знает, смог заявиться сюда и найти бабло, не перевернув всё вверх дном. Пораскинь мозгами. Эту комнату не обыскивали. Кто-то знал, где надо искать.

– Прочти эту чёртову записку! – сказал Крушитель, вскакивая на ноги и отталкивая меня со своего пути. Он направился прямо к двери и распахнул её, как будто вырывал у Ломы сердце.

Я поднял скомканную записку и быстро прочитал ее. Начертанная небрежной рукой, она гласила: «Спасибо за бабки, Т.Л.». Я сунул её в карман и отправился за Крушителем.

Мне удалось догнать его на улице.

– Куда ты направляешься? – спросил я.

– Ты знаешь куда, – прорычал он.

– По крайней мере, позволь мне пойти с тобой.

– На этот раз мы сами со всём разберёмся. И никого лишнего.

– Как ты собираешься найти Лому?

– Я знаю, где он. В Малибу с голливудской тусовкой.

– Крушитель, парни Ломы убьют тебя.

– Ну и что? – искренне удивился он.

Когда мы подошли к машине, здоровяк вытащил из кармана пальто толстую сигару, откусил у неё кончик и сунул в рот.

– Ищейка, – сказал он, – перестань об этом беспокоиться. Большую часть жизни я на кого-нибудь злился, и это всегда мне чего-то стоило. Это стоило мне денег, это стоило мне друзей, это стоило мне хорошей женщины, и на этот раз, возможно, мне придётся заплатить за своё решение. Но, по крайней мере, на этот раз я зол на того, кого надо. Если уж на то пошло, это единственный способ закончить этот раунд. – Он чиркнул спичкой о каблук и зажёл «корону». – Пока, ищейка.

Он сел в машину и уехал.

Первое, что я сделал, это позвонил Берни Олсу из телефона-автомата в вестибюле «Олимпийского».

– Большой парень в сером «паккарде» 1937 года, калифорнийский номер 53437. Задержите его.

– За что, Фил? – спросил Берни.

– Он собирается убить Тони Лому, но скорее убьют его самого.

– Очень жаль, – сказал Берни. – Лому стоило бы. Я отправлю ориентировку. Как зовут того парня?

– Он называет себя Крушителем. Профессиональный борец. Я не знаю его настоящего имени. Но его нельзя не заметить. Он величиной с дом. Тебе лучше поторопиться с этим, Берни. Парень настроен чертовски серьёзно.

– Мы постараемся, Фил.

– А ещё сообщите в дорожный патруль. И посмотрите, можно ли раздобыть адрес Ломы в Малибу. Он именно туда направляется.

– Ты будешь в офисе?

– Нет, я тебе перезвоню. Мне надо съездить в Лонг-Бич.

Я быстро добрался на такси до офиса и забрал свою машину. Мне потребовалось около получаса, чтобы добраться до Лонг-Бич, и ещё десять минут, чтобы найти мотель «Заколдованные коттеджи». Мне они такими не показались. Но, возможно, в них водились привидения. Я подмазал служащего в офисе, чтобы он указал мне нужную лачугу, затем

проехал по подъездной дорожке и припарковался прямо перед ней. Хотя служащий и утверждал, что пара из 22-го номера не выезжала, поблизости не было никакой другой машины, и это меня немного беспокоило.

Домик был сделан из бревен красного дерева с резьбой, напоминающей пряники, над дверью и окном. Занавеска на окне была задёрнута. Я вытащил пистолет 38-го калибра из держателя под приборной панелью и вышел на солнце. В Лонг-Бич не чувствуется запаха апельсинов. Только дизельное топливо, плесень и затхлый привкус от пристани.

Времени на любезности у меня не было, поэтому я подошёл к двери и открыл её ногой. Я не был Крушителем, так что мне потребовалась пара ударов. Когда замок, наконец, не выдержал, я шагнул внутрь, держа пистолет перед собой.

Растрёпанный рыжеволосый паренек, тот самый, которого я видел на плакате на двери Крушителя, стоял у кровати, обернув вокруг бёдер простыню. Он выглядел сонным и дезориентированным, как будто удары моей ноги послужили для него его будильником. Он казался слегка очумевшим. Я видел, как румянец заливает его шею и веснушчатое лицо.

– Кто ты такой, чёрт возьми? – спросил он.

– Марлоу, – ответил я. – Детектив, работаю на твоего друга. Здоровьяка по имени Крушитель.

– Джек не послал бы такого парня, как ты, – сказал парень, начиная злиться.

– Полагаю, что именно на это ты и рассчитывал, так ведь, Элмо?

– Что ты имеешь в виду? – злобно спросил он.

– Что Джек не поддастся на твою игру. Ты всегда так относишься к своим друзьям?

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

– Сядь, – сказал я, указывая пистолетом на кровать.

Он сел.

– Где твоя девушка? – спросил я.

– Ирэн? Она вышла перекусить, пока я спал. Она оставила записку, что принесёт мне что-нибудь поесть.

– Заключим пари?

– Пари? – глупо переспросил парень.

– Дай взглянуть на записку.

Он взял с тумбочки листок бумаги и протянул его мне. Я подошёл к кровати. Как только я оказался на расстоянии вытянутой руки, Элмо бросился мне в ноги.

Он действовал быстро, но на нём была простыня. Кроме того, я ждал этого. Я уклонился и ударил его стволом пистолета в висок. Элмо охнул и схватился за голову.

– Джек был прав насчёт тебя, бахвал, – сказал я, наклоняясь, чтобы поднять записку. – Тебе ещё многому нужно научиться.

Элмо зарыдал, как ребенок.

Я взглянул на записку. Она была написана небрежным почерком и гласила: «Пошла перекусить. Скоро вернусь. И.» Я не был экспертом-графологом, но мне и не нужно было им быть, чтобы распознать каракули. Это была та же самая рука, что нацарапала записку в комнате Крушителя.

Я снова стукнул парня пистолетом, достаточно сильно, чтобы привлечь его внимание. Он посмотрел на меня со слезами на глазах.

– Чья была идея украсть деньги Джека?

Парень выглядел искренне удивленным.

– Деньги Джека?

– Пять «штук», которые он хранил в своей спортивной сумке.

– Никто про них не знал, – сказал парень. – Никто, кроме меня и Джека.

– А ты не упоминал о них при Ирэн, такое могло быть? Просто так, мимоходом, ночью?

Парень с трудом сглотнул.

– О боже, – выдохнул он.

– Ты настоящий болван, Элмо, ты это знаешь? – Я с отвращением уставился на парня. – Из-за тебя твой друг попал в серьёзный переплёт.

Парень беспомощно покачал головой.

– Так не должно было случиться. Я собирался вернуть деньги Джеку после того, как он заплатит Тони.

– И где ты собирался раздобыть пять «кусков», Элмо?

Его голова опустилась на грудь.

– Товар. Ирэн собиралась его продать.

– То, что ты привёз из Тихуаны. То самое, как ты сказал Джеку, что было украдено.

Парень схватился обеими руками за голову.

– Она сказала, что это стоит десять, а может и двадцать тысяч. У нее есть друзья, которые... они бы купили это у нас.

– Что ж, теперь у неё есть наркотики и пять тысяч Джека. Как ты думаешь, что она принесёт тебе из ресторана, Элмо?

– Сука, – процедил он сквозь зубы.

– Одевайся, Элмо, – сказал я. – Одевайся быстрее, пока ещё есть шанс спасти жизнь Джека.

– Его жизнь? – в ужасе переспросил Элмо.

– Твоя подружка обставила всё так, будто это Тони Лома забрал его деньги. Джек отправился к нему.

Элмо вскочил и начал одеваться.

Мы мчались по прибрежному шоссе так быстро, как позволяла машина. Элмо полностью протрезвел, когда понял, в каком положении оказался его друг. Это навело меня на мысль, что там может быть что-то, что стоило бы спасать – возможно, то самое, за что Джек был готов отдать жизнь.

Парень в отчаянии смотрел в лобовое стекло, пока мы мчались через Педро и Бэй-Сити, бессознательно раскачиваясь взад-вперед на сиденье как жокей, будто так он пытался подгонять машину. Как бы быстро мы ни ехали, этого было недостаточно. Я знал это ещё до того, как мы добрались до Колонии, так же точно, как если бы в газетах об этом уже написали. Я это знал, а пацан – нет.

Он начал что-то бормотать и показывать пальцем, как только мы достигли побережья Малибу. Я последовал его языку жестов, свернув с шоссе на небольшую дорогу, которая проходила за рядом пляжных домиков. Как только я увидел полицейские машины и кареты скорой помощи, я снизил скорость. Парень распахнул дверцу со своей стороны и на ходу вывалился на землю. Я затормозил через несколько сотен футов и уставился на маленький пляжный домик, кишачий полицейскими. Я не стремлюсь навстречу трагедии,

если не могу что-то сделать, чтобы её предотвратить. А на этот раз было уже слишком поздно что-то предпринимать.

Через некоторое время я выбрался наружу. Единственным запахом был запах моря, густой и солёный, как и привкус на языке. Я сел на большой белый камень рядом с придорожной насыпью. пляж тянулся прямо вдоль дороги, а за ним простирался океан, томный, залитый солнцем и хладнокровно не обращающий внимания на всю мелкую суету на этом крошечном участке береговой линии.

Берни Олс подошёл, отбрасывая на песок длинную тень. Я поднял на него взгляд.

– Здоровяк мёртв.

Я кивнул.

– Как и предполагалось.

– Однако он достал Лому. И одного из его «торпед». А второй достал его. – Берни оглянулся на пляжный домик. – Парень, которого ты привёл с собой, Элмо Притчард... Он очень расстроен. Винит себя в том, что произошло. Он упомянул девушку, Ирэн Чивало.

– Элмо перевозил наркотики из Тихуаны для Ломы. Он сказал ему, что их украли. Но Элмо и девушка забрали их себе, заставив здоровяка расхлёбывать кашу.

– Парень нам всё так и рассказал. Мы немедленно объявим в розыск эту дамочку, Чивало. Они с Элмо отправятся за решётку. Я думаю, парень это тоже понимает. Он спрашивает, можно ли ему поговорить с тобой.

– Почему бы и нет?

Стряхнув песок с манжет, я поднялся на ноги и направился по дороге к пляжному домику. Элмо сидел на переднем сиденье полицейской машины, глядя, как двое санитаров катят нагруженную каталку к машине скорой помощи.

– Это Джек? – спросил я его через окно полицейской машины.

Он кивнул.

– Это моя вина.

– Да.

Элмо закрыл лицо руками и заплакал.

– Всё имеет свою цену, малыш. Большой парень это знал. А ты учишься этому прямо сейчас.

Он всхлипнул.

– Позвони моей маме в Окснард, ладно? Расскажи ей.

Я пошёл обратно по дороге к своей машине. Берни поджидал меня там.

– Есть ли кто-нибудь, кто мог бы забрать тело? – спросил он.

– Я займусь этим, – ответил я.

Когда ближе к вечеру я вернулся в офис, то взял телефонную книгу округа и пролистал много различных городов и муниципалитетов в поисках женщины по имени Притчард из Окснарда. Поездка туда должна была занять некоторое время. Но в тот день, время было единственным, чего у меня было в избытке, и я подумал, что той женщине захотелось бы узнать обо всём.

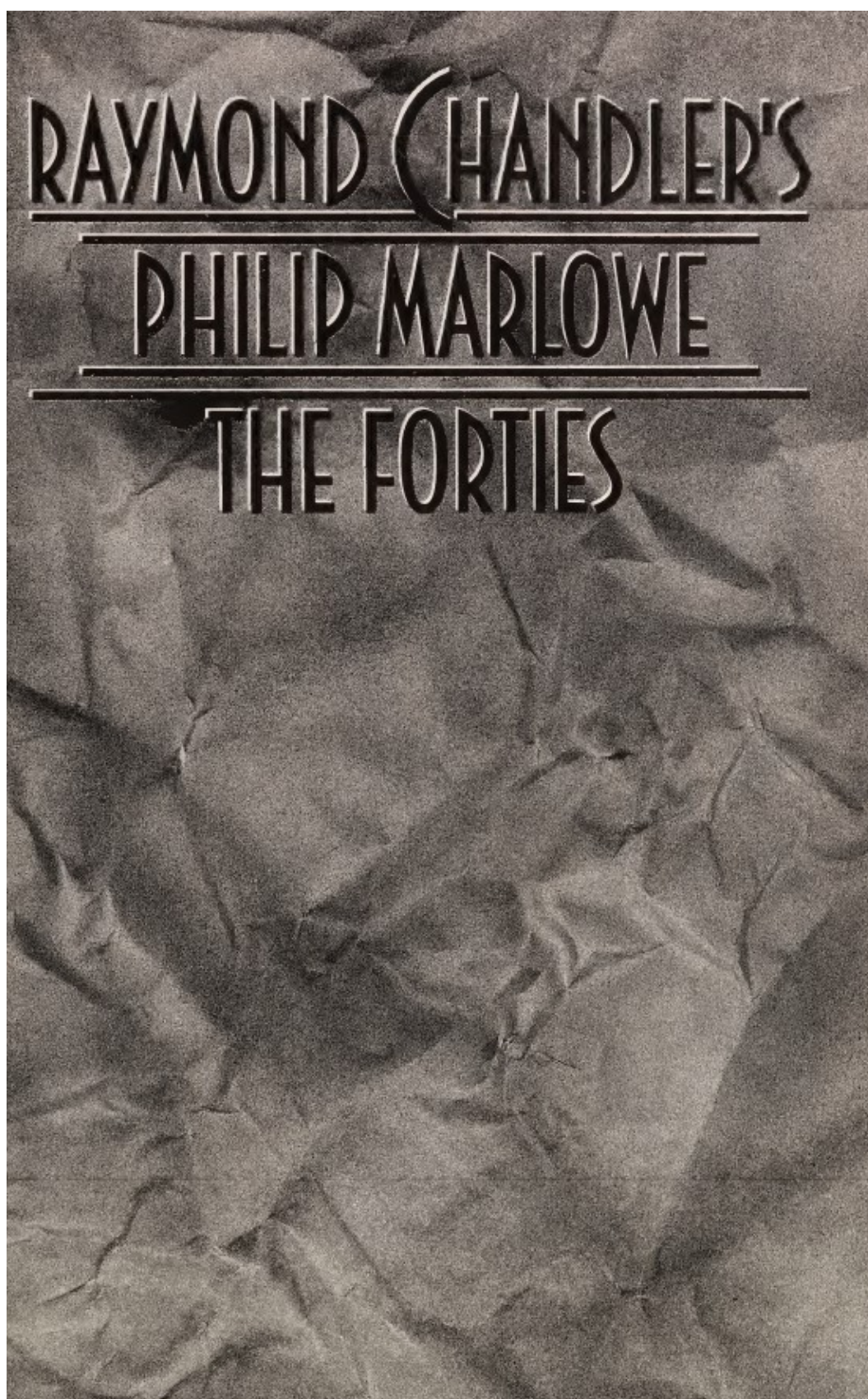
Год, который я выбрал, 1939, был удачным для Чандлера. Это был год выхода «Прощай, любимая», который стал его первым романом, который я прочёл. Я написал свой рассказ в стиле, который, как я надеюсь, приближен к стилю этого романа (его

пришлось несколько сократить из-за ограничений по объёму). Зная, что Чандлер часто «каннибализировал» свои короткие произведения, я предпринял попытку написать историю, которая могла бы послужить трамплином для «Прощай, любимая» и касалась некоторых тех же тем и персонажей.

Как и многие другие мои соавторы, могу честно признаться, что не стал бы детективным автором, если бы не Чандлер. Когда я читал его, обучаясь в аспирантуре, это стало для меня откровением. В кои-то веки в этом жанре появился писатель, обладающий стилем и остроумием. Его чувство места и персонаж были первоклассными. Но больше всего на меня произвел впечатление его язык. У Чандлера был по-настоящему запоминающийся голос; и через своего рассказчика Марлоу он показал мне, что детектив может выйти за рамки стереотипного остряка (хотя Марлоу смог бы посмеяться и над лучшими из них). Филип Марлоу остаётся, я думаю, самым смешливым, самым умудрённым опытом, самым очаровательно циничным и самым оригинальным творением в американской детективной литературе. Марлоу был и навсегда останется образцом для всех нас.

Джонатан Вэйлин

МАРЛОУ В Сороковые

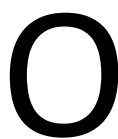
ДИК ЛОХТ

БЛОНДИНКА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

1940

Художник Джон Мартинес

особенность офиса на Голливудском бульваре заключалась в том, что

никогда не знаешь, что может произойти. Даже если ты находишься на высоте шестого пролёта. В то дождливое утро понедельника список открыл мотылёк. Он перелетел через подоконник, проскользнул мимо безжизненных занавесок и завис, чтобы осмотреться, прежде чем двинуться дальше. Здесь он обнаружил стены цветом напоминающие жертву гепатита, письменный стол, на котором царапин было больше, чем у выдвижного объектива фотокамеры «Примо»⁵⁶, кресло для клиентов с пружинным сиденьем, пять картотечных шкафов цвета зацвётшего пруда, три из которых были пусты, как мой желудок, и меня, откинувшегося на спинку вращающегося стула, который пищал подо мной, как мышь, которая вместо швейцарского сыра наткнулась на крупу. Несмотря ни на что, мотылёк решил здесь задержаться. Он взмыл к потолку, скользнул по паутине, затем перевернулся в воздухе и нырнул на пол, где и устроился на краю потёртого красного ковра. Стоило только ему там освоиться, как пара чёрно-белых очевидцев провальсировала сквозь дверь и отправила его в Вальхаллу⁵⁷ для насекомых.

Двухцветные воскресные «пёсики» составляли лишь часть великолепия наряда моего посетителя. К ним прилагались широкополая панама с розовой лентой, шёлковый костюм мускатно-коричневого цвета, тёмно-красная рубашка и белый галстук размером с член с розовыми пузырьками, которые цветом соответствовали ленте на шляпе. Слегка напоминающее херувима лицо парня тоже было розовым и свежеевыбритым. Его загорелый нос, который должен был принадлежать более крупному и толстому мужчине, был красным, как помидор, подаваемый к бифштексу.

Его нервный взгляд переместился с меня на раздавленного мотылька. Он сказал: «О Боже!», – и опустился на одно колено. Отполированным ногтем он соскреб с ковра то, что осталось от насекомого, достал розовый носовой платок и сложил в него останки. «О Боже!», – повторил он.

Я с некоторым удивлением наблюдал за тем, как он поднёс платок к столу и аккуратно положил его на стеклянную столешницу, прежде чем со вздохом опуститься в кресло для клиентов.

– Он тоже был прекрасен, – произнёс он. – В мире не так много крастоы, чтобы можно было позволить себе немного потратить впустую. Чёртов Джона, вот кто я.

Я вынул из пепельницы погасшую трубку, взял его носовой платок и выбросил то, что было раньше мотыльком в смесь пепла и окурков. Потом я вытряхнул всё это в мусорную корзину и вернул ему его розовую собственность.

– Этот переполох, кажется, обнажил твою поэтическую душу, Джонни. Или это какая-то новая афера?

Он одарил меня улыбкой, тонкой, как слой сливок в кофе, подаваемом в пансионе, и сказал:

⁵⁶ Японская фотокамера формата 4,5×6 со с горизонтальным складывающимся корпусом, выпущенная компанией Daiichi Kikō и распространявшаяся компанией Осава в первой половине 1940-х годов.

⁵⁷ В германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины.

– Ну, так подай на меня в суд, за то, что я люблю насекомых. Попробуй провести пять лет в клетке десять на десять⁵⁸ с бывшим криминальным авторитетом, который ничего не умеет, кроме как играть в шашки, и посмотрим, начнёшь ли ты давать тараканам ласковые имена.

– Поверю тебе на слово, – сказал я, в ожидании, когда он перейдёт к причине, по которой оказался здесь.

Убирая носовой платок обратно в карман пиджака, он оглядел комнату.

– Ну, ты точно не собираешься завоевать весь мир, не так ли, Марлоу?

– Оставлю это мистеру Гитлеру и посмотрю, насколько далеко он в этом продвинется. Мы просто вальсируем, и должно произойти что-то особенное, когда оркестр перестанет играть?

Его улыбка под ярко-красным носом стала шире.

– Через секунду поднимется Кэти. Она задержалась в «Мэдисоне» перекурить и поздороваться со старой бандой. Она рассказала мне, как ты ей помог, пока я сидел.

Кэти была женой Джонни Хорна, высокой блондинкой с грустными, фарфорово-голубыми глазами, которая когда-то была хорошим полицейским. Её проблема была в том, что на мужчин у неё всегда был паршивый вкус. Джонни был ещё не самым худшим из них. Но он был полон решимости расплачиваться необеспеченными чеками, хотя это у него никогда не получалось. В итоге, Кэти была вынуждена сдать свой значок и устроиться продавцом сигарет в «Мэдисон Хаус», в то время как Джонни провёл большую часть их супружеской жизни в Сан-Квентине за пошивом почтовых мешков. Именно там он и находился, когда Кэти втянула меня в дело, связанное с похищенным жемчугом.

Это оказалось не совсем лёгкой прогулкой, как она описывала потом; но через четыре или пять дней мы поделили двадцать пять тысяч, которые за возвращение «слезинок» выложила страховая компания.

Джонни Хорн провёл мизинцем по маленькому кратеру, оставленному на столе чьей-то сигаретой.

– Ты-то, должно быть, положил свою долю добычи в банк, а, Марлоу? Приберёг на черный день.

– Я храню эту грудку мелочи в своей ванне, десятицентовиками и четвертаками, чтобы тихими ночами можно было окунать в них пальцы.

Я как раз собирался спросить его, как поживает Кэти, как смог узнать сам.

– Привет, Фил, – протянула она с порога.

Когда я видел её в последний раз, она была слегка потрепанной и мрачной, как святая Агнесса⁵⁹ в пасмурный день, даже с сумочкой, которую распирало от двенадцати с половиной тысяч долларов. В резком солнечном свете, пробивавшемся сквозь шторы, она выглядела совсем по-другому. Её голубые глаза были такими яркими, что блестели, а простое платье цвета морской волны облегло её долговязую фигуру, как брюки ягненка, если бы вам удалось его в них засунуть. Я задался вопросом, отвечало ли за эти перемены полученное вознаграждение или это произошло из-за того, что Джонни расправил свои крылья.

Он вскочил со стула и подал ей его так бережно, словно это был «чиппендейл»⁶⁰.

⁵⁸ Около 9,3 м².

⁵⁹ Христианская мученица из Рима периода императора Диоклетиана; отвергла сватовство сына римского префекта ради христианской веры.

⁶⁰ Томас Чиппендейл (1718 – 1779) — крупнейший мастер английского мебельного искусства эпохи рококо и раннего неоклассицизма периода среднегеоргианского стиля. Изготовленная из красного

Кэти спросила:

– Что я пропустила?

– Мы ещё не покинули линию старта, – сказала я ей.

Джонни прочистил горло и сказал:

– Ждали тебя, ангельский тортик.

Ангельский тортик откинулась на спинку стула.

– Ты всё еще прячешь в ящике стола своё средство для полоскания, Фил?

– Рядом с набором для вязания, – ответил я, доставая «Старого лесника»⁶¹ и пару стаканов. Как подобает хозяину, их я наполнил для гостей, а сам приложился прямо к бутылке. Джонни осторожно отхлебнул из своего. Кэти с лёгким смешком осушила свой, кашлянула и произнесла:

– Полагаю, мы в долгу перед тобой.

– Вы мне ничего не должны.

– Ты поделил ту страховку пополам; но, чёрт возьми, всю работу сделал ты, и ты же принял на себя все удары.

– История не выплачивает ренту, – сказал я. – Так что, к чёрту её.

– Фил, на этом деле мы растолстеем, как гуси, – серьёзно произнесла она. Джонни перевёл взгляд с неё на меня.

– Может быть, я пытаюсь сбросить вес?

Джонни нервно хихикнул. Он покачал головой, и его панاما зашевелилась, словно от дуновения ветра.

– Марлоу, на этом можно срубить сто «штук».

Я улыбнулся им обоим.

– Так много?

Кэти начала приводить в порядок бумаги на моем столе. То ли она была заядлой наводильщицей порядка, то ли пыталась уйти от ответа.

– Ты в деле? – спросила она.

– Пока нет. Но я люблю хорошие истории.

Срочного у меня ничего не было ничего. Пирог с курицей в горшочках у «Муссо» будут подавать только через два часа.

Она достала из сумочки пачку дешёвых сигарет, сняла целлофан, оторвала аккуратный квадратик серебристой бумаги и положила его в мою пустую пепельницу, и всё это одним грациозным движением.

– То небольшое, чему я научилась, продавая табак в «Мэдисоне», – сказала она, предлагая одну из них мне.

Я поднёс настольную зажигалку к её сигарете, затем к своей, потом дал прикурить Джонни. Нет смысла искушать судьбу. После того, как мы вдоволь напускали друг другу дыма в лицо, Кэти спросила:

– Ты когда-нибудь слышал о черепае из Лхасы, украшенном драгоценными камнями?

дерева, мебель этого мастера отличалась сочетанием рациональности, ясности формы и декоративности с использованием мотивов восточного искусства. Мебель Чиппендейла приобрела такую популярность, что в историю искусства прочно вошло понятие «стиль чиппендейл».

⁶¹ Сорт виски.

Я ответил:

– Во что вы вляпались?

– Украшенный драгоценностями череп из Лхасы. Размером примерно со страусиное яйцо. Одного святого пару жизней назад. Одно племя в Тибете инкрустировало его бриллиантами, рубинами, инкрустацией. Британская экспедиция наткнулась на него лет двадцать-двадцать пять назад. Один из них стащил его.

– Ну и дела, – сказал я. – На нём что, проклятие? Люди мрут как мухи от одного его вида?

Кэти ответила:

– Смейся сколько хочешь, Фил. Но у Уорбакса из Фриско он стоял на каминной полке. И, хотя некоторым он мог бы показаться безвкусным, Уорбаксу он чертовски нравился. Поэтому, когда его украли, он предложил сто тысяч тому, кто его вернёт.

– И ты знаешь, где он?

– Нет, – сказала она. – Но я знаю того, кто знает.

– Как тебе это удалось?

Её голубые глаза сверкнули.

– Годы, которые я провела в полиции, чего-то да стоят, – ответила она. – У меня ещё остались друзья в управлении.

Джонни Хорн наклонился и поцеловал жену в щеку.

– Какой-то коп⁶² из Лос-Анджелеса знает местонахождение этой бесценной безделушки и разговаривает об этом с тобой? – удивился я.

– В этом-то и прелесть, – сказал Джонни. – Сам он не может ничего сделать.

Улыбка Джонни была такой же широкой, как и пустота в его голове. Я повернулся к Кэти.

– Полагаю, что я пропустил что-то важное.

Кэти на мгновение задержала на мне взгляд.

– Я... его зовут Бодри.

Монетка в моей голове покатила к прорези.

Она продолжила:

– Ты должен помнить его с той поры, как работал у окружного прокурора.

Монета провалилась. Пугало с обрезанными волосами и подбородком, напоминающим вешалку для полотенец, которое всегда было в немилости у окружного прокурора Таггарта Уайльда. Обычно, уткнувшись носом в книгу. В тот день, когда Уайльд объявил мне об увольнении, Бодри оторвался от своего романа, чтобы проворчать: «Так и продолжай *ad infinitum*⁶³». Я не знал, что, чёрт возьми, это должно было означать, и в то время не был склонен сильно об этом беспокоиться.

– Если у Бодри есть ниточка к черепу, то у него на руках все тузы, – сказал я. – Зачем нужен я?

Она ответила:

– Потому что я сказала ему, что мы можем тебе доверять.

Я ухмыльнулся ей.

– Да. Но помимо этого?

Она улыбнулась в ответ.

⁶² Полицейский (амер. слэнг)

⁶³ До бесконечности (лат.)

– Бодри знает, где скрывается вор. Но, будучи полицейским, он не может настаивать на награде. Его босс, капитан Маклин, слишком бы этим заинтересовался.

– А ещё, Маклин захотел бы получить часть вознаграждения, возможно, и все девяносто девять процентов, – добавил Джонни.

– Поэтому Бодри и пришёл ко мне. Он слышал о жемчуге Линдера. И о том, как был передан выкуп.

Я выдохнул немного дыма и перевёл взгляд с неё на Джонни. Она взяла мужа за руку и сказала:

– Милый, не мог бы ты немного прогуляться? А потом мы где-нибудь пообедаем.

Джонни наклонился вперед и коснулся её щеки. Потом прочистил горло и прохрипел:

– Я, пожалуй, пойду, прогуляюсь.

У двери он добавил:

– Извини за твоего мотылька, ищейка.

– Он был не мой, Джонни. Он просто заскочил навестить кого-то из моих мясных мух.

– Как скажешь.

Он покинул нас с ещё одной из арсенала своих нерешительных, кривых улыбок.

Кэти выждала минуту после того, как наружная дверь со щелчком закрылась, прежде чем сказать:

– Последняя отсидка взяла своё, Фил. Джонни вышел из Серого Замка, что твой Фердинанд⁶⁴. Он и предпочёл бы нюхать цветы. И даже если бы он захотел поучаствовать в этом деле, Бодри этого бы не допустил. Ты же знаешь, как копы относятся к жуликам. Поэтому я предложила, чтобы в деле участвовал ты, и Бодри это одобрил. Ты ему нравишься.

– Должно быть, поэтому он отвернулся, когда Уайльд обрушился на меня.

– Я об этом не знаю. В любом случае, разве только что кто-то не рассказывал мне о пользе истории?

– Хорошая мысль. Как будем делить?

Она поколебалась, затем сказала:

– Бодри хочет половину. Остальное разделим мы с тобой.

Двадцать пять «штук». Достаточно за хороший рабочий день. Я кивнул. Кэти расслабилась и попыталась улыбнуться.

– Хорошо выглядишь, – сказал я ей.

– Всё проходяще.

Я ещё немного плеснул ей, и мы выпили за будущее. Затем она перестала улыбаться и сказала:

– Бодри держит всё при себе. Меня он держит в неведении относительно того, кто и где. Ты всё узнаешь сегодня вечером у него дома — это бунгало в Калвер-Сити, рядом с пекарней. Он будет там к восьми. Я позвоню ему, что ты приедешь.

Я пристально смотрел на нее, пока она записывала адрес. Ситуация казалась немного сложнее, чем требовалось, но для Бодри это было типично. Независимо от того, сколько

⁶⁴ Фердинанд I, (1793 — 1875), император Австрии с 2 марта 1835 по 2 декабря 1848 года, король Венгрии и Чехии. Считалось, что он был человеком не вполне здоровым душевно и даже слабоумным. После покушения в 1832 году, Фердинанд ещё больше погрузился в себя, занявшись ботаникой.

раз Таггарт Уайлд из-за этого кусал его за задницу, Бодри никогда не поступал просто. Он предпочитал обойти проблему и атаковать её под каким-нибудь необычным углом. Обычно, к этому моменту становилось уже слишком поздно.

Я сделал ещё глоток. Вызволение черепа собиралось стать делом несложным.

Конечно, так оно и было. Я положил эту мысль в задний карман рядом с бумажником и сказал Кэти, что, судя по разговорам Джонни, он, как будто, возможно, ещё побудет какое-то время с этой стороны ворот.

Она пожала плечами.

– Может быть. Но ты же знаешь, что говорят о старых привычках, Фил. Ты не можешь забить их ломом до смерти.

На студии «МГМ» было какое-то мероприятие, и бульвар Вашингтона, который в это вечернее время обычно был довольно свободен, кишел элегантными лимузинами под управлением элегантных шофёров. Возможно, в городе был президент Рузвельт. А может быть, Грета Гарбо наконец-то решила порвать со своим одиночеством.

Из-за создавшегося столпотворения я опоздал к Бодри на десять минут. Его бунгало напоминало пустой спичечный коробок на неровной улице, полной выбоин и воплощений странных идей. Кто-то выкрасил несколько деревьев в ярко-желтый цвет. Другой облепил куклами крышу своего «паккарда». Возможно, всё дело было в атмосфере. В трёх кварталах отсюда находилось здание «Лучших хлебов братьев Бьялы», размером с ангар для самолетов оно наполняло тихую, влажную ночь запахами пекарни. Это был пьянящий запах, который напоминал вам, каким был мир, когда вы были молоды. Что может быть приятно. А может быть и убийственно.

У Бодри горел тусклый свет, и оттуда доносился металлический смех. Я прошёл мимо выжженной солнцем лужайки и заросшего сорняками сада к веранде под сеткой и постучал в дверь костяшками пальцев. Внутри дома знакомый голос произнес:

– Рочестер, ты погладил мои брюки от смокинга?

Я окликнул:

– Бодри?

– Пока нет, мистер Бенни. Парень, который взял их напрокат, ещё не вернул их обратно.

Снова смех.

Я вытащил из наплечной кобуры свой «кольт супер матч» 38-го калибра и толкнул сетчатую дверь. Она открылась.

– Что ж, позвони ему и скажи, чтобы он сейчас же вернул их. Я через час должен быть у Колманов.

Я оказался на аккуратной маленькой веранде с двумя белыми креслами-качалками и их металлическим собранием.

– Я не могу ему позвонить, мистер Бенни.

– Ну, а почему?

– У меня закончились пятицентовики.

Я прошёл через открытую входную дверь в большую гостиную, освещенную только оранжевой шкалой настройки «Филко». Смех по радио стих как раз в тот момент, когда блестящий воцеленный пол заскрипел у меня под ногами, и я услышал щелчок взводимого курка.

– Бодри? – с надеждой спросил я, не двигаясь с места.

– Это ты, Марлоу? – раздался в ответ баритон. – Я, должно быть, задремал. Дай мне избавиться от шума.

В углу комнаты зажёгся свет, и мимо меня прошаркала фигура Бодри, напоминающая пугало. Его босые ступни и лодыжки виднелись из-под брюк, которые были ему слишком коротки. Белая рубашка болталась вокруг пояса, щёлкая его по ягодицам. Пистолет всё ещё был у него в руке. Свой я тоже не убирал.

Он выключил радио, сунул пистолет за пояс и зевнул. Я быстро огляделся, убирая в кобуру свой 38-й. Это место могло бы сойти за читальный зал «Христианской науки»⁶⁵. Одна стена была заставлена книгами. Газеты и журналы были аккуратно сложены стопкой на блестящем дубовом столе рядом с радиоприёмником. На кофейном столике рядом с диваном лежал открытый том. «Царство бытия» Джорджа Сантаяны, что бы это ни значило.

Я спросил его, много ли он читает.

Он остановился, чтобы взглянуть на свою библиотеку, и пожал плечами.

– Как сказал один парень, чтение делает человека полноценным. С другой стороны, как ты хорошо знаешь, большая часть полицейской работы отшибла бы рога и у горного козла. Так что, я читаю. С тех пор, как умерла моя жена. Уже одиннадцать лет. Ладно, проехали. Я принесу нам молока и печенья.

Я последовал за ним через аккуратную маленькую столовую со столом из полированного твёрдого дерева и шестью стульями в тон. В том же тоне был сервант, на котором стояла стеклянная ваза с букетом из лютиков и гипсолюбков⁶⁶. За ним была кухня. Белые стены. Пол выложен в шахматном порядке чёрно-белой плиткой. В фарфоровой раковине покоилась груда грязной посуды.

Он нашёл в буфете бутылку «олд кентербери» и притащил её вместе с двумя стаканами к маленькому деревянному столику для завтрака, где рядом с другой вазой, полной на этот раз ярко-красных полевых цветов, известных под названием «кисти для рисования в пустыне» также лежала книга.

Бодри налил две большие порции и сказал:

– За преступление, а, Марлоу?

Я чокнулся с ним и смочил горло крепким алкоголем.

Он осушил свой стакан, скорчил гримасу, затем выдохнул.

– Всё здесь, – сказал он, указывая на книгу.

Издание было не новым. Синяя обложка выглядела потрёпанной. На ней были изображены черная птица и рука, показывающаяся из воды с полной ладонью монет и драгоценностей.

– Предполагается, что это подскажет мне, как найти череп святого? – спросил я.

– Ты читал её?

Конечно, читал. Я слышал, что автор, Дэшил Хэмметт, когда-то был «пинкертоном», и это настолько возбудило моё любопытство, что я сподобился выложить два доллара. Она мне понравилась, чёрт возьми, намного больше, чем фильм, который сняли по ней, с латиноамериканским героем-любовником в роли Сэма Спейда⁶⁷. Я слышал, что год назад

⁶⁵ Религиозное течение, основанное в 1879 году Мэри Бейкер-Эдди на основе либерального протестантизма.

⁶⁶ Род цветковых растений семейства Гвоздичные.

⁶⁷ Первая экранизация «Мальтйского сокола» вышла на экран в 1931 году. Роль Сэма Спейда исполнил Рикардо Кортес (настоящее имя – Джейкоб Кранц, голливудские продюсеры изменили

парни предприняли ещё одну попытку. С другим Спейдом⁶⁸. Однажды им откроется, что по некоторым книгам хороший фильм никогда не получится.

– Не понимаю, какое это имеет отношение к цене на головы, – сказал я Бодри.

Он ухмыльнулся и снова наполнил наши бокалы.

– Там много такого, чего Хэмметт точно не выдумал.

Я скосил глаза.

– Ты имеешь в виду женщину? Бриджит, как её там?

– Ну, он создал её похожей на двух известных ему дам. Толстяк был одним из тех, за кем он следил для «Пинкертон». Я говорю о чёрной птице. Соколе. Предполагалось, что речь шла о подарке Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского императору Карлу V. Золотой сокол, инкрустированный драгоценными камнями, в качестве своего рода ежегодной дани за передачу им острова Мальта.

Одно только то, что мне приходится всё это выслушивать привело к тому, что у меня пересохло в горле, поэтому я поспешил сделать ещё один глоток и сказал:

– По-моему, ты слишком много читаешь, приятель.

– Может быть, – сказал он. – Но я никогда не слышал, чтобы парень пошёл по миру из-за того, что слишком много читал. Но, если ты больше не хочешь слушать об этом, прощай, брат.

Так как я никоим образом не отреагировал, он продолжил.

– Золотых соколов никогда не существовало. Историки, такие как Джонатан Тейл, написали, что птицы, которых госпитальеры преподносили в те времена, были созданы из перьев и когтей, а не из драгоценных металлов. То, что навело Хэмметта на мысль о драгоценностях, было этим самым древним черепом, украшенным бриллиантами и рубинами. Он видел его в двадцатых годах в Сан-Франциско, у крупного владельца недвижимости по фамилии Грюнвальд, который купил его у одного англичанина по фамилии Форбс-Ралстон, чей отец и вывез его из Тибета. Грюнвальд, которому принадлежали около пяти кварталов вдоль Маркет-стрит, семь лет назад обнаружил свой особняк ограбленным. Среди похищенного был и череп. Копы Фриско поймали одного из, когда он пытался сбыть часть блестяшек. Мелкий мошенник, известный как Бандит-лиллипут. С двадцать третьего, он то попадал, то покидал Кью⁶⁹, пока, наконец, его не схватили за руку, которую он запустил в кассу на бензоколонке в Стоктоне.

– Мы перейдём к сути, Бодри? Потому что, если нет, то нам понадобится ещё бутылка.

– Суть в том, что Лиллипут всё ещё в Кью, а он никогда не сдавал сообщников. Но я знаю как зовут стукача, и я знаю, где он сейчас вешает свой тюрбан.

– Не мог бы ты мне поведать, откуда у тебя вся эта информация?

Он ухмыльнулся.

– Однажды ночью, три года назад, меня и моего партнера Рэя Дойла отправили в дом Фредди Марча по поводу нарушения общественного порядка. Там происходила адская вечеринка. Были Флинн и куча писателей. Этот парень Фицджеральд. И Эрнест Хемингуэй. А также Хэмметт, пьяный в стельку и кричащий, что Хемингуэй ничего не знает о женщинах

имя этому уроженцу Нью-Йорка связи с популярностью «латинских любовников» той эпохи, таких как Рудольф Валентино).

⁶⁸ Экранизация с Хамфри Богартом вышла в 1941 году.

⁶⁹ Сан-Квентин — окружная тюрьма, располагающаяся на мысе Сан-Квентин, в округе Марин, штат Калифорния. В Сан-Квентине приводятся в исполнение смертные казни.

и как о них надо писать. Хемингуэй отреагировал на это тем, что перебил у Марчей о стену всю посуду, что в первую очередь и заставило их соседа вызвать нас.

– В любом случае, в итоге мы доставляем Хэмметта обратно в его отель, потому что сам он не мог вести машину, а женщина, которая была с ним, Лилиан Как-её-там, не захотела уходить с вечеринки. И он начинает рассказывать нам о тех днях, когда он был «пинкертоном». И, в конце концов, это подходит к «Соколу» и черепу из Лхасы. Он рассказывает нам о Бандите-лиллипуте, который выведен в «Соколе» под именем Уилмера, и напарнике Лиллипута, дикаре, которого Хэмметт клянётся как-нибудь использовать в будущем. И ему становится смешно от совпадения, что настоящий Уилмер наконец-то заполучил настоящего сокола.

Он скривил лицо так, что почти коснулся лопатообразным подбородком кончика носа, затем вздохнул и сказал:

– Мне до пенсии осталось ещё пять лет, Марлоу. И что до меня, то не представляю, как смогу остаться в синем ещё на пять лет, когда ты всё время между молотом и наковальней. Рано или поздно кто-нибудь кого-нибудь пристрелит, и мне не хочется, чтобы этим кем-то оказался я. Потому, я всё время пытаюсь раздобыть билет в светлое будущее — это могут быть так и не всплывшие драгоценности, кто-то пропавший без вести, пара по настоящему крутых папаш, за чьи головы назначены назначена награда. Очень часто попадает информация, которая кажется мне интересной. Поэтому я задерживаюсь в нерабочее время и проверяю зацепки. Ни одна из них до этого ни к чему не привела. Но эта должна улучшить средний показатель.

– Как ты вышел на напарника Лиллипута?

– Случайно наткнулся на него однажды. Полагаю, он отказался от намечающегося куша в пользу новой аферы, что-то вроде свами⁷⁰ из племени мумбо-юмбо. Одна пожилая вдова из Хайленд-парка подала жалобу, и его забрали и арестовали. По лицу размазан сок из каких-то жуков, чтобы больше походить на индуса, на голове чёртов тюрбан, и называет себя Сандор Всевидящий. Но, судя по его отпечаткам, он тот самый напарник Лиллипута, Улыбчивый Фой.

– И никто не спросил его о краже в Сан-Франциско?

– А никто об этом и не знал. Кроме меня, конечно. Ну, а теперь ещё и ты.

Он снова хотел было наполнить мой стакан, но я его остановил.

– Хочу быть в сознании, когда встречу со свами.

Мы оба поднялись.

– Как собираешься к нему подкатить?

– В лобовую, – сказал я.

Таких слов в лексиконе Бодри не было. Он скривился и сказал:

– Тебе решать. Но этот человек скользкий, как угорь в масле. Я и моргнуть не успел, а он уже на свободе.

– У тебя есть предложение получше?

– Нет. Но ты же не хочешь его спугнуть.

– Где мне его найти?

– У него убогая крысоловка в Венеции⁷¹. На канале.

⁷⁰ Отшельник или йогин, получивший посвящение в религиозном монашеском ордене; почётный титул в индуизме.

⁷¹ Район в западной части Лос-Анджелеса.

– Ты, случайно, не подготовил его к нашей встрече?

– Чёрт возьми, нет. Подготовил? И намекнул ему, что я узнал о черепе? Какой в этом смысл? Ты же знаешь меня, Марлоу.

Так и есть. Это было бы слишком просто, а простота была не в стиле Бодри. Это стоило ему бесчисленного числа произведённых арестов. А теперь это обойдётся ему в двадцать пять тысяч.

Перед моей машиной был припаркован зелёный седан, а на переднем крыле сидел маленький человечек. Лунного света было более чем достаточно, чтобы я разглядел, что это был Джонни Хорн. На нём был тёмно-синий костюм, такой блестящий, что, возможно, его до этого прополаскали в бриолине. Рубашка на нём тоже была тёмная, а кремовый галстук гармонировал с носовым платком. В лацкан его пиджака была воткнут цветок шиповника.

Открывая дверцу машины, я спросил:

– Дышишь ночным воздухом, Джонни? Или мне предстоит угадать, что у тебя на уме?

– Ты сейчас собираешься к этому придурку?

Я не ответил.

– Давай я поеду за тобой.

– Зачем мне это?

Он нахмурился и переступил с ноги на ногу, как встревоженный цыпленок. И наконец выпалил:

– Потому что мне нужно поговорить с тобой кое о чём.

Я скользнул за руль и открыл для него дверцу. Он нетерпеливо забрался внутрь. Двигатель заработал, и мы отправились в Венецию. Он несколько минут кашлял и прочищал горло, а затем спросил:

– Фил, пока я был в Кью, вы с Кэти... Ну, ты понимаешь, о чём?

Мой взгляд упал на его куртку, которая была слишком туго натянута на его худощавой груди, чтобы скрыть пистолет. И не то чтобы между мной и Кэти было что-то такое, из-за чего ему бы захотелось наброситься на меня. Я так ему и сказал.

Он покачал головой.

– Да, я так и думал, – сказал он. – Но я должен был спросить. У меня в голове всё перепуталось. Это были пять долгие лет, и теперь всё как-то не так, когда я снова на свободе. Всё немного не так. Для меня. Мне всё время как-то что-то кажется.

Я взглянул на него. Он смотрел на дорогу, качая головой.

– Кэти самая лучшая. Она кое-что сделала для меня, что могло бы доставить ей неприятности, может, даже отправить за решётку. Сделала, чтобы не упустить меня. А когда я облажался так сильно, что она больше не могла мне ничем помочь, то приходила ко мне раз в неделю, как по часам. Все пять чёртовых лет. Она была там, когда я вышел, и отвезла меня в шикарное место, которое купила в Грей-Лейк. Заново покрасила его для меня. Аккуратный, с иголочки. Повсюду посадила цветы. Ты как будто живешь в радуге. – Он показал на шиповник у себя на лацкане. – Это из нашего собственного сада, представляешь?

Я кивнул. Но не понял. Звучало так, как будто он собирался слететь с катушек, а мне нельзя сейчас отвлекаться. Нет, если мне придется иметь дело с Сандором Всевидящим. Тем не менее, было бы интересно послушать о доме и саде. Он внезапно сказал:

– Я не собираюсь возвращаться к мошенничеству. Если ты когда-нибудь услышишь, что я опять занимаюсь чеками, то я хочу, чтобы ты нашёл меня и пристрелил. Слышишь, Марлоу. Ты пристрелишь меня.

– Расслабься, Джонни. Никто не собирается стрелять в тебя, – сказал я ему. Что доказывает, как много я обо всём знал.

Мы проскользнули по Венецианскому бульвару, перевалили через гребень, где океанский бриз понизил температуру воздуха по меньшей мере на десять градусов, а клубы тумана проплывали перед фарами, как бестелесные перекасти-поле.

Довольно скоро мы смогли увидеть венецианские каналы. И почувствовать их запах. Они были построены в начале 1900-х годов воротилой на рынке недвижимости по имени Кинни, который спроектировал город по образцу его итальянского тёзки. Но его мечты в буквальном смысле развеялась как дым в двадцатых, когда выстроенный им пирс сгорел, а каналы наполнились тиной, а само место богемой и чудаками.

Сандор жил недалеко от того места, где когда-то стоял дворец дождей по версии Кинни. Я припарковался через канал от его лачуги на пустом, заросшем сорняками участке, чьё население в основном составляли москиты. Джонни спросил:

– Что мы здесь делаем?

– Стараемся не производить чертовски много шума, – ответил я ему. – Хочу получить представление об этом месте.

Вокруг своей собственности Сандор возвёл четырехфутовый забор из колючей проволоки. Ближняя его сторона выдавалась примерно на десять футов в покрытый пеной канал. Маленькая оштукатуренная площадка, которую он охранял, казалось, не стоила всех этих усилий.

Света во дворе не было, но из заднего окна бил яркий свет. Внутри бродил крупный мужчина. У него была смуглая кожа и длинные седые волосы. На нём была черная рубашка с коротким рукавом и что-то напоминающее чёрные брюки. Он отчаянно жестикулировал и сердито что-то выкрикивал. Похоже, он спорил с самим собой.

Во дворе ещё что-то двигалось, но я не мог разглядеть, что это было. Может быть, собака. На волнах канала покачивалось несколько серых фигур. Сначала был бывший заключенный, который любит бабочек. А теперь у меня мошенник, который держит уток. Может быть, мне стоило завести хорька, чтобы гулять с ним одинокими вечерами.

Я велел Джонни сидеть тихо и ждать меня. Потом я по пешеходному мосту перешёл на другую сторону канала в двух затемнённых домах от Сандора. Вытащил из кобуры свой 38-ой и перепрыгнул через ближайший забор, бесшумно двигаясь по песчаной почве к следующему, чуть более высокому.

Я прошёл вдоль него к фасаду дома, пересёк перед ним лужайку и оказался перед оштукатуренным сооружением цвета фламинго на участке Сандора. Тень не давала ничего рассмотреть из панорамного окна на его фасаде.

Я попробовал обойти дом с дальней стороны, следуя по каменным ступенькам к задней части дома, пока не наткнулся на забор из проволоочной сетки. Он был мне всего лишь по пояс. Я немного выждал, чтобы узнать, не учует ли меня собака. Когда никто не появился, я надавил на сетку и легко и бесшумно перешагнул через неё. Теперь я мог слышать, как внутри дома Сандор разглагольствует о силе разума.

В лунном свете я едва мог разглядеть Джонни, стоявшего рядом с моей машиной на другой стороне канала. Я помахал ему, но он мне не ответил.

Я подошёл поближе к задней двери, которая была приоткрыта на несколько дюймов. К ней вели три деревянные ступеньки. Мой план был прост. Даже слишком прост, учитывая все обстоятельства. Я собирался толкнуть дверь, навалиться на Сандора и заставить его показать мне *objet d'art*⁷². Я уже добрался до верхней ступеньки, когда на меня напали сзади. Пара больших серых гусей внезапно проявила интерес к моим лодыжкам и голеним. И осуществили они это не безмолвно. Я был так поглощен обороной своих флангов, что не услышал Сандора, пока он не оказался в дверях с криком: «Я сокрушу врагов моих!». И будь я проклят, если он не оказался человеком слова.

Действительность казалась чем-то с перьями. Что-то размахивало ими возле моего лица. Я лежал на спине. Сандор или кто-то другой затащил меня внутрь хижины, где теперь было темно. Гусь на меня не нападал, просто пытался выбраться через закрытую заднюю дверь. К чёрту гуся. Чем бы меня ни ударили, на затылке у меня образовалась шишка размером с шарик с жевательной резинкой. Я нажал на неё, поморщился и сел. Мой пистолет был всё ещё у меня в руке. Я понюхал ствол, и запах мне не понравился.

В комнате он чувствовался ещё сильнее.

Серый гусь продолжал пытаться пролезть в закрытую дверь. Я, шатаясь, подошёл к ней, распахнул, и гусь выпрыгнул наружу, не произнеся ни слова благодарности. Я прислонился к стене и попытался заставить пол успокоиться.

Рядом с моей рукой был выключатель, и я им воспользовался. Красная лампочка осветила спальню. То есть тут была кровать. Она была покрыта покрывалом, украшенным знаками зодиака, очень мило. Стены были небрежно выкрашены в чёрный и серебристый цвета.

Сандор Всевидящий был застигнут врасплох. Он лежал рядом с кроватью лицом вниз. Ему дважды выстрелили в спину, и кровь уже запеклась в тёмной луже под ним. Рядом с его телом лежал пистолет 32-го калибра.

В дверном проеме лежал еще один труп. Джонни Хорн подпирал косяк. Он потерял шляпу и глаз. Его голова была под таким углом, что кровь отхлынула от лица. Рот был открыт в изумлении. Некогда румяный нос напоминал глиняный.

Я прошёл мимо него в комнату побольше, где на панорамном окне была задернута занавеска. Больше никаких трупов. И никаких гусей. И, тем более, никаких черепов, инкрустированных драгоценными камнями. Только мебель, затянутая чёрным. В длинном серванте, обитом чёрным бархатом, стояли стеклянный шар гадалки, чёрные и серебряные свечи, коробочки с порошками и дурно пахнущими пузырьками. На письменном столе лежали шесть пистолетов разного калибра, банка с маслом и несколько небольших белых лоскутков. Очевидно, Сандор заботился о своём оружии.

На кофейном столике рядом с чёрным диваном стояла пепельница, которую использовали как подсвечник. Пепел и окурки из неё были вытряхнуты, но капля воска что-то удержала. Аккуратный квадратик фольги.

Судя по моим наручным часам, я был в отрубе не больше часа. Двое мужчин были убиты, а сцена была подготовлена так, чтобы это выглядело как... что? Сначала Сандор застрелил Джонни, а потом я застрелил свами? И что дальше? Потерял сознание и повалился навзничь?

Венецианские копы, возможно, и купились бы на это. Но мне не хотелось давать им шанс. Мне повезло, что меня преждевременно разбудил гусь. Пришло время посмотреть, как далеко меня заведёт везение.

⁷² Предмет искусства (франц.)

Полицейская машина как раз остановилась перед хижиной, когда я покинул её через заднюю дверь. На этот раз я осматривался в поисках гусей, но они отошли от забора, привлечённые шумом, который производили копы.

Я быстро двинулся в противоположном направлении, перейдя вброд тёмную, солоноватую воду канала. К тому времени, когда задняя дверь в доме Сандора снова открылась, я уже стоял у своей машины, с меня капало на подножку, я дрожал и дышал так тихо, как только мог.

Я осторожно отпер дверцу и сел за руль. На другой стороне канала полицейский в форме прошёл на задний двор с пистолетом наизготовку и фонариком. Когда гуси напали на него, он разрядил свой пистолет. Несколько раз. По всему каналу зажглись огни. Люди кричали. Ещё двое полицейских выбежали из дома, где произошло убийство.

Я включил двигатель и отъехал задним ходом от края канала. Я не включал фары, пока не свернул на Венецианский бульвар, в двух милях от места убийства.

– Фил? Ты?

– И никто иной, – ответил я Кэти Хорн, которая стояла в дверях своей комнаты, закутанная в шелковый халат, щурясь на меня и зевая. С моей мокрой одеждой повсюду капало на пол спальни.

– Тебе лучше одеться, Кэти. Нам нужно навестить Бодри.

– Что-то пошло не так?

– Небольшая загвоздка. Обсудим это у Бодри.

– Я... Джонни не вернулся домой сегодня вечером. Он ушёл сразу после ужина и не вернулся. О, Фил... Он ничего не натворил...?

– Давай побеспокоимся о Джонни позже, – сказал я.

Ещё через полчаса я припарковался перед бунгало Бодри за зелёным седаном Кэти. Она нервно посмотрела на него, выходя из моей машины.

– Джонни здесь? – спросила она.

– Я бы очень удивился, – ответил я.

Я подёргал сетчатую дверь, затем постучал по ней костяшками пальцев. Внутри дома что-то зашевелилось. На крыльце зажёгся свет. Входная дверь приоткрылась, и наружу высунулась плохо подстриженная голова Бодри, и всё такое.

– Кэти? – спросил он, когда увидел её. И широко распахнул дверь.

Мы оба быстро вошли. Бодри не понравилось, что тут был я. Он был в купальном халате, с голыми ногами и торчащими наружу бретельками серой майки. Он вытаращился на нас. Кэти устроилась на диване. А я прислонился к книжному шкафу, пока Бодри закрывал входную дверь.

Я расстегнул пиджак и сказал:

– Сегодня вечером всё пошло немного наперекосяк.

И под их внимательными взглядами я рассказал им всё, чему был свидетелем у Сандора, до и после того, как меня вырубили.

Когда я подробно описал состояние головы Джонни Хорна, голубые глаза Кэти снова стали печальными. Но это было притворство. Я сказал им:

– Чего я не понимаю, так это почему вы, чокнутые дети, просто не сбежали вместе. Зачем надо было устраивать это дурацкое шоу, достойное альтернативно одарённых? Ты всегда мыслил довольно странно, Бодри, но черепа с драгоценностями! Господи!

– Один всё-таки существует, – сердито ответил Бодри. – Это правда.

– И у Сандора его не оказалось просто по чистой случайности.

Бодри покачал головой.

– Нет. Тот принадлежал одному из приятелей Хэмметта по «Пинкертону». И он всё ещё был у него, насколько было известно Хэмметту.

– И как же всё должно было произойти? – спросил я.

– Сам разберись, ищейка. Ты же умный мальчик.

Бодри отодвинулся от Кэти. Мне это не понравилось, поэтому я придвинулся к нему, держа их обоих в поле зрения.

– Вы с Кэти уже какое-то время играете в семью. Достаточно продолжительное, чтобы она успела здесь навести порядок и расставить на столах цветы из своего сада. Ведь единственное, что растёт на клумбах снаружи, – это сорняки.

Я повернулся к ней.

– Думаю, ты не могла уделить саду достаточно внимания, учитывая любопытных соседей и всё такое.

– Мы сможем поработать там позже, – сказал Бодри, как будто он действительно так думал.

– Только не после того, как на тебя повесили два убийства, – сказал ему я.

Кэти вздохнула и полезла в карман пальто. Я напрягся, но она искала сигарету. Закурив, она сказала:

– Тогда это показалось хорошей идеей.

– Как тебе удалось затащить Джонни сюда сегодня вечером?

Она устало ответила:

– Он начал догадываться, что я... с кем-то связалась, поэтому я вроде как намекнула, что это был ты, Фил. Я надеялась, что он последует за тобой к свами. Но он поступил ещё лучше: уговорил тебя позволить пойти ему с тобой.

Я повернулся к Бодри.

– А Сандор был готов к нашему визиту, верно? Судя по его арсеналу, свами работал стрелком по найму. Вы заплатили ему, чтобы он приложил меня и убрал Джонни. Я прихожу в себя, вижу, что Сандор смылся, и прихожу к выводу, что он прикончил Джонни из-за драгоценной безделушки. Только что-то пошло не так. Что это было, Кэти? Я знаю, ты там была. Нашёл аккуратный квадратик, который отрывают от сигаретных пачек. Чего захотел Сандор? Ещё денег?

– Он захотел убрать тебя тоже, Фил, – категорично заявила Кэти. – Сказал, что так будет лучше. Он уже приставил пистолет тебе к виску, когда я подняла твой пистолет и выстрелила в него.

Я не знал, хочу я ей поверить или нет. Я спросил:

– Это было до или после того, как он застрелил Джонни?

– Джонни уже был мёртв, – сказала она и отвела взгляд.

– Джонни просто так не вошёл бы туда. Но он бы примчался, если бы ты позвала его.

Она отвела взгляд, но ничего не сказала.

Я продолжил:

– Он сказал мне, что ты кое-что сделала, чтобы ему помочь, что-то, из-за чего у тебя могли возникнуть проблемы с полицией. Возможно, поиграла с какими-то уликами, неправильно оформила пару бумаг. Ты боялась того, что он начнёт болтать, если ты бросишь его ради Бодри, и тебе придётся отправиться в тюрьму?

– Что-то в этом роде, – ответила она и набрала в лёгкие побольше дыма.

Бодри сказал:

– Что, чёрт возьми, будет хорошего в том, что Кэти из-за этого пропустят через мясорубку, Марлоу? Ты чертовски хорошо знаешь, что Джонни не такая уж и большая потеря.

– Он любил бабочек, – ответил я ему. – А кроме того, может быть, Сандор и не убивал Джонни.

– Ты же не думаешь, что Кэти...

– Ты имеешь ввиду, что бывшему копу и в голову не пришло бы наставить пистолет на мужа, которого она хочет убить? На самом деле, Бодри, я думаю, что это была твоя игра. Предположить это сложно только наполовину. Возможно, ты отправился туда сегодня вечером за нами и сам нажал на курок?

Он глубже засунул руку в карман халата. И сказал:

– Я там никогда и рядом не был.

Я наклонился и поднял что-то с полированного пола. Серое гусиное перо.

Я увидел, как напряглась его рука, и оттолкнулся от стены с книгами, налету выхватывая пистолет. Карман его халата взорвался, и пуля пробила обложку одной из книг на полке. Его взгляд слишком задержался на испорченной книге, и я успел выстрелить ему в грудь несколько раз. Удары пуль сбили его с ног и отбросили к двери, которую он только что закрыл.

Кэти пронзительно вскрикнула и бросилась к нему.

Она не разрыдалась. К тому времени, когда прибыли копы, она баюкала уродливую, безжизненную голову Бодри у себя на коленях, но всё ещё не рыдала. У неё были самые печальные глаза, которые я когда-либо видел, но, казалось, в них не было ни слезинки.

Я так и не узнал, действительно ли она спасла мне жизнь в хижине Сандора. Но в конце концов я совершенно случайно узнал, что Бодри пытался сказать мне тогда в офисе Таггарта Уайлда в тот день, когда меня уволили. Во время одной слежки, которая заставила меня отсиживаться в течении шести дней в библиотеке Бэй-Сити, мне случайно попалась книга стихов парня, написавшего «Путешествия Гулливера», Джонатана Свифта, и я прочёл:

Нам микроскоп открыл, что на блохе

Сидит блоху кусающая блошка;

На блошке той – блошинка-крошка,

Но и в неё вливается сердито

Блошиночка, и так ad infinitum.⁷³

Какой-же читатель, этот Бодри. Но ему следовало оставаться со Свифтом и держаться подальше от Хэмметта.

Спасибо книжной обложке, на которой, как мне тогда показалось, был изображен Грегори Пек с пистолетом в руке, обнаруживающий в шкафу обнажённую девушку,

⁷³ Перевод С. Маршака.

благодаря ей, я, когда мне было тринадцать, сразу перешёл от «Страны Оз» Л. Фрэнка Баума к «Глубокому сну» Рэймонда Чандлера. Баум не экономил на скорости развития сюжета, но от темпа Чандлера у меня захватывало дыхание. И хотя некоторые аспекты сюжета были за пределами понимания очень наивного подростка, я помню, что был в восторге от стиля повествования и удивительно забавных диалогов. Одна из реплик Марлоу «Не будь так наивен, Джо» придавала мне жёсткости в поведении на школьном дворе до такой степени, что сейчас, несколько десятилетий спустя, я всё ещё ловлю себя на том, что использую её, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Начиная с того, что романы Чандлера познакомили меня не только с детективами, но и со взрослой художественной литературой, его влияние становилось ещё более серьёзным. Когда после десяти лет работы ведущим колонки книжного обозрения «Лос-Анджелес Таймс» я, наконец, решил написать роман, то знал, что это должна быть загадочная история — история честного, крутого, но сентиментального частного детектива с неприветливых улиц Лос-Анджелеса. Как ни странно, но к тому времени, когда книга «Спящий пёс» была закончена, в ней появился и второй главный герой — не по годам развитая маленькая девочка, потерявшая свою собаку. Полагаю, что мне также не удалось проигнорировать влияние Баума.

Дик Лохт

У. Р. ФИЛБРИК

ПУСТОЙ РУКАВ

1941

Художник Пол Ривовш

Я

ЧИТАЛ последние новости о Лепке, когда мужчина с шёлковым цветком на

лацкане вошёл в вестибюль отеля «Мэншн-Хаус». Лепке родился в семье Луиса Бухалтера, и, согласно газете, превратился в крайне неприятного человека, которого только что приговорили в Нью-Йорке к смерти на электрическом стуле. Я взглянул на его фотографию. Мистер Бухалтер был опрятным малым в кашемировом пальто, красивом консервативном галстуке и серой фетровой шляпе с широкими полями. Судя по тому, как он держался, поблескивающий наручник на его запястье мог быть просто украшением.

– Хмм, – раздался неуверенный голос. – Мистер Марлоу?

Я оторвался от Лепке и сосредоточил свой взгляд на шёлковом цветке. Два бледных нервных пальца крутили его за зеленый проволоочный стебель.

– А что, если это не так? – сказал я. – Тогда об этом узнает весь.

Джентльменом с нервными пальцами был Сидни Сандерс. Я понял это из-за банальной уловки с цветком.

– Мы могли бы перейти улицу и подняться на лифте в мой офис, – предложил я. – Ещё не поздно передумать.

– Хмм, – повторил он, обводя своими маленькими серыми глазками обшарпанный вестибюль. – То есть, я предпочитаю этого не делать.

Он сказал мне по телефону, что не хочет рисковать быть замеченным входящим в офис частного детектива. Очевидно, более нормальным было бы, если бы его заметили исчезающим в дымке грошовых сигар в вестибюле отеля, используемого для свиданий.

Я раскурил трубку и оглядел его с ног до головы. Сандерс не был так аккуратно костюмирован, как Лепке, но он старался. Мягкие кожаные башмаки, чёрные шелковые носки, фланелевые брюки голубовато-серого цвета, из тех, что держат складку, и плащ с поясом, который популярен у потрёпанных непогодой военных корреспондентов, но который редко встретишь в солнечном Лос-Анджелесе. О, и шёлковый цветок.

Его лицо было обычным лицом человека средних лет, желтовато-серого цвета, или оно могло бы быть таким, если бы не продолжало подёргиваться. Подёргивание было живым, оно перемещалось от уголка его рта к щеке, затем к бровям. Мне пришлось отвести взгляд.

Я сказал:

– Выкладывайте. Чтобы успеть с покупками на Рождество, осталось всего шестнадцать дней.

– Я чувствую себя как предатель, – сказал он, проводя рукой по лицу. Это не сработало. Только заставило задрожать руку. – Если они узнают, то вышвырнут меня из игры, и что тогда со мной будет?

Выбыть из игры. В его устах это прозвучало так же плохо, как если бы его выгнали из загородного клуба, что для человека в голубовато-серых фланелевых брюках действительно может стать чем-то ужасным. Я уже собирался встать и уйти, оставив мистера Сандерса подёргиваться в тишине, когда он сказал:

– Вы играете в карты, мистер Марлоу? Это не работает, если не играете в карты.

– А в шахматы я не могу поиграть?

– Покер, – сказал он, снова завожившись с цветком. – Покер с высокими ставками. И я очень боюсь, что кто-то из нас жульничает.

Вот почему я откинулся на спинку стула и снова раскурил трубку.

Он вздохнул.

– Всё началось с, вроде как, светского мероприятия, у одного моего знакомого в Беверли-Хиллз. Потом денежная составляющая взяла верх, и мы подсели, все мы. Месяц назад у моего друга начались проблемы с женой, и нам пришлось переехать из Беверли-Хиллз. И вот тогда игра стала становиться забавной, если Вы понимаете, что я имею в виду.

Я сказал:

– Вам лучше перейти сразу к забавной части.

Сандерс ещё немного поболтал, а затем выдвинул своё предложение. Когда он закончил и ушёл, я постучал своей трубкой по латунной пепельнице, просто потому, что мне нравится, как она звенит, и отправился к стойке с сигарами. Блондинка за стойкой читала книгу в мягкой обложке.

– Убийца – дворецкий, – сказал я. – Только на самом деле никакой он не дворецкий, и в этом весь фокус.

– Привет, Филип, – ответила она. – Насчёт дворецкого я уже догадалась. Читаю только потому, что не хочу палить на грязные стены.

– У тебя тут есть колода карт?

Она положила на стеклянную столешницу запечатанную колоду и подтолкнула её ко мне.

– Ваш приятель показался мне знакомым, – сказала она. – Кажется, я видела его в газетах.

Я ответил:

– Нет. Такой прекрасный мужчина, как он, никогда не окажется в таком месте, как это.

– Как скажешь, кареглазый. Побудь рядом, почему бы и нет? Мы могли бы поиграть в рыбную ловлю или ещё во что-нибудь.

– Извини, Джо Энн, – сказал я. – У меня свидание.

Она спросила:

– И кто вытащил счастливый билет? – И слегка прищурилась.

– Никто особенный, – сказал я, – четверо парней, у которых есть виски, чтобы выпить, и деньги, чтобы проиграть.

Я сунул колоду карт в боковой карман и запечатлел лёгкий дружеский поцелуй в уголке её губ. Возможно, это скрасило её день. И уж точно скрасило мой.

Вернувшись в свой офис, я закрыл и запер внутреннюю дверь. Никуда не годилось бы, если бы потенциальный клиент застукал меня за раскладыванием пасьянса. Я мог поддаться порыву и положить красную даму на красного валета, и что бы тогда со мной случилось, если бы об этом стало известно?

Дома я принял душ и побрился, но не слишком тщательно. Предполагалось, что я не буду выглядеть крутым парнем, как это задумал Сандерс, но и выглядеть изысканно отполированным в этом случае тоже не годилось. Я не был особенно голоден, но поджарил толстый стейк и заставил себя съесть его до последнего кусочка. Я продолжал жевать, пока не увидел блестящее дно тарелки, а в нём человека, который рассчитывает выпить изрядную порцию скотча и желает, чтобы в животе было мясо, которое сможет не дать ему потерять голову.

Как предусмотрительно. Должно быть, я выглядел достаточно самодовольно, когда вышел на улицу, потому что на углу Франклин и Кенмор притаился Санта с желтозубой улыбкой, который демонстративно позвонил для меня в колокольчик.

– Счастливого Рождества, – сказал он и снова потряс колокольчиком, на случай, если я ещё стою на ногах.

– Сегодня всего лишь шестое декабря, – сказал я, бросая четвертак в его кружку. – Покинь нас, о тень прошедших праздников, и больше не беспокой.

Санта кисло взглянул на меня и почесал свою бородку из ваты.

В моей машине был новый приёмник, поэтому я его включил. Британия угрожала объявить войну Финляндии, Румынии и Венгрии, поскольку означенные страны отказались прекратить войну с Россией. Японские дипломаты встретились с госсекретарем Корделлом Халлом, а летчики ВМС проявили халатность и разбили самую большую в мире летающую лодку.

И ни слова о карточных шулерах на субботнем вечернем покерном фестивале Сидни Сандерса, который в течение последнего месяца проходил в Бэй-Сити. Направляясь на запад по Уилшир, я лишь слегка нажимал на педаль, не желая выяснять насколько слухи о том, что в Бэй-Сити есть два или три честных копа, соответствуют действительности.

Дом 449 по бульвару Сан-Висенте представлял собой невзрачное маленькое здание в нескольких кварталах от побережья. Из нижних окон лился бледно-жёлтый свет, в его искусственном освещении лениво проплывал силуэт худощавой женщины. Я припарковался на противоположной стороне улицы, в квартале от дома, и опустил стекло. В воздухе чувствовался запах скошенной травы, морской соли и средства для отбеливания. Особенно последнего. В Бэй-Сити это единственные духи, разрешенные законом.

Я намеренно приехал пораньше. Прошло десять минут, прежде чем к обочине подъехал не новый чёрный «форд-седан». Выбравшийся из машины субъект сделал это осторожно, как будто боялся, что изрытая выбоинами улица может под ним провалиться. Старческая осторожность не являлась следствием возраста: это был худощавый парень с копной волнистых черных волос, коротко подстриженных над ушами. На нём был поношенный габардиновый костюм, из тех, что носят вечно, но никогда не сидят как следует, а шляпу он держал в руке.

Он поднялся по ступенькам. Дверь открылась прежде, чем он до неё добрался. Затем за дверью снова стало темно.

Три минуты спустя со стороны океанского конца бульвара появился линкор. Это был двухцветный линкор, с желтовато-коричневыми крыльями и багровым верхом, и он был не таким длинным, как президентский срок Рузвельта. Ему удалось подъехать к обочине без помощи буксира, и из него выбрался адмирал. Голливудский адмирал в фуражке с витым шнуром, бриджах и сапогах до колен, которые соответствовали окрасу лимузина.

Он открыл одну из задних дверей. Не сделав при этом реверанс, хотя был близок к этому. Из машины вышел жизнерадостный коротышка в бархатных гетрах. На маленьком человечке был котелок, сдвинутый на затылок под определенным углом, и, конечно же, у него была трость. Я предположил, что он собирается ею выпороть шофера, но он меня удивил. Он просто взбежал вверх по ступенькам и вошёл в дом.

Шофер снял фуражку с галуном, отряхнул ею полы бриджей и, казалось, что он был доволен жизнью и тем, куда она его завела. Я хотел было рассказать ему, во что он вляпался, но было Рождество, а я был из тех, кто раздает четвертаки фальшивым Сантам.

Сандерс приехал на новом «крайслер-родстере». Я вышел встретить его к подножию лестницы. Он нервничал, и это заставило нервничать меня, и я крутил в пальцах незажженную сигарету.

Он сказал:

– Вижу, Вилли уже здесь. Эта лодка – лимузин студии. Он взял её взаймы. Думаешь, сможешь его одурачить?

– Постарайся выглядеть так, будто не участвуешь в ограблении века, ладно? – сказал я. – Мы просто играем в карты, вот и всё, и я собираюсь быть внимательным. В чём тут преступление?

– Полагаю, ты прав. Просто мне всё ещё трудно поверить, что Вилли мог нас обмануть. Ему точно не нужны деньги.

Сандерс достал сигару и, подражая мне, стал перекачивать её между пальцами. Насколько я мог судить, это получилось у него не нарочно, и вскоре он её уронил. Он её поднял, отряхнул и сунул в карман, как будто она никогда не касалась земли.

– Вероятно, я совершаю ужасно большую ошибку, – сказал он.

Мы подошли к двери, Сандерс шёл впереди, и она открылась прежде, чем он успел позвонить. Худощавая женщина с ореолом тонких, крашенных в жёлтый цвет волос протянула бледную руку и сказала:

– Сэнди, это новый цветок, так ведь? А это, должно быть, новый джентльмен. Входите, входите. Рэй пошёл на кухню за льдом для Вилли. Ты же знаешь, как ему нужен лёд.

Сандерс прижался губами к её запястью и сказал:

– Сисси, это Марлоу. Сегодня вечером он собирается попытать счастья с нами.

Пока вы не взялись за неё с целью изучить получше, Сисси выглядела лет на сорок пять, а вела себя, как будто была ещё моложе. Её лицо никогда не переставало двигаться, как и руки, которыми она пользовалась лучше, чем семафорами, и причина всего этого движения заключалась в том, чтобы не дать сфокусировать на себе взгляд. Ей было лет семьдесят, если не больше, на искусно нанесенном макияже виднелись мелкие трещинки, а её волосы были такими же нереальными, как трепет ангельских крыльев. Всё это казалось чем-то бессмысленным до тех пор, пока несколько минут спустя я не познакомился с её мужем, и тогда всё обрело смысл.

Она протянула мне руку. Я последовал примеру Сандерса и коснулся губами хрупкого запястья, пахнущего сандаловым деревом, и сказал:

– Как мило с Вашей стороны, что вы позволили мне присоединиться. Давно живёте в Бэй-Сити?

– Мы нигде не живём подолгу, – неопределенно ответила она и показала мне, где можно повесить шляпу.

Это была скудно обставленная четырехкомнатная квартира. Казалось, что здесь слишком много книг и мало стульев. Тощий парень с походкой старика сидел на выцветшем красном диване, держась обеими руками за стеклянный стакан.

– Марлоу, – представился я, отдавая ему честь. – Я новичок в этом квартале.

– Я – Никсон, – отозвался он. – Здесь меня зовут Ник. Тут все обходятся без формальностей.

Сандерс прошёл на кухню, где кто-то шутил с немецким акцентом. Возможно, акцент и был шуткой, а может, и нет, было ещё слишком рано делать выводы. Виски и «свиш» были расставлены на маленьком столике со стеклянной столешницей. Я налил себе выпить — я не так привередлив к наличию льда — и попросил пожилого парня Ника прикурить мне сигарету, просто чтобы проверить, насколько тверда его рука. Оказалось, достаточно.

– Когда начинаем? – спросил я, кивнув на круглый стол и пустые стулья вокруг.

– Когда здесь появится мистер Фарнум. Он удивительный человек, мистер Фарнум, учитывая обстоятельства.

Я не спросил, какие. Сандерс вернулся в сопровождении малыша Вилли и неуверенного на вид джентльмена, который нёс ведёрко со льдом и щипцы. Помимо ведёрка он носил очки в круглой роговой оправе, которые не скрывали его кротких, пытливых глаз. Сандерс представил его как Рэя, поэта.

– Не шутите? – сказал я. – Из тех, кто рифмует слова?

– Время от времени, – ответил тот. – Когда это приходит мне в голову.

Это было для меня что-то новое. Я не думал, что поэты могут носить имя Рэй. Он был по крайней мере на двадцать лет моложе своей жены Сисси, и это объясняло её странную девичью манерность. Сандерс, имевший какое-то отношение к издательскому делу, «работал» с книгой стихов Рэя. Он произнёс это так, как будто книга была крапчатой форелью, которую он поймал на сухую мушку, которую сам насадил. С точки зрения Сандерса, важной частью была муха, а не рыба.

Малыш Вилли понюхал свой напиток и сказал:

– Почему нам всегда приходится ждать этого Фарнума? – произнося «ф» вместо «в», что, к моему удовлетворению, подтвердило, что немецкий акцент был вполне настоящим. Когда он говорил, а делал он это часто, то жестикулировал своей тонкой малаккской тростью с кожаной ручкой. У меня сложилось впечатление, что Рэю не нравился ни Вилли, ни его трость, хотя Вилли, казалось, этого не замечал.

Сандерс собрался с духом и вспомнил свои слова. Он слегка улыбнулся и сказал:

– Бедный мистер Фарнум проиграл кучу денег на той неделе, Вилли. Помните? Я полагаю, это Вы выиграли у него.

– Никаких отговорок, – ответил малыш Вилли. Его чёрные, отливающие бриолином, волосы были расчесаны с таким аккуратным пробором, что белая отметина на его черепе выглядела как шрам.

Сандерс ещё не был готов расстаться со своими мыслями. Он сказал:

– Очень мило со стороны Рэя и Сисси разрешить нам поиграть здесь, Вилли, но я не могу отделаться от мысли, что у тебя дома в Беверли-Хиллз было удобнее. Есть шанс, что мы вернёмся туда?

Малыш Вилли сверкнул глазами.

– Заткнись, Сэнди. Ты знаешь мою ситуацию.

Мы сели за круглый стол и стали ждать мистера Фарнума. Рэй закурил бульдожьей трубкой. Он почти не разговаривал. Возможно, придумывал стихи. Сисси суетилась вокруг нас с подносом крекеров, вашингтонских яблок и нарезанного сыра. Я откусил кусочек сыра. Он был достаточно острым для хирургической операции.

– Чепуха, – сказал малыш Вилли, нетерпеливо хмурясь. – Мы здесь, давайте начинать. Сдавайте карты!

Никсон ответил:

– Мистеру Фарнуму было немного не в духе, когда мы начали без него на прошлой неделе. Ему нравится присутствовать, когда вскрывают колоду. В прошлый раз его не было, и он проиграл тысячу или около того.

Малыш Вилли сверкнул глазами.

– Что ты хочешь этим сказать? С его картами всё было в порядке, за исключением того, что они были недостаточно хороши, чтобы он выиграл.

Сандерс кашлянул в кулак.

– Я уверен, что Никки ничего такого не имел в виду. Так ведь, Никки?

Никсон кивнул, втягивая и выпячивая нижнюю губу, пытаясь выдать это за улыбку. Что бы он ни делал со своим лицом, на нём проявлялось только одно: вечно обиженное выражение человека, который меняет носки либо пять раз в день, либо никогда.

Раздался звонок в дверь.

Никсон сказал:

– Это, должно быть, мистер Фарнум, – и оказался прав.

Великий человек носил плащ цвета гелиотропа⁷⁴, роскошными складками ниспадавший с широких плеч. Его лицо было румяным и одутловатым, рот маленьким и влажным, под стать глазам. Мне он не очень понравился. Он расстегнул плащ левой рукой и поймал его за воротник, прежде чем тот очутился на полу, что потребовало от него некоторых усилий. Его правый рукав был пуст.

Он сказал: «Мне виски, пожалуйста», и когда сел, стул под ним закрипел, как старый деревянный корабль, толкаемый набегающим приливом.

Рэй отложил трубку и снял с колоды карт целлофан. Приподнял колоду. Фарнум отхлебнул из своего стакана и кивнул. Малыш Вилли, отодвинутый на второй план плащом и рукавом, мог только свирепо взирать.

Поэт перетасовал карты и сдал их.

Перед началом игры у меня в кармане было пятьсот долларов Сидни Сандерса, а час спустя – ещё больше. Это был обычный покер, «стад» и «дро»⁷⁵. Единственное что, надо было знать, как делать ставки, и в этом и была вся уловка.

– Сделай потише, – неожиданно сказал малыш Вилли, когда Никки как раз был на раздаче. – Ненавижу его.

Он имел в виду радио. Сисси, мечтательно улыбаясь, поймала сестёр Босуэлл, выступавших с оркестром Дорси. Она плыла вдоль стены, буквально чувствуя музыку своими тонкими руками, как бабочка, оторвавшаяся от выцветших обоев.

Рэй сказал: «Хорошо», – и встал, чтобы выключить радио. Сисси продолжала вслушиваться в музыку. Когда Рэй снова сел, его глаза были очень спокойными.

– У тебя два туза открыты, Сидни, – сказал малыш Вилли. – Повышаешь?

Сандерс осмотрел свой маникюр. У Вилли были открыты четыре пики.

– Сотня, – сказал Сандерс.

Он, Уилли и Никсон всё ещё были в игре. В банке было больше тысячи. Я вышел раньше с парой двоек, которые никогда не собрались бы станцевать тур танго, так что я мог теперь просто наблюдать за представлением. Фарнум тоже наблюдал, как его левая рука засовывает намокший кончик сигары в его блестящий рот.

– Сотня, удваиваю, – сказал малыш Вилли.

Никсон, в свою очередь, ответил срывающимся голосом:

– Ты удвоил, и я удваиваю.

Мы все посмотрели на парня. У него вполне мог сложиться младший «стрит», если недостающая карта была у него на руках. Крошечные капельки пота стекали с его линии волос, как капли масла по осколку стекла.

⁷⁴ Минерал тёмно-зелёного цвета.

⁷⁵ Разновидности покера.

Малыш Вилли пристально взглянул на него, затем полез в бумажник, достал пять сотенных и бросил их в банк.

– Отвечаю, – сказал он.

Сандерс посмотрел на стопку «зелёных», на то, что у него было открыто, вздохнул и сбросил карты.

– Отвечаю, – сказал малыш Вилли, толкнув Никсона локтем.

Никсон перевернул закрытую карту. «Стрит»⁷⁶ сложился. Он протянул обе руки, чтобы сгрести деньги. Малыш Вилли поднял свою закрытую карту и бросил её в центр стола. Это была пика.

– Я верю, что победит это, – сказал он⁷⁷.

Бедный Никки с трудом переводил дыхание. Он напоминал золотую рыбку, которой следовало побриться. Малыш Вилли постучал своей малаккской тростью по полу и сказал:

– Сделано!

Я пропустил следующую раздачу и отправился на кухню со стаканом в руке. Я уже увидел достаточно, всё остальное было бы уже излишне. Сисси была на кухне. У неё на руках был чёрный персидский кот, и она мурлыкала вместе с ним.

– Нам весело? – спросила она.

– Невероятно, – сказал я. – Я так сильно смеялся, а ж до судорог.

Пожилая женщина уставилась на меня. Это был долгий, томительный взгляд, который начался с моей макушки и скользнул вниз, пока она не развязала узлы на моих шнурках и не завязала их снова, и всё это мысленно, просто чтобы узнать, к какому типу любителей завязывания шнурков я принадлежу.

Она сказала:

– Ты напоминаешь мне кое-кого, кого я знала, когда была моложе – и он тоже был моложе.

– Ах, молодость, – произнёс я. Слова упали, как кусочки льда в разбитую чашку, и было слишком поздно забрать их обратно.

– Издевайся, если есть желание, – огрызнулась она, прижимая к груди кота. – Может быть, когда-нибудь ты согласишься в зеркало и увидишь там усталого старого джентльмена со слишком затянутым ремнем.

Я попытался загладить свою вину, погладив черного кота. Перс, почувствовав огорчение своей хозяйки, обнажил маленькие, идеальные зубы. В соседней комнате раздался отвратительный смех, и кто-то выругался по-немецки. Я вернулся, чтобы принять лекарство.

Никки кивнул, когда я сел.

– Мистер Уайлдер только что выиграл на проездной. А Вы неплохо разбираетесь в картах, не так ли, мистер Уайлдер?

Малыш Вилли поднял свою трость, приставил конец с золотым наконечником к месту над сердцем Никсона и легонько надавил.

– А Вы всё блефуете, – сказал он. – Думаю продать вас Сэму Голдвину. А теперь продолжайте сдавать.

⁷⁶ Пять карт по достоинству следующих друг за другом (независимо от масти).

⁷⁷ У малыша Вилли сложился «флэш» – пять карт одной масти (независимо от достоинства). Эта комбинация старше, чем «стрит».

Следующую раздачу с небольшим банком выиграл Рэй, а затем ненадолго на вершину вернулся Сандерс, снявший свой зелёный шёлковый цветок. Но это уже не имело значения. К тому времени я уже знал всю пьесу. Вся моя работа сводилась к ожиданию третьего акта.

Занавес поднялся за час до рассвета. На раздаче был Никсон. На его мальчишеском лице уже виднелась тёмная поросль, напоминающая остатки убитой морозом травы, торчащие из-под серого снежного покрова. Он облизнул губы и перетасовал карты.

Малыш Вилли посмотрел на него взглядом жабы на бескрылую муху.

– Не волнуйся, – ласково сказал он. – Это всего лишь деньги.

– Ты хочешь сказать, что это всего лишь *его* деньги, – внезапно произнёс Фарнум. Он молчал уже больше часа, проигрывая по мелочи. Пустой рукав болтался у него на боку, как вымпел на безветренном поле боя.

– Всё в порядке, мистер Фарнум, – сказал Никсон. – Я знаю, что он имеет в виду.

Фарнум пожал плечами. Сигара у него во рту была такой же холодной и влажной, как и блеск в его глазах.

Никсон раздал.

Малышу Вилли открыли короля.

У Фарнума был валет.

– Удача на моей стороне, – сказал малыш Вилли, проверив свою закрытую карту.

Фарнум ответил:

– Вы называете это удачей? Как забавно.

Они начали ставить друг против друга, повышая, как дьяволы. Это было нечто большее, чем карты. С наступлением рассвета началась небольшая война. Восходящее солнце проливало красные лучи сквозь опущенные жалюзи. На последнем круге, в игре остались только малыш Вилли и Фарнум, перед которыми лежал раздувшийся от гордости банк. Десять тысяч или больше — я уже перестал считать.

Немец, который сжимал кожаную ручку своей трости, получил своего третьего короля.

– Бог добр, – сказал он.

У однорукого были открыты три валета.

– Итак, – тихо вздохнул Фарнум, – Вы имеете ввиду немецкого бога? Или голливудского?

Малыш Вилли ответил:

– Бога денег. Тысячу раз, – и подтолкнул к нему пачку банкнот.

– Взгляните-ка. И пять тысяч сверху — если у Вас хватит смелости, – сказал Фарнум.

Он залез в карман, достал бумажник, извлек пять хрустящих купюр и веером высыпал их в банк. На всё это было приятно посмотреть, ведь это было проделано одной рукой.

Малыш Вилли бросил на тройку валетов Фарнума такой взгляд, каким он одарил бы трёх простушек из Небраски, пытающихся позировать на табуретках в аптеке Шваба⁷⁸. Его глаза сузились.

– Позовите моего шофёра, – потребовал он.

Что и было сделано, и после непродолжительной надуманной канители шофер доставил ещё один толстый бумажник и почтительно вручил его немцу.

⁷⁸ Аптека, расположенная на бульваре Сансет, 8024 в Голливуде, штат Калифорния, была популярным местом встречи киноактёров и деятелей киноиндустрии в 1930 – 1950-е годы.

– Вот пять и и повышаю... ещё на десять тысяч.

Это заставило оживиться Сандерса. Он сказал:

– Минутку, Вилли. Лимит – пять, мы все согласились с этим несколько месяцев назад.

– Десять – это прекрасно, – сказал Фарнум. Он нежно поглаживал пухлым пальцем свою карту. – При условии, что Вы примете моё обязательство.

Малыш Вилли кивнул.

– Ну конечно. Ваше джентльменское обязательство.

Фарнум одолжил у Рэя бумагу и ручку и написал расписку. Он положил её поверх десяти тысяч малыша Вилли.

– Ваш ход, – сказал он.

Немец перевернул свою карту.

– Фулл-хаус, правят короли.

Фарнум сказал:

– Никогда не полагайся на Господа в азартной игре, – и перевернул четвертого валета⁷⁹.

В моей шляпе спал чёрный кот. Я прогнал его и плавно направился к двери. Я хотел уйти первым, прежде чем Сандерс успеет задать мне кучу вопросов, на которые я ещё не был готов ответить.

Рэй стоял на ступеньках, протирая очки. Он поднял их к восходящему солнцу. Казалось, он осознавал, что загораживает мне дорогу. И заговорил, не оборачиваясь:

– Отсюда виден океан. Интересно, почему его называют Тихим?

– Вам придётся найти ответ, – ответил я. – Увидимся.

– Неужели я выгляжу настолько глупо? Хотя, может, так оно и есть.

Я сказал:

– Не понимаю, что Вы хотите этим сказать.

Он пожал плечами и загадочно улыбнулся.

– Знаете, что не так с этим паршивым городком? – спросил он. – Слишком много воды, слишком много утопленников.

Мне это понравилось, пусть даже и не в рифму.

Когда остальные высыпали из квартиры, я уже сидел, сгорбившись, в своей машине и надвинув шляпу на глаза. Шляпа пахла котом и чуть-чуть сандаловым деревом. Меня это не беспокоило. Есть вещи и похуже.

Малыш Вилли выкинул забавный номер перед тем, как отъехать на своём взятом напрокат лимузине. Он вышел, сломал о колено малаккскую трость и воткнул получившиеся кусочки в лужайку Рэя, получились такие маленькие хрупкие деревца. Я покрутил сигарету в пальцах и ухмыльнулся. Этаким голливудский штрих, но в эфемерном свете воскресного утра он показался уместным.

Никсон уходил последним. Сисси вышла на крыльцо, чтобы вручить ему шляпу, и он взял её, наклонив голову. Затем Рэй взял за руку свою жену, и они стали наблюдать, как юноша, сутулясь, направился к потрёпанному «форду» странной стариковской походкой, которая бросалась в глаза.

⁷⁹ Четыре карты одного достоинства (каре) старше фулл-хауса – трёх карт одного достоинства и пары другого.

Они всё ещё стояли там, когда я отъехал вслед за ним.

Никсон свернул налево на шоссе Пасифик-Кост, направляясь на юг. Я отстал, оставляя между нами достаточно пространства. Он проехал не более полумили, прежде чем врезался своим «фордом» в задний бампер «доджа бич вэгон».

Я съехал на обочину, сунул пистолет в карман и вышел. Радио в обеих машинах было включено на полную громкость. Никсон стоял у своего покореженного крыла, больше интересуясь трансляцией, чем повреждениями. Водитель «доджа» прислонился к дверце своей машины, его рот был приоткрыт. Оба, как замороженные, смотрели на пурпурно-серый Тихий океан.

– Что происходит? – спросил я.

А потом я услышал сообщение и понял, что заставило «бич-вэгон» ударить по тормозам.

– Японские ублюдки, – произнёс Никсон, счастливо улыбаясь.

– Они сейчас направляются сюда, – взволнованно сказал «бич-вэгон». – Весь их жёлтый флот.

Может, мне следовало оставить всё как есть. Просто уехать, вернуться к Рэю, чтобы сказать, что у него появилось ещё несколько сотен причин ненавидеть море. Что теперь значил обман на двадцать пять тысяч теперь, когда начали падать бомбы?

Но от старых привычек трудно избавиться. И я предложил Никсону подвезти.

Он покачал головой, словно очнувшись ото сна.

– Спасибо, нет. Я воспользуюсь телефоном.

– Прокатишься и улыбнёшься, – сказал я, ткнув пистолетом ему под ребра. «Бич вэгон» был слишком занят осмотром горизонта в поисках признаков намечающегося вторжения, чтобы это заметить.

Я усадил Никки за руль и забрался на заднее сиденье.

– Просто езжай туда, куда собирался, – сказал я.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Я провёл стволом по его уху.

– Ты хорош, – сказал я. – Но не настолько. Вы всё провернули вдвоём. Ты обычный шулер. И это ты подставил его

– Мистер, Вы всё неправильно поняли. Я юрист. Я бы никогда не нарушил закон.

Я смеялся всю дорогу до отеля на набережной. Именно там Ники и его напарник собирались поделить наличность. Парень с готовностью во всём признался только после того, как я пообещал не впутывать в это дело копов.

– Привлечь копов из Бэй-Сити? – спросил я. – Малыш Вилли был прав. Мне следовало бы продать тебя Сэму Голдвину. А теперь поехали.

В вестибюле отеля ранние пташки столпились вокруг радиоприемника. Никто не обращал на нас внимания. Один человек с пистолетом – не повод для волнения, только не в то утро.

Лифт не реагировал на кнопку вызова, поэтому мы поднялись по лестнице.

Три лестничных пролета. Меня это вывело из себя. Я втокнул Никсона в комнату перед собой.

– Извините, мистер Фарнум, – сказал он.

Однорукий сидел на узкой кровати, попыхивая новой сигарой. Двадцать пять тысяч уже были разделены на две кучки на подушке. Он посмотрел на меня глазами, черными, как стреляные гильзы.

– Вот расклад, – сказал он. – Поделим всё на троих.

Я ухмыльнулся и сказал:

– Никки собирается присоединиться к ВМС, а что нам делать с тобой?

Фарнум моргнул, глядя на пистолет. Спросил:

– Как ты догадался?

– Старый трюк, – сказал я. – Ты немного его изменил его, но трюк всё равно старый. Этот парень – шулер, его дело – колода. А командуешь ты, и ты назвал бы это очень милым. У малыша Вилли есть деньги, поэтому он и стал жертвой. Три недели вы позволяете ему выигрывать и заставляете всех думать, что он, должно быть, как-то жульничает. Это отвлекает внимание от тебя с пацаном. Вам просто нужно было довести малыша Вилли до нужного состояния, чтобы он сделал бешеную ставку. Потому, вы скормили ему то, что выглядит как выигрышная комбинация, а затем оскорбили его гордость. И он остался, чтобы доказать, что не жульничает. Раписка. Это прекрасная деталь. Убедительно для всех, кроме меня.

Фарнум снова моргнул. Я почти купился на это, моргнув вместе с ним, когда его левая рука нырнула под подушку. Я выстрелил, продырявив латунную ножку кровати, и уродливый чёрный револьвер свалился на пол.

– И не говори, – сказал я. – Если бы у тебя ещё была и правая рука, то я был бы уже мёртв.

Фарнум пожал плечами. Он сделал свой ход, ничего не вышло, и теперь он ждал, чем всё закончится.

– Как ты её потерял? – спросил я. – Случайно, не за картами?

Тёмные, как у насекомого, его глаза заблестели. Я носком ботинка подтащил револьвер к себе, сунул его в карман и заставил Никки запихать двадцать пять тысяч в наволочку.

– Держу пари, в расцвете сил ты был чертовски хорошим шулером, – сказал я, пятясь к двери. – Держу пари, твоя идея заставить Никки выглядеть таким глупцом. Ты научил его всяким трюкам, и с твоей наукой он, возможно, и стал достаточно хорош, чтобы дурачить моряков, но он никогда не будет и на десятую долю так хорош, как ты. Выкладывай, Фарнум. Я уже пообещал этому маленькому мошеннику, что копов не будет. Скажи, кто тебя поймал и лишил руки.

Он посмотрел на свой пустой рукав, его лицо превратилось в серую маску, и сказал:

– Её забрал Лепке. Он никогда не поймал меня; он сделал это просто ради забавы. И я молюсь, чтобы этот мелкий косоглазый кричал, когда они повернут рубильник.

Я сказал:

– Они всегда кричат, – и ушёл, перекинув наволочку через плечо.

Когда приехал шофёр, у меня в офисе была вечеринка. Я, бутылка и Бетти Грейбл⁸⁰. Бутылка была из ящика картотеки с буквой «С» (для дешёвого скотча), а Бетти улыбалась мне с календаря.

– В следующий раз попробуй постучать, – сказал я шоферу. – И можешь снять перчатки. Я не возражаю.

– Мистер Уайлдер прислал меня за деньгами, – сухо ответил он. Возможно, он хотел отдать мне честь. Внезапно вокруг завитало много чего-то подобного.

⁸⁰ Элизабет Рут «Бетти» Грейбл (1916 — 1973) — американская актриса, танцовщица и певица.

Я откинулся на спинку стула и выглянул вниз в окно. Я был удивлен. На улице внизу был другой военный корабль.

– Это малыш Вилли в лимузине?

Шофер кивнул.

– Они с мистером Сандерсом обсуждают дела. И хотят получить назад свои деньги, сэр.

Он протянул руку.

Я встал и открыл окно. Был погожий декабрьский день, и над городом висел лёгкий смог. Я поднял наволочку и выбросил её в окно.

– Вам лучше поторопиться, – сказал я шоферу. – Идёт снег.

Флобер однажды воскликнул, что мадам Бовари – это он (чем обескуражил своих друзей и её!), но Чандлер был очень твёрд в своём утверждении, что Марлоу – это не он, и поэтому неудивительно, что автор и детектив, оба проживавшие на территории Лос-Анджелеса, пересеклись в по крайней мере, один раз⁸¹.

Хотя Марлоу здесь скромно не называет никаких фамилий, дотошный читатель узнает, что в начале декабря 1941 года, когда происходит действие «Пустого рукава» Чандлер и его жена Сисси проживали в резиденции по адресу – бульвар Сан-Висенте, 449. С меньшей достоверностью можно попытаться установить истинную личность молодого игрока в покер, которого Марлоу называет Никсоном. Может ли он иметь какое-то отношение к будущему политику и аферисту? Марлоу не сообщает.

И в этом и есть великое наследие, которое Рэймонд Чандлер оставил авторам, решившим писать о преступлениях: свободу не сообщать и не объяснять решение каждой головоломки. Для Чандлера настоящей загадкой был сам Марлоу и то, что побуждало его действовать. Вот почему миллионы читателей чувствовали себя комфортно, влезая в его шкуру и прогуливаясь по убогим и красивым улицам этого неотразимого наваждения под названием Южная Калифорния.

Если у вас есть какие-либо вопросы о гениальности Чандлера или о том, кто же жульничал в карты определенной декабрьской ночью, не стесняйтесь задать их Марлоу. Для вашего удобства он оставляет дверь в приёмную незапертой.

У.Р. Филбрик

⁸¹ На самом деле они встречались ещё, и, возможно даже, не один раз, в романе Хибера Контериса «Десять процентов жизни» (1985), действие которого происходит в 1957 году.

САРА ПАРЕЦКИ

ВЫБОР ДИЛЕРА

1942

Художник Хавьер Ромеро

КОГДА Я ВОШЁЛ, она ожидала в приемной, сидя так неподвижно, что можно

было подумать, будто она просидела так десятилетие или даже два и вполне могла бы дожидаться тут двадцать первого века, если бы это потребовалось. Она не пошевелилась, когда я появился, только бросила на меня быстрый взгляд из-под вуали маленькой красной шляпки, свившей гнёздышко в её блестящих чёрных волосах. На ней всё было красное; рекламная кампания «Мэй»⁸² задела её за живое и её одежда была победоносного красного цвета. Но я сомневался, что она когда-нибудь была внутри «Мэй». На ней была чесуча⁸³, из тех, что какой-нибудь торговец, изображающий могильщика Георга V⁸⁴, вытащил из заднего помещения и шепнул, что она очень подойдёт мадам, если только мадам снизойдёт до примерки. Туфли, перчатки и сумка были чёрными.

– Мистер Марлоу? – Её голос был мягким и хрипловатым, с намёком на шепелявость.

Я признал этот факт.

Она поднялась на ноги. Взгромоздившись на свои квадратные четырехдюймовые⁸⁵ каблуки, она чуть-чуть не доставала мне до подмышки.

– Я надеялась застать Вас, мистер Марлоу. Надеялась заинтересовать Вас взяться за моё дело. Если, конечно, у Вас найдётся время.

Она произнесла это так, как будто её проблема, в чём бы она не заключалась, была немного скучной, и что, если у меня не найдётся времени, то мы могли бы позабыть о ней и заняться чем-нибудь более интересным. Я хмыкнул и отпер внутреннюю дверь. Приглушенный ковром звук шагов позади меня дал мне понять, что она вошла следом за мной.

Апрельское солнце освещало пылинки, танцующие по краю моего стола. Я бросил утреннюю газету на бювар⁸⁶ и полез в ящик стола за трубкой. Моя посетительница устроилась в другом кресле с тем же самообладанием, какое она продемонстрировала в приёмной. Насколько незначительной не была возникшая у неё проблема, она не дёргалась и не цеплялась каблуками за розовые шёлковые чулки.

Пока я набивал трубку, она наклонилась вперёд в своем кресле, разглядывая газету; что-то на первой полосе привлекло её внимание. Может быть, Красная Армия, громящая фрицев на Каспии, или США, отвоёвывающие несколько дюймов в Милн-Бэй⁸⁷. Или Ичуро Кимура, ускользнувший от американской армии прямо из дома, или, может быть, женщина, чьи дочери-близнецы отпраздновали свой первый день рождения, так и не увидев своего папу. Он был интернирован японцами в Чунцине.

Заметив, что я наблюдаю за ней, она откинулась на спинку стула.

– Как Вы думаете, война скоро закончится, мистер Марлоу?

⁸² Известный универмаг в Кливленде, Огайо. Был открыт в 1915 году.

⁸³ Плотная шёлковая ткань полотняного переплетения.

⁸⁴ Умер в 1936 году.

⁸⁵ Около 10 см.

⁸⁶ Бювар может представлять собой тетрадь пропускной («бюварной») бумаги, кожаный переплёт (иногда) со вложенными в него листами клякс-папира; лист пропускной бумаги, разложенный на письменном столе или папку для хранения почтовой бумаги, конвертов и корреспонденции.

⁸⁷ Провинция в Папуа-Новой Гвинее.

– Конечно, – сказал я, утрамбовывая табак. – Выберемся из окопов к Рождеству. К Пасхе мы уже на день опоздали.

Девушка слегка кивнула сама себе, как будто я подтвердил её собственное мнение о войне. А, может быть, о самом себе. Яркий солнечный свет позволял теперь, несмотря на маленькую вуаль, рассмотреть её глаза. Радужки были большими и тёмными, казавшимися чёрными на фоне чистых белков. Она смотрела на меня достаточно спокойно, но глаза выдавали её — ими можно было бы осветить стадион «троянцев»⁸⁸, если бы ей захотелось использовать их подобным образом. Но что-то в её манере и этот её намёк на шепелявость наводили меня на мысль, что там, откуда она родом, в футбол особо-то не играют.

– Мне нужна помощь с одним человеком, – наконец сказала она.

– Выглядит так, что Вы прекрасно справляетесь без посторонней помощи. – Я чиркнул спичкой о край стола.

Это моё замечание она проигнорировала.

– У него на руках несколько расписок моего брата.

– Это была честная игра?

Она пожала плечами, и это заставило шёлк зашелестеть.

– Я не знаю, мистер Марлоу. Всё, что мне известно, что мой брат поставил э-э... вещь, которая ему не принадлежала. Мой брат скрылся, поскольку знает, что не может расплатиться, и боится, что ему переломают ноги, или что там делают, когда ты не можешь оплатить свои карточные долги.

– Тогда не вижу у вас проблем. Всё, что вам нужно, это продолжать снабжать своего брата едой и водой, и все будут счастливы. Мало-помалу ваш игрок переключится на более лёгкую добычу. Как его зовут?

Мне показалось, что я увидел слабый румянец, но цвет был настолько призрачен, что я не был уверен. Это навело меня на мысль, что она точно знает, где находится её брат.

– Доминик Богнавич. И если бы это касалось только брата, то я бы не переживала, я имею ввиду, что не так сильно, поскольку это он играл и должен был сам оценивать свои шансы. Но они угрожают моей матери. И вот тут мне нужна Ваша помощь. Я подумала, что, возможно, Вы могли бы объяснить мистеру Богнавичу — заставить его это понять, — что ему следует оставить мою мать в покое.

Я снова занялся трубкой.

– Вашему брату не следовало играть с Богнавичем, разве только он не сможет поставить на кон долину Сан-Хоакин. А я полагаю, что это единственное, чем Доминик на данный момент не владеет. Что поставил Ваш брат?

Она внимательно посмотрела на меня. Я знал этот взгляд. Такой бывал у меня, когда я гадал, клюнет ли на мою приманку королевский лосось.

– Кольцо, – наконец произнесла она. – Старинное кольцо с бриллиантами и сапфирами, которое хранилось в семье матери лет сто. Мой брат знает, что получит его, когда она умрёт, а она может умереть хоть завтра — я не знаю — она очень больна и находится в частной лечебнице. Так он видел будущее.

Видел будущее. Мне это нравится. Это демонстрирует определенную заботу о языке и людях.

– А что насчёт Вашего брата. Я имею в виду, есть ли у него имя, или мы будем иметь дело инкогнито?

⁸⁸ Спортивная команда, представляющая Университет Южной Калифорнии.

Она снова изучила меня.

– Нет, как я понимаю, Вам нужно его имя. Э—э... Ричард.

– Это имя или фамилия? И у Вас такая же фамилия или мне следует называть Вас как-то по-другому?

– Можете называть меня мисс Фельштейн. Наоми Фельштейн. И это также фамилия Ричарда.

– А Ваша мать – миссис Фельштейн, а отец – мистер Фельштейн.

– Был. – Она изобразила натянутую улыбку, первую, которую я увидел, и не было никакой причины думать, что она сделала это из-за своего настроения. – Он умер несколько лет назад.

– И что Вы хотите, чтобы я сделал для Вас, мисс Фельштейн? Застрелил Доминика Богнавича? У него много людей, и у меня патроны могут закончиться раньше, чем у него закончатся люди, которых он мог бы прислать ко мне.

Палец в чёрной перчатке очертил круг на подлокотнике кресла.

– Может быть, Вы могли бы встретиться с мистером Богнавичем и объяснить ему. Я имею в виду, что кольцо не принадлежит моему брату. Или... или, может быть, Вы могли бы уговорить моего брата перестать прятаться. Меня он меня не слушает.

Конечно, я мог бы поговорить с Богнавичем. Мы с ним были близкими друзьями, конечно, были, и мои слова имели для него большой вес, примерно такой же, как на личинку влияет протест мёртвого тела. Мне это не понравилось, вообще, всё. Я не поверил в её историю, и я не поверил в существование брата. Я был почти уверен, что его у неё нет, а если он и существовал, то Богнавич никогда о нём не слышал. Но всё это происходило на следующий день после Пасхи, а я был слишком сообразительным, чтобы позволить пасхальному кролику дать себя одурачить, так что я был в долгу перед простофилями.

Я назвал ей свою обычную ставку – двадцать пять долларов в день и расходы – и сказал, что мне понадобится аванс. Не говоря ни слова, она открыла маленькую чёрную сумочку и достала десять двадцаток из тайного отделения на молнии с лёгкостью дилера, сдающего вам дам, чтобы у вас был перебор в «блэк джеке».

Она одарила меня ещё одной призрачной улыбкой.

– Я подожду Вас здесь. На случай, если у Вас не выйдет с мистером Богнавичем, и Вы захотите, чтобы я отвезла Вас к брату.

– Я позвоню Вам, мисс Фельштейн.

Это, казалось, немного смутило её.

– Я же могу... я не...

– Я бы предпочёл, чтобы Вы не ждали меня в моём офисе. Я Вам позвоню.

Она неохотно написала номер на листке бумаги и протянула его мне. Её почерк был твёрдым и уверенным, почерк человека, склонного к риску. Ну, да, её брат действительно по крупному проигрался Доминику Богнавичу.

Такой парень, как Богнавич, не начинает свой раунд, пока обычные работяги не начинают собираться домой выпить. Если бы мне повезло, то я бы добрался до его дома до того, как он ляжет спать на весь день. Но когда я добрался по Лорел-Каньон до Вентуры, где у Богнавича в тупике был скромный особняк, то обнаружил, что он превратился в одного из тех парней, которые не совершают прогулок независимо от времени суток.

Он привалился к двери, ведущей из гаража в дом. Выглядело так, как будто, выйдя из машины, он почувствовал усталость и решил на минутку присесть, чтобы отдышаться, но

вместо этого заснул. Просто немного вздремнул, потому что шесть пуль малого калибра вызывают у вас стойкое ощущение желания уснуть.

Я ощупал его лицо и запястья. Он был мёртв уже некоторое время; и если бы я осмотрелся, не вызывая копов, это никак не притормозило бы колёса правосудия. Дверь за его спиной была не заперта — приглашение для дураков зайти внутрь потанцевать и прогнать вон ангелов. Некоторое время я прислушивался, но ничего не услышал, даже как на полу застывает кровь Доминика.

Кухня была выложена белым кафелем и выглядела как морг после хорошей уборки. Я быстро осмотрел её, но Богнавич был не из тех, кто прячет свои секреты в сахарнице. Я прошёл в основную часть дома.

У шулера была отличная домработница. Она оставила после себя разорванные диванные подушки, их набивка была раскидана по бледно-золотистому полу гостиной. Белые пучки прилипали к моим брюкам, как хлопковые хвостики. Пасхальный кролик Марлоу охотится за яйцами, которые другие дети не смогли найти.

Свои бумаги Богнавич хранил в кабинете. Но он был игроком, а не любителем чтения, и большинство книг касались лошадей и тонкостей игры в карты. Они лежали по всему полу, их обложки были разодраны, вырванные страницы валялись рядом, как щенки, пытающиеся подобраться достаточно близко, чтобы припасть к материнской груди.

Я, как мог, просмотрел бумаги и гроссбух. Встречались долговые расписки, как будто вопрошавшие, не собираюсь ли я на них подзаработать, но ничего похожего на фамилию Фельштейн. Мне не хотелось задерживаться для тщательного обыска. Тот, кто проделал шесть дырок в Доминике, возможно, обрадовался, если бы копы наткнулись на непрошеного гостя, копающегося в бумагах шулера. Я быстро осмотрел оставшуюся часть дома, восхитился вкусом Богнавича, выразившемся в подборе шёлковых пижам и выскользнул наружу через кухню.

Он всё ещё сидел там же, где я его и оставил. Показалось, что он подал мне знак, когда я проходил мимо. Я хлопнул его по плечу и вернулся к «крайслеру». Мисс Фельштейн смогла бы добавить Богнавичу последние шесть фунтов веса, не измяв своего шелкового платья, не говоря уже о морщинках на её гладком маленьком лобике. Именно так могла бы стрелять женщина — шесть пуль там, где можно было бы обойтись одной или двумя. Очень расточительно, особенно, когда идёт война.

Я открыл перчаточный ящик и только из принципа сделал глоток, отдавая последнюю дань Доминику. Он не был плохим парнем, просто его работа была паршивой.

Я ожидал обнаружить мисс Наоми Фельштейн, если это было её настоящее имя, а не просто такое, каким я мог бы её называть, остающейся на том же месте в моей приёмной, подобно ухоженной жакаранде⁸⁹ в саду. Я ждал, что она там, потому что мне хотелось, чтобы она была там. Я хотел посмотреть, смогу ли я разжечь немного огня в этих холодных тёмных глазах и заставить её рассказать мне, зачем она пришла ко мне после того, как обнаружила мёртвое тело Доминика, лежащее перед кухонной дверью собственного дома этим утром.

Однако её там не оказалось. Я задался вопросом, была ли она тут, вообще, когда-нибудь, возможно, это было просто пасхальное видение, только в красном, как обычно появившееся, оставив после себя легчайший аромат «шанели», чтобы перебить запах табачного дыма. Я отпил из офисной бутылки, и «шанель» исчезла.

Особой надежды на номер, оставленный мне миражом, я не возлагал, и моя надежда начала таять после пятнадцатого гудка. Но делать мне больше было нечего, поэтому я

⁸⁹ Род растений семейства Бигнониевые.

остался за столом с телефоном у уха, разглядывая первую полосу газеты, снова пытаюсь понять, какая из историй привлекла внимание моего призрака.

Я закончил с подробностями жестокого обращения Эррола Флинна со своей женой и с тем, почему она должна была получить в качестве компенсации всё его имущество, и начал с того, почему армия считала Ичуро Кимуру вражеским шпионом. Я дошёл до того места, где он швырялся пустыми бутылками из-под сакэ в солдат, которые пришли его арестовывать за то, что он не явился на Юнион-Стейшн для депортации⁹⁰ в прошлую среду, когда понял, что со мной кто-то разговаривает.

Это был недовольный старик, который повторил, что это Ранчо Бойлстон и спросил, кто мне нужен. Ни на что не надеясь, я спросил мисс Фельштейн.

– Здесь нет никого с таким именем. Здесь вообще нет женщин. – Судя по его тону, он ожидал поздравлений с тем, что избавил этот Эдем ото всех обольстительниц.

– Рост пять футов, копна блестящих черных волос, тёмные глаза, которые смогли бы поднять парня из могилы, если бы ей захотелось.

Он повесил трубку. Именно так. Я аккуратно поставил бутылку ржаного на картотеку точно по центру и некоторое время смотрел в никуда. Затем встал и запер за собой кабинет. О да, Марлоу очень методичный парень. Очень аккуратный. Всегда уберёт бутылку, когда выпьет, и заперёт за собой дверь. Сразу видно, что он из хорошей семьи.

Военные выставили блокпост на дороге недалеко от Лебека. Думаю, им надо было убедиться, что никто не провозит контрабандой пустые бутылки из-под сакэ для Ичуро Кимуры. Меня заставили выйти из машины, пока осматривали багажник и под сиденьями. Затем они проверили мое удостоверение личности и заставили меня рассказать им, что я ищу сбежавшую девушку и что есть наводка, что она скрывается в окрестностях Ранчо Бойлстон. Это обрадовало их примерно так же, как домохозяйку, увидевшую, как её кошка тащит на кухню мёртвую птицу. Мне начали задавать вопросы, пока не подошёл сержант, который здесь командовал, и не приказал им пропустить меня. Ему было скучно: он хотел убивать япошек в Милн-Бэй, вместо того чтобы следить за стариками в Лебеке.

К тому времени, как я добрался до поворота на Ранчо-Бойлстон, солнце выжгло из округа Керн всё, что могло. Оно опускалось за Сьерра-Мадре, бликуя на приборной панели, из-за чего мне было трудно что-либо разглядеть. Я вытягивал шею вперёд, прикрывая глаза левой рукой, когда вдруг понял, что еду вровень с каким-то пикапом.

Я принял в сторону, чтобы его пропустить, но он остановился передо мной, и из него выпрыгнул худощавый, весь в пыли, мужчина. На нём была ковбойская шляпа и кожаные штаны, очевидно, на случай, чтобы рычаг переключения передач не натёр ему ноги, его лицо было молодым и сердитым, с выпяченной верхней губой, пытающейся компенсировать отсутствующий под ней слабый подбородок.

– Это частная собственность, мистер. У Вас есть какая-то причина здесь находиться?

– Ага, – ответил я.

– Тогда давайте о ней узнаем.

Я вылез из «крайслера», чтобы мы были на равных, на случай, если то, что он провёл весь день наедине с коровами, добавит ему бойцовских качеств.

– А у тебя есть какие-то особые причины интересоваться, сынок? Я имею в виду, кроме любопытства?

⁹⁰ Во время Второй мировой войны около 120 тысяч японцев (из которых 62 % имели американское гражданство) были перемещены с западного побережья Соединённых Штатов в концентрационные лагеря, официально называвшиеся «военными центрами перемещения».

Его кулаки рефлекторно сжались, и он придвинулся на полшага ближе.

– Я Джей Бойлстон. Этого достаточно?

– Это место принадлежит тебе?

– Моему старику, но я отвечаю за пастбище. Так что выкладывай, и побыстрее. Здесь время – деньги, и у меня его не настолько много, чтобы тратить попусту.

– Оригинальное высказывание. Возможно, тебе стоило бы выбить его на своём надгробии. Если это место принадлежит твоему старику, то мне лучше поговорить с ним. Вопрос довольно деликатный. Можно сказать, речь идёт о репутации леди.

Тут он попытался замахнуться. Я перехватил его руку. Если это и было немного жёстче, чем выглядело его лицо, то ненамного.

– Что здесь происходит?

Новый участник пьесы подъехал к нам верхом со спины. Лошадь остановилась как вкопанная по отрывистой команде, и всадник спрыгнул на землю. Он был более старым и коренастым изданием Джея. На его лице застыло высокомерие, которое появляется у мужчин, владеющими большим участком земли и полагающими, что это означает, будто они владеют и всеми людьми вокруг.

– Человек вторгается на чужую территорию и начинает умничать, когда я прошу его объясниться, – угрюмо сказал Джей.

– Мистер Бойлстон? – спросил я. Пожилой мужчина едва заметно кивнул, слишком осторожный, чтобы что-нибудь сообщить незнакомцу, пусть даже и кивком головы.

– Филип Марлоу. Я частный детектив из Лос-Анджелеса, и здесь я по делу.

– Если дело, касается моего ранчо, – то, я должен о нём знать, – сказал Бойлстон. Он казался приветливым, но его глаза оставались холодными.

– Я не сказал, что речь идёт о Вашем ранчо. Разве что, как об укрытии для беглеца. Большое место, много, где можно спрятаться. Я прав?

– Армия прочесала здесь всё за последнюю неделю в поисках сбежавшего япошки, – ответил Бойлстон. – Не думаю, что эти парни хоть что-то пропустили. Ты слишком далеко от Лос-Анджелеса, если надеешься сегодня оказаться в своей постели.

– Это совсем недавний случай, – упрямо продолжил я, бесстрашный Марлоу, сражающийся там, где другие убежали бы, поджав хвост. – Речь о женщине, которая совсем недавно исчезла. И она достаточно привлекательна, чтобы можно было кого-нибудь убедить спрятать её от армии.

Бойлстон было направился к своей лошади, но в конце моей речи повернулся ко мне. Обменялся взглядом со своим сыном. Когда Джей тряхнул головой, отец спросил:

– Кто эта девушка?

– Имени я не знаю. Но она пяти футов⁹¹ ростом, блестящие чёрные волосы, вероятно, длинные, но она носит их в виде пучка, или шиньона, или как это в этом году называется. Одета очень хорошо — где-то на заднем плане маячит много денег.

– Если Вы не знаете её имени, откуда Вы знаете, что она пропала или даже как она выглядит?

Я слегка улыбнулся.

– Не могу раскрыть Вам все свои секреты, мистер Бойлстон. Но скажу, что её разыскивают для допроса по делу об убийстве в Лос-Анджелесе.

⁹¹ Около 150 см.

Бойлстон вскочил на коня.

– Я никого такого не видел. Могу отчитаться обо всех здешних женщинах: мои две дочери и ещё трое замужних, но ни у одной из них нет чёрных волос. Но если Вы хотите осмотреться, будьте моим гостем. Примерно в пяти милях вверх по дороге есть заброшенная ферма. Мы недавно приобрели ту землю, поэтому в той стороне у нас пока только один работник; он не может одновременно присматривать и за фермой, и за пастбищем. Так что, это единственное известное мне подходящее место. Если Вы её там не найдёте, то Вам лучше покинуть мою землю. А теперь уберите свой грузовик, Джей, и позволь мистеру Марлоу проехать.

Джей забрался в грузовик и рванул его с такой силой, что по бокам «крайслера» застучали мелкие камешки. Я вернулся в машину и поехал дальше по дороге. В зеркало заднего вида я видел, как Бойлстон верхом на коне наблюдал за мной, стоя так неподвижно, что мог бы исполнить роль соответствующей фигуры на шахматной доске.

Дорога на какое-то время превратилась в пару следов от шин на траве, но через четыре мили снова вернулась в обычное состояние. Вскоре я подъехал к дому.

Это была одноэтажная аккуратная ферма, построенная в форме буквы U с короткими ножками. Она была деревянной и покрашенной в белый цвет, свежий, как снег в горах Сьерры, с зелёной отделкой, напоминающей сосны. Кто бы здесь ни жил, он любил это место и поддерживал его в надлежащем состоянии. Или человек, присматривавший за домом, был домоседом, подстригавшим кусты и пропалывавшим бегонию.

Я позвонил в звонок на входной двери, подождал несколько минут и позвонил ещё раз. Был закат, не так уж неразумно было предположить, что все дела на сегодня уже были закончены. Но этот кто-нибудь мог быть в душе и не слышать, как я звоню. Я подёргал дверь и обнаружил, что она не заперта. Я толкнул её и вошел, окутанный облаком добродетели, окутавшей мои плечи. В конце концов, я даже не вламывался в дом — у меня было разрешение Бойлстона осмотреть это место.

Пол в холле был выложен коричневой керамической плиткой, с парой плывущих по ней вязаных ковриков. Плитка была покрыта слоем пыли — у того, кто тут жил, не было времени на следование всем тонкостям в ведении домашнего хозяйства. Напротив входной двери раздвижные стеклянные двери вели в сад, за которым заботливо ухаживал предыдущий владелец. Сквозь стекло я увидел аккуратные миниатюрные кусты и цветущий кустарник. Казалось, что посередине даже был пруд.

Я повернул налево и оказался в кухонном крыле. Никто не прятался за плитой или под раковиной. В другом крыле находились спальни. В одной можно было заметить явное присутствие ковбоя, несколько пар джинсов, ботинки на смену, другие — обычные. Из двух других спален была убрана мебель. Никто не прятался в шкафах или в двух ваннных комнатах.

Единственное, что давало мне надежду, был телефон. Он стоял рядом с кухонной плитой, и к нему, был приклеен номер, написанный аккуратными печатными буквами, а не жирным шрифтом моего «миража», номер, по которому я звонил. Тот самый номер, по которому я разговаривал с ворчливым мужчиной, который повесил трубку после того, как я её описал.

Закончив со спальнями, я вернулся к раздвижным дверям, ведущим в маленький сад. Конечно же, посередине был пруд, даже больший, чем казалось изнутри дома. Я взойшёл на мост, который его пересекал, и посмотрел вниз. Сразу же к поверхности устремились троица гигантских золотых рыбок. Они практически встали на хвосты, выпрашивая хлеб.

– Идите и зарабатывайте на жизнь, как обычные рыбки, — увещевал я их. — Идёт война. Ни у кого нет времени баловать золотых рыбок.

Рыбка проплыла под мостом. Я повернулся и посмотрел на них сверху вниз. Они приняли мои слова близко к сердцу — усердно работали над лицом и руками человека, который смотрел на меня с мелководья. В сгущающемся свете я не мог разглядеть его черт, но все же они у него были, поскольку он не мог долго пробыть в воде. Его тёмные волосы развевались, как шёлковые водоросли в маленьких водоворотах, созданных карпами.

Ну что за детектив этот Марлоу! Кто-то разбрасывает трупы по всей Южной Калифорнии, а Марлоу находит их с лёгкостью и отвагой гончей. Мне нужен был фонарик, чтобы получше рассмотреть лицо. Мне захотелось выпить и выкурить сигарету, и я начал подумывать, что мне не следует отходить слишком далеко от своего пистолета. Но все эти полезные предметы лежали в перчаточном отделении «крайслера». Я отправился обратно через дом, проскользив по прудикам с лилиями на кафельном полу, и забрался на пассажирское сиденье. Только я отвинтил крышку бутылки, как обнаружилось кое-что ещё — грандиозное пиротехническое зрелище, устроенное прямо на моей глазной сетчатке. Я даже не почувствовал удар, только увидел красные колющие огни, накатившие волной тошноты, прежде чем провалился в глубокую черноту.

Моя голова вращалась со скоростью семьдесят восемь оборотов, как поворотный круг проигрывателя в музыкальном автомате. Каждый раз, когда мне казалось, что песня уже закончилась и можно перестать крутиться, кто-то опять нажимал на кнопку и заставлял меня снова вращаться. Этот же кто-то привязал мне за спину пару брёвен, но когда я потянулся, чтобы отвязать их, то обнаружил, что это были мои руки, связанные у меня за спиной. От меня разило бензином.

Пришло время открыть глаза. Давай, Марлоу, ты сможешь поднять веки, хотя это лишь ненамного менее ужасно, чем старый трюк с бамбуковыми щепками под ногтями.

Я сидел на водительском сиденье «крайслера». Кто-то подвинул меня, но в остальном сцена осталась такой же, как я её помнил. Отделение для перчаток было открыто. Я видел свой пистолет и бутылку виски, и мне захотелось заполучить и то, и другое с той отстранённостью, с какой человек, заблудившийся в пустыне, мечтает об оазисе, но у меня не было ясного представления каким образом это можно было бы осуществить.

Позади меня по гравии заскребли шаги.

— Его нельзя сжечь прямо тут, — нетерпеливо сказал кто-то. — Может быть, долина и принадлежит вам, но армия разбила лагерь на дороге, и они, несомненно, учинят расследование причин пожара, вызванного поджогом бензина.

Я узнал этот голос. Он был хрипловатым, с оттенком шепелявости. Я слышал его сто или около того лет назад в своем офисе.

— Ну, если ты такая чёртова всезнайка, то, что ты предлагаешь? Оставить его здесь до утра, пока на него не наткнутся работники?

Угрюмый голос парня, Джея Бойлстона.

— Нет, — холодно ответила женщина, — думаю, что надо позволить мне отвезти его в горы. Там он может свалиться в овраг, и никого это не удивит.

— Китти права, — авторитетно заявил Бойлстон-старший.

Китти⁹²? Она действительно была кошечкой, одной из тех, от которых обычно предпочитают отгородиться крепкими железными прутьями, прежде чем дважды в день бросать им куски сырого мяса. Ещё немного поспорили о том, кто поведёт машину, но, в конце концов, сошлись на том, что лучше это сделать котёнку, чтобы никто не задавался вопросом, куда подевались Джей и его папа.

⁹² Котёнок, кошечка (англ.) Также уменьшительное от Кэтрин и Кэтлин.

– Ты стрелял из его пистолета? – спросил папа.

– Да, – всё так же угрюмо ответил Джей. – Я выстрелил в Ричарда из него дважды. Когда его найдут, то подумают на Марлоу

– Хорошо. Китти, ты только проследи, чтобы пистолет не выпал из машины, прежде чем устроишь фейерверк. Мы хотим убедиться, что у закона не останется никаких неясных концов, которые нужно будет связать.

Итак, у неё действительно есть брат, которого зовут Ричард. Или был. Эти волнистые черные волосы в пруду с золотыми рыбками – вот как выглядели бы её тёмные леопардовые локоны, если бы она распустила свой пучок.

– Конечно, Курт, – протянул хриловатый голос.

Курт и Джей грубо затолкали меня обратно на пассажирское сиденье, а мисс Китти заняла моё место за рулем. Я попыталась учуять «шанель», но запах паров бензина оставался слишком сильным. Она быстро двинулась по дороге, перепрыгивая шинами «крайслера» с одного камня на другой, как будто скакала на горном козле.

Дела у Марлоу шли хуже некуда. Я задумался, стоит ли прибегнуть к своему природному обаянию, или следует просто навалиться на неё и толкнуть нас обоих гореть в канаве. Попробовать стоило. По крайней мере, это изменило бы ситуацию — дало бы этим холодным чёрным глазам повод удивиться. Я уже собрался принять подходящее положение, когда она остановила машину.

Её следующий шаг абсолютно застал меня врасплох: она наклонилась ко мне за спину и освободила мои руки со сноровкой лесоруба.

– Ты вроде как испытываешь свою удачу, Китти. — Я осторожно пошевелил перед собой руками. Ощущение было такое, будто кто-то только что пропустил по ним поток, вырвавшийся из Гранд-Кули⁹³. — У меня и раньше бывало сотрясение мозга. Я отношусь к себе не настолько бережно, чтобы не смог отобрать у тебя этот нож и самостоятельно убрался бы отсюда. Тебе придётся объяснить это Курту и Джею со всем тем умением, которое тебе присуще.

– Да, – хриплый голос выразил своё согласие. – Я что-нибудь расскажу им, если придётся – то есть, если я когда-нибудь снова их увижу. Но мне нужна Ваша помощь.

– Верно, мисс Китти. Ты заманила меня к телу Доминика Богнавича. Потом затащила меня в горы и устроила здесь самую милую ловушку для сосунков, которую я когда-либо видел, включая высадку пуль из моего пистолета в то, что, как я предполагаю, является телом твоего брата, а теперь ты ещё хочешь, чтобы я тебе помог? Хочешь, чтобы я ради тебя сам съехал с обрыва, и тебе не пришлось рисковать своими ярко-красными ногтями?

Она резко вздохнула.

– Нет. Нет. Я не знала, что они собирались Вас вырубить. И не знала, что они убили Ричарда, пока сама не приехала сюда. Он... он был слабым звеном. Он всегда был таким, но я никогда не думала, что он меня предаст.

Эмоциональная дрожь в её голосе заиграла в моем сердце, как тысяча скрипичных струн.

– Игрок. Понимаю. Он проиграл деньги твоей матери, и поэтому ты заставила Курта Бойлстона утопить его в пруду с золотыми рыбками.

– Всё было совсем не так. Но я не виню Вас за то, что Вы злитесь.

– Ну и дела, сестрёнка. Очень мило с твоей стороны. Я злюсь, хотя мне нравится, когда меня бьют по голове. И я приехал из Лос-Анджелеса исключительно ради того, чтобы меня вырубили. А потом облили бензином, потому что я очень люблю машины.

⁹³ Гранд-Ку́ли — самая мощная в США гидроэлектростанция, располагается на реке Колумбия.

– Этого не должно было случиться, – быстро ответила она. – Я пыталась добраться до дедушки — на ранчо — раньше Джея, но не смогла — на то были причины... – Её голос затих.

– Возможно, ты могла бы рассказать мне, что должно было произойти. Если это не слишком напрягло бы твой мозг, то ты могла бы рассказать правду. Возможно, ты даже могла бы начать с того, кто же ты на самом деле.

В темноте я не мог точно сказать, покраснела она или нет.

– Моё настоящее имя Кэтлин Молони. Кэтлин Акико Молони. Моя мать вышла замуж за ирландца, но её отцом был Ичуро Кимура. Я знаю, что многие принимают меня за еврейку, и в нынешней обстановке полезнее позволить им думать именно так. Доминик... Доминик, именно он всё и предложил. Он предложил мне воспользоваться фамилией Фельштейн. И когда я фиктивно уступила ему право собственности на землю моего деда, то он записал её на фамилию Фельштейн. – Её голос затих. – Мне нужна была помощь, и я так боялась, что Вы мне не поможете...

– Если узнаю, что ты нисэй⁹⁴. – Закончил я за неё. – А почему ты так уверена, что я помогу тебе теперь?

– Не знаю.

Она придвинулась ко мне поближе, так, что я снова смог ощутить запах её духов, смешанный с парами бензина и слабым привкусом женского пота.

– Я спасла Вам жизнь, но это никак на Вас не повлияло бы, если бы Вы посчитали своим долгом выдать меня и заставить отправиться в Манзанар⁹⁵.

– Тебе ничего не угрожает. Такая девушка, как ты, знает, как выпутываться из неприятностей.

– Да. Я должна использовать всё то, что у меня есть, так же, как и Вы, мистер Марлоу. Но мы можем поспорить об этом позже. Позвольте мне закончить, потому что мы должны действовать быстро. Я имею ввиду, если Вы согласитесь мне помочь.

В лунном свете я мог разглядеть только её фигуру. Она сменила шляпку и костюм на брюки и ковбойские сапоги. Я не мог разглядеть её лица, чтобы точно сказать, наплела ли она мне очередную длинную байку, в которую каким-то образом затесалась история об Ичуро Кимуре из утренней газеты. Я влил в себя большую порцию ржаного, чтобы придать сил своему мозгу.

– Не пейте, – резко приказала она мне. – Это самое худшее для человека в Вашем состоянии.

– Напротив, – сказал я, прикладываясь к бутылке во второй раз. Первый глоток успокоил тошноту в моём желудке, но усилил боль в голове, а второй прошёл прямо к основанию позвоночника и добрался до мозга.

– Полагаю, что теперь я могу спокойно выслушать историю о твоих несчастьях. Расскажи мне о слабаке Ричарде.

– Курт Бойлстон давно хотел завладеть землей моего деда. Это небольшое ранчо, всего девятьсот акров, ничто по сравнению с владением Бойлстона, но на нём лучшая вода в округе. Мой дед работал на нём в полях, когда приехал сюда из Японии в 1879 году, но со временем выкупил его и стал его владельцем.

⁹⁴ Японский термин (яп. – второе поколение), используемый в странах Северной и Южной Америки, а также в Австралии для обозначения японцев, родившихся в этих странах.

⁹⁵ Концентрационный лагерь, в котором находились граждане США японского происхождения, интернированные в США во время Второй мировой войны. Был расположен недалеко от Лоун-Пайн, штат Калифорния, в долине Оуэнс.

– Бойлстон всё испробовал, чтобы прибрать ранчо к рукам. Затем, когда началось интернирование и антияпонская истерия, он увидел в них свой шанс. Он заявил, что Кимура японский шпион и, что его земля должна быть конфискована. Бойлстон сказал, что будет вести на ней хозяйство в качестве услуги правительству. Конечно, в такие времена, как сейчас, напуганные люди поверят чему угодно.

Её хрипловатый голос дрожал от страсти. Я очень сильно хотел закурить, но мне не хотелось, чтобы мы загорелись, когда я прикуривал бы сигарету.

– Мой дедушка бы не уехал. А с чего? Он не был шпионом. И он знал, что это была всего лишь уловка, трюк Курта Бойлстона, чтобы заполучить его землю. Я уверена, Вы читали в газете, как он отбивался от военных, а потом сбежал. Я забрала документы на землю и отдала их Доминику, но мне пришлось сообщить об этом Ричарду. А Ричард был слабым. И Курт, должно быть, подкупил его. Я видела... я видела, когда добралась этим утром до дома Доминика, как в него стреляли, и знаю, что это был Ричард, который от испуга выстрелил в него шесть раз, а затем перевернул вверх дном весь дом, чтобы найти документы. А после, как он передал их Курту, Бойлстоны утопили его в пруду дедушки, том самом, с золотыми рыбками. А я всё это время притворялась, что влюблена в Курта, что поддерживаю его против деда, но после сегодняшнего вечера даже он сможет всё понять.

Я задавался вопросом, говорит ли она правду даже сейчас. Конечно, она сама верила во всё это, но верить ли мне?

– Почему ты не рассказала мне всё это утром?

Лунный свет поймал леопардовые искры, пляшущие в её глазах.

– Я не думала, что ты мне поверишь. Японская шпионка, о которых пишут во всех газетах? Я подумала, что приеду сюда раньше тебя и всё тебе объясню, но потом я нашла тело Ричарда в пруду и поняла, что Курт очень скоро догадается о моём истинном участии. Мне пришлось вернуться на его ранчо и... — Её голос прервался, когда она вздрогнула. — Я воспользовалась своими особыми чарами, вот и всё, и вытащила документы из его кармана, пока он спал.

Я кладу одну из своих пропитанных бензином рук на её мягкую леопардовую лапку. Почему бы и нет? Она рассказала хорошую историю и заслужила немного аплодисментов.

– Bravo. Ты заполучила свои бумаги обратно. Я тебе не нужен. Где тебя посадить, когда я поеду обратно в Лос-Анджелес?

У неё перехватило дыхание, и она отдёргнула руку.

– Ты мне действительно нужен. Чтобы тайно отвезти моего дедушку в город. Военные знают мою машину, и знают меня в лицо. Меня они остановят, а тебя нет.

Я несколько раз потёр бутылку, гадая, не появится ли из нее её дедушка, морщинистый японский джинн.

– Он прячется здесь, в старом колодце, но это для него вредно, вредно из-за его ревматизма, да и мне трудно тайком носить ему еду. А ещё, он смог спуститься в колодец, но сам не поднимется, только с тобой — ты достаточно для этого силён.

Она была джинном в бутылке, или, может быть, в ней просто было немного ведьминой крови, смешанной с леопардовой. Я вдруг обнаружил, что иду по неровной земле туда, где под шалфеем пряталась крышка колодца. Я отодвинул её в соответствии с инструкциями, которые чародейка дала шёпотом. Она опустилась на колени у самого края и тихо позвала: — Это Акико, дедушка. Акико и друг, который отвезёт тебя в Лос-Анджелес.

Всё оказалось не так просто, как предполагала мисс Молони, объехать вокруг, чтобы попасть на Пятое шоссе с севера, но, с другой стороны, так никогда и не бывает. Во-первых,

Кимура ни за что не отправился бы в путешествие без маленького Будды, которого он держал с собой в колодце, и это было ещё то дело – устроить их обоих в багажнике под старыми одеялами. А во-вторых, мы столкнулись с Куртом и Джемом, потому что единственный путь к Пятому шоссе лежал по дороге, которая проходила рядом с домом Кимуры. И в возникшей суматохе я всадил пулю в голову Курта Бойлстона — чисто по ошибке, как я объяснил шерифу, что мисс Молони наняла меня для поиска конокрадов на старом участке, принадлежавшем её деду, и когда Курт начал стрелять в нас, я не просто знал, что мне делать. Шерифу это понравилось примерно так же, как трёхдневное похмелье, но, в конце концов, он на это купился.

То одно, то другое, и к тому времени, когда мы проехали Бербанк и въехали в город, солнце уже показало над Сан-Габриэлс свои красные пальчики.

Я посадил мисс Молони и её бабушку у принадлежавшего ей маленького домика в Беверли-Хиллз, всего десять комнат и бассейн на заднем дворе. Я полагал, что Доминик был довольно хорошим другом, всё верно. А может быть, это и был ирландец, который женился на её матери — я был готов непредвзято отнестись ко всему.

Она пригласила меня зайти выпить, но я не думал, что бензин и ржаной виски слишком хорошо соответствуют окрестностям или обстановке, и потому просто оставил их обоих на попечение заплаканной горничной-японки и потихоньку спустился по каньонам обратно в город. Его бетон показался мне симпатичным. Даже пьяницы, расположившиеся на парковых скамейках, выглядели довольно приятно. Я, вообще-то, никогда не был большим любителем отдыха на природе.

Когда я добрался до офиса, то принял, чтобы понять, не осталось ли тут запаха каких-нибудь духов, но не смог ничего обнаружить. Тогда я задумался, какой же я всё-таки из меня детектив. В офисе меня ничего не ожидало. И я не знал, зачем я направился сюда, вместо того, чтобы разыскать душ и постель — а это было то, что я прекрасно мог бы отыскать.

Я убрал бутылку с картотеки обратно в ящик и запер его. Аккуратно выбросил вчерашнюю газету в мусорное ведро и с минуту осматривался. На полу под стулом для посетителей лежал какой-то чёрный клочок. Я наклонился, чтобы его поднять. Это был маленький кружевной квадратик, из тех, что леди с осанкой дилера в казино положила бы в свою чёрную сумочку, из тех, что даже самая утонченная дама могла бы выронить, чтобы привлечь ваше внимание. От него слегка пахло «шанелью». Я положил его в нагрудный карман и запер за собой дверь.

Трудно описать влияние, которое оказал Чандлер на моё собственное творчество. Я думаю, что все современные авторы, пишущие о частных детективах, скорее создают их по его лекалам, чем по образцам Хэммета. Именно Чандлер, по-настоящему, сформулировал отношение частного детектива к правосудию, закону и обществу, и мой детектив В. И. Варшавски⁹⁶, безусловно, действует в соответствии с ценностями, изложенными Чандлером в «Простом искусстве убивать».

В некотором роде моё творчество тоже стало реакцией на Чандлера. Прочитав «Прощай, любимая» почти двадцать лет назад, я поймала себя на том, что хочу, чтобы главным героем была женщина. Женщины Чандлера сложные, некоторых можно простить, некоторые пьют, кто-то из них сексуальная кошечка, а кого-то можно назвать славной, но в большинстве его книг соблазнительница, будь то Долорес

⁹⁶ Серийная героиня писательницы — частный детектив, дочь иммигрантки из Италии и потомка иммигрантов из Польши, Виктория Ифигения (В.И.) Варшавски. В кинофильме 1991 года, снятом по мотивам произведений Сары Парецки, её роль исполнила Кэтлин Тёрнер.

Гонсалес, Велма или Кармен, оказывается в самом центре неприятностей. Я потратила много лет, работая в разных направлениях, чтобы женщина могла бы сыграть в произведении более сильную и менее сексуальную роль, и, наконец, в 1979 году придумала В. И. Варшавски. Так что, в некотором смысле, Чандлер несёт прямую ответственность за моё решение писать о частном детективе.

Сара Парецки

ДЖУЛИЯ СМИТ

КРАСНЫЙ КАМУШЕК

1944

Художник Хавьер Ромеро

У

НЕЁ были длинные рыжеватые волосы, на солнце казавшиеся

каштановыми. Спадая, они закрывали её правый глаз, а левый был зелёным, глубоким, чистым изумрудом, который выглядел большим, чем все кукурузные поля Канзаса, но ненамного. На ней были шорты и белый топ на бретельках, но её кожа оставалась белой, всё ещё ожидая, когда же Калифорния наложит на неё свой отпечаток.

Она стояла перед одним из двух розовых кустов на крошечной клумбе перед своим бунгало с черепичной крышей, держа в левой руке корзинку, в которую собирала розовые бутоны. Она выглядела как любой ребёнок со Среднего Запада, чей старик слишком много пьёт и отрывается на своей старушке, и которому нужно вырваться из дома, который приезжает в Голливуд, победив в конкурсе талантов в старшей школе.

На безымянном пальце её правой руки — в которой она держала ножницы, — был рубин изумрудной огранки, размером не больше визитной карточки. Слева от камня размещались два маленьких бриллианта, с другой стороны — ещё два.

— Эвелин Меррилл?

— Да?

— Филип Марлоу. — Я протянул ей свою визитную карточку. — Видел Вашу фотографию в газете.

Она отбросила волосы в сторону, давая мне возможность увидеть оба глаза. Они вспыхнули зелёным огнем.

— Спасибо, у меня уже есть работа. Я не позирую художникам. Не ищу работу актрисы. Не хочу быть звездой.

Она повернулась и начала подниматься по лестнице из двух ступенек к своему крыльцу, размером с почтовую марку.

— Я думал, Вы певица.

Она в ярости обернулась.

— Откуда ты знаешь?

Я показал карточку.

— Знать — моя работа.

Теперь она обратила на неё внимание.

— Частный детектив? Какие у Вас могут быть ко мне дела?

— Если Вы пригласите меня войти, возможно, мы сможем об этом поговорить.

— Откуда мне знать, что Вам можно доверять?

— Забудьте. Давайте поговорим здесь.

— О, неважно. Выглядите Вы нормально.

Она вошла и придержала дверь, чтобы я смог проследовать за ней. У стены, под парой окон, стоял диван, а напротив — коктейльный столик и пара стульев. На стене висело несколько семейных фотографий. Соломенный коврик. Я устроился на диване, девушка — на одном из стульев.

Я вытащил из нагрудного кармана пару газетных вырезок. На одной была Эвелин Меррилл на пляже, одна из тех пикантных фотографий, случайно сделанных фотографом, если ему

повезёт. Она располагалась боком, бросая пляжный мяч, камень на её пальце едва ли не разбрасывал искры.

Другой была фотография с участием гораздо более пожилой участницы, но тоже красивой женщины, в шляпке с небольшой вуалью и элегантном костюме с шёлковым шарфом. Подпись к снимку гласила, что она только что провела успешную благотворительную акцию — или она была бы такой, если бы я предусмотрительно её не удалил. На снимке она пожимала руку мэру. На её правой руке был либо тот же камень, либо его брат-близнец, который разбрасывал практически те же самые искры.

Я передал фотографии Эвелин.

— Нам нужно поговорить о камушке.

— Камушке?

Я показал на её кольцо.

— Красный. На Вашем пальце.

— Не понимаю.

— Взгляните на фотографии.

Она так и сделала, а затем уставилась на меня в замешательстве.

— Это то же самое кольцо, так что ли?

— Да, если на Вашем выгравировано «4RR».

— Так и есть. Что всё это значит?

— На фотографии моя клиентка. Кольцо было украдено у нее вскоре после того, как была сделана эта фотографии. Когда она увидела Вас на снимке, то попросила меня осторожно навести справки.

— Она думает, что я его украла?

— Она хотела знать, не могли бы Вы сказать, где Вы его взяли.

— Нет, конечно. — В её зелёных глазах было потрясение. — Мне его подарил мой жених.

Она снова встряхнула волосами, хотя они не перекрывали ей поле зрения. Это был жест вызывающей гордости.

— Вы думаете, мой жених водит такси? Или может быть, он моряк, который не может найти корабль, на который можно устроиться? Жалкий клерк, который время от времени имеет дело с дешёвым скупщиком краденого? Это не так. Его зовут Тони Биззотто. Ты его знаешь?

— Я его знаю.

Это означало, что я слышал о нем. Тони Биззотто был в своём деле одним из крупнейших игроков, а не каким-то мелким мошенником без всякого чувства вкуса, которому нечего было предложить, кроме умения разбираться в женщинах. Ничего подобного. Тони был чуть менее безжалостен, чем свора казаков.

— Как такая милая девушка, как Вы, могла связаться с таким подонком?

— Пожалуйста, не будьте занудой, мистер Марлоу. Думаю, я помогла Вам всем, чем могла.

— Она мило улыбнулась. — За исключением одной мелочи — позвонить Тони и сообщить ему, что Вы уже в пути?

Проходя мимо, я почувствовал запах свежесрезанных цветов.

Я где-то остановился перекусить сэндвичем с мартини, а затем позвонил Кенни Хэйсту, криминальному репортеру из «Кроникл». После того, как каждый из нас показал другому,

насколько может быть забавным, он рассказал мне то, что я уже узнал из телефонной книги: у Тони Биззотто нет офиса.

– Он работает у себя дома, – сказал Кенни Хэйст. – Вероятно, в бассейне.

Он дал мне адрес в районе, где понадобится машина, чтобы зайти к соседям одолжить почтовую марку. Жаль, что на мне не было моего светло-голубого костюма.

Подъездная дорожка была немного короче, чем Орегонская тропа⁹⁷, и я был на ней, когда черный «паккард» потребовал уступить дорогу с такой решительностью, что я слегка задел дерево, пытаясь подчиниться. Но я храбро продолжил свой путь.

Если Биззотто и не жил в Тадж-Махале, то и в лачуге у железной дороги он тоже не ютился. Может быть, можно было бы сказать, что это место могла придумать Шехерезада. Я вышел из машины, поправил галстук, подошёл к двери, поборол желание сказать «сезам, откройся» и вместо этого позвонил.

Дверь открыл молодой филиппинец. У него было плоское лицо, нависшие брови и угрюмое выражение лица. Ещё он выглядел умным, как будто, возможно, Биззотто был очень осторожен в выборе того, кого нанимал, а его работники были очень осторожны в том, кого впускать в дом.

– Марлоу, – сказал я, протягивая ему визитку. – Мистер Биззотто меня ожидает.

– Мистера Биззотто нет дома.

– Чёрт! Он предупредил меня, чтобы я не опаздывал. Это он уехал на «паккарде»?

На секунду под бровями-жуками промелькнула неуверенность. Парень был сообразительным, но с таким же успехом он мог бы спросить: «Каком «паккарде?»

– Мистера Биззотто нет дома, – повторил он.

– Спасибо за беспокойство, – сказал я и направился обратно к своей машине. Пара умных, угрюмых карих глаз просверлила дыру в моей спине и не переставала наблюдать, пока я не развернулся и не начал пыхтеть обратно по Орегонской тропе. На первом же повороте я съехал с дороги, припарковался и пошёл обратно к дворцу султана.

Я проскользнул за стену, возможно, принимая близко к сердцу замечание Кенни Хаста о бассейне, возможно, просто высматривая открытую дверь или слугу, которому не помешало бы немного наличных. Я ещё не был уверен. Хотя я был уверен, что Эвелин Меррилл была не в себе.

Биззотто в плавках сидел у бассейна. На вид ему было лет пятьдесят пять, а может, и больше, волосы у него были седые, как у большого фрегата⁹⁸, и довольно густые, как на голове, так и на груди. У него был ровный тёмный загар, кое-где уже начавший сходить. Его нос нельзя было перепутать с бананом, потому что он не был жёлтым. Его рот был очень широким и очень неприятным. Шея у него была немного толстовата. Его глаза выглядели бы удивлёнными, если бы не были пустыми и остекленевшими. Кто-то выстрелил ему в грудь, судя по всему, тот, кто сидел на соседнем стуле.

– Я, кажется, велел тебе убираться. — Охранник выскользнул через заднюю дверь, а я и не слышал, как он её открыл.

– Ты недавно не слышал выстрел? – спросил я.

⁹⁷ Историческая дорога, проложенная в 1830-е годы, длиной около 3200 км. Дорога связывала долину реки Миссури с долинами в современном штате Орегон и была пригодна для передвижения повозок. Старейшая из дорог, связывавших Великие Равнины с западом США.

⁹⁸ Птицы из отряда пеликанообразных.

Филиппинец подошёл ближе, разглядел дыру в туловище босса, и его вырвало на клумбу с бегониями. Я решил, что это делает его невиновным, но в Голливуде полно актёров. Наконец он сказал:

– Я ничего не слышал. Он был с женщиной. А я был в другом крыле дома.

– Ты почему пришёл сюда сейчас?

– Ему позвонили.

– Ты видели женщину, с которой он был?

Он отодвинул стул, на котором недавно сидел убийца, и осторожно присел.

– Только издали. Она подъехала, выскочила из машины и обошла вокруг дома с таким видом, будто он принадлежал ей. Он мне говорил, что ждёт даму. Думаю, он звонил ей и просил встретиться на заднем дворе.

– Из тебя получился бы неплохой детектив.

– Правда? – Глаза, которые недавно из угрюмых превратились в испуганные, заблестели.

– Да. Ты умный и наблюдательный. Но держись подальше от преступников, малыш. Денег это не принесёт.

– О. – Он посмотрел вниз, на бетонный пол патио. Я сунул пятёрку в карман его белой куртки.

– В разговоре со мной есть смысл. Как она выглядела?

Когда он поднял глаза, его лицо снова было угрюмым. Он выглядел так, словно старался стать жёстким, готовясь к новой карьере ищейки.

– Блондинка, чёрная шляпка, синее платье с рисунком и короткий жакет горчичного цвета. Это всё, что я смог разглядеть. Я только мельком увидел её со спины.

Я показал ему газетную вырезку, где Эвелин Меррилл была с камушком.

– Знаешь что-нибудь?

– Конечно, это мисс Меррилл. Она великолепна, правда ведь?

– А что знаешь о кольце?

Он пожал плечами.

– Думаю, ничего. Я никогда о нём не думал. – Он посмотрел на Биззотто, пытаясь мысленно сопоставить возможные варианты. – Босс дал ей его, так что ли?

Если бы моя клиентка увидела рахат-лукумовский особняк Тони Бизотто, ей, вероятно, пришлось бы прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Сама она жила в Пасадене в двухэтажном доме в тюдоровском стиле, в основном драпированном выцветшим ситцем. В саду росла английская сирень, а в гостиной, на «Стейнвее»⁹⁹ – семейные фотографии. Звали её Майра Хитли, и она жила со своей дочерью Нэнси Дэниелс, которая и открыла на мой стук.

Нэнси проводила меня в гостиную, затем вышла и вернулась уже со своей матерью. У Майры были глаза, напоминающие сапфиры, волосы, стремившиеся к мягкому персиковому цвету мякоти дыни, и в самой ней было что-то такое же нежное, как калифорнийский закат. Эти персиковые волосы, которые, вероятно, когда-то были красными, как маки, были зачесаны на левую сторону и уложены элегантными волнами.

⁹⁹ Рояль производства компании Steinway & Sons. Стоимость инструментов этой фирмы очень высока. Рояли Steinway & Sons с середины XX века стали фактическим стандартом в музыкальной индустрии.

На ней был костюм тёмного оттенка лазури, который изо всех сил старался выглядеть скромно.

Нэнси была одета в коричневое. У нее были каштановые волосы, подстриженные под пажа, ровные и аккуратные, в то время как волосы её матери весело вились. У нее была нежная кожа матери и голубые глаза, но они были более тёмными и без сапфирового блеска. Она была худее своей матери, не такая пышнотелая, и она слегка сутулилась. В ней чувствовалась какая-то настороженность, и я подумал, уж не Майру ли она опасается.

Майра подошла и пожала мне руку. Мне показалось, что от неё пахло жасмином — во всяком случае, чем-то таким мог пахнуть весенний день.

— Мистер Марлоу, — сказала она. — Такой быстрый отчёт?

— Да, — ответил я и устроился на диване в цветочек. Они с Нэнси уселись в мягких креслах лицом ко мне.

— Такой вот скорый отчёт. Эвелин Меррилл получила кольцо в подарок от мужчины по имени Тони Биззотто.

У Майры перехватило дыхание, она побледнела в одно мгновение. Нэнси словно окаменела. Я не успел моргнуть, а Майра уже обратилась к Нэнси:

— Дорогая, ты извинишь нас?

Нэнси кивнула, встала и вышла походкой пожилой женщины, переставляя ноги, как будто боялась упасть. Я подумал, что ей не помешала бы рюмка бренди, но я не был её матерью.

Когда она ушла, я сказал:

— Вы должны дать кое-какие ответы.

— Прошу прощения?

— Биззотто мёртв.

— Мёртв! — Румянец начал к ней возвращаться. Она подошла к серванту и налила нам обоим выпить.

— Убит, — сказал я. — Вот почему Вы должны мне рассказать, что происходит.

Она опрокинула в себя содержимое стакана.

— Понимаю. Если я этого не сделаю, Вы расскажете полиции о кольце.

— А есть какие-либо причины, мне этого не делать?

— На Ваше усмотрение, мистер Марлоу. Я расскажу Вам всю историю, а Вы решайте. Видите ли, Тони Биззотто купил мне это кольцо двадцать пять лет назад.

— Значит, купчая, которую Вы мне показывали, фальшивка.

— Напротив. Она абсолютно настоящая. Мы с Тони были тогда... — ну... — совсем другими. Из-за моих волос он называл меня по-разному. Мизинчик¹⁰⁰ — это одно, а Красный Камушек — другое; иногда Розовая Леди, или Рыжий Киловатт, или даже Рубин. Но, обычно, Красный Камушек. Я рассказываю это Вам не просто так.

— Однажды ночью был застрелен его знакомый, с которым у него были дела. На следующий день мы с ним обедали в одном очень хорошем районе, а потом пошли прогуляться. Кольцо мы увидели в витрине магазина, и я повернулась к нему и сказала: «Прошлой ночью я была с тобой». Прямо так. Как гром среди ясного неба. С тех пор я часто удивлялась, как у меня хватило на это смелости.

— Он сказал: «Пойдём», — и, взяв меня за руку, почти затащил в магазин. Там он сказал владельцу: «Пожалуйста, мне нравится красный камень, тот, что на витрине», — и тот

¹⁰⁰ Игра слов, pinkie (англ. мизинец) и pink (англ. розовый).

выгравировал на нём буквы, о которых я вам рассказала, и выписал на меня купчую. Такого удовольствия я больше не получала ни с одной живой душой.

– И не говорите. И Вы бросили его на следующий день.

Она зажгла сигарету и одарила меня улыбкой, от которой мог бы растаять снежный покров на Мамонтовой горе¹⁰¹.

– Конечно, нет. Я выполнила свою часть сделки. Я подождала, пока следствие не оставит его в покое. А потом я сменила имя и переехала — переехала в лучший район с лучшим обществом. Я заложила «Красный Камушек», чтобы приодеться. Почистив пёрышки, я отправлялся в новые места, о которых узнавала, в дома новых друзей, которых заводила, и встречалась с мужчинами. Те неизменно оказывали мне крошечные знаки своего расположения. Я продавала подарки, чтобы вернуть кольцо, а когда было нужно, снова его закладывала.

Она выпустила дым из ноздрей.

– В конце концов, я встретила очень хорошего мужчину и вышла за него замуж. А когда всё закончилось, встретила другого и тоже вышла за него замуж. Мой второй муж умер год назад.

Она сделала паузу.

– Разве его можно винить? – наконец спросила она, глядя на меня так спокойно, как мог бы смотреть бухгалтер.

– Думаю, я понял смысл прозвища.

– Я это проигнорирую и скажу только, что у меня не было ни денег, ни образования, и, на мой взгляд, не было выбора. А у моей дочери должен был быть дом.

– Ваша дочь! Нэнси родилась...

– Вне брака. Ей было шесть лет, когда мы переехали в Лос-Анджелес. Её отец погиб на шахте во время аварии.

– Мне жаль.

– Спасибо. Если бы его не было, наша жизнь сложилась бы по-другому. Но он был, а я связалась с Тони Биззотто. Долгое время после этого я боялась, что он найдёт меня. Я даже покрасила волосы, чтобы меня не узнали. Но по прошествии стольких лет это уже не имело значения. Я подумала, что он нашёл бы меня, если бы захотел. Поэтому я перестала быть осторожной. А потом в газете появилась та фотография. И кольцо исчезло. А когда я увидела ту фотографию, то подумала, что знаю, что произошло, но мне надо было убедиться. – Она снова посмотрела на меня со спокойствием ночного неба. – Я его не убивала. Вы мне верите?

Я пожал плечами.

– Я подумаю над этим и дам Вам знать.

Когда я вернулся в Голливуд, уже почти стемнело, но я мог разглядеть её сквозь жалюзи — Эвелин Меррилл сидела на диване, подтянув колени к подбородку, и смотрела в одну точку на зеленой стене. Она была тускло-зелёного цвета, но с её волосами и глазами смотрелась неплохо. На ней было домашнее атласное платье, серо-голубое, как сумерки за окном.

Она не пользовалась косметикой, но и глаза у неё не были красными. Если она и плакала, то это было незаметно.

¹⁰¹ Гора в восточной Калифорнии. Там расположен крупный горнолыжный курорт.

– Это я его нашёл, – сказал я.

– Уэйн сказал мне. Сторож. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Не дожидаясь ответа, она налила мне большую порцию, двигаясь механически, как человек, находящийся в глубоком шоке.

– Сожалею о Биззотто, – сказал я.

Звук, вырвавшийся из неё, мог принадлежать животному, чья передняя лапа только что попала в капкан. Затем полились слезы, и я держал ее, давая ей выплакаться. Затем я принес ей напиток и заставил немного проглотить.

– Моя клиентка говорит, что он подарил ей камень двадцать пять лет назад, – сказал я. Я рассказал ей всю историю, не опуская никаких подробностей о жизни Биззотто, желая, чтобы она знала, для протокола, что он был за человек. Когда я дошёл до того места, где говорилось о прозвище, она поморщилась.

– Он меня так называл, – прошептала она. – Красный камушек. – Она как будто проглотила комок.

– Он говорил мне, что есть ещё один. Что когда-то он любил другую, и что я напоминаю ему её. Мэри Дэниелс.

– Майра.

– Майра! Это она была на той фотографии! Майра Хитли. О Боже, что я наделала?

Слёзы потекли снова. Я ещё немного подержал её, и через некоторое время она снова смогла говорить.

– Я искала её. Свои бумаги я складываю на заднем дворе в стопку, а потом сразу всё выбрасываю. Той фотографии, которую ты мне показал, всего пара недель. Так что я просто перебрала всё, пока её не нашла. Я поняла, что происходит что-то необычное, как только ты мне показал. Мою фотографию. Это было неслучайно — случайный фотограф случайно проходил и случайно остановился, чтобы сделать случайный снимок. Это Тони позвонил своему другу из газеты и договорился обо всём. Он всех знал, и все были у него в долгу. Для него это не составляло никакого труда.

Она одарила меня слабой печальной улыбкой.

– Он сказал, что это поможет моей карьере. Но когда вы показали мне другую фотографию, я поняла, что дело в другом. Только не знала в чём, а мне нужно было знать. Понимаете, он просил меня выйти за него.

Она снова одарила меня улыбкой, которая говорила, что она с трудом верит в то, что ей когда-то могла придти в голову подобная идея.

– Тогда я позвонила Майре Хитли. Я сказала ей, что здесь были Вы, и спросила, знает ли она Тони Биззотто. И она сказала, что нет, и она никогда о нём не слышала. Но если она Мэри Дэниелс, то у них с Тони была общая дочь.

Мне было трудно не потерять нить.

– Они были женаты?

Она пожала плечами.

– Он об этом никогда не говорил. Он просто рассказывал о своей давно потерянной дочери и о том, как сильно он по ней скучает.

Она остановилась и глубоко вздохнула.

– Я тоже на это купилась. Мне было очень жаль его, и я хотела подарить ему что-нибудь тёплое и мягкое, чтобы заменить ее. Чтобы заменить их обоих. Расскажи мне, какая она?

– Майра? Наверное, когда-то она была очень похожа на тебя. У неё было несколько неудачных попыток, но она сделала всё, что смогла. У тебя получится лучше.

Я уже начинал чувствовать себя йо-йо, который шлёпнулся в Пасадене и отправился в Голливуд, но я не мог провести свою следующую беседу по телефону. И я не мог провести её без обыска в гараже моего клиента.

Прежде чем позвонить в дверь, я осмотрелся вокруг. Там, где я и ожидал, был припаркован черный «паккард». Дверь открыла Нэнси.

– Я позову маму.

– Не беспокойтесь. Мне нужно поговорить с Вами.

У нее был такой вид, будто я её ударил. Но она отвела меня в гостиную и усадила за стол. Выпить она мне не предложила.

– Биззотто связался с Вами после того, как увидел фотографию матери, так ведь?

Она кивнула.

– И Вы с ним виделись.

Она снова кивнула, едва заметно, как будто замёрзла и не могла оттаять настолько, чтобы пошевелиться.

– Могу я поинтересоваться, зачем?

Она отрицательно покачала головой, и всё её тело затряслось — оттаивание было внезапным и сильным.

– Полегче, — сказал я и протянул руку, чтобы поддержать её. Она отпрянула так же яростно, как и вздрогнула. То, как она двигалась, говорило само за себя.

– Он ведь не был твоим отцом, так ведь?

– Нет!

– Ты никогда никому о нём не рассказывала, не так ли? — Она снова задрожала. — Но ты можешь рассказать мне. Я не расскажу твоей матери.

– Он сказал, что всё *расскажет* моей матери, — рыдала она. — Вот зачем я с ним виделась.

Майра Хитли вошла в комнату, выглядя настолько напуганной, насколько я мог предположить. Она была очень бледной.

– Что расскажет мне?

– Знаете что, — сказал я. — Вот почему Вы бросили Биззотто и сменили имя. Вы знали, что он с ней делал — может быть, даже поймали его; или, может быть, она Вам рассказала; или, может быть, Вы просто знали. Вы потратили свою жизнь, пытаясь заставить её забыть, а она предпочла бы снова увидеть эту мразь, чем рисковать, что Вы всё узнаете.

Нэнси плакала, тряслась и причитала. Я подумал, не придется отвезти её в больницу. Но мать обхватила её голову руками, прижала к груди, как будто Нэнси была маленьким ребенком, и укачивала, а потом дала ей какую-то таблетку и уложила в постель.

Когда она вернулась, то была спокойна.

– Он сделал это из мести, так ведь? Он опубликовал фотографию Эвелин Меррилл, но этого было мало.

Она налила себе и залпом выпила.

– Он знал, что меня по-настоящему заденет. Причинить боль моему ребенку.

Несмотря на выпитое, её лицо исказилось, и она на мгновение прикрыла его рукой.

– Так же, как он делал это раньше.

Она снова посмотрела на меня, на её лице была написана решимость, квадратная челюсть сжата, как будто не было пути назад, и не было завтрашнего дня.

– И потому, когда Эвелин Меррилл позвонила и сказала, что это он подарил ей кольцо, я поняла, что он украл его у меня, и он знал, где меня искать. Но следов взлома не было. Это означало, что Нэнси, должно быть, сама отдала ему кольцо. Я знала, что они встречались.

Она пожала плечами, как будто сообщала, что ей пришлось отпустить горничную.

– Поэтому я приехала и убила его.

– Как? – спросил я.

На мгновение показалось, что она сбита с толку, но она тут же взяла себя в руки.

– Я купила дешёвый парик, чтобы меня не узнали. Сейчас покажу.

Она исчезла и вернулась со светлым париком.

– Угу, – сказал я. – И чем же Вы его пырнули?

Она пристально посмотрела на меня, как игрок в покер, пытающийся угадать карты на руках соперника, а затем сказала:

– Я застрелила его.

– Можно взглянуть на пистолет?

– Конечно, нет. Я выбросила его в океан.

– Вы не убивали Биззотто. Вы не знали, где он живет, а если бы и смогли узнать, то у Вас не было бы достаточно времени, чтобы добраться туда раньше меня, или, может быть, Вы бы и опередили меня, совсем на чуть-чуть. И Вы не могли знать, что я отправлюсь перекусить. У Вас были все основания полагать, что от Эвелин Меррилл я прямоком отправлюсь к Биззотто. Если бы Вы захотели убить Биззотто, то выбрали бы более подходящее время.

– Даже не задумывалась над этим. Я была в ярости.

– А Вы молодец. И, вероятно, смогли бы убедить окружного прокурора, а он, вероятно, не стал бы копать дальше, после того, как заполучил бы Ваше признание. Но какой от всего этого прок? Что будет с Нэнси, если её мать окажется в тюрьме?

Она посмотрела на меня так, словно я ее ударил. Она даже не думала об этом, а это означало, что всё представление предыдущих десяти минут было импровизацией. Она действительно была хороша.

– Послушайте, – сказал я. – Сделайте, как и сказали. Найди пистолет и избавьтесь от него. Сожгите парик и одежду, которые были на ней. И сделайте это быстро. Эвелин Меррилл может рассказать о Вас копам.

– А ты к ним не собираешься?

– С чего? К тому времени, как я туда доберусь, Вы уничтожите все улики.

От облегчения её плечи опустились.

– Кстати, есть кое-что, что Вам следует знать. Эвелин Меррилл из хороших парней. Она, наверное, напомнила бы Вам саму себя в её возрасте.

Она улыбнулась.

– Я бы хотела, чтобы кольцо осталось у неё.

В красном камушке что-то было. Какое-то особенное свойство. Он мог способствовать идеальному общению между двумя людьми.

Не могу себе представить, чтобы какой-нибудь американский писатель не испытал влияния Чандлера, хотя бы косвенного, поскольку на него (или неё) наверняка повлиял кто-нибудь, на кого Чандлер оказал влияние. Собственно таким должен быть каждый американский автор детективов, каким бы забавным, пушистым или уютным не был он, какими бы крутыми, реалистичными или напряжёнными не были бы его собственные книги. Проще говоря, Чандлер установил стандарт, а всё остальное – всего лишь отступления от него.

В своей работе я хотела зайти дальше. Например, я хотела писать о таких женщинах, каких я знаю, — самых разных, иногда склонными к убийству, часто доблестных, почти всегда трудолюбивых, — в отличие от шлюх, охотниц за богатством, избалованных богачек и безжалостных преступниц, которые составляли круг знакомых Марлоу женщин. Я хотела, чтобы мои мужчины более реалистично относились к себе, чем выдающийся супергерой Марлоу, который никогда о себе не думал.

Конечно, так и должно быть. Герой, подобный Марлоу, был бы второстепенным героем (и зачастую им был). Попытка же воссоздать видение Чандлера стала бы жалкой и безвкусной. Мы все должны писать так, как мы пишем.

Влияние Чандлера, на мой взгляд, заключается в его использовании языка — или, скорее, в том вдохновении, которое он даёт. Я не понимаю, как можно читать его книги, не будучи ослеплённым экономичностью автора, его оригинальностью, его блеском — всем этим, но больше всего его точностью. Кто из нас, сядя за работу, не слышит его интонаций, оборотов речи? Возможно, мы никогда не будем писать так же хорошо — или даже похоже, — но, тем не менее, мы усвоили его творчество так, что не смогли бы избежать этого, даже если бы захотели. Мы использовали это как отправную точку для нашей собственной работы, и те из нас, кто является мазохистами, могут также использовать это как эталон совершенства, по которому они судят о себе. Те, у кого лучше развито чувство самосохранения, не осмеливаются на это.

Джулия Смит

ПАКО ИГНАСИО ТАЙБО II

ГЛУБОКИЙ ЮГ

1945

Художник Пол Ривош

СОЛНЦЕ, прекрасный оранжевый шар на горизонте, почти компенсировало

мне те трудности, которые доставлял ветерок. Я зажёл третью спичку и попытался прикрыть пламя левой рукой. Алекс снял ботинки и сидел, увлеченный беседой с группой рыбаков. Он шпарил по-испански, глотая гласные и очаровывая троих мужчин. Издали он выглядел как лучший в мире продавец пылесосов. Это было совсем не так. В середине разговора, а, скорее, монолога, он поднял голову и пригвоздил меня взглядом своих голубых глаз. Я был примерно в двадцати ярдах¹⁰² от него, рядом с его оставленными ботинками. Я выпустил дым от сигареты в его сторону; ветер его унёс.

Я уже начал привыкать к этим отношениям — отстраненным, но в то же время по-своему нежным, — которые превратили нас в призраков, тени друг друга. За четыре дня до этого один из тех юристов, что продолжают дело своего отца, положил передо мной конверт с наличными.

— Алекс, вероятно, отправится в Мексику где-то на этой неделе. Позаботьтесь о нём, — сказал он.

Мне не понравился галстук адвоката, красные точки на синем металлическом фоне, и мне не понравился его косой взгляд. Ещё меньше мне понравилась его уверенность в том, что я знаю, кто такой Алекс и почему я должен о нём позаботиться. Как бы то ни было, когда солнечные лучи проникли сквозь щели в жалюзи в мой офис в Лос-Анджелесе, дым от моей сигареты заставил меня вспомнить о чашке дымящегося мексиканского кофе, который я пил много лет назад.

Уже четыре дня спустя мы с Алексом пилились друг на друга, когда солнце садилось на пляже в нескольких милях от Энсенады, в Нижней Калифорнии. Если Алексу станет скучно, то вскоре мы сможем поужинать (за разными столиками, разумеется) в одном из ресторанчиков Энсенады, и я смогу выпить кофе, вкус которого помню до сих пор.

Алекс, похоже, прочитал мои мысли и, похлопав рыбаков по спине, направился к своим ботинкам. Я не шелохнулся. Алекс подошёл, пошатываясь, как матрос в голливудской музыкальной комедии, и, не глядя на меня, взял свои ботинки.

— Пора ужинать, тень, — сказал он, обращаясь к морю.

Мы направились к автомобилям: его вишнево-красному «флитвуду» с откидным верхом; моему, припаркованному так близко, что они почти касались бамперами, — зелёному «олдсмобилю» с заметными царапинами, который не мешало бы закрасить.

Я дал ему фору в несколько секунд, затушил сигарету, бросил последний взгляд на солнце, которое начинало скрываться в море, и сел в машину.

Алекс не был продавцом пылесосов, решившим повести отпуск к югу от границы. Он был единственным наследником сети супермаркетов «Флетчер». Не то чтобы для меня это имело значение, но юристу, который запустил конверт с долларами через мой стол, это показалось важным. Ничего другого он мне почти предоставил: фотографию двадцатитрёхлетнего парня с растрепанными светлыми волосами, которые, казалось, собирались у него на лбу в рог, и немного пустой болтовни о том, каким «безрассудным» и «неуравновешенным» был Алекс, «каким больным он вернулся с войны в Тихом океане» и

¹⁰² Чуть больше 18 м.

«как тяжело ему пришлось во время войны в одном из японских концентрационных лагерей то ли в Бирме, то ли на Филиппинах, то ли в Малайе». Когда я попытался очертить точный круг своих обязанностей как наёмной няньки, то не смог выяснить ничего более конкретного. «...Часто попадает в неприятности, понимаете? Вы можете помешать ему подставиться в одном злополучных борделей Тихуаны, что-нибудь в таком роде». Когда я спросил, должен ли Алекс знать, что я слежу за ним, он ответил, пожав плечами: «Поступайте, как знаете. Так или иначе, Алекс всё узнает, и я уверен, он обвинит во всём меня. Как Вы скоро поймёте, от Алекса трудно что-то скрыть».

Понедельник. Алекс подтвердил предсказания адвоката и отправился на юг, сначала в сторону Сан-Диего, а затем вдоль границы в Калексико. Он въехал в Мексику через Мехикали и остановил «флитвуд» прямо у Парка Революции, в нескольких метрах от границы. Он протёр глаза, как будто только что проснулся, и подошёл к моей машине. Через открытое окно он сказал: «Мне рассказывали, что один китаец из Мексики семь раз за день перепрыгнул через этот зелёный забор. Все семь раз его ловили и отправляли обратно в Мексику. Ему принадлежит местный рекорд. Никто его не видел, никто, кажется, не знает его имени, но все слышали эту историю. Возможно, что его никогда и не существовало. Мне всегда было интересно, почему он должен был быть китайцем. Зачем делать китайца героем мифа?»

Он не стал дожидаться моего ответа и направился налево, к отелю «Паласио» с чемоданом. Судя по тому, как он его нёс, тот, должно быть, был тяжёлым. Полчаса спустя мы столкнулись в баре отеля. Я как раз раздумывал, что лучше – «маргарита» или «буравчик», когда на сцене появился Алекс. Похоже, потолочные вентиляторы страдали от артрита. Пара беженцев из Центральной Европы, обливались потом, попивая кислое вино, их молчаливые лица были устремлены к горизонту, который, должно быть, находился за тысячи миль отсюда. От одного их вида мне становилось жарко, наихудший вид жары, грустной и утомительной. Девочка лет пятнадцати, вероятно, немка, играла в углу на пианино и что-то напевала. Алекс подошёл ко мне.

– Не знаю, зачем этот китаец захотел оказаться в Соединенных Штатах. Здесь гораздо лучше. Это мы должны прыгать через зелёный забор, а не они, – сказал он. Затем он сел за соседний столик и по-испански заказал кувшин сангрии.

Мехикали в то время был перевалочным пунктом для беженцев со всей Европы, которые добивались разрешения на въезд в Соединенные Штаты. Он был и, вероятно, остается трамплином для тысяч мексиканцев, которые нелегально пересекают границу, чтобы заработать на севере несколько долларов. В первую очередь, это был вялый город; повсюду была грязь; облака пыли пытались скрыть следы прогресса и вернуть город к его древнему пустынному состоянию. Это был город, где можно было услышать песни на многих языках, песни, в которых почти всегда слышалась тоска.

Тот первый день на плечах Алекса превратился в какое-то паломничество, которое казалось абсурдным и беспорядочным, но в то же время подчинялось какому-то непонятному замыслу. Он зашёл в обувной магазин и битый час примерял мексиканские сапоги, но в итоге так ничего и не купил. Потом зашёл в местную газету и поместил объявление (за два доллара я раздобыл копию): «Уже приехал, Ана. Остановился в «Паласио». Алекс.». Посетил трёх врачей. (Я должным образом записал все имена и адреса, и пообещал заглянуть позже. У одного из них в витрине была чудесная двуязычная вывеска: «Мы лечим неизлечимые болезни, другие излечиваются сами».) Затем он отправился на ярмарку на окраине города и с абсолютной серьёзностью посвятил себя достижению победы в тире, прерывая свой флирт с цыганкой, заправлявшей киоском.

В конце дня, мы (его белый льняной костюм и мои покрытые пылью чёрные ботинки), пошли в сторону границы, направляясь в отель, напоминая пару проигравшихся игроков. Когда мы вошли внутрь, он взглянул на меня с любопытством. Его голубые глаза светились

странным блеском. Я отправился в бар, чтобы обдумать кое-какие идеи и избавиться от привкуса пыли с помощью пары бокалов «маргариты».

– Марлоу, ты работаешь на того белого парня, блондинчика? – спросил меня мужчина из-за соседнего столика, когда я допивал первый коктейль. Мне следовало присмотреться к нему раньше. Его окружали пустые столики. Мне никогда не нравилась мексиканская полиция, но мексиканцы любят её ещё меньше, чем я. У мужчины был большой шрам, который тянулся от правого глаза до горла. Расстёгнутая куртка не скрывала рукоятку его пистолета 45-го калибра.

– Не знаю. Похоже, я ему не очень-то нравлюсь. – Я рассмеялся.

Полицейский улыбнулся.

– Мне он тоже не нравится.

– И я? – спросил я, улыбнувшись в ответ и делая знак официанту принести мне следующую «маргариту».

– Нет, амиго. Ты из наших. С тобой мы всегда знаем, с чем имеем дело, а если нет, то догадываемся или задаём вопросы. Нет, а вот, кто мне не нравится, так это тот блондин. Он приехал сюда за сумашествием. Знаешь, что у него в чемодане?

Я продолжал улыбаться. Нет ничего лучше искренности в беседе с полицейским.

– У него с собой куча долларов и автомат Томпсона. *Ta loco el pendejo ese*¹⁰³. Этот ублюдок сумасшедший.

– Почему же у него не отобрали его на границе?

– Он, должно быть, дал *mordida*¹⁰⁴, взятку. Сам выясняй.

Из-за жары я не мог заснуть.

Утром второго дня я столкнулся с Алексом в коридоре. Ванная комната была за углом, и мы оба направлялись туда побриться. На Алексе не было рубашки; огромный беловатый шрам пересекал его спину.

– Ты можешь называть меня Алекс, – сказал он, поворачиваясь ко мне спиной, зная, что мой взгляд прикован к шраму. – Я буду звать тебя Марлоу. Для меня не имеет значения, твоё это имя или нет. Это имя, которое ты использовал при регистрации, мне этого вполне достаточно. Кстати, если ты поговоришь с врачами, у которых я был вчера, то они тебе расскажут, что я неизлечимо болен. Нет смысла пытаться меня вылечить, это вопрос нескольких месяцев.

Он говорил, не глядя на меня, даже не удостоив меня жеста. Он полагал, что я с полотенцем на плече и кисточкой для бритья и бритвой в руках следую за ним.

– Постарайся не порезаться во время бритья. Ничто так не раздражает меня, как кровь в раковине, – сказал я.

Он натужно рассмеялся. Никто из нас не смог побриться. Там был мексиканец, он сидел на унитазе и играл на гитаре. У него было лицо человека, у которого немного друзей. Беспокоить его не казалось хорошей идеей.

Днем он помчался на своем «флитвуде» со скоростью семьдесят пять миль в час¹⁰⁵ по ужасным дорогам, ведущим в Энсенеду, пересекая каньоны и пустыню. Время от времени, несмотря на все усилия моего «олдсмобила», я терял его из виду.

¹⁰³ Этот сумасшедший ублюдок (исп.)

¹⁰⁴ Взятка (исп.)

¹⁰⁵ Больше 120 км/ч.

Мы добрались до Энсенады, когда уже начинало темнеть. На въезде в город он свернул с дороги и поехал прямо на пляж. Я потратил всё время этого мира на то, чтобы закурить сигарету, потому что во время дневной погони всё время у самого края у меня не было возможности ею насладиться. Алекс появился меж теней; казалось, он был раздосадован тем, что я не последовал за ним.

– Я влюблён в женщину, которая живет неподалеку. Её муж – известный мексиканский поэт. Он угрожал убить меня, если ещё раз увидит рядом со своей женой. Что собираешься делать, Марлоу?

Его глаза сверкнули яростью. Он уже собирался отойти, когда я нанес ему прямой удар в челюсть. Он молча рухнул на белый песок. Я пошёл по пляжу, ориентируясь по огням домика для переодевания, расположенного примерно в двухстах пятидесяти ярдах¹⁰⁶ впереди от меня.

– Я недавно видел машину Алекса. Он приехал с вами? – спросил молодой человек с вьющимися волосами, который курил на крыльце небольшого домика.

Я кивнул.

– Вы его врач? – спросил мужчина.

– Нет. Я что-то вроде няньки.

– В моей стране мы называем их телохранителями.

– Это более узкая специализация. Скорее, страж души.

– Рауль Кота, – сказал он, протягивая руку.

Ему, должно быть, было около сорока, окладистая борода, увенчанная усами. Вид у него был печальный.

– Марлоу, – ответил я, протягивая руку. – Откуда Вы знаете Алекса?

– Он часто бывает здесь; проводит время, слоняясь вокруг моего домика и рассказывая всем, что влюблен в мою жену. Но это довольно затруднительно. Я вдовец уже два года. Может быть, он знал её раньше... Не знаю. Мне так не кажется.

Я сидел на крыльце, ковыряя песок носками ботинок. Кота зашел в дом и вскоре вернулся с двумя чашками кофе. Я услышал шум моря. Внезапно перед нами возник Алекс, потирая челюсть. Я улыбнулся.

– Чашечку кофе? – предложила Кота.

Алекс кивнул.

Когда взошло солнце, Алекс на полной скорости погнал свой «флитвуд» на север, направляясь в порт на Тихом океане под названием Росарито. Там на завтрак у нас были омары с тортильями¹⁰⁷ и фрихоле¹⁰⁸. Я заплатил за свой не больше двух долларов. Если так пойдет и дальше, я никогда не получу возмещения расходов от адвоката из Лос-Анджелеса.

Алекс зашагал по пляжу. Я был сыт по горло и остался в таверне, где нам подавали свежевывловленных омаров. Я уже был готов ко второй чашечке кофе с корицей. Алекс, увидев, что я не отправился за ним, вернулся с видом рассерженного ребенка.

¹⁰⁶ Около 235 метров.

¹⁰⁷ Тонкие лепёшки из кукурузной или пшеничной муки.

¹⁰⁸ Блюдо из приготовленных и размятых бобов, традиционный массовый продукт питания мексиканской кухни.

– Пойдем, Марлоу, прогуляемся по пляжу, и я расскажу тебе о пещерах и наскальных рисунках.

– К чему такая спешка, гринго? Дай ему выпить кофе, – сказал рыбак, который нас обслуживал.

– Нам надо обсудить кое-что важное, – ответил Алекс на своём быстром испанском.

Я отставил кофе в сторону. В любом случае, он был слишком горячий. Я закурил сигарету и попытался догнать Алекса, который очень быстро шёл по берегу моря. Компанию нам составили голуби.

– В нескольких милях к югу отсюда есть доисторические пещеры, полные наскальных рисунков. Они были написаны тысячи лет назад племенем высоких людей, намного выше, чем *guaucurats*¹⁰⁹, которые позже поселились в этом районе. Знаешь, что мы можем сделать, Марлоу? Мы можем взять пару хороших фотоаппаратов и пересечь сьерру. Пещеры просто невероятны: двухцветные люди, превращающиеся в животных с рогами...

Он немного подождал моего ответа. Затем он, похоже, заскучал, и оставил меня курить сигарету, а сам направился к морю, набирая в ботинки воды каждый раз, когда на берег набегала небольшая волна.

Алекс напивался, как солдат, который внезапно понял, что сражался не на той стороне. Мескаль¹¹⁰ следовал за мескалем, не успевая даже нагреть язык.

Я сидел за соседним столиком, окруженный шумом пятидесяти одновременно ведущихся разговоров и оркестром мариачи, корнетист которого пытался взорвать мне мозг, играя на своём инструменте в четырех дюймах от моего уха. Клуб «Камалиас»¹¹¹ был единственной остановкой после Тихуаны. Запыленный «флитвуд» был припаркован у входа в вертеп, который был центром притяжения для нервных наркоманов, моряков из Сан-Диего, сутенеров и их товара, мексиканских рабочих из близлежащей строительной компании, у которых даже не было времени снять каски, и группы полицейских во главе с моим старым приятелем, которого звали Рамирес. После того, как он распределил своих парней по всему клубу, он подошёл и присел за мой столик. Из-за шума я не мог разобрать его слов, только улыбку.

Алекс заметил присутствие моего спутника и заказал двойной мескаль, чтобы его поприветствовать.

– В мексиканской полиции одни *putas*¹¹², шлюхи, – сказал Алекс, глядя прямо на нас, воспользовавшись паузой в игре мариачи.

Рамирес улыбнулся, поднял свой бокал, и провозгласил тост за Алекса.

– Твой друг абсолютно сумасшедший. Несомненно, он хочет покончить с собой.

– Мне тоже так кажется, – ответил я.

– С другой стороны, почему бы ему этого и не сделать? – спросил Рамирес.

Мне оставалось только заняться поиском ответа. В конце концов, это был не такой уж плохой вопрос.

Глаза Алекса остекленели, челюсть слегка отвисла. Видя, что Рамирес никак не реагирует, он поискал ещё что-нибудь, чем бы ещё привлечь его внимание. И легко нашёл. За

¹⁰⁹ Индейское племя, проживавшее в мексиканском штате Южная Нижняя Калифорния, занимавшее территорию на юге штата от Лорето до Тодос-Сантос.

¹¹⁰ Спиртной напиток, получаемый путём дистилляции ферментированного сока агавы.

¹¹¹ Камелии (исп.)

¹¹² Шлюхи (исп.)

соседним столиком сидел один из американских моряков, совершенно очарованный проституткой. Алекс встал и направился к нему. Мариачи заиграли «La Paloma»¹¹³, возможно, единственную мексиканскую песню, слова которой я знаю, но Алекс не дал мне времени ею насладиться. Он о чём-то заспорил с моряком. Внезапно Алекс ударил женщину по лицу. Я вскочил со стула. Рамирес даже не попытался последовать за мной. Моряк достал нож и воткнул его в первое, что попало под руку, — в левую руку Алекса, лежавшую на столе.

Насилие, как всегда, спровоцировало крики и панику. Тем не менее, мариачи продолжали играть. Я оттолкнул моряка в сторону и вытащил нож из стола, освобождая руку Алекса. Кровь хлынула обильным потоком. За своим столиком Рамирес ограничился улыбкой.

Алекс настоял на том, чтобы его лечили в Мехикали, из-за чего переднее сиденье моей машины было залито кровью. Я знал, что должен был разозлиться, но не сделал этого. Поведение Алекса просто повергло меня в тоску. Пока он отдыхал в мягком кресле в приёмной, я поговорил с доктором Мартинесом о якобы неизлечимой болезни Алекса.

— Неизлечимой? Пятьдесят лет назад так и было, амиго. Сейчас же это абсолютно излечимо. Всё, что у него есть, — это венерическое заболевание, сифилис, и даже не запущенный случай. Его уже лечат от этого.

Ночи в Мехикали тёмные. Музыка заманивает вас, как наживка, в несколько мест одновременно. Время от времени вам встречается пьяная компания или около вас останавливается таксист, пытающийся убедить вас, что путь сквозь двери его автомобиля ведёт напрямик к воротам рая. Я задыхаюсь от грязи в воздухе и сухой жары. Это маленький город, украденный у пустыни. Без шляпы и пиджака я ночью отправился бродить в поисках ответов. Возможно, эти вопросы относились и ко мне тоже. Мы отправились на юг, чтобы оставить тут наши кошмары, наши наихудшие ожидания. Вместо этого, рассматривая себя в зеркале, мы оказались лицом к лицу с тёмной стороной наших тоски и одиночества. И разве мексиканцы были виноваты в том, что Алекс выбрал их страну для того, чтобы сойти с ума?

— Если я буду плыть туда сто восемьдесят один день, то вернусь... — сказал Алекс, указывая в сторону какого-то места по ту сторону Тихого океана, где он оставил частичку своей души.

— Тебе, наверное, стоит подождать, пока твоей руке не станет лучше, — и это было единственное, что пришло мне в голову ответить ему.

Мы вернулись в Росарито, на этот раз вдвоём в моем «олдсмобиле». Мы ели лобстеров на пляже, и Алекс позволил себе задремать в гамаке. Я решил побороть сонливость, прогулявшись по пляжу. Я выкурил несколько сигарет с группой женщин и помог им почистить морских улиток. Это обернулось для меня тем, что я получил их в количестве пары дюжин на ужин. Когда я вернулся, то обнаружил, что Алекс исчез из гамака и поля моего зрения. Его чемодан всё ещё был в машине. Я открыл его.

Там действительно был старый «томпсон», ржавый и незаряженный. Ещё там было четыре или пять пачек, напечатанных японцами для оккупированных территорий Голландской Ост-Индии, денег. Под ними лежала стопка фотографий оборванных английских солдат, американцев, австралийцев и новозеландцев, отдающих честь своим флагам, вероятно, сразу после освобождения из концлагеря. Многие из них были обмотаны бинтами или едва держались на костылях, их руки были перевязаны, у них бороды, отросшие за

¹¹³ «Голубка» (исп.) — песня, написанная около 1860 года испанским (баскским) композитором Себастьяном Ирадьером (1809—1865). Это одна из самых часто исполняемых песен в мире.

месяцы, длинные волосы, тела, скорее напоминающие скелеты, которые несли на себе следы лихорадки, дизентерии и недоедания.

Алекс предложил мне спичку, чтобы зажечь сигарету, свисавшую с моих губ. Я её взял.

— Они хотят, чтобы я вернулся, но я останусь здесь. Они хотят засадить меня в клетку в Лос-Анджелесе. Ты слышал мексиканскую песню «Jaula de oro¹¹⁴», она о золотой клетке?

Он направился к океану. Я попытался схватить его за руку, но он высвободился резким движением.

— Неужели ты не понимаешь, Марлоу?

Он повернулся ко мне спиной и продолжил свой путь к морю. Затем он повернулся и посмотрел на меня своими льдисто-голубыми глазами. Волны разбивались о берег; солнце начинало садиться.

Я видел, как он бросился в воду и бешено поплыл прямо к горизонту, с каждым взмахом вздымая пену. Солнце плыло над морем. Алекс уплывал всё дальше и дальше. Через пятнадцать минут его голова уже едва виднелась вдали. Затем она исчезла.

Закаты в Нижней Калифорнии незабываемы. Мне придется вернуть деньги лос-анджелесскому адвокату. Я повернулся к морю спиной. Мои суставы болели. Должно быть, из-за влажности. Я пошёл к «олдсмобилю».

Первое издание «Долгого прощания» на испанском вышло в 1973 году. Я прочёл его три раза. Добавив к этому то, что пришло ко мне от Сименона, Дюрренматта, Хэммета и Ле Карре, я уверился в том, что криминальная литература предлагает мне наилучший путь для тех историй, которые я хотел рассказать. Три года спустя я опубликовал свой роман. Не знаю, много ли в нём осталось от Чандлера; вероятно, мало, потому что в «Днях сражений»¹¹⁵ я пытался создать новый жанр, новый тип криминального мексиканского романа, а не просто следовать традиции «крутых романов», изменяя сюжет. Но, без сомнения, Чандлер был и там; из рассказов, построенных на диалогах, персонажах и атмосфере, а не на эпизодах, всё же удалось рассказать свою историю. Для меня, находящегося под влиянием мексиканского барокко и магического реализма, неореализм в стиле Чандлера был наилучшим вариантом. Возможно, никто не найдёт следов этого влияния в моих книгах, это и не так важно. Я знаю, где отыскать свои долги; я знаю, что Чандлер где-то есть в моих романах, и я ему благодарен.

Пако Игнасио Тайбо II

¹¹⁴ Золотая клетка (исп.)

¹¹⁵ Первый роман Пако Игнасио Тайбо II из серии о детективе Экторе Беласкоран Шейне, опубликованный в 1976 году.

ФРЭНСИС М. НЕВИС-МЛАДШИЙ

КОНСУЛЬТАЦИЯ В ТЕМНОТЕ

1946

Художник Джон Мартинес

Т

Ой глубокой ночью я уже оставил всякие попытки погрузиться в сон.

Казалось, минул уже целый год, как стемнело, и полгода из них я проворочался на комковатом матрасе в шестом номере этого стоящего на отшибе мотеля. Слишком много часов за рулем мощного купе¹¹⁶, слишком много еды в дороге, больше галлонов кофе, чем я мог переварить, бесконечное количество времени, потраченное на то, чтобы томиться в одиночестве — сон стал недостижимым. Я высвободился из-под одеяла и включил ночник. Мои часы на прикроватной тумбочке показывали четырнадцать минут третьего. Я решил прогуляться по автостоянке, подышать ночным покоем, посмотреть на звёзды, которые я никогда не мог увидеть в Лос-Анджелесе. Позже я адресовал жалобы Господу, что он не надоумил меня остаться в постели.

Тринадцать месяцев, прошедших после Хиросимы и капитуляции Японии, стали временем процветания для частных детективов. Сотни только что уволенных ветеранов, искалеченных войной настолько, что военные не захотели с этим мириться, разбрелись по всей карте мира в поисках утраченных частичек самих себя. У некоторых из этих парней были семьи, готовые немного потратиться, чтобы их отыскать. Несколько счастливицов, пока были за границей, получили наследство, и банкам, и юридическим фирмам, которые занимались этим имуществом, требовались на документах их подписи. Один из таких банков и оказался моим клиентом. Что и объясняет, почему человек по имени Марлоу в Лос-Анджелесе поднялся на борт «Санта-Фе Супер Чиф»¹¹⁷, затем в Чикаго пересел на другой поезд, который доставил его в самое сердце верхнего Среднего Запада, и где он арендовал мощную колымагу, чтобы отправиться по остывающему следу, а также то, почему этот самый согладатай, кутаясь в свой довоенный плащ, расхаживает вдоль края автомобильной стоянки у чёрта на куличках ясной звёздной ночью в октябре 1946 года. След, по которому я шёл, оказался неверным. Несколько недель спустя я узнал, что мой пропавший ветеран взял себе новое имя и ещё в начале 46-го отправился на восточное побережье, где однажды, на День матери¹¹⁸, под вопли своих друзей спрыгнул с карниза двенадцатого этажа отеля в центре Покипси¹¹⁹, чем на час перекрыл уличное движение. Парень вырос на верхнем Среднем Западе, у банка были сведения, что его там видели, но на самом деле не было никаких причин мне тащиться туда, ну, совсем никаких. Жизнь любит выкидывать с нами вот такие милые штуки.

Мотель располагался на пологом холме в нескольких сотнях футов от шоссе штата. В те дни большинство останавливающихся здесь были родственниками или приятелями, навещавшими кого-нибудь из тысячи с лишним уволенных в запас военнослужащих, воспользовавшихся Солдатским законом¹²⁰ и получавших образование в филиале университета штата, в миле к востоку, за шоссе и холмами. В октябре мотель напоминал кладбище. Находясь за домиками, отделявшими меня от дороги, я мог видеть только ночь,

¹¹⁶ Тип закрытого кузова легкового автомобиля.

¹¹⁷ Один из именованных американских пассажирских поездов. В период своего расцвета рекламировался как «Поезд звёзд», так как часто перевозил знаменитостей между Чикаго и Лос-Анджелесом.

¹¹⁸ В США День матери отмечается во второе воскресенье мая. В 1946 году этот день приходился на 12 мая.

¹¹⁹ Город, расположенный в округе Датчесс, штат Нью-Йорк.

¹²⁰ Закон о реинтеграции военнослужащих 1944 года — закон США, который определял льготы для вернувшихся с фронтов участников Второй мировой войны

клин луны и мерцающие звезды. Единственными звуками были стрекотание сверчков, за исключением того, что где-то на невидимом шоссе рычал грузовик с прицепом. В полной тишине, из ниоткуда спикировала сова, едва не задев моё лицо. Я замер в ожидании крика разрываемого на части кролика, но не услышал ничего, кроме продолжавшегося стрекотания сверчков. Возможно, сова тоже шла по ложному следу.

Затем я услышал в ночи кашель, и больше я был не один. Высокий худой мужчина с непокрытой головой, светлыми волосами и многодневной щетиной на щеках выскочил из-за опушки леса и оказался между мной и рядом домиков. На нём были джинсы, теннисные туфли и что-то напоминающее в лунном свете армейскую куртку.

– Мистер Марлоу, сэр? – Его голос был тихим и нервным. – Можно Вас на минуточку?

Я вздрогнул, услышав в ночи своё собственное имя, произнесенное полушёпотом. Смысл обосноваться в мотеле на несколько дней заключался в том, чтобы дать людям, которые могли мне помочь в поисках ветерана, которого я разыскивал, возможность связаться со мной, но я не ожидал, что кто-то подкрадётся ко мне из леса в половине третьего ночи. Я надел на лицо маску профессиональной вежливости и взглянул на обращавшегося. Его взгляд был направлен не на меня, а сквозь, в холодную пустоту, которая нас окружала. Я предположил, что ему где-то под тридцать. Он держал свои бледные руки без перчаток опущенными по бокам, словно хотел убедиться, что я не думаю, будто у него есть оружие. Если он был моим пропавшим ветераном, то я был парикмахером Элеоноры Рузвельт.

– Да, я Марлоу, – представился я ему, стараясь, чтобы мой тон звучал дружелюбно. – Чем могу Вам помочь? И не может ли это подождать до утра?

– На днях я увидел статью в местной газете, – произнёс он, по-прежнему, так тихо, что я едва смог разобрать слова, – о молодом солдате, который вырос в этих краях и получил кое-какие деньги, и о том, что Вы пытаетесь его найти. В статье говорилось, что Вы остановились на несколько дней в шестом домике этого мотеля. Я добрался сюда вчера вечером, в половине одиннадцатого, и решил, что уже слишком поздно стучаться к Вам. А потом, когда я увидел, что Вы вышли прогуляться, то решил, что нет смысла ждать до утра. Спасибо, что спасли меня от холодной ночи в лесу! – Он рассмеялся, издав короткий резкий лай, который навёл меня на мысль о волках, и принялся возиться с поясом своей спортивной куртки. – Я ничего не знаю о парне, которого Вы ищете, но у меня есть своя реальная проблема, за помощь в решении которой я был бы Вам очень признателен.

Я старался не встретиться с ним взглядом в поисках дипломатичного выхода из этой нежелательной ситуации.

– Послушай, парень, – сказал я, – в чём бы ни заключалась твоя проблема, я не смогу тебе помочь. Я здесь чужой. У меня нет лицензии для работы в этом штате. Может быть, копы или какой-нибудь местный частник...

– *Больше никто не подойдет!* – закричал он и рванул молнию на своей куртке. В какой-то безумный миг мною овладела уверенность, что он сейчас сорвёт с себя всю одежду. Потом я увидел приземистую чёрную коробочку, пристегнутую к его поясу наподобие кассовых машинок, из тех, что носят кондукторы в троллейбусах.

– Видите кнопку? – спросил он меня, мягче и ласковее прекрасной девушки из сказки. – Нет, не думаю. Но если я на неё нажму, – сказал он, – то мы оба обратимся в пыль. Видите ли, мистер Марлоу, эта консультация в буквальном смысле стоит Вашей жизни.

Он не двигался, и я тоже. Мы стояли на опушке леса, примерно в десяти футах¹²¹ друг от друга. В тысяче миль от нас фары грохочущего грузового автомобиля осветили участок

¹²¹ Около 3 м.

склона холма, когда он поднимался на его вершину, а затем исчезли. Сверчки продолжали стрекотать, как будто мир оставался прежним.

– Меня зовут Хьюм. – Молодой человек с бледной кожей, представившись, одарил меня задумчивой улыбкой. – Чарльз Генри Хьюм II. Извините, что не могу предложить Вам руку, мистер Марлоу, но если бы я так сделал, то Вы бы схватили бы меня за неё и попытались избавить меня от ремня. Не возражаете, если мы будем вести себя немного официально?

Каким-то образом мне удалось молча кивнуть в темноту.

– Проблема, которую я хочу обсудить с Вами, не моя личная, – сказал Хьюм. – Это проблема... ну, моего самого близкого друга. Назовём его Чак. Бедный Чак боится показываться на людях. И я говорю от его имени.

Я проглотил подступившую к горлу желчь и глубоко вздохнул. Ничто так не бодрит, как чистый ночной воздух, заставляющий чувствовать себя полным сил.

– Чак никогда не знал своего отца. – Голос Хьюма стал ещё тише. У меня возникло подозрение, что он обращается не ко мне. – Его родители поженились, когда оба учились в старших классах. Они... им пришлось. Шесть месяцев спустя у них родилась девочка, которая появилась на свет раньше срока и весила меньше двух фунтов¹²². У неё было необратимое поражение головного мозга. Малышка никогда не научилась бы ходить и говорить. Она умерла, когда ей было четыре месяца. Потом, как-то мать Чака сказала ему, что у того ребёнка было ангельское личико. Ей удалось снова забеременеть, но через несколько месяцев отца Чака призвали в армию и отправили на войну, чтобы положить ей конец. Помните это, мистер Марлоу? Это было в тысяча девятьсот семнадцатом году. Отец Чака так и не дожил до того, чтобы увидеть своего сына.

Я вглядывался в усеянную звездами темноту, пытаюсь разглядеть лицо Хьюма, чтобы понять по выражению его лица, ожидает ли он от меня ответа или комментария. Заросшее блёклой щетиной лицо было непроницаемо, как гранитная плита. Я рискнул и сказал то, что, как я надеялся, выглядело безобидно.

– Значит, его матери приходилось содержать себя и мальчика?

– Да, – ответил он. В его тоне или взгляде не было враждебности, но его растопыренные пальцы продолжали тереть ремень кассира.

– Даже во время первой войны были пособия по случаю смерти, – сказал я. – Пенсии вдовам.

– На те деньги, что ей платили, нельзя было вырастить и собаку, – сказал Хьюм. – Ей пришлось искать работу. Она вернулась в Луизиану, где выросла, и какой-то мелкий бизнесмен из Опелусаса взял её к себе секретарём. Но она никогда не готовилась по-настоящему работать, – а многие ли женщины так поступают? – и потому у неё никогда не было возможности и оплачивать счета, и откладывать деньги. Она почти ничего не тратила на себя, только время от времени ходила в кино на Чаплина. Знаете, чем она занималась в своё удовольствие? Она придумывала рецепты особых десертов. – Произнося это, он начал хихикать, словно ощущал их вкус, и от этого низкого горлового чувственного звука у меня по спине пробежал холодок. – Эти угощения и изменили её жизнь.

Ещё одна пауза. Я позволил ему продолжить, держа рот на замке, ожидая, когда он вновь подхватит нить рассказа.

– Когда-нибудь слышали о «Луизианской Леди»? – спросил он.

¹²² Около 900 г.

Это прозвучало как название фильма, возможно, с Дороти Ламур и Бингом Кросби в главных ролях¹²³. При других обстоятельствах, я, возможно, и сказал бы ему об этом. Но не сейчас, и не здесь. Подобное остроумное замечание могло стать убийственным для нас обоих.

– «Луизианская Леди»! – нетерпеливо повторил он, как будто я был отсталым ребенком, который не сделал домашнее задание. – Компания, занимающаяся доставкой изысканных блюд. Желе, пирожные, торты. Люди отправляют их друг другу по особым случаям.

Только не в моём кругу, здесь так не поступают. Может быть, в том-то и беда, что, будучи частным сыщиком, встречаешь не так уж много людей, которым захочется отправить подарок. Во второй раз за последние десять минут я проявил благоразумие и оставил своё колкое замечание при себе.

– В двадцатые и даже во времена Великой депрессии¹²⁴ это был самый прибыльный бизнес подобного рода в стране, – с гордостью произнёс Хьюм, как будто сам был его основателем. – Парень, на которого работала мать Чака, организовал его для неё. А все рецепты придумывала она сама. И внезапно стала богатой, а всю тяжёлую сопутствующую работу сделали за неё. Через несколько лет у Чака началась новая замечательная жизнь. Частные репетиторы, прислуга, второй дом здесь, на холмах, где они проводили по полгода каждый год. – Мне показалось, что я расслышал тихие нотки рыдания в его голосе. – За исключением того, что на пути к богатству он потерял свою мать.

– Она снова вышла замуж? – высказал я догадку.

Плохой ход! Вопрос задел его за живое, и он закричал: «Нет! Нет! Нет!» – и заставил меня вспомнить человека, который однажды кричал так же, когда его лицо врезалось в забор из колючей проволоки. Боже, почему менеджер мотеля не услышал его, не выглянул в окно и, заметив, что что-то не так, не вызвал полицию? Пальцы Хьюма выбивали кодовое сообщение по ремню с чёрным ящиком. На мгновение я подумал, что мы оба погибнем. Но уже в следующее мгновение небритый молодой псих стал спокоен, как летнее озеро на рассвете.

– Несколько раз в год, – сказал он, – она уезжала на неделю, дней на десять. Даже будучи ребенком, Чак смутно обо всём догадывался. В каждой поездке её сопровождал уже другой мужчина. Никого из них она никогда не приводила в дом. О, она была воплощением благоразумия. – Он издал еще один гортанный смешок.

Я напряженно стоял в темноте, мысленно измеряя расстояние между нами, и пытаюсь собраться с духом, чтобы взметнуться в воздух и пригвоздить безумца к земле, но не мог заставить себя это сделать. Такие игры для киногероев или подменяющих их каскадеров, но не для меня. Может быть, он блефовал, и на том поясе не было взрывчатки, и, когда я переживу эту встречу и узнаю, что он меня обманул, то, возможно, буду называть себя последним трусом, но, по крайней мере, я останусь в живых. Эта ночь была слишком холодной, чтобы умереть ни за что.

– Я понимаю её лучше, чем Чак в то время, – продолжил Хьюм. – Она так сильно любила своих мужа и первенца, а потом потеряла их обоих с разницей менее чем в год, а после этого она просто не смогла заставить себя снова взять на себя такие моральные обязательства, ни перед другим мужчиной, ни перед Чаком. О, она осознавала свои обязанности перед мальчиком и делала всё необходимое, но ребенок может почувствовать разницу. Чак рос один. У него не было проблем с деньгами, но вёл он замкнутый образ жизни.

¹²³ Почти. В вестерне «Леди из Луизианы» 1941 года в главных ролях снялись Джон Уэйн и Она Мэнсон.

¹²⁴ Т.е., в период 1929 – 1939 гг.

Хьюм начал тихонько хихикать и на несколько шагов приблизился ко мне, пока не упёрся спиной в ствол платана, а может, это был вяз.

– Я был его единственным другом, – сказал он.

Я не хотел спрашивать его, как эти двое познакомились, во-первых, потому, что это могло подтолкнуть его нажать на кнопку, а во-вторых, потому, что я уже узнал ответ: где-то за его бледными, сросшимися бровями. Слушая на заднем плане симфонию в исполнении сверчков, я пытался обдумать свой следующий шаг, как вдруг у сверчков появился соперник, равно как и у сияющих звёзд. Послышался гул хорошо отрегулированного автомобильного двигателя и хруст шин по гравию. Когда невидимая машина обогнула угол застройки и повернула в нашу сторону, лучи её фар нарисовали на фоне леса конус кислотной белизны и, двигаясь по стволам деревьев, он устремился к нам, как луч прожектора в фильмах о побеге из тюрьмы.

– Туда, за камни, – прошипел Хьюм. – Сейчас же!

Он нырнул в укрытие и устроился на боку, а его правая рука принялась ласкать чёрную коробочку, указательный палец замер над тем, что я принял за спусковую кнопку. Я не хотел, чтобы тех, кто был в той машине, безо всякой причины разнесло на части, и также я не хотел, чтобы это произошло со мной. Я, как морской пехотинец, шлёпнулся в грязь и отполз за кусты, чтобы Хьюм мог меня видеть, но так далеко, насколько хватило смелости. Мы прижались к земле, когда свет фар на несколько секунд осветил кусты, за которыми мы прятались. Машина обогнула автостоянку сзади и осановилась у дальнего конца линии строений, примерно в сотне футов¹²⁵ от нас, припарковавшись под таким углом, что я смог разглядеть на водительской двери эмблему полиции штата. Из машины вылез плотный парень в форменных рубашке и брюках и с портупеей, в тусклом свете габаритных огней потянулся, зевнул, а затем неторопливо направился к лесной опушке, встал лицом к линии деревьев, немного повозился со штанами и облегчился. Затем неторопливо вернулся к машине, сел за руль, включил фары и завершил объезд стоянки. Его задние огни, мигнув, скрылись за дальним углом ряда домиков. Хьюм выбрался из своего укрытия и сделал движение рукой, приказывая мне сделать то же самое. Он не снимал с пояса другую руку. Как только шорох шин полицейской машины растворился в ночных звуках, Хьюм продолжил рассказ о своей жизни, как будто случившееся происшествие, прервавшее его, нам только привиделось.

– Чак рос одиноким подростком, – сказал он, – но он научился сам себя развлекать. В хорошую погоду он часы проводил вне дома, ловил насекомых, из которых затем собирал коллекции, или прятался в траве, наблюдая за белками и птицами. Иногда он поводил в лесу целые ночи. В дождливые дни он оставался дома, мастера всякие маленькие хитроумные механические устройства из обрезков дерева и металла. И он постоянно читал. Больше всего он любил детективные журналы. Если они с матерью обменивались за день десятком слов, то это уже было много.

– Замечательная жизнь, – сказал я.

– Летом тысяча девятьсот тридцатого, когда Чаку было тринадцать, эта жизнь закончилась. Их второй дом в горах находился примерно в шестидесяти милях к западу отсюда, в конце грунтовой дороги, которая ответвлялась от двухполосной дороги, извивавшейся по склону горы подобно змее, выложенной из щебня. Чак называл эту дорогу Старый Твистибус¹²⁶. –

¹²⁵ Около 30 м.

¹²⁶ «Самая извилистая дорога в мире» – упоминается в «Цирковой серии» романов малоизвестного американского писателя Гарри Стивена Килера (1890-1967). На самом деле, очень странно, первый роман из этой серии вышел в 1941 году и, вряд ли, Чак, будучи подростком, мог быть с ним знаком.

Хьюм поднял лицо к полумесяцу и сладким голосом мальчика из церковного хора на мотив старой рождественской песни «*О Тannenбаум*»¹²⁷ запел:

О Твистибус!

О Твистибус!

Прям штопор пред тобой.

У меня перехватило дыхание. То, как он стоял там, на опушке леса, и тихо напевал, глядя на звезды, подсказало мне, что мы оба будем мертвы или покалечены ещё до того, как наступит утро, если я в самое ближайшее время ничего не предприниму. Я придвинулся к нему поближе. Сначала нас разделяла дюжина футов, потом десять, потом около восьми-девяти. Ещё несколько шагов, ещё полминуты его отвлечённости, и я окажусь достаточно близко, чтобы нанести быстрый удар ногой в пах, а затем заломить его руки за спину, прежде чем он успеет нажать на кнопку.

Затем, прямо посреди одного из своих дурацких куплетов, он толкнул меня обеими руками. Я сильно ударился левым бедром о землю. Удар пронзил меня, как взрыв. Хьюм возвышался надо мной, держа указательный палец на кнопке и глупо улыбаясь.

– Я вижу Вас насквозь, мистер Марлоу, – вежливо сказал он. – И я был бы Вам очень признателен, если бы Вы всё-таки позволили мне закончить рассказ.

Как будто я мог остановить его, пока валялся там, как чучело.

– Однажды душным летним днем тысяча девятьсот тридцатого года мать Чака уехала на своем «дюзенберге»¹²⁸ по каким-то делам в городок, лежащий у подножия горы. Но она туда так и не добралась. На одном из самых крутых поворотов Старого Твистибуса она не справилась с управлением и сорвалась с обрыва. Бензобак взорвался, и она со всем остальным просто сгорела дотла. От «дюзенберга» остался лишь искореженный кусок стали. Хотите верьте, хотите нет, но у полиции возникла абсурдная идея, что это не был несчастный случай, и, что бедный невинный тринадцатилетний Чак испортил тормоза или что-то в этом роде и превратил машину в смертельную ловушку. Ну, я же говорил, что он хорошо разбирается в механизмах. ...В любом случае, эксперты изучили место крушения и не нашли никаких следов вмешательства. Но они не могли понять, почему она не справилась с управлением. Она была осторожным водителем, дождя не было уже несколько недель, так что не было никаких мест, где её могло бы занести. Единственной возможной вещественной уликой были обгоревшие фрагменты какой-то картонной коробочки, которая после крушения была найдена у подножия горы, но не было никаких доказательств, что эта коробка вообще была при ней во время аварии. И, как бы то ни было, Чак был слишком молод, чтобы быть привлечённым за убийство, даже если бы какие-то улики и нашлись.

Я лежал ничком на холодной земле и пытался оценить свои шансы увидеть восход солнца.

– Таким образом, – сказал Хьюм, – в тринадцать лет Чак внезапно стал миллионером. Изделия его матери расходились со скоростью лесного пожара. Естественно, до достижения двадцати одного года ему полагался опекун. Отовсюду появилось множество самых разных серьёзных юристов, чтобы предложить свои услуги. Я задавался вопросом, многие ли из них спали с матерью Чака. Но после оглашения завещания все они попрятались по своим норам. Догадываетесь почему, мистер Марлоу?

– Она, она... – Крутой парень, частный сыщик, не смог выдавить из себя ничего, кроме заикания. – Ничего ему не оставила?

¹²⁷ Немецкая рождественская песня. Основанная на традиционной народной песне, несвязанной с праздником, она стала ассоциироваться с традиционной рождественской ёлкой.

¹²⁸ Автомобили, выпущенные одноимённой компанией (1920-1937), считались одними из самых элитных на авторынке.

– Она отрезала меня, как раковую опухоль! – Выкрикнутые им в ночь слова прозвучали как предсмертный крик животного, которого потрошит хищник. – Без извинений. Без объяснений. «Я намерена сделать так, чтобы ни какая часть моего состояния не перешла к моему сыну Чарльзу Генри Хьюму II». Вы понимаете, какой это был удар для Чака? – Трещина между двумя его половинками снова стала очевидной. – Она наказала его из могилы, сука! Всё – дом и земля, доля в «Луизианской Леди», личное имущество – всё было пожертвовано фонду, который занимается исследованиями повреждений головного мозга у новорожденных. – Он показал вдаль, за шоссе и холмы. – Этот фонд находится на территории государственного университета в миле отсюда.

Этой ночью меня интересовало только одно – как бы её пережить, и мне показалось, что лучше всего было заставить его продолжать рассказывать, поэтому я задал ему вопрос.

– Ты оспорил её завещание? – Хороший мальчик, Марлоу. В данных обстоятельствах вполне логичный вопрос, и голос почти нормальный. Возможно, у тебя ещё остаётся надежда.

– Местные юристы сказали, что у меня нет никаких оснований, – ответил он мне. – О, мне вручили несколько бумажек. Это освобождённое имущество¹²⁹, всё, на что в этом штате имеет право несовершеннолетний ребенок, не состоящий в браке, независимо от того, что написано в завещании – это выплата содержания. Что ни шло ни в какое сравнение со стоимостью «Луизианской Леди». – Он посмотрел на меня так, как змея смотрит на птицу, которую хочет проглотить на завтрак, и нервно облизнулся. – Полагаю, тебе интересно, как я жил с тех пор.

Мне не понравился его такой непринуждённый тон, и еще меньше мне понравилось, как он изогнулся надо мной, ожидая ответа. Инстинкт самосохранения подсказывал мне, что он готовит ловушку.

– Я ничему не удивлюсь, – пробормотала я.

– О, да, ну, конечно, конечно, конечно!

Снова это ожидание животного, подготавливаемого к потрошению, прорезающее тьму, как нож мясника.

– Меня запирали, выпускали и снова запирали! Моя мать, мой адвокат, моя жизнь... – Возможно, он сказал «жена», я не был уверен. – Я тоже жертва! Вас не волнует справедливость, мистер Марлоу? Я хочу вернуть свою жизнь. У меня отняли всё, что принадлежит мне по праву!

– Похоже, тебе нужен новый адвокат, – сказал я.

Его отвращение выразилось в лошадином фырканье.

– Юристы – шакалы. Адвокат украл мое наследство. Мне нужен детектив. Мне нужен ты.

Он придвинулся ближе ко мне, я продолжал неподвижно лежать на утопанной земле. Когда он склонился надо мной, как военный медик, оказывающий помощь раненому солдату, я увидел, что в одном из глаз у него появилась слеза.

– Помогите мне. Защитите права бедного Чака. Если А планирует убить С, а С поручает детективу откопать всю грязь в прошлом А, и потом С говорит А, что вся эта грязь станет достоянием общественности, если вдруг с С что-нибудь случится – что ж, это гарантирует С долгую и счастливую жизнь.

¹²⁹ Согласно закону о собственности во многих юрисдикциях, это имущество, которое не может быть ни передано по завещанию, ни востребовано кредиторами умершего в случае, если умерший оставляет пережившего супруга или выживших потомков.

Я понятия не имел, что он там лепечет. Он вытер глаза рукавом куртки, и слёзы сменились хитрым змеиным взглядом, который я уже замечал у него раньше. Его палец потянулся к кнопке на поясе.

– Помогите мне. Станьте моим детективом. Спасите свою собственную жизнь.

Его пах оказался в пределах досягаемости моей ноги. Я ударил его изо всех сил, он издал мучительный вопль, ставший музыкой для моих ушей, и, согнувшись пополам, упал на колени, схватившись за яички. А его лицо оказалось от меня на расстоянии вытянутой руки. И я не был с ним нежен. Когда он перестал метаться, я расстегнул пояс своего плаща, связал ему руки за спиной и стянул с него ботинки и носки, чтобы, даже если он придёт в себя и освободится, не смог далеко убежать. К механизму вокруг на его талии я не прикоснулся и даже не стал его рассматривать. Я всё ещё тяжело дышал, когда, спотыкаясь, пересек заднюю часть автостоянки, обогнул её и, распахнув дверь домика с надписью «МЕНЕДЖЕР», включил свет, нашёл телефон и попросил оператора соединить меня с полицией штата.

– Готов поспорить, что бомба была настоящая. Сапёры только что закончили её обезвреживать. – Майор Фрай, офицер, дежуривший в казармах местной полиции, был ростом не выше Алана Лэдда¹³⁰, а на животе у него было столько жира, что хватило бы на неделю, чтобы прокормить лагерь беженцев из Европы.

В своём кабинете он из банки разлил в две кружки с отбитыми краями кофе и плеснул туда немного виски из бутылки, которую достал из ящика с документами. Через грязные окна, выходившие на стоянку у казарм, я наблюдал, как солнце сияет над восточными холмами.

– На днях у дорожников украли динамит и капсули. Он не обманывал, когда говорил, что хорошо разбирается в механизмах. Если бы он нажал на кнопку, то тот мотель превратился бы в двадцатифутовую¹³¹ воронку.

– Боже мой, – пробормотал я и одним глотком половину опустошил чашку. Переваренный кофе из придорожной забегаловки показался божественным нектаром, а неочищенный самогон, должно быть, застал ещё времена Сухого закона. Но никогда ещё я так не наслаждался напитком. – Мне суждено прожить ещё какое-то время.

– Если будешь хорошим мальчиком, – сказал Фрай и взглянул на свои наручные часы. – Мисс Данкел должна быть здесь с минуты на минуту, Марлоу. Она хочет лично поблагодарить тебя за то, как ты справился с ситуацией, и, э-э, её клиентом.

Мисс Аманда Данкел, как он сказал мне ранее, была адвокатом Хьюма, и у меня сложилось впечатление, что в этом штате она была большой шишкой.

– Она предпочла бы, чтобы ты не выдвигал обвинений против пацана. Я думаю также. Пусть всё идёт своим чередом.

– Он псих, – сказал я. – Кто-то должен его упрятать. В тюрьму или психушку, не имеет значения. Я понадоблюсь вам для дачи показаний.

– Марлоу, – вздохнул он, – нам ты нужен так же, как повышение налогов. Как только мисс Данкел должным образом поблагодарит тебя, мы соберём твой чемодан и выпроводим тебя отсюда. Но только для того, чтобы удовлетворить твоё любопытство и ты снова не начал копать в этом деле, я тебе кое-что расскажу. Ты понял, почему Хьюм рассказывает о себе так, как будто он – это два разных человека?

¹³⁰ Американский актёр (1913-1964). Добился успеха в 1940-х – начале 1950-х в фильмах нуар и вестернах. Его рост составлял около 168 см.

¹³¹ Около 6 м.

– Могу сделать обоснованное предположение. – Я допил остатки кофейного коктейля и едва сдержал дрожь. – Когда ему было тринадцать лет, он убил свою мать.

– Умная ищейка. Я только поступил на службу, когда это случилось, но у меня хорошая память. Держу пари, ты даже смог бы рассказать мне, как ему с ней это удалось.

– Не со всеми деталями, – сказал я. – Но я думаю, что это был одно из тех милых механических устройств. Он сказал, что полицейские нашли фрагменты небольшой картонной коробки на склоне горы недалеко от того места, где его мать вдребезги разбилась. Так и было?

Когда Фрай кивнул, его челюсти задрожали, как будто они были из желатина.

– Он наловил шершней, запихал их в коробку и подстроил всё так, чтобы она открылась через пару минут после того, как он поставит эту штуку под передним сиденьем её «дюзенберга». Крышка отлетела, и шершни вырвались наружу, облепили её, она бросила руль, как он и рассчитывал, и машина слетела с обрыва. Мы думаем, что он почерпнул эту идею из одного из тех детективных журналов, которые так любил читать. Это было достаточно умно для тринадцатилетнего подростка, но нас одурачило всего на несколько часов. Конечно, он был слишком молод, чтобы ему можно было предъявить обвинение в убийстве, поэтому его отправили в лечебное учреждение, где ему было и место. Затем восемь или девять лет назад нарисовалась мисс Данкел и вытащила его оттуда. Эта дама, Марлоу, с деньгами и влиянием. Один из ее братьев работает в Верховном суде штата, а другой – вице-губернатор. Когда парень оказался на свободе, она обратилась в суд, чтобы отменить завещание матери.

– Да, – сказал я. – Он тоже говорил что-то подобное. Сказал, что для этого нет оснований.

– Он неправильно выразился. – Фрай пухлой рукой махнул в сторону книжного шкафа серо-стального цвета, стоящего позади его стола. Я отметил, что большинство книг на полках были учебниками по юриспруденции. – Когда удаётся выкроить время, я посещаю вечерние курсы юриспруденции в университете штата. Хьюм прав в том, что в этом штате и почти в любом другом, родители могут вычеркнуть ребенка из завещания по какой угодно причине или, вообще, без неё. Но у мисс Данкел есть мозги, а также деньги и влияние. Она подала иск не здесь, а в Луизиане, где Хьюмы жили по полгода. Луизиана – единственный штат в Союзе¹³², где законодательство основано не на английском общем праве, а на Кодексе Наполеона. А там есть правило под названием *легитимация*¹³³, которое гласит, что если у вас есть ребёнок и вы умираете, оставив завещание, то должны оставить ему, по крайней мере, треть своего имущества. Вы не можете лишить ребёнка наследства, кроме как по уважительной причине. Завещание госпожи Хьюм было составлено здесь, а не в Луизиане, и парень даже не предполагал, что оно может быть оспорено по её законам, потому что в завещании вообще не было указано причины, по которой из него исключили мальчика, а всё оставшееся после смерти миссис Хьюм было отписано на создание этого медицинского исследовательского центра. Так вот, после того, как мисс Данкел вытащила ребенка из психушки, она заявила, что его мать умерла, — так это, чёрт возьми, называется? — являясь жительницей Луизианы, и подала иск, чтобы вернуть ему законную долю. Дело было улажено. Двадцать пять процентов годового дохода «Луизианской Леди» поступает в трастовый фонд Хьюма. И угадайте, кто является попечителем?

Я услышал как под шинами хрустел гравий, и увидел блестящий чёрный «кадиллак» 1939 года, сворачивающий во двор казарм. Высохший шофёр в ливрее открыл заднюю дверцу,

¹³² Соединённых Штатах.

¹³³ В гражданском и римском праве законная доля (*legitima portio*), также известная как принудительная доля или законная доля по праву, наследства умершего – это та часть имущества, от которой он не может лишить наследства своих детей или родителей без достаточных законных оснований.

и из машины вышла пероксидная лет пятидесяти блондинка с запечённым лицом и пятьюдесятью фунтами¹³⁴ лишнего веса, закутанная в длинное, до щиколоток, пальто, которое она несла на себе как королевскую мантию. Она жестом велела старикашке следить за «кадиллаком» и величественно направилась к посту охраны у входной двери.

– Она получила такое хорошее вознаграждение? Майор, я никогда не учился на юридическом факультете, но разве нет правила, согласно которому убийце не разрешается извлекать выгоду из своего преступления, и он не может наследовать имущество своей жертвы?

– Конечно, – я уловил нотку нетерпения в его голосе. – И это чертовски хорошее правило. Иначе все бы убивали друг друга из-за наследства, и у нас не было бы цивилизованного общества. Так и что? Вспомни, что из-за своего возраста и психического состояния Хьюм не был осуждён за убийство. И это правило неприменимо. – Он ткнул большим пальцем в сторону окна, в котором был виден «кадиллак». – В любом случае, такими были её аргументы. А теперь, Марлоу, прежде чем эта жирная сука ввалится сюда и я не смогу свободно разговаривать, позволь мне задать тебе ещё один вопрос. Если с юным Хьюмом что-нибудь случится, как думаешь, кому достанутся деньги, которые он получает каждый год по соглашению?

Я устал гадать, устал от разговоров, и меня тошнило от коррупции. Я закрыл рот на замок и позволил ему самому мне всё рассказать.

– Всё перейдёт к ней, – сказал Фрай. – Видишь ли, Марлоу, после того как она вытащила его из психушки, один из её дружков-судей подтвердил, что он снова в здравом уме, а потому она вышла за него замуж, и они составили завещания в пользу друг друга. Они живут в горах, в пятидесяти милях отсюда, в самом шикарном доме в стране. Он раньше принадлежал матери Хьюма. До меня дошли слухи, что она держит его взаперти в подвале. Похоже, пару дней назад, он сбежал. В любом случае, полагаю, что когда-нибудь, очень скоро, она устроит так, что с ним произойдёт несчастный случай, или он устроит так, чтобы с ней произошёл несчастный случай, а я просто позволю природе взять своё, как я уже говорил. Я подожду, кто из них выживет.

Так вот о чём бормотал Хьюм прямо перед тем, как я его пнул. Раздался сильный стук в дверь, и пышнотелая пятидесятилетняя фальшивая блондинка, которая получила бы ещё больше, если бы её молодой муж разнёс себя и меня на атомы в лесу за автостоянкой, пересекла кабинет и, протянув прохладную пухлую руку с царственной улыбкой на губах, но не в глазах, которые она опустила, пробормотала слова благодарности.

Я покинул эти места на арендованном рыдване, а затем сел на автобус до Чикаго, где взял билет до Лос-Анджелеса в пульмановский вагон ближайшего «Супер Чифа». С каждой милей, увеличивавшей расстояние между мной и делом мистера и миссис Чарльз Генри Хьюм II, я чувствовал себя чище, но заснуть не мог. В 2:14 ночи я сидел один в заднем салоне вагона, глядя в окно на огни фермерских домов, мерцающие в черной пустоте, и гадал, который из этой пары сцепившихся пауков первым опустошит в другого свой ядовитый мешок.

Многие из авторов детективов, которых я знаю, помешаны на Чандлере, и почти все они подвели на него в раннем подростковом возрасте, в те годы, когда мы находим или получаем в наследство большинство наших увлечений. Я же чудак. Я прочитал «Глубокий сон», когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать, и он мне не понравился. Он привёл меня в замешательство, чего никогда не случалось с

¹³⁴ Около 20 кг.

классическими детективами, к которым я привык. Я был несколькими годами старше, когда прочитал «Прощай, красавица» и «Долгое прощание», и точно понял, чем обладал Чандлер, чего не было у большинства его современников. Я по-прежнему считаю, что его лучшие работы можно перечитывать бесконечно, но у меня никогда не возникало соблазна попробовать писать в его стиле. В «Консультации в темноте» я постарался передать лейтмотив и подход Чандлера, не подражая им слишком раболепно. Настоящие фанаты Чандлера, как среди авторов, так и среди читателей этой книги, наверняка дадут мне знать, если у меня получилось.

Фрэнсис М. Невинс-младший.

РОДЖЕР Л. САЙМОН

В ГОРОДСКИХ ДЖУНГЛЯХ

1947

Художник Хавьер Ромеро

ОВОРИЛИ, что этот фриц был коммунистом, и он определенно показался мне

странным. Меня познакомил с ним другой фриц с непроизносимой фамилией Фейхтвангер, и про него говорили, что он *феноменолог*¹³⁵. Я не знал, хуже это или лучше, чем быть коммунистом, но на моего друга Эдди, похоже, это произвело впечатление. Эдди был сценаристом.

Всё началось в жаркое октябрьское воскресенье, когда мой сосед с рябым лицом решительно пропалывал каждый дюйм своей грядки с дихондрой¹³⁶, не взирая на температуру, достигшую уже девяноста четырех градусов¹³⁷. Эдди подъехал на новеньком «бьюике» с откидным верхом, и всё выглядело так, словно Джек Уорнер только что заключил с ним пожизненный контракт. Такого за Эдди прежде не наблюдалось. Обычно он был безработным около девяти месяцев в году и редко писал что-либо более значимое, чем озвучку для мультфильмов о Даффи Даке¹³⁸.

— Привет, Марлоу, — сказал он, высунувшись из «бьюика» с самодовольной ухмылкой владельца новой машины. — Как колесо твоей удачи?

— И вполтину не так хорошо, как у тебя, Эдди.

— Ну, да, пара сценаристов по имени Рейнольдс и Липман получили по заслугам, и в итоге я заключил новый долгосрочный контракт с «Метро»¹³⁹. Не буду называть точные цифры, но скажу, что вполне достаточно, чтобы перейти на импортные продукты. А ещё у меня офис в Тальберг-билдинг... Эй, да ты когда-нибудь встречал настоящую литературную знаменитость?

— Конечно, Эдди. Тебя. Не ты ли когда-то писал исторический роман? О чём он был? О древней Греции?

— О Пунических войнах, — сказал Эдди. Он выглядел оскорбленным, что я не помнил, хотя, насколько я знал, он так и не закончил книгу. Он часто объяснял это тем, что ему нужно оплачивать счета, и множество голодных писателей наступают ему на пятки, чтобы заполучить желанное место в «Даффи Даке». — Сегодня вечером я хочу, чтобы ты пришёл на вечеринку. Познакомись с *настоящими* интеллектуалами.

— Ты имеешь в виду других создателей Даффи Дака?

Он не нашёл это забавным.

— Я говорю о Манне, — сказал он. — Томасе Манне! И Фейхтвангере — феноменологе.

В то время я не удосужился спросить, что это такое, потому что у меня было смутное подозрение, что Эдди всё равно не смог бы объяснить. Но я должен был признать, что имя Манн действительно для меня что-то значило. Он был одним из тех немецких яйцеголовых, что оказались в Лос-Анджелес во время войны, чтобы не стать одним из абажуров Шикельгрубера. Вряд ли могу сказать, что виню их за это.

Эдди перегнулся через борт своего автомобиля с откидным верхом и прошептал мне:

¹³⁵ Феноменология — направление в философии XX века, определявшее свою задачу как беспредпосылочное описание опыта познающего сознания и выделение в нём сущностных черт.

¹³⁶ Род растений из семейства Вьюнковые.

¹³⁷ По Фаренгейту. Около 34 с половиной градусов по Цельсию.

¹³⁸ Мультипликационный персонаж из серии мультфильмов компании *Warner Brothers*.

¹³⁹ Киностудия «Метро-Голдвин-Майер».

– Думаю, там будет и Бертольд Брехт. Ну, ты знаешь — тот коммуняка, который пишет пьесы.

– Я думал, что водиться с коммунистами – плохая затея для парней в твоём рэжете, Эдди. Можно лишиться работы быстрее, чем произнести имя Йозефа фон Штернберга¹⁴⁰. Я слышал, у них есть список.

– Паранойя, – отмахнулся он. – Послушай, я подвезу тебя на моей новой малышке. Приходи к семи. – Он заговорщически подмигнул. – Думаю, там и для тебя найдётся работа.

Я не имел ни малейшего понятия, что бы это могло значить, и ещё меньше имел об этом представления, когда тем вечером появился на вечеринке в испанском доме Фейхтвангера с видом на каньон Санта-Моника. Делу не помогало и то, что большинство людей там говорили на иностранных языках. Они собрались в гостиной, где книг было больше, чем в любом магазине Лос-Анджелеса, если это могло что-то значить, и слушали неряшливого русского с густыми бровями, игравшего на пианино странную музыку без какой-либо заметной мелодии.

Когда музыка смолкла, я услышал, как какой-то британец, повадками напоминающий гомосексуалиста, рассказывал о коротких рассказах, которые он писал о Берлине, а затем какая-то дама по имени Анита рассуждала о том, какими варварами стали киномангаты. Я достаточно часто общался с киношниками, чтобы понимать, что такого рода нытье – дело обычное, и почувствовал облегчение, когда мужчина с суровым лицом подхватил нас с Эдди под руки.

– Я Лион Фейхтвангер, – сказал он, проведя нас в ещё один кабинет, заставленный книгами. Должен заметить, что это имя он произнёс очень хорошо. – А это Бертольд Брехт... мистер Марлоу, мистер Брехт.

Он кивнул невысокому, почти лысому мужчине в строгом чёрном кожаном пиджаке, попыхивавшему дешёвой сигарой и чей глаз, глядящий на нас сквозь монокль, казалось, проникал в каждую тайну, которая у вас когда-либо была или вы смогли бы её вообразить.

– Марлоу из тех, кого в Америке называют ищейками, – указывая на меня, с каким-то забавным изумлением сказал Фейхтвангер Брехту. Драматург никак не отреагировал, продолжая попыхивать сигарой и глядя на меня всё тем же пронизательным, нервирующим взглядом.

– Он один из лучших, – сказал Эдди, подбадривая меня словами, которые, как мне почему-то показалось, мало что значили для немецкого беженца.

– Так зачем он мне нужен? – Наконец по-английски произнёс Брехт с сильным акцентом, но грамматически безупречно.

Фейхтвангер взглянул на Эдди.

– Как объяснил мистер Брэквелл, нам понадобится телохранитель. – Фейхтвангер повернулся ко мне. – В следующий вторник герр Брехт выступит в качестве дружественного свидетеля перед Комиссией по антиамериканской деятельности¹⁴¹ в связи с расследованием в киноиндустрии.

– Дружественного свидетеля?

¹⁴⁰ Джозеф фон Штернберг (также Йозеф фон Штернберг, 1894 — 1969) — американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер и композитор австрийского происхождения.

¹⁴¹ Комиссия по расследованию неамериканской деятельности (англ. House Un-American Activities Committee) — комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934—1975 годах. Создана в 1934 году для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой».

Я даже не пытался скрыть своего удивления. В последнее время газеты были полны сообщениями о продолжающемся расследовании Комиссии в отношении голливудских левых, в котором много говорилось о «недружественных» и «дружественных» свидетелях — «недружественными» были те, кто отстаивал свои права, молчал и всё выглядело так, что их отправят за решетку; а «дружественными» были те, которые выступали перед Комиссией, доносили на своих приятелей и продолжали работать. На Брехта это было совсем не похоже.

— Это правда? — спросил я его.

Брехт просто кивнул.

Я перевел взгляд с него на Эдди и Фейхтвангера, недоумевая, в чем дело.

— Не понимаю, — сказал я. — Если вы «дружественный свидетель», почему бы Вам не попросить охранять Вас федералов?

— Я не потерплю этих людей рядом с собой ни при каких обстоятельствах, — заявил драматург с неожиданной горячностью.

— Эй, Берт, мы делаем это только ради Вас, — сказал Эдди. — Комиссия захочет, чтобы Вы назвали имена и...

— Я расскажу правду, какой я её знаю. Вот и всё.

— Но Вы обещали, что позволите кому-нибудь быть рядом с Вами до тех пор, пока не дадите показания. Если Вы не будете сотрудничать, то можете ожидать, что они будут сотрудничать с Вами. Так принято в Америке. Кроме того, Вас могут депортировать, и это будет означать конец вашего контракта с «Рипаблик». А разве Вы не собирались написать для следующей картины с Лоутоном¹⁴²?

Драматург слегка улыбнулся, затягиваясь дешёвой сигарой.

— Хорошо, — сказал он. — Как вы говорите, сделка есть сделка. Надеюсь, Вам нравится шнапс, мистер Марлоу?

— Никогда не пробовал.

Это упущение я ликвидировал тем же вечером. Я сидел на кухне в доме Брехта и пил шнапс, пока драматург что-то читал. Шнапс был неплох, но книги казались для меня непостижимыми. Но фрица это не могло остановить, он внимательно их просматривал, делая выписки и подчеркивая отдельные фразы.

— Что Вы читаете? — наконец спросил я.

— Это мои пьесы.

— Вы разве их не знаете?

— Более-менее. Но хочу посмотреть, что в них звучит так, словно написано коммунистом. Комиссия, несомненно, спросит меня о них, и, поскольку наверняка они не читали ни одной из них, то я смогу подменить одно другим и оставить их в дураках.

— Неплохой план, — согласился я. — Как я понимаю, мистер Брехт, Вы коммунист...

— Конечно, коммунист. И капиталист. И атеист. И верующий. И ещё кто.

— Звучит немного непоследовательно, если Вы не возражаете, то я выражусь именно так.

— Я писатель, мистер Марлоу, и это моя работа — быть громоотводом для идей. Пробовать примерять их на себя, как другие примеряют зимние пальто. Если бы я так не делал, то был бы ужасен в том, чем занимаюсь. А ещё трусом.

¹⁴² В июле 1947 года в Лос-Анджелесе была поставлена «американская» версия пьесы «Жизнь Галилея» с Чарльзом Лоутоном в главной роли.

– И Вы собираетесь сообщить об этом Комиссии?

– Не думаю, что они смогли бы это понять. И на самом деле, не думаю, что они могли бы понять всё так, как оно есть. Кроме того, мы, те, кто совсем недавно жил в Германии, не привыкли не доверять политикам. А у меня такое впечатление, что дела здесь станут ещё хуже, прежде чем пойдут на лад... А теперь, если позволите, то мне надо немного отдохнуть.

С этими словами он кивнул мне, затушил сигару и ушёл. Я немного посидел, прежде чем пододвинул к себе стопку его книг, чтобы на них взглянуть. Все они были на немецком, и я уже собирался отодвинуть их в сторону, как заметил конверт, торчащий из самой нижней. На лицевой стороне был логотип «Эйр Франс», а внутри лежал билет на имя Брехта в один конец до Парижа на 31-ое октября – следующий день после того, как он должен будет выступить перед Комиссией Палаты представителей.

Я как раз обдумывал это, когда раздался резкий стук в окно рядом с тем местом, где я сидел. Эдди стоял снаружи, жестом приглашая меня выйти и указывая на противоположную сторону улицы.

Я встретился с ним под джакарандой, он стоял рядом с мужчиной с жёсткими волосами и осанкой скаута в отставке.

– Это мистер Пирсон, – сказал Эдди, кивая на мужчину с жёсткими волосами, который раскрыл свой бумажник. В свете уличного фонаря блеснул значок агента ФБР.

– Мы хотели узнать, не видели ли Вы чего-нибудь?

– Что Вы имеете в виду?

– Вы не знаете, может кто-то звонил, проходил мимо, произошло что-то подозрительное?

– Я ничего не видел. И, вообще, ты же работаешь на «Метро», Эдди. У тебя долгосрочный контракт.

– Конечно, да. Но сейчас трудные времена. А этим ребятам нужна помощь.

– Некоторые из здешних авторов немного наивны, – сказал Пирсон. – Они думают, что идёт своего рода охота на ведьм, но на карту поставлена безопасность нации. И мы просто хотим быть уверены, что во вторник фриц будет откровенен с Комиссией. А иначе он попадёт в переплёт с остальными розовыми.

– Угу-угу, – сказал я.

– Не умничай, Марлоу, – сказал Эдди. – Я, знаешь ли, поручился за тебя. И не забывай, кто тебе платит.

– Да. Только кто же платит? – Я не выдержал, но продолжил, прежде чем они успели что-либо ответить. – Но не волнуйтесь. Я ничего не видел и не слышал. А если вдруг, то вы узнаете об этом первыми... А теперь проваливайте, пока у фрица не возникло подозрений.

И с этими словами я отправился обратно через улицу, оставив их стоять под джакарандой. Когда вернулся, Брехт ждал меня на кухне.

– Кто это был? – спросил он.

– Младший брат Джона Эдгара Гувера¹⁴³. Когда у Вас самолёт до Вашингтона?

– Завтра вечером.

– Слишком поздно. Они ищут любой предлог, чтобы Вас повесить, и единственное, что им грозит, так это если Вы их опередите.

С минуту я расхаживал взад-вперёд.

¹⁴³ Директор ФБР в 1924-1972 гг.

– Давайте посадим Вас на утренний рейс. Кажется, есть один на семь утра. Я отвезу Вас в аэропорт. И сделайте себе одолжение — с этого момента не отвечайте на телефонные звонки и ни с кем не разговаривайте. А как доберётесь до Вашингтона, залягте на дно, никому не сообщайте, где Вы, и держите рот на замке... А теперь немного отдохните. И, кстати...

Я раскрыл книгу и протянул ему конверт из «Эйр Франс».

– Как бы Вы не поступили, спрячьте билет до Парижа.

Брехт постоял немного, молча переваривая происшедшее, потом мы услышали, как отъезжает машина. Он взял ручку и стал подписывать мне одну из своих книг.

– Не стоит, – сказал я.

– Это «*Трёхгрошовая опера*», – сказал Брехт с некоторой гордостью в голосе.

– Да, слышал о ней, – я пожал плечами. – Но я никогда не смогу прочитать по-немецки.

Драматург кивнул и отправился спать, но я видел, что он обиделся. Писатели очень щепетильно относятся к своим творениям.

Три дня спустя я в газете читал его показания. Должен признать, это было довольно забавно. Фриц притворялся, что едва говорит по-английски, и к тому времени, когда они с ним закончили, он нарезал столько кругов вокруг да около, что его уже стали умолять закончить. Примерно это звучало так:

Комиссия: Вы посещали какие-нибудь собрания коммунистической партии?

Брехт: Нет, я так не думаю. ...

Комиссия: Ну, вы не уверены?

Брехт: Нет, я уверен, что да.

Комиссия: Вы уверены, что никогда не были на собраниях коммунистической партии?

Брехт: Да, я так думаю. ...

Комиссия: Вы уверены?

Брехт: Я думаю, что я уверен.

Комиссия: Вы думаете, что вы уверены?

Брехт: Да, по-моему, я не посещал такие собрания.

В газетах это появилось 1 ноября, в тот самый день, когда Брехт прибыл в свой конечный пункт назначения, в Швейцарию. Примерно в то же время я решил заехать на студию «Метро», чтобы завершить кое-какие незаконченные дела. Я сунул охраннику десятку, чтобы тот пропустил меня через ворота, припарковался прямо перед Тальберг-Билдинг и поспешил внутрь. Я не стал задерживаться у стойки администратора, а продефеоировал мимо секретарши, как продюсер, только что подписавший с Ритой Хейворт контракт на два фильма.

Кабинет Эдди Брэквелла располагался на третьем этаже, откуда открывался панорамный вид на всю парковку, и был достаточно большим, чтобы написать в нём энциклопедию, не то, что сценарий. В нём была пара диванов в стиле Людовика XV и чиппендейловский бар, в котором было столько шампанского, что хватило бы на вечеринку, посвященную вручению «Оскара».

Когда я вошёл, Эдди распивал пузырчатое с какой-то старлеткой и, похоже, был не слишком мне рад, поэтому я направился прямо к нему и отключил телефон, прежде чем он успел позвонить в службу безопасности.

– Ты что, не получил свой чек, Марлоу? – сказал он, с удивлением глядя на меня.

– Получил, Эдди. И я поделил всю сумму, как только обналичил, меж старых арендаторов этого офиса. Половину я отправил Майку Липману и его семье, которые теперь живут в Мексике, потому что из-за тебя он лишился работы. А вторую – Шерману Рейнольдсу, который вернулся в Нью-Йорк и пытается избежать тюрьмы, потому что вы, ублюдки, его оболгали.

– И ты ничего не оставил себе? – спросил он скрипучим голосом.

– Нет. Но кое-что ещё я хотел бы получить в качестве оплаты.

С этими словами я нанёс ему удар левой в солнечное сплетение и не менее сильный удар правой в челюсть. Он отлетел назад, врезался в «чиппендейл», разбил стекло и рухнул на пол. Кровь стекала у него со лба, пока я смотрел на него сверху вниз.

– Знаешь, Эдди, вам, ребята, наплевать, коммунисты эти ребята или кто-то ещё – Брехт или кто-то другой. Вы просто хотите заполучить их работу, вы, жалкие засранцы!

Затем для пущей убедительности, я его пнул и ушёл, оставив старлетку визжать, как потерявшуюся по дороге на просмотр инженеру¹⁴⁴.

Буду откровенен. Рэймонд Чандлер спас мне жизнь. Вот как это произошло.

Когда мне было чуть за двадцать, я опубликовал два романа, которые получили одобрительные отзывы, но практически не продавались, и, как многие писатели до меня, отправился в Лос-Анджелес, чтобы попробовать себя в киноиндустрии. Но также, как и многие до меня, я не получил особого удовольствия от дешёвых болванов в немецких машинах и испанских домах, указывающих мне, что писать.

Так что я сэкономил деньги и попробовал свои силы в другом романе, который стал ещё более «литературным» и непродаемым, чем предыдущие два. Я увидел это в глазах моего друга Алана Ринцлера, которого только что назначили главой нового издательского подразделения «Роллинг Стоун», когда он читал рукопись на заднем дворе моего дома в Эхо-парке Лос-Анджелеса.

– Довольно неплохо, – сказал он тоном начинающего учителя английского, оценивающего сданную работу. – Но не мог бы ты написать что-нибудь более... «роллингстоуновское»?

Я сломал голову. «Стоун» тогда был нарасхват (на дворе был 1972 год), и я, конечно, хотел поработать на них, но ничего на ум не приходило, когда внезапно словно из ниоткуда из меня вырвалось:

– Знаешь, в последнее время я много читаю Рэймонда Чандлера. «Прощай, красавица». «Долгое прощание»... Кому-то следовало бы обновить старый жанр. Создать частного детектива нашего поколения — модного, с политическими взглядами, знаешь ли... длинноволосого.

– Отличная идея, – сказал Алан, и под его стрижкой в африканском стиле взорвались долларовые знаки. – Как ты хочешь его назвать?

– Мойзес Вайн, – сразу же ответил я. Больше я об этом не задумывался.

Спустя три месяца работа над «Большим делом» была завершена.

Сейчас, в мае 1988 года, готовится к выходу мой шестой роман о Вайне. Предыдущие были опубликованы в различных изданиях на четырнадцать языках и экранизированы. Спасибо, Рэй.

Роджер Л. Саймон

¹⁴⁴ Актёрское амплуа, изображающее наивную невинную девушку.

ДЖОН ЛУТЦ

ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

1948

Художник Деннис Зимински

БРОСЬ В АВТОМАТ монетку, Марлоу, – сказал мне Арти Дьюк. Я бросил. Фрэнк

Синатра завёл песню об идеальной любви. Я подумал, что Фрэнки уж точно должен знать в этом толк.

Арти подмигнул официантке подросткового возраста, когда она, покачиваясь, подошла к нашему столику с заказанными им тостами и яйцами. Арти было около пятидесяти, это был щуплый коротышка с засаленными чёрными волосами и ушами, которые торчали, как открытые автомобильные дверцы. На нём был элегантный двубортный серый костюм с белыми полосками, не настолько широкими, как дорожки для боулинга, а на лацкане всё ещё торчала вчерашняя увядшая красная гвоздика.

Я заказал только кофе. Было слишком рано для еды. Слишком рано для Арти. Слишком рано для Фрэнка Синатры. Особенно слишком рано для последнего.

Арти был издателем «Герцога и герцогини»¹⁴⁵, голливудского нмзкопробного журнала, который публиковал «секретную информацию» о звёздах, но специализировался на прогнозировании успеха начинающих актёров и актрис. В основном актрис, потому что они предоставляли журналу большее количество пикантного материала. «Герцог и герцогиня» не относился к разряду журналов, поставляемых в коричневых конвертах¹⁴⁶, но Голливуд имел дело с сексом, возвышенным или каким-то ещё. «Плоть» – так называлось то, во что играл Арти.

В прошлом, сорок седьмом году, когда я работал над одним делом, Арти предоставил мне информацию, которую я нигде больше не смог бы получить. Я оказался у него в долгу. Он позвонил вчера вечером и договорился о встрече в закуской «Метеор» на Фигероа, чтобы рассказать мне, как я смогу с ним расплатиться. В моей работе частного детектива, это был тот самый долг, который надо вернуть, и Арти это знал. А Арти никогда не забывал о своих козырях.

– Я не буду просить тебя делать что-то грязное, – сказал он с набитым тостом ртом, забрызгивая мою ладонь слюной и крошками. – Я имею в виду, что во мне есть что-то особенное – определённый класс.

Я не стал с ним спорить. В конце концов, яичницу он ел вилкой. Я отхлебнул кофе, посмотрел на безжизненных мух за заляпанным жиром окном и стал ждать. На перекрестке светофор подал сигнал, и вереница машин ускорила в облаке выхлопных газов, которое, колеблясь, поднималось в жарком утреннем воздухе. Часть выхлопных газов проникла в закускую.

Арти насыпал в свой кофе столько сахара, что я подумал, что от такого зрелища у меня может развиться кариес. Когда он перестал есть, то произнёс:

– Это связано с убийством.

Опухнуть.

– И кто счастливая жертва?

– Фотограф по имени Коркоран.

– Один из ваших?

¹⁴⁵ Фамилия Арти переводится с английского как *герцог*.

¹⁴⁶ Т.е., порнографических.

– Нет, наёмник. Время от времени по контракту выполнял для нас кое-какую работу.

– Копы знают, кто его грохнул?

– Копы ничего не знают.

Арти намазал тост яичным желтком и на некоторое время сосредоточился на еде. Затем громко сглотнул и сказал:

– Коркоран, очень взволнованный, позвонил мне несколько дней назад. Сказал, что у него есть материал о новой сногшибательной блондинке, сексуальной женщине-ребёнке, которую «Уорнер Бразерс» за год планируют вывести в звёзды. Студия держит это в секрете, но я сказал ему, что хочу получить для журнала её фотографии. И немало ему предложил.

– Успел ему заплатить?

– Конечно.

Зная Арти, я в этом сомневался. От одной мысли о деньгах у него на пальцах проступал клей.

– Итак, ты хочешь, чтобы я достал фотографии.

– И узнал имя и адрес девушки.

Я удивился.

– Ты не знаешь как её зовут?

– Только имя. Элла Лу. Но это её настоящее имя. Понятия не имею, какое у нее будет сценическое; возможно, тот, кто с ней работает, ещё даже его не выбрал. Она совсем недавно поступила в продажу.

Арти вытер рот тыльной стороной ладони. Он закончил завтракать в тот момент, когда Синатра закончил петь. И тело, и душа насытились.

– Так в чём проблема? – спросил я. – Идешь в офис Коркорана и роешься в бумагах, пока не найдешь Эллу Лу. Забираешь свои фотографии и её адрес.

Арти так яростно затряс головой, что уши захлопали по его щекам.

– Э-э-э, Марлоу. Я и близко не подойду к тому месту. Оно должно быть сейчас в центре внимания. Копы опечатали его офис и, возможно, даже установили слежку на случай, если появится тот, кто его убрал. Вот почему мне нужно, чтобы ты нашёл способ туда проникнуть и достать то, что мне нужно.

Я добавил в свой кофе ещё сливок, перемешал и несколько раз легонько и мелодично постучал ложкой по краю кружки. То, что сказал Арти, показалось мне неправдоподобным. Я спросил:

– Эта девушка действительно настолько важна?

Его узкие глазки расширились, так что почти можно было разглядеть зрачки.

– Коркоран сказал мне, что камера любит её больше, чем кого-либо из тех, на кого он вообще когда-нибудь направлял объектив. Он не сходил с ума по чьему-либо, Марлоу, но от неё он был в восторге, от этой Эллы Лу, ну, как её там зовут.

Он выпрямился и откинулся на обитую красной тканью спинку с таким выражением, похожим на возмущение, как будто был поражён тем, что я вообще задал такой вопрос.

– *Действительно настолько важна?* Да, чёрт возьми, так оно и есть! Вот почему её скрывают люди, которые хотят сделать на ней миллионы, если она выстрелит, а именно так она и сделает. Эта малышка – то самое настоящее предложение, которое нельзя упустить. Ты знаешь, какая это редкость?

– Настолькая, что у меня никогда такого не было.

Я запрокинул голову и допил кофе. Солнце уже перевалило через край неба и било в окно, согревая мое правое плечо и руку. Я уже хотел уйти оттуда, подальше от Арти Дьюка, и выполнить свои обязательства перед ним. Покончить с этим, как с походом к дантисту, а затем перейти к более приятным вещам.

Он изучал меня, рассеянно выковыривая ногтем кусочек, застрявший между его кривыми передними зубами.

– Ладно, – сказал я ему, – звучит не слишком убедительно. Я позвоню тебе, когда заполучу то, что тебе нужно.

Он протянул мне сложенный листок бумаги с неровными краями, на котором черными чернилами был нацарапан адрес студии Коркорана, я бросил на стол пару монет и встал. Одна из монет покатилась по столу с громким стуком.

– Кстати, – спросил я, – как это случилось с фотографом?

Арти как-то странно улыбнулся, как будто у него скрутило живот, и он почувствовал привкус металла.

– Закончилось всё выстрелом в затылок.

– Закончилось? Разве при этом конец наступает не сразу?

– Я имею в виду, после того, как его пытали.

– Как пытали?

– Не знаю. Прижигали сигаретами и всё такое. И ещё я что-то слышал про нож.

Тогда я понял, почему Арти предпочёл, чтобы за фотографиями отправился я, а не пошёл сам. Но если бы я начал спрашивать, всплыло бы гораздо больше.

Он всё ещё улыбался мне своей глупой полуулыбкой, а на подбородке у него было пятнышко яично-жёлтого цвета. Я кивнул ему на прощание и вышел наружу. Жар, отражающийся от тротуара на Фигероа, врезался в меня, как грузовик.

Я и сам чувствовал легкую тошноту, когда переходил улицу, и подумал, что у меня такой же болезненный вид, как у Арти. Мне не нравилось убийство. Оно могло быть грязным. Для жертвы. Для убийцы.

Для детектива.

Студия Коркорана находилась на Аламеде, в низком оштукатуренном здании бежевого цвета с цветущими джакарандами перед фасадом и вывеской, на которой плавными красными буквами на сером фоне было написано «Портреты Джека Коркорана». Я медленно проехал мимо на второй передаче и увидел чёрный «форд-купе» 48-го года выпуска с укороченной антенной, припаркованный где-то в полуквартале. За рулём сидел мускулистый тип, который на самом деле делал вид, что читает газету. В те дни копы даже ходили в кино.

Я припарковался в соседнем квартале и срезал путь через заросшее травой поле, утыканное апельсиновыми деревьями. Миллионы насекомых жужжали и стрекотали, сообщая, что я вторгся на чужую территорию, а тёплый ветерок доносил до меня сладкий аромат цветов, напоминающий дешёвые духи.

Вернувшись на бетонную дорожку, я спустился по узкому проходу и обнаружил заднюю часть студии Коркорана. Я должен был убедиться в том, чтобы копы не следят за домом сзади, а только поставили любителя газет с выпяченной челюстью следить за теми, кто может прийти в студию повидаться с Коркораном, не зная, что он убит.

Взломать заднее окно и забраться внутрь было несложно. Незаконно, но легко. Большинство законов именно так и работают.

Я оказался в просторной, хорошо освещенной комнате с высокими окнами, бледно-серыми стенами и дощатым полом. Повсюду были расставлены декорации для фотографий: встаньте в нужном месте, и вы окажетесь на пляже, перед заснеженной горой, в роскошном будуаре или в Нью-Йорке. Здесь же, в Лос-Анджелесе, в углу стояла трехсекционная китайская шёлковая ширма, отделявшая помещение, которое Коркоран использовал в качестве офиса.

Обойдя громоздкую камеру для скоростной съемки на штативе и наклонный белый зонт, используемый для отражения света, я подошёл к письменному столу и картотечным шкафам, находящимся за ширмой. Я двигался тихо, как будто у полицейского в штатском, сидевшего снаружи в «форде», были уши размером с кроличьи, и он мог меня услышать.

У стола я заметил, что стою в центре большого темного пятна. По его краю жёлтым мелом был очерчен мужчина, свернувшийся в позе эмбриона. Я убрался с уродливого пятна и приступил к делу, помня о том, что убийцы время от времени возвращаются на место преступления, поскольку смерть порождает желание умереть.

Поскольку я не знал фамилии Эллы Лу, то начал с верхнего ящика и постепенно продвигался вниз. Серые папки были заполнены фотографиями и личной информацией; обычно это были глянцевые снимки голливудских претенденток, в основном женщин, размером восемь на десять дюймов¹⁴⁷ и их данные. Я пролистал это нагромождение идеальных зубов, ясных глаз и безупречной кожи, пока, наконец, не заметил имя Эллы Лу, написанное через запятую, и её фамилию Харрисон. На голубом листке в её папке было напечатано, что ей семнадцать лет, рост пять футов два дюйма¹⁴⁸, натуральная блондинка, размеры 36-24-36¹⁴⁹. Они все имели размеры 36-24-36.

Ко всему, в её папке не было никаких фотографий.

Я быстро порылся в других папках, в других ящиках. Оказалось, что её папка была единственной, в которой не было фотографий. Это было странно. В конце концов, это был коркорановский фотокаталог.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, почему Коркорана пытали перед смертью. Он знал, чего хотели его противники, и спрятал фотографии. Попытки были направлены на то, чтобы заставить его сказать, где именно.

Я снова посмотрел на пятно крови, которое просочилось на деревянный пол. Я был уверен, что Коркоран проболтался, иначе он где-то был бы всё ещё жив – и желал бы смерти.

Обыскивать студию в поисках фотографий Эллы Лу было пустой тратой времени. В любом случае, копы, без сомнения, провели тщательный, рутинный обыск, и даже они, вероятно, наткнулись бы на спрятанные фотографии сногшибательной блондинки, которую невозможно было бы не заметить. Можно было поспорить, что теперь фотографии Эллы Лу у того, кто убил Коркорана.

Вопрос был в том, почему. Я знал, что должен ответить на этот вопрос не только ради Арти, но и ради себя самого.

И, возможно, ради Эллы Лу Харрисон.

Я достал из кармана рубашки «эвершарп»¹⁵⁰ и переписал адрес Эллы Лу на листок бумаги, который Арти дал мне в закускойной. Затем я вышел тем же путем, что и вошёл.

Полицейский в штатском всё ещё маячил за рулём чёрного «форда», обливаясь потом и делая вид, что читает о том, как Дьюи уверен, что растопчет Трумэна.

¹⁴⁷ 20 x 25 см.

¹⁴⁸ Около 155 см.

¹⁴⁹ Обхват груди, талии, бёдер. 90 x 60 x 90 см.

¹⁵⁰ Марка авторучки.

Он даже не переворачивал страницы.

Полчаса спустя я позвонил в дверь трехэтажного дома на Франклин-стрит, адрес которого я узнал из досье Эллы Лу Харрисон. Много лет назад пальму посадили слишком близко от дома, и её качающиеся листья мягко стучали по дощатой обшивке. Звучало так, как будто на ленивую машинистку время от времени накатывал прилив энергии. У перил крыльца буйно разрослись кусты олеандра с ароматными красными цветами.

По ту сторону двери заскрипели половицы, напоминая стоны прокливаемых. А затем дверь открылась, и на пути у меня встала коренастая седовласая женщина лет шестидесяти. На ней было мягкое платье в цветочек, носки, собранные на щиколотке, и белые туфли, какие по большей части носят медсёстры. Проблемы с ногами. Варикозные вены, которые были чуть тоньше канатов, покрывали её небритые ноги. У неё были опущенные слезящиеся глаза и отвисшая челюсть, посмотрела она на меня взглядом мастифа, у которого я только что отнял кость.

– Я хотел бы видеть Эллу Лу Харрисон, – сказал я.

– Я миссис Гэлтон, владелец и управляющий этого заведения. С кем я говорю?

– Филип Марлоу. Скажите ей, что это по поводу фотографий.

Усталые голубые глаза женщины стали суровыми и подозрительными.

– Каких фотографий?

– Мы обсудим это с мисс Харрисон.

– Сегодня у Вас не получится. Её нет дома. И не было всю прошлую неделю.

Я почувствовал, как у меня по коже забегали мурашки. Когда это начинается, убийство становится таким же заразным, как обычная простуда.

– Я частный детектив, – сказал я и показал ей своё удостоверение. – Меня наняли, чтобы я нашел Эллу Лу.

– Частные детективы – это не настоящие копы.

– Настоящих не так уж много, даже в Управлении.

– Если семья и наняла тебя, это не значит, что у тебя есть особые права.

– Нет.

Я не стала уточнять её предположение о том, что я работаю на семью Эллы Лу.

Миссис Гальтон упёрла кулаки в широкие бедра.

– Позавчера старик позвонил мне аж из Миссури. Сказал, что они с женой беспокоятся о своей дочери, потому что она не позвонила, как должна была. Как я понимаю, они искали меня, чтобы я их успокоила. Но я ничего не могу поделать, кроме как сказать им правду, а именно, что я не видела Эллу Лу всю прошлую неделю, и её постель оставалась нетронутой.

– Что на это ответил старик?

– Поблагодарил и повесил трубку, вот что. Голос у него был подавленный и сердитый.

– Как насчёт того, чтобы я осмотрел комнату Эллы Лу?

Она отказала мне, это было против ее правил. Но сказала «да» трем долларам, проглядывающим сквозь пальцы моей правой руки. Правила есть правила, но настоящий король – это товарный обмен.

– Первая дверь по лестнице вверх, – сказала она, когда я поднимался по скрипучим ступенькам. – Но ты ничего не найдёшь, потому что тот здоровяк побывал здесь до тебя.

Я повернулся и взглянул на неё сверху вниз.

– Здравяк? Полицейский?

Она улыбнулась, показав жёлтые зубы.

– Настоящие копы не суют мне деньги, как он или ты.

– Как он выглядел?

– Примерно вдвое выше тебя, рыжий, злобная улыбка.

– Что он сказал?

– То же, что и ты, его послала семья найти Эллу Лу. Только он сказал, что он друг, а не частный детектив.

Я поднялся по лестнице, старуха последовала за мной и впустила меня в маленькую меблированную комнату. Закрыв дверь, я услышал, как она спускается по ступенькам.

На меня смотрели выцветшие обои с розовым узором, мебель из тёмного красного дерева, выцветший серый ковер, протёртый до дыр. Здесь была та нищенская обстановка, в которой традиционно живут пытающиеся попасть в шоу-бизнес, и которую они потом покидают, когда их, работающих заправщиками или официантками, внезапно открывают. Во всяком случае, так бывает в мечтах, пока они не выцветают, как обои. Я тщетно искал фотографию Эллы Лу. Затем проверил шкаф и ящики её комода. В шкафу на проволочных вешалках висело несколько платьев. В ящике, вместе с нижним бельем и поясом, лежала чёрная кружевная ночная рубашка. Нейлоновых чулок не было. Только одна пара туфель на высоком каблуке. И ни одного чемодана.

Уходя, я отдал миссис Гальтон свою визитку и попросил позвонить мне, если объявится Элла Лу. Она ткнула визиткой куда-то между отвисшими грудями под расстёгнутым домашним платьем.

– Нашёл что-нибудь? – спросила она, когда я выходил через парадную дверь на яркий солнечный свет.

– Не так много, как могло бы быть.

Всё это означало, что Элла Лу, добровольно или нет, собрала кое-какие вещи и отправилась в путешествие.

На следующее утро Арти Дьюк, одетый всё в тот же костюм, но со свежей гвоздикой, проскользнул в мой офис на Кахуэнга и спросил, заполучил ли я фотографии.

– Фотографий нет, – сказал я ему, усаживаясь за свой стол.

Я рассказал ему о вчерашних событиях, и чем дольше продолжался мой рассказ, тем более нервным он выглядел. Когда я закончил, он сказал:

– Послушай, Марлоу, я узнал, что этой Эллой Лу очень интересуются большие люди.

– Большие люди? Мне стоит припрятать деньги, отложенные на обед? Что за большие люди?

– Агенты по поиску талантов, представители синдиката — назови их как хочешь. Это люди, которые контролируют ценные объекты шоу-бизнеса, каким собирается стать Элла Лу. Они играют очень грубо, Марлоу, и с чужими, и между собой.

– На этот раз они жестоко обошлись с Джеком Коркораном. Должно быть, убили его, выясняя, кому какой принадлежит процент акций предприятия «Элла Лу Харрисон».

– Однако доказать это невозможно, – сказал Арти. – Они никогда не оставляют шанса доказать подобные вещи.

– «Никогда» – это не то слово, которое стоит использовать так легко.

Мы оба резко повернули головы, когда дверь кабинета распахнулась.

Мужчина, стоявший в дверном проеме, был высок и выглядел неуклюжим, от него веяло какой-то грубой силой. Его плохо сидящий тёмный костюм был таким мятым, что навевал мысли о черносливе. Узловатые руки с крупными суставами на толстых запястьях свисали по бокам. У него было длинное, обветренное лицо. Свирепые голубые глаза сверкали из-под нависших бровей.

– Кто из вас Марлоу?

Арти пропищал:

– Это он, – и указал на меня.

С невероятной неловкостью мужчина, шаркая ногами, прошёл в кабинет.

– Миссис Гэлтон, из пансионата Эллы Лу, рассказала мне о Вас. – У него был характерный среднезападный выговор, как будто слова причиняли ему боль, когда срывались с его языка. – Я Клетус Харрисон, отец Эллы Лу

Арти вскочил и сказал:

– Клет, рад с тобой познакомиться! – Он протянул руку, которую Клетус почти рассеянно пожал, подходя к моему столу.

– За эти два дня я проделал сюда на поезде из Фармингтона, штат Миссури, долгий путь. Мне сказали, что Вы детектив, так что вы можете об этом сказать? Я получил это по почте четыре дня назад и понял, что нужен здесь.

Когда он протягивал мне открытку, на которой был изображён ряд домиков на берегу озера, окаймлённого соснами, я заметил, что у него под ногтями оставались частички Миссури. На лицевой стороне открытки было написано КУРОРТ «БОЛЬШАЯ СКАЛА» На обороте мелким женским почерком было написано:

Чтобы всё это пережить и сохранить рассудок, мне нужно какое-то время провести тут. Я буду именно здесь, если ты не сможешь со мной связаться. Не волнуйся, пожалуйста!!!

С любовью, Элла Лу

– Такие вещи заставляют отца волноваться, – сказал Клетус. – Знаете, где находится эта «Большая скала», Марлоу?

– Я слышал о ней, – вставил Арти. – Это на севере, по шоссе 101. Мы можем взять мою машину.

Арти защищал свои интересы. Несмотря на то, что был напуган, он не хотел утратить ту роль, которую мог сыграть в будущем Эллы Лу. Казалось, за это будущее боролись все вокруг, и это уже привело к одной смерти.

Я достал из ящика стола свой 38-ой и сунул его под пиджак в кобуру на поясе, где он и упокоился, громоздкий и многозначительный. Затем мы вышли на улицу, и я забрался на переднее сиденье нового, напоминающего чрепаху, «бьюика» Арти, а Клетус устроился сзади.

Арти вёл машину, не снимая ноги с педали газа.

«Большой скалой» курорт называли из-за большой глыбы на входе. «Бьюик», прорывав, затормозил на извилистой грунтовой дороге, и Арти припарковался на посыпанной гравием стоянке в тени высоких сосен. На стоянке стояла ещё только одна машина –

старый «шевроле», покрытый пылью, с холщовым мешком для воды, висающим подвешенным к хромированному орнаменту капота. Когда мы выбрались из машины, то я узнал домики из красного дерева, изображённые на фотографии с открытки, а за ними – безмятежное голубое озеро. С ближайшей ветки на нас яростно закричала белка, обеспокоенная нашим вторжением. Сосны наполняли чистый воздух острым, свежим ароматом. Курорт казался местом, где ни с кем не может произойти ничего плохого, за исключением, может быть, белок, но я-то знал, что это не так.

– Говорить буду я, – сказал я, когда мы направились к ближайшему домику, над дверью которого была прибита табличка «ОФИС».

Клетус ответил:

– Чёрта с два.

Лучше плана на игру не придумаешь.

Хруст шин по гравию заставил нас остановиться и обернуться.

На стоянку заехал длинный чёрный «паккард». У меня по спине пробежал тревожный холодок, когда я вспомнил улыбающуюся хромированную решетку радиатора в зеркале заднего вида «бьюика».

За нами следили от самого Лос-Анджелеса.

В «паккарде» были двое. Они вышли, захлопнув дверцы машины одновременно, так что звук слился в один сплошной хлопок, и направились к нам. Один из них был невысокого роста, но раза в два шире обычного, с плечами, напоминающими бордюрные камни. Вторым был огромный рыжеволосый мужчина с толстой шеей и мерзкой улыбкой. Вероятно, тот самый, который опередил меня в пансионе Эллы Лу, обыскав её комнату. Я услышал, как Арти испуганно пробормотал: «Это Рыжий Мэллори».

С противоположной стороны, из офиса, появился мужчина с широкой улыбкой на лице, в ботинках и зеленой клетчатой рубашке и направился к нам. Его молодое загорелое лицо ярко сияло открытым выражением любителя активного отдыха. Он сказал:

– Привет, я Дэн Диллон, здешний менеджер и гид. Вам повезло, ребята, вы будете единственными гостями.

Из кармана своей куртки, размером напоминающей палатку, Рыжий Мэллори вытащил немецкий «люгер» и ответил:

– Вот теперь всё в порядке. Пусть никто не двигается.

Никто из нас толком не знал, что делать, но сказанное Мэллори показалось мне разумным. Через несколько секунд Диллон, напустив на себя юношескую браваду, нарушил молчание:

– Послушайте, в чём дело? Ребята, чего вы хотите?

– Все мы хотим увидаться с гостьей, которой, по Вашим словам, здесь нет, – ответил Мэллори, – с мисс Эллой Лу Харрисон.

На лице Диллона отразилось напряжение; было очевидно, что он поддался чарам Эллы Лу также, как и все остальные, кто с ней встречался.

– В каком она домике? – спросил широкоплечий. На макушке у него была лысина, а пара длинных прядей черных волос была аккуратно зачёсана набок. Но никого это не обмануло бы.

Диллон молчал, пока Мэллори не ткнул его стволом «люгера» в подбородок.

– Крайний домик, седьмой номер.

Мэллори произнёс:

– Бутч, – и продолжил держать нас на мушке, пока широкоплечий парень с важным видом отправлялся на свидание с Эллой Лу.

Дверь хижины была заперта, но Бутч не придерживался хороших манер. Он пинком вышиб её и скрылся внутри.

Через несколько минут послышались спорящие голоса, и один из них женский. Затем наступила долгая тишина.

Клетус уже достаточно терпел. Именно тишина вывела его из себя. Такой громкой тишины я в жизни не слышал.

Клетус сделал шаг вперёд, но Мэллори, ухмыльнувшись, умело подстроился и оттолкнул его назад.

Клетус, не обращая внимания на пистолет в руке рыжеволосого, бросился на него. Всё ещё ухмыляясь, Мэллори отступил в сторону и ударил рукояткой по голове. Для него это было спортом. Бодрящим.

Он сказал:

– Успокойся, старый ублюдок. Я многих убил на войне, так что ещё один не будет иметь значения. На самом деле, это будет весело.

Клетус потёр висок, сплюнул на землю и направился к хижине Эллы Лу.

Мэллори рассмеялся.

– А ну-ка, вернись. Не пытайся меня провести или получишь по полной.

Арти, стоявший рядом со мной, прошептал:

– Боже! Клетусу жить, что ли, надоело?

Взгляд Мэллори метнулся от Клетуса на меня и Арти, а затем обратно к Клетусу. Упрямый фермер из Миссури не собирался останавливаться. Шаг у него был размашистый; расстояние между нами быстро увеличивалось.

– Вернись сейчас же, старикан, ты же не хочешь стать кормом для стервятников!

Клетус продолжал идти.

– Хватит, – спокойно сказал Мэллори. Он развернул «люгер» и принял стойку, чтобы выстрелить в Клетуса.

Я выхватил пистолет за полсекунды, но он заметил моё движение краем глаза. Он быстро выстрелил в Клетуса, прежде чем развернуться и выстрелить в меня. Я успел заметить, как Арти нырнул на землю. Диллон отскочил назад. Клетус всё ещё стоял на ногах. Револьвер подпрыгнул в моей руке. Пистолет Мэллори рявкнул и сверкнул вспышкой.

Рыжеволосый великан медленно, почти мечтательно, танцевал вокруг меня в дыму и смраде пороха. Спотыкаясь вместе с невидимым партнёром.

Затем он резко упал, как будто в его теле одновременно оборвались все нервы. Он упал лицом вниз, и выходное отверстие от пули в его спине выглядело зияющим и уродливым.

Арти сидел на земле, опустив голову между колен, его рвало. Клетус продолжал топтать к хижине, как ни в чём не бывало. Диллон бросился за ним. Я последовал за Диллоном. Бутч услышал выстрел и выскочил из хижины, возвышаясь на дощатом крыльце, как разъяренный медведь. В правой руке у него что-то было – блестящее и металлическое – не пистолет. Он сразу же понял, что происходит, и отбросил предмет в сторону, пытаясь выхватить из-под куртки пистолет.

Я остановился, прицелился и выстрелил.

Должно быть, я попал в него, но на широкоплечем мужчине это никак не сказалось. Он выхватил пистолет и выстрелил в Диллона, который упал на землю и начал извиваться и

брыкаться. Теперь Бутч целился в меня, и я знал, что так же беззащитен, как Ди Маджио¹⁵¹ между базами.

Я прицелился и выстрелил.

И снова моя цель никак не отреагировала. Этот парень, вообще, настоящий?

Я упал и перекатился, зная, что в меня полетит пуля. И, переворачиваясь, я увидел, как Клетус схватил Бутча за толстую руку и сдёрнул с крыльца. Упав на живот, я навёл ствол и произвёл три выстрела, пока Бутч пытался подняться на ноги, всё ещё держа пистолет в правой руке.

На этот раз он почти нежно, как будто я задел его чувства, взглянул в мою сторону, И начал поднимать пистолет, чтобы выстрелить в меня ещё раз, но тот внезапно стал слишком тяжёлым. Его рука упала вниз.

Его рубашка спереди стала красной, и жизнь вытекала из него на землю. Алая артериальная кровь брызгами падала в пыль у его ног. Он уставился на неё, как загипнотизированный, затем опустился на четвереньки, как будто собирался попытаться уползти.

Но вместо этого свернулся калачиком и умер.

Диллон лежал неподвижно. Он потерял много крови и выглядел мёртвым. Даже если он был и жив, его нельзя было передвигать. Ему срочно нужны была скорая помощь и плазма, а в этой дикой местности это было невозможно. Его удача и его жизнь закончились.

Арти всё ещё находился у тела Мэллори.

Клетуса нигде не было видно.

Направляясь к хижине, я наступила на блестящий предмет, который выбросил Бутч, — это была опасная бритва. Страх и ярость навалились на меня тяжёлым грузом. Остаток пути я проделал бегом.

Клетус был внутри, прижимая к себе дочь и раскачиваясь из стороны в сторону, как дуб, застигнутый бурей. Элла Лу рыдала, на ней были только трусики и лифчик. Её тело было перепачкано кровью, а лицо напоминало красную маску.

— Он порезал ее, Марлоу, — простонал Клетус, глядя её золотистые волосы своей большой рукой. — Он порезал мою малышку, чтобы она стала уродиной.

Он заплакал навзрыд.

— Посмотри, что он сделал, Марлоу! Господи, посмотри, что он натворил!..

Я не хотел, но всё-таки посмотрел.

Два дня спустя мы с Арти встретились с Клетусом и Эллой Лу, её лицо было в бинтах, они уезжали на поезде в Миссури. У неё оказалось с полдюжины глубоких порезов; их зашили, с ней всё будет в порядке. Она даже стала выглядеть более-менее нормально после того, как врачи поработали над ней, но не более. Она уже никогда не будет прежней. И никогда не станет объектом массовых фантазий.

Клетус помог ей подняться в пульмановский вагон, затем оглянулся и неуверенно помахал нам рукой, перед тем как зайти самому.

— Чертовски её жаль, — сказал Арти. — Из неё могло выйти что-то особенное. А им пришлось драться из-за нее, как собакам из-за куска мяса. А так проигрывают все.

— Не обязательно, — ответил я.

¹⁵¹ Джо Ди Маджио (1914 – 1999) – один из самых выдающихся игроков за всю историю бейсбола.

Он не понял, к чему я клоню.

– Да нет, так и есть. Я слышал, в «Коламбия Пикчерз» есть одна привлекательная блондинка, которая берет уроки пения. Такая же женщина-ребенок, как и Элла Лу. И камера любит её точно так же. Она тоже собирается стать известной. Зовут Норма Джин или как-то так.

Локомотив прочистил горло и медленно двинулся вперед. Лязгнула сталь, когда вагоны тронулись за ним. Я смотрел, как поезд с урчанием медленно покидает вокзал, увозя Эллу Лу Харрисон обратно на Средний Запад, к бескрайним небесам и богатым сельскохозяйственным угодьям, к замужеству, детям, старости и наслаждению внуками. К обычной жизни. К хорошей жизни. Всё это ещё может случиться с ней.

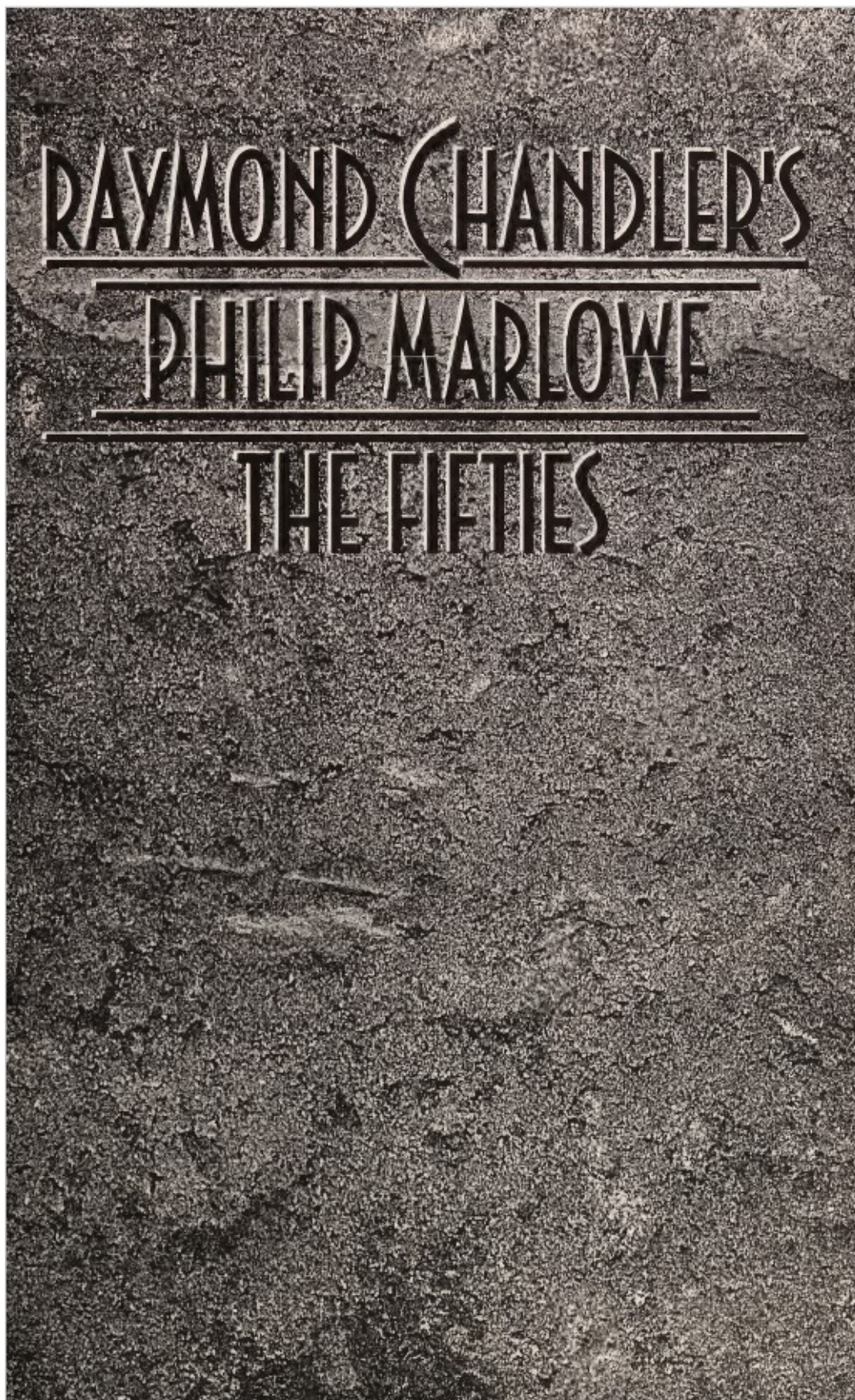
Прощай, Элла Лу.

Удачи, Норма Джин.

Я в долгу перед Чандлером за то, что он показал мне истинный потенциал детективной литературы. За демонстрацию того, что детективная история не ограничивает писателя рамками жанра, а открывает перед ним практически бесконечные возможности и направления. Во многих отношениях она делает писателя свободным. Детектив, наблюдающий, комментирующий, влияющий на ход событий, освещающий механизм течения жизни в своей части мира, чем-то напоминает романиста, пишущего роман. Именно Чандлер наилучшим образом использовал эту свободу и аспекты, дополнив свою идеально сбалансированную прозу пронизательностью в социальной сфере, а также красотой и поэзией. Как опытный фотограф, он, казалось, понимал, что объект в объективе иногда не так важен, как падающий на него свет. В литературе мало настоящих новаторов, а Чандлер был одним из них. Большинство из нас, кто пишет в этом жанре, знаем мы об этом или нет, и признаем мы это или нет, подражают Рэймонду Чандлеру. Я считаю честью и знаком уважения сознательно и открыто подражать ему в этом сборнике.

Джон Лутц

МАРЛОУ В ПЯТИДЕСЯТЫЕ

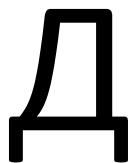
САЙМОН БРЕТТ

УБИЙСТВО В КЛУБЕ «ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ»

1950

Художник Джон Мартинес

ОМ НАХОДИЛСЯ в Малибу, а вокруг не было ничего, кроме пляжей и

океана. Невысокое белое бунгало растеклось под палящим солнцем, как растаявшее мороженое. Крыша из терракотовой черепицы со множеством бессмысленных металлических завитков по краям. С их помощью кто-то пытался создать впечатление, что у дома есть история, но потерпел неудачу. Это было новое здание, построенное на новые деньги. Большие новые деньги.

В воротах и высоких белых стенах было больше смысла, чем во всём остальном изогнутом металле. Они предназначались для того, чтобы не впускать нежеланных гостей. Слуга-японец, который появился, когда я нажал кнопку звонка, был обучен заставлять всех гостей чувствовать себя нежеланными. Я вручил ему свою визитную карточку.

– Мисс Уэст ожидает меня.

Открывая ворота, он нахмурился. Он продолжил хмуриться, пока провожал меня к парадной двери, украшенной ещё более дешёво выглядящим металлом через полутёмный коридор сквозь ещё одну дверь. Свет на веранде был таким ярким, что я едва не пропустил его прощальный хмурый взгляд, но я заметил достаточно, чтобы понять, что он специально приберегал его напоследок.

Мои глаза быстро привыкли к свету, и тогда я увидел рыжеволосую девушку в шезлонге. Она выглядела словно выдающееся произведение искусства, и я был не первым мужчиной, который так подумал. Очевидно, большинство мужчин высказывали ей свои мысли по этому поводу, чем и объяснялось самодовольное выражение её лица. Помимо самодовольства, на лице присутствовали прямые тёмные брови, симпатичный носик, заостренный подбородок и губы херувима, ради которых Папа Римский согласился бы нарушить Великий пост. Он мог бы даже попросить кого-нибудь в Ватикане сказать, во что ему обойдутся эти глаза, чёрные, как маслины. На ней был шёлковый халат, под которым, наверное, было достаточно места, чтобы погрузиться в океан, простирающийся до самого горизонта. Но, конечно, не более.

У японца едва хватало сил не хмуриться, вручая ей мою визитку, и она приняла её так, словно та была пеплом, который может развеять ветер.

– Мистер Марлоу, – произнесла она голосом, который должен был быть слышен не далее, чем на расстоянии в шесть дюймов¹⁵². У неё был сильный испанский акцент.

Я сел на низкий диван, украшенный кисточками, и бросил шляпу рядом с собой.

– В точку, – отозвался я. – Помогла карточка?

– Да, – ответила она.

Бог так потрудился надо всем остальным, что для юмора уже не осталось места.

– У меня есть для Вас работа, – сказала она, переходя сразу к делу.

Я промолчал.

– Очевидно, Вы знаете, кто я, мистер Марлоу.

¹⁵² Около 15 см.

Я знал. Вовсе не надо быть таким большим поклонником кинематографа, чтобы знать, кто такая Лайла Уэст. Одна из тех актрис, которые чаще появляются на страницах газет, чем в кинокартинах.

– Слава – это всё красиво и впечатляет, – сказала она, – но она привлекает множество сумасшедших.

Она хотела, чтобы на это как-то отреагировали. Я кивнул.

– У людей не всё в порядке с головой. Сумашедший видит, как ты улыбаешься в кинотеатре с экрана, и думает, что ты улыбаешься ему. Свихнувшиеся идиоты пишут тебе письма и даже звонят. К этому привыкаешь. В кино это часть сделки. Но когда какой-то псих говорит, что собирается тебя порезать, что ж, детка, это уже из другого сценария.

Наконец-то она добралась до чего-то стоящего, что стоило выслушать.

– Вам поступали угрозы? – спросил я.

– Да, – ответила она.

Сунув руку под шезлонг, она вытащила пачку голубоватых бумажных листов. Я взял их. Обычная бумага, без опознавательных знаков. Такой же простой язык. Конечно, парень хотел её порезать. Но перед этим он хотел проделать с ней кое-что замысловатое, пока она ещё сохраняла бы свою красоту.

Я положил письма на пол. День был безветренный. С океана доносился запах соли, напоминающий запах ладана. Не самый подходящий день для того, чтобы резать красивых девушек.

Я сказал:

– Почему бы Вам не отнести это копам?

Её ангельские губки слегка скривились, отчего стали выглядеть менее ангельскими. Да чего там, они стали выглядеть откровенно злобно.

– Копы, да что они знают? Они не воспримут это всерьёз. Они подумают, что это рекламный трюк.

– А это так?

Теперь уже трудно было предположить, чтобы её губки хоть когда-то выглядели как ангельские.

– Что за бред, придурок? – огрызнулась она. – Оскорблять меня, ещё и за мои же деньги.

– Я был обязан спросить, – мягко сказал я. – И я рад услышать о деньгах.

– Сколько ты берёшь за работу? – спросила она.

Я рассказал. О дневной ставке. Об отношениях с клиентом. О расходах.

– Я думала, выйдет больше, – сказала она.

Внезапно к ней вернулась жизнь. Или хотя бы она настолько к ней приблизилась, насколько это возможно было сделать, не вставая с шезлонга. Она достала из-под него фотографию в потертой кожаной рамке.

– Эта шпана, – сказала она.

Это был студийный снимок, так что фотографу, должно быть, пришлось постараться, чтобы парень получился наилучшим образом. В худшем я не захотел бы его увидеть. Шея и голова не отделялись друг от друга, а представляли собой единое целое. Глаза были плотно посажены, а ртом была тонкая жёсткая линия. Лайла Уэст потянулась к лежавшей рядом шкатулке за сигаретой. Розовой, с серебряным кончиком, для женщины. Или сутенёра. Она щёлкнула настольной зажигалкой и втянула пламя, затем выпустила струйку дыма.

– Его зовут Джонни Эскалито. Работает швейцаром и по совместительству сторожем в клубе «Звёздная пыль» в Бэй-Сити.

– И это он написал эти письма?

Она коротко кивнула.

– Как Вы узнали?

– Чёрт возьми, я знаю. К чему все эти вопросы? Если мне будут нужны вопросы, я обращусь к копам. Я нанимаю тебя, потому что вопросы мне не нужны. Всё, чего я хочу, чтобы ты сделал, забрал деньги, собрал прах. И мы никогда не встречались, ясно?

– Что за работа? – тихо спросил я.

– Я же сказала. Джонни Эскалито.

Думаю, если бы Папа увидел эту злобу в её глазах, то прекратил бы распродажу имущества Ватикана.

– Я хочу, чтобы Джонни Эскалито умер.

Я взял шляпу.

– Вы обратились не по адресу, мисс Уэст.

– Чёрт возьми, ты же частный детектив, не так ли? Мне сказали...

– Вас неверно проинформировали.

Я повернулся к двери и обнаружил, что смотрю прямо в морду здорового Дикаря. Старик, который ею обладал, был слишком толст, чтобы носить шорты-бермуды, слишком лыс, чтобы хорошо смотреться в солнечных очках, сдвинутых на лоб, и был слишком обрюзгшим, чтобы убедительно выглядеть с пистолетом в руке. Лицо показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, откуда.

Его голос и не прозвучал жёстко. Голос придиричивого человека, голос человека, подсчитывающего голоса, голос ревнивца.

– Что этот слизняк делает в доме, Лайла?

Он её не беспокоил. Не настолько, чтобы заставить подняться с шезлонга.

– Мне порекомендовали мистера Марлоу для решения кое-какой семейной проблемы, – томно произнесла она.

Он шагнул вперед, принюхиваясь, нет ли тут лжи. Но двигался он так, словно это место принадлежало ему. А если подумать, то, вероятно, так и было на самом деле. Лайла Уэст не добилась бы такого успеха своими никудышними фильмами. Какой-то придурок, должно быть, оплачивающий её счета. И на лице у этого парня так и было написано «придурок».

– Но, оказалось, – продолжила она, – что мистер Марлоу – всего лишь дешёвый мошенник.

– Рад, что ты легко распознаёшь таких же, как ты сама, милая, – сказал я, натягивая шляпу.

У двери я остановился.

– Но, по крайней мере, я веду свои дела стоя.

Сев в машину, я заметил запылённый чёрный «паккард», припаркованный в тени перечного дерева. Водитель сидел, склонившись над рулем. Спал. А может был мёртв. Было слишком жарко, чтобы обращать на это внимание. Я поехал по прибрежной дороге, мечтая о морском бризе. Его не было. Небо было однообразно голубым, солнце наказывало всех, кто был достаточно богат, чтобы жить на побережье. Дорога впереди искрилась и рассыпалась в дымке драгоценными камнями. Внезапно я вспомнил, кто был

этот «папик». Его лицо мелькало в газетах так же часто, как и её. Бад Коун, глава «Ингот Пикчерз». Достаточно богат, чтобы дом в Малибу был среди его мелочи. Отличная рыбка для целеустремлённой актрисы. К тому времени я уже перестал наслаждаться морским бризом и въезжал в город по Уилшир. Движение было плотным, жарким и раздражающим. В зеркале через три машины позади я заметил запылённый чёрный «паккард». Водитель или проснулся, или был воскрешён. В любом случае, он следил за мной.

Когда я поворачивал налево на Хайленд, он всё ещё оставался в трёх машинах от меня. На перекрестке с Санта-Моникой я попытался стряхнуть его на светофоре, но он не отстал. Поэтому я исполнил небольшую кадрили, который уже исполнял раньше, объехав Юкку и Вайн. Тут он и пропал. Боги были благосклонны — у Кахуэнга-Билдинг нашлось место для парковки. Я вспомнил, что бутылка в офисе была пуста. Через пять минут с пинтой под мышкой я сиял натренированным видом добродетельного человека, который прошёлся пешком до винного магазина и обратно. Не знаю, где он оставил «паккард», но в вестибюле он поджидал меня с автоматическим «кольтом». И он был там не для того, чтобы меня уговаривать. Он был там, чтобы меня убить. Его смутный силуэт мелькнул на стекле двери, когда я вошёл, и я упал на ковер как раз в тот момент, когда заговорил пистолет. Затем он рявкнул ещё пару раз. Я слышал, как пули впивались в пол, когда катился к нему. Бутылкой я сильно ударил его по голени и обхватил ногами. Он рухнул на пол.

Я вскочил первым и ударил ногой по руке, в которой он держал «кольт». Пистолет отлетел в сторону. Он хрюкнул от боли. Я нанёс ему второй сильный удар ногой в живот.

Ещё одно хрюканье, но он был крепким. И быстрым. Снова поднявшись на ноги, огромный, как ветряная мельница, он замахнулся кулаком мне в голову. Упав на колено, я почувствовал, как он коснулся моих волос. Правой я сделал выпад в район его поясицы, а, затем, когда его квадратный подбородок опустился ко мне прошёлся по нему левым хуком, таким классным, что его следовало подать в коробочке, перевязанной красной ленточкой.

Его голова откинулась назад. Глаза затуманились. Он ударился о стену и осел на пол. Лицом он стал лишь ненамного бледнее, чем когда был в сознании. Сплошной цемент от уха до уха. Не Джонни Эскалито, а «школа Джонни Эскалито». Я проверил его карманы. Ничего такого, чего бы вы не ожидали найти в карманах моськи из низшей лиги. Пружинный нож, кастет, кожаная дубинка, налитая свинцом, коробок спичек из клуба «Звёздная пыль», маленькая записная книжка. Я собрал арсенал и добавил к коллекции «кольт». С удовлетворением заметил, что пинтовая бутылка осталась цела. Я проиподнял люки его иллюминаторов. Нулевая реакция. Он будет в отключке ещё какое-то время. Блокнот я забрал с собой на шестой этаж.

Я крутился на стуле, просматривая его. Это было что-то вроде дневника. Имена, адреса, даты. Кое-что повторялось. Три часа по четвергам были помечены «Труди». Её адрес указан на задней обложке книжки: Рэйлтон-стрит, 2397, та часть города, где можно встретить только крыс. Были и другие повторяющиеся отметки. Особенно инициалы «З.П.» Они всегда следовали за именем, что, скорее, указывало на место, чем на человека.

Клуб «Звёздная пыль»? Возможно, это слишком очевидно. Если это была «Звёздная пыль», то в тот вечер у него там была назначена встреча с кем-то с инициалами Б.К. Бад Коун? Или это тоже слишком очевидно?

Сетчатые занавески на открытых окнах колыхались, раздуваемые невидимым ветерком, который никак не влиял на температуру окружающей среды. Я втянул в себя горячий дым и забарабанил пальцами по стеклянной крышке стола.

Я мог бы позвонить в полицию. Но, с другой стороны, у меня не так уж много друзей среди копов. Поэтому я позвонил в Санитарное управление. Пожаловался им на мусор в вестибюле.

Моя память была слишком благосклонна к Рэйлтон-стрит. Она сильно изменилась с тех пор, как я был там в последний раз. Даже крысы, вероятно, съехали, подыскивая более подходящее место для воспитания своих детёнышей.

Это была улица с потрескавшимися тротуарами, облупившейся краской и разбитыми окнами. Каркасные дома, уставшие от усилий устоять под воздействием времени.

Заколоченные аптеки, рестораны с ввалившимися глазами под выцветшими надписями, заброшенные пивные. Из неведомых мест доносятся и затихают обрывки дешёвой музыки и дешёвых ссор.

Несмотря на послеполуденную жару, окна дома 2397 были плотно зашторены. Из-за двери доносилась грустная джазовая мелодия.

Женщина, которая её открыла, была достаточно грузной, чтобы по-настоящему тяжело переносить жару, но на ней всё же было вечернее платье, сплошь украшенное блёстками. Макияж был такого слоя, что, казалось, вот-вот начнёт трескаться. Её перманентно завитые волосы не укладывались в цветовую гамму, созданную Господом. Гагатовые¹⁵³ бусы обвивали шею борца. Французские туфли, должно быть, были накормлены её ногами с помощью ложки.

– Да? – спросила она, ожидая, пока я поясню, кто я такой, чтобы подобрать нужную интонацию.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я, пытаюсь следовать очевидному. – Меня прислал Джонни Эскалито.

Очевидное сработало. Она провела меня по коридору в тускло освещённую комнату, обитую темным велюром и обставленную диванами. В маленьком баре в углу поблёскивали бутылки. Старый граммофон всё громче скорбел джазом.

Она жестом указала мне на велюровый диван, который содрогнулся, когда она опустилась рядом со мной.

– Как Джонни? – прохрипела она.

– Хорошо, – сказал я.

– А как его новая работа?

– Хорошо.

– Эй, я не предложила тебе выпить.

Она пошевелилась, такой же эффект произвёл бы кит, попытавшись встать, чтобы станцевать танго.

– Нальёшь себе сам?

Я подошёл к бару. Она попросила один из тех ликёров, от которых губы несколько недель остаются липкими. Я выбрал скотч со льдом.

Она продолжила говорить.

– Джонни никогда не подходил для этого места. Для бармена слишком неуклюж. А потом, по-английски он знает всего пару слов. В «Звёздной пыли» ему лучше, там нужны только мускулы. Всего только две недели здесь, а я рада, что он свалил прежде, чем мне

¹⁵³ Легко поддающийся обработке и полировке поделочный камень, известный под названием «чёрный янтарь».

пришлось дать ему пинка. Взяла его в качестве одолжения Рокки Эрнандесу. Знаешь Рокки?

– Нет, – отозвался я.

– У него заведение в Мехико. Я начинала там, так что в долгу перед ним. Конечно, Джонни отлично управлялся в той помойке. Там было очень грубое место, шпана избивает девушек, наркоманы, ну, ты понимаешь. А в этом городе нужно быть более сдержанным.

Я кивнул. На Рэйлтон-стрит я увидел всё, что хотел.

– Джонни упоминал девушку по имени Трудि.

Женщина улыбнулась. Её глаза исчезли. В этой толще жира они могли затеяться навсегда.

– Трудि сейчас немного занята. Ты мог бы вернуться через час. Или подождать. Или, опять же, – пухлая рука коснулась моего колена, – разве это обязательно должна быть Трудि?

Я осушил свой бокал и встал.

– Зайду через час, красавица, – сказал я, солгав сразу по двум пунктам.

Пока я ехал по Санта-Монике в сторону Бэй-Сити, закат, как обычно, переливался огненными, розовыми, желтыми, абрикосовыми и золотыми красками, пытаюсь изобрести новый цвет. И, чёрт возьми, ему это почти удалось.

К вечеру жара ничуть не спала. Рубашка прилипла к спине, как вторая кожа. Слишком много времени за рулём. Тем не менее, второй визит в офис не был напрасным. Я позвонил в Мехико и одному старому пьянице, который был у меня в долгу. Раньше работал в кино по рекламе, пока выпивка не сделала его беспечным и он не начал говорить правду. Тем не менее, он дал мне хорошие ответы на несколько вопросов.

Более того, Санитарное управление прибралось в вестибюле.

Я поднес зажигалку к новой сигарете. Дым смешался с вялым ароматом джакаранд и солёным запахом океана.

Мимо пронеслась пара патрульных машин. Копы внутри смотрели на меня со скукой и любопытством. В ту ночь на улицах города было не так много преступлений. Или слишком мало преступлений, на которые им не было приказано не обращать внимания.

Клуб «Звёздная пыль» был шикарным заведением. Шикарное место для сообразительных людей, тех, кому повезло в кино. Тех, для кого единственным спасением были деньги. Хотя большинство из них не заслуживали спасения. Моська из моего вестибюля носила с собой клубные спички из «Звёздной пыли» не потому, что он туда ходил, а всего лишь потому, что он там работал. Как тот тип в фиолетовой униформе, который подошёл, чтобы открыть дверцу моей машины. Джонни Эскалито. Я узнал бы его где угодно.

По его лицу было видно, что он привык иметь дело с более дорогими машинами, чем моя. Когда я вышел и бросил ему ключи, оно же сообщило мне, что ожидало увидеть кого-то побогаче.

– Мистер Коун здесь? – спросил я его.

Он мотнул головой в сторону двери, на мгновение создав иллюзию, что шея у него всё-таки имеется. Он был немногословен, приберегая слова для кого-то ещё. Внутри клуб состоял из прохладных светлых колонн и розовых занавесок с оборками. Я чувствовал себя Ионой во чреве анемичного кита. В оркестровой раковине негритянский комбо-оркестрик играл мелодии, которые не имеют ни начала, ни конца, а просто льются, как вода из крана. Примерно с её же вкусом. Пары, которым это нравилось, бесцельно кружили по танцполу.

Две гранитные глыбы в фиолетовых смокингах заметили мое появление, и я почувствовал, как их взгляды прожигают мою спину, пока я направлялся к бледно-блёклому бару.

Бармен, отбившийся от какого-то кордебалета, сделал пируэт в мою сторону. Я взял много скотча с большим количеством льда, уселся на высокий табурет и огляделся.

Было ещё рано. Большинство посещавших клуб богачей всё ещё оставались в своих студиях в погоне за сверхприбылью. Но, как и обещал Джонни Эскалито, Бад Коун был тут. Белый смокинг шёл ему больше, чем шорты-бермуды, но это ещё ни о чем не говорило.

К этому времени Лайла Уэст уже смогла выпрямиться или, по крайней мере, принять сидячее положение. Платье, обтягивавшее пышные части её тела, было из шёлка цвета пламени. Она выглядела такой же незаметной, как арбуз в корзине со смородиной.

Меня она не заметила. Была слишком занята, что-то обсуждая с сидящим рядом банковским счётом, на этот раз облачённым в смокинг. Бад Коун чем-то вывел её из себя, и она не сдерживалась по этому поводу. Мои уши сморщились от сочувствия.

Судя по шквалу жестов, присущих настоящей дочери Латинской Америки, которыми она сопровождала свой разговор, казалось, что у неё были претензии именно к клубу «Звёздная пыль». Она требовала, чтобы Бад отвёл её куда-нибудь ещё. Куда угодно.

Старый хрыч в той же мере был полон решимости оставаться на месте. И по какой-то причине она не поддалась своей милой натуре, не опрокинула на его лысину свой напиток и не ушла. Казалось, она боится оставить его там одного. Я полагал, что знаю почему.

Одно из надгробий в фиолетовом смокинге неуклюже подошло к их столику и протянуло девушке записку. Её содержание в заставило полыхнуть яростью её глаза, и она метнулась к дверному проему. Там маячил Джонни Эскалито, уголки его рта кривились в глупой усмешке.

Лайла Уэст пересекла танцпол. В дверях она затянула Эскалито за розовую занавеску, подальше от поля зрения Бада Коуна. Но не от моего.

Судя по скорости, с которой шевелились её губы, она, должно быть, говорила на испанском. Испанском, которого не найдёшь в школьных учебниках. Эскалито только усмехнулся, когда волны её гнева обрушились на него.

Внезапно она сдалась, полезла в свою сумочку всё того же цвета пламени и вытащила оттуда пачку сложенных банкнот. Она сунула их в руки Эскалито и вернулась на место.

Глупая улыбка на его лице стала еще шире, когда он подсчитал куш. Сунув купюры в карман своей фиолетовой униформы, он направился к главному входу.

Затем он остановился и обернулся. Его улыбка стала ещё шире и глупее. Обойдя танцпол, он направился к столику Лайлы Уэст.

Я соскользнул со стула у стойки и двинулся за ним. Я был достаточно близко, чтобы услышать, что он говорит.

– Мисс Уэст.

Хриплый испанский акцент.

Она резко повернула голову, чёрные глаза полыхнули огнем. Через плечи Эскалито они заметили меня.

– Сзади! – прошипела она. – У него пистолет!

Если бы у меня и был пистолет, то я бы не успел его достать, прежде чем кулак, размером с бетономешалку врезался мне в челюсть. Я отшатнулся, налетев на пару молодожёнов на танцполе.

Другой кулак Эскалито направлялся на встречу с моим виском. Я отклонил его левым предплечьем, а правой нанёс сильный удар в бесформенную массу его носа. Это было всё равно, что ударить кулаком гору Рашмор¹⁵⁴.

Огромная рука схватила меня за лацканы пиджака, и чей-то лоб, похожий на сорвавшийся с места трамвайный вагон, врезался в мой. Сквозь туман я увидел, как пальцы размером с колбаски салями сжались в кулак.

– Джонни!

Голос Лилы Уэст заставил его замереть. Он полуобернулся к ней, и я ударил его костяшками пальцев сбоку по голове, ощутив покрывавую её жёсткую щетину.

Он этого даже не заметил. Он всё еще смотрел на Лилу. В её руке был пистолет. Маленький пистолет, похожий на игрушку. Женский. Имейте в виду, это меня несколько не утешило. В этом городе многие женщины убивают.

Она что-то выплунула в его сторону по-испански. А затем медленно и обдуманно нажала на спусковой крючок. Его тело содрогнулось, когда первая пуля вошла в грудь. То же самое со второй. И с третьей.

Джонни Эскалито не издал ни звука. До самого конца он оставался немногословным. Кровь просачивалась сквозь тонкую шерсть его жилета. В уголке его тонкогубого рта вздулся кровавый пузырь, лопнул и потёк тонкой струйкой.

Он упал, прямой, как доска. Танцпол вздрогнул. Смысла проверять пульс не было. У парней с тремя пулями в сердце он отсутствует.

Два порождения скальной породы в фиолетовых смокингах стояли по обе стороны от него, взирая на кусок мертвого мяса, который когда-то был Джонни Эскалито.

На фоне её сверкающего платья Лиля Уэст цветом напоминала молоко. Она убрала пистолет в сумочку и со щелчком застегнула застёжку.

Бад Коун выглядел так, словно бальзамировщики уже наполовину сделали своё дело, но до введения фомалина дело ещё не дошло.

Снаружи завывала сирена патрульной машины. Если копы в чём-то и хороши, так это в том, что прибывают слишком поздно.

Капитан из отдела по расследованию убийств обосновался в кабинете управляющего клубом. Это был жизнерадостный толстяк, которому, чтобы сойти за Санта-Клауса, не хватало только соответствующего костюма, бороды и северного оленя. Так растолстел он явно не за счёт полицейского жалования.

Он проверил моё удостоверение, и я, как обычно, заметил, как он поморщился, когда узнал, чем я занимаюсь. Если копам что-то и не нравится, так это конкуренция.

Но он вернул мне бумаги с улыбкой, сливками и двумя кусочками сахара.

– Что ж, мистер Марлоу, спасибо Вам. Мне жаль, что Вы попали в эту передрягу, но синяки пройдут через пару дней. Если бы я оказался на Вашем месте, то отправился бы прямоком домой и налил бы себе выпить во что-нибудь размером с ванну.

– Вы вызовете меня утром?

– Чёрт возьми, зачем? – спросил он.

¹⁵⁴ Гора в горном массиве Блэк-Хилс, в Южной Дакоте, США. Известна тем, что в её гранитной горной породе высечен барельеф высотой 18,6 метра, содержащий скульптурные портреты четырёх президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

– Я свидетель.

– У меня полно свидетелей, – сказал он. – Мистер. Коун... двое громил в смокингах. Этого достаточно.

– Но что они видели? – спросил я.

Его глаза сузились. Он перестал выглядеть весёлым и стал похож на поросенка.

– Все они видели одно и то же, – сказал он. – Они видели, как этот головорез подошёл к столику мисс Уэст, они видели, как он наставил на неё пистолет, и они видели, как она выстрелила в него в целях самообороны.

– Они видели что-то совсем другое, нежели я. Он не доставал пистолет.

Полицейский пожал плечами.

– При нём был пистолет. Дикое, уродливое животное. У него была наплечная кобура.

– Я не говорил, что при нём не было оружия. Я сказал, что он не доставал пистолет.

– Ты получил удар в челюсть, братишка. Может быть, ты не совсем трезво оценивал ситуацию.

– Достаточно трезво, чтобы понять, что Лайла Уэст хладнокровно убила его.

Он покачал головой.

– Не о том говоришь, придурок. Вы что, частные ищейки, ничего не слышали о законе?

– Достаточно, – ответил я. – И о правосудии тоже.

– Фу. Послушай меня, Марлоу, этот парень был психом. Он отправил мисс Уэст целую кучу безумных писем. Он представлял опасность для общества.

– Сомневаюсь, что этот жлоб смог бы написать собственное имя, – сказал я. – А если бы и смог, то по-испански, а не по-английски. Причина, по которой Лайла Уэст застрелила его, заключалась в том, что у него на неё был какой-то компромат. Он работал в одном из борделей в Мехико, где она была одной из главных достопримечательностей. Он угрожал выложить это Баду Коуну.

Капитан положил руки на стол ладонями вниз. Он улыбнулся, являя собой образец благоразумия.

– Мистер Марлоу, возможно, я не совсем ясно выражаюсь. Этот персонаж, Эскалито, был сумасшедшим. Он заиклился на мисс Уэст, увидев ее в кино. Он писал ей письма с угрозами. Затем, когда он увидел её в этом клубе, то вышел из себя и попытался её убить. Она, – повторил он громко и чётко, – выстрелила в него в целях самообороны.

– Стрельба произошла в публичном месте. В клубе полно людей, которые знают, что всё было не так.

– Не думаю, что вы найдете кого-то, кто скажет, что всё было не так, – небрежно ответил он.

– Вот один из них, – сказал я, вставая. Для толстяка он двигался довольно быстро. Он внезапно тоже вскочил, его руки крепко сжали лацканы моего пиджака, и его нос оказался в нескольких дюймах от моего. При ближайшем рассмотрении в его глазах не оказалось ничего веселого. Они были мертвы, как морская галька.

– Послушай меня, Марлоу. Полиции не нравятся такие ловкачи, как ты. Мы терпим вас, но если мы захотим арестовать, то сможем это сделать так же легко, как раздавить божью коровку. Мы управляем этим городом, поддерживаем в нём порядок, при необходимости подравниваем углы, всё улаживаем. Меньше всего нам нужны болваны, которые думают, что участвуют в крестовом походе. Понимаешь?

– Понимаю. – Он отпустил мой пиджак. – Но я не собираюсь закрывать глаза на эту попытку выдать чёрное за белое.

– Мистер Марлоу, такие люди, как Бад Коун, имеют большой вес в этом городе. Вы ничего не получите — даже пенсию по инвалидности, если будете совать свой нос куда не следует. Я ясно выражаюсь?

– Яснее сточных вод, – сказал я.

Он плюхнулся обратно в кресло. К нему вернулось прежнее веселье.

– Всего один совет, сэр Галахад. У нас в штате есть законы о дискредитации, клевете — я уверен, мы сможем найти и другие, если понадобится. Всё, что я хочу сказать, это то, что если Вы повторите свои обвинения в адрес мисс Уэст, то мы закопаем Вас так глубоко, что и лопатой не откопаете. Вы попытаетесь нас обмануть, мистер Марлоу, и начнётся война.

– Меня это устраивает, – сказал я.

Он рассмеялся. Может, он подумал, что я пошутил. Вовсе нет. Когда он повернулся к подносу с напитками, находившимся позади стола управляющего, я увидел, насколько ничтожна его жизнь. Все эти мелкие уловки, вся его совесть, упрятанная по укромным уголкам, все те надуманные сентенции, которыми он успокаивает свою душу.

Я встал. Он всё ещё стоял ко мне спиной, когда произнёс:

– А теперь давай забудем обо всём этом. Бьюсь об заклад, в данный момент тебе ничего так не хочется, как крепко выпить.

– Так и есть, – ответил я. – Но не с тобой.

Для меня главным достижением Рэймонда Чандлера является его юмор. Его книги доказывают, что в криминальную литературу можно вставлять шутки, не теряя при этом напряжённости в сюжете, и, действительно, ему часто удается использовать шутки для его усиления. Он также не позволяет юмору умалить достоинство персонажа; опять же, так он укрепляет его характер. А ещё, его шутки всегда служили образцовыми уроками экономного использования фраз.

Саймон Бретт

РОБЕРТ ДЖ. РАНДИЗИ

ЯЧЕЙКА № 246

1951

Художник Пол Ривош

РАНД-Сентрал-Стэйшн был построен в Нью-Йорке в 1871 году Корнелиусом

Вандербильтом. Вандербильт хотел построить самый большой железнодорожный вокзал в мире, и ему это удалось. В то время представители высшего общества Нью-Йорка строили дома вдоль Пятой авеню и Мэдисон-авеню между Тридцать четвертой и Сорок второй улицами, и именно здесь Вандербильт решил установить себе памятник. Он должен был быть большим, но в то же время элегантным — и опять же, так оно и получилось.

Между 1903 и 1913 годами вокзал был модернизирован, и сейчас — в 1951 году — это практически город в городе. Всё это я вычитал во время своего путешествия на поезде из Калифорнии в Нью-Йорк. Зачем же я отправился на поезде из Калифорнии в Нью-Йорк? Я и сам продолжал задаваться этим вопросом, даже стоя в эту субботу посреди Гранд-Сентрал-Стэйшн, пораженный открывшимся моему взору.

Согласно тому, что я прочитал, главный вестибюль Гранд-Сентрал представляет собой помещение длиной 470, шириной 160 и высотой 150 футов¹⁵⁵. «Нью-Йорк Янкиз»¹⁵⁶ могли бы проводить тут свои матчи. Я только что сошёл с поезда на одном из нижних уровней и, оказавшись внутри самого вокзала, был вынужден остановиться и поглазеть.

Поскольку была суббота, большинство заведений, включая знаменитый устричный бар в нижнем вестибюле, были закрыты. Добавьте к этому тот факт, что было 7:15 утра субботы, и я был практически один, что, вероятно, делало это место намного больше, чем было на самом деле — если такое, вообще, возможно.

Преодолев шок и благоговейный трепет, я подошёл к одной из касс, расположенных под табло с расписанием движения поездов, и спросил служащего:

— Когда будет следующий поезд обратно в Калифорнию?

Нет, я не был настолько напуган, но я действительно хотел вернуться домой сразу же, как закончу все свои дела. Видите ли, я с самого начала *не хотел* отправляться в это путешествие. Одним из моих недостатков является то, что я очень дорожу дружескими отношениями, какими бы редкими они не были, а это была дань дружбе, из-за которой я и оказался от своего дома за три тысячи миль, если не больше¹⁵⁷.

Кассир посмотрел на меня и спросил:

— Вы же только что сошли с поезда из Калифорнии?

— Всё верно, — сказал я, — и хочу успеть на ближайший обратно. У вас есть какие-нибудь возражения на это?

— Чёрт возьми, приятель, — сказал кассир, — это Ваше дело. Если Вы хотите ездить туда-обратно, из Калифорнии в Нью-Йорк, как из Бруклина в Манхэттен, то это Ваше дело. Ближайший поезд отправляется в восемь часов пять минут утра

— Я беру.

Билет, которым меня снабдили до Нью-Йорка, был в один конец, поэтому об обратном билете мне пришлось позаботиться самому. Ещё одно проявление дружбы с моей

¹⁵⁵ Примерно 141 на 48 на 45 метров.

¹⁵⁶ Нью-йоркская бейсбольная команда.

¹⁵⁷ Да это почти 5 тысяч километров!

стороны. На самом деле я не мог пожаловаться на это своему другу, потому что он был мёртв. Я заплатил за билет, забрал его и спросил:

– А где здесь камеры хранения?

– На этом уровне они находятся со стороны Лексингтон-авеню.

– Это где?

Тяжело вздохнув, он слегка наклонился и указал налево от меня.

– Спасибо, приятель. Благодаря тебе поездка стоила того, чтобы потратить на неё время.

– Прямо юморист, – сказал он, и я не стал его поправлять. Если он хочет, чтобы я считал себя юмористом, а не частным детективом, то пусть. В любом случае, я и сам иногда считал, что это одно и то же.

Я прошёл весь вестибюль, пока не добрался до тоннеля, который, по словам моего нового друга, вёл к Лексингтон-авеню и нужным мне ячейкам. Ключ в моем кармане прожигал дыру.

Подойдя к ячейкам, я остановился и на мгновение задумался о тех обстоятельствах, которые привели меня к тому, что я оказался на пороге грандиозного открытия, — которое находилось в ячейке № 246 камеры хранения на Гранд-Сентрал.

Три года назад я был тем единственным, что стояло между Лео Карстейрсом и долгим сроком в тюрьме. Лео был прирожденным козлом отпущения. Другие брали его в дело только тогда, когда им нужно было кого-то сдать копам. Он уже трижды так попадал, но на этот раз я точно знал, что Лео невиновен, потому что во время ограбления, о котором шла речь, он был со мной. На этот раз подельники даже не потрудились привлечь его к делу, прежде чем попытаться повесить его на него.

Короче говоря, я вытащил задницу Лео из огня, и он поклялся мне в вечной признательности.

– Лео, – помнится, сказал я, – сделай мне одолжение и впредь держись подальше от неприятностей.

– Само собой, Марлоу. Можешь на меня положиться. Теперь я буду прятать пистолет под крышкой хлебницы. Туда никто никогда не заглянет.

– Я не это имел в виду, Лео.

– Спасибо, ищейка, – сказал он, пожимая мне руку. – Ты теперь первый в моём хит-параде.

В тот день я смотрел, как он пружинистой походкой покидает здание суда округа Кук, и гадал, сколько пройдет времени, чтобы его снова прижали.

Три года.

Три года, за которые ему удавалось оставаться в стороне от неприятностей, по сути, стали рекордом для Лео Карстейрса. Конечно, за эти три года он мог быть замешан во многих делах и просто избежать поимки — или ему удавалось подставить кого-то другого.

За неделю до моего путешествия в Нью-Йорк я был дома в Лорел-Каньоне и пытался избежать мата через три хода — моим соперником был я сам — когда зазвонил телефон.

Это был Лео, и — что удивительно! — у него были неприятности.

– На этот раз всё серьезно, Марлоу, – начал Лео без предисловий.

– Лео? Это ты?

– Конечно, я, Марлоу. Ты ведь не успел меня забыть за эти три года, так ведь?

– Лео, предполагалось, что ты будешь держаться подальше от неприятностей, – напомнил я ему.

– Марлоу, я три года...

– А что теперь?

Он сделал глубокий судорожный вдох, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, и сказал:

– На этот раз я действительно влип, Марлоу.

– Лео, ты где? – спросил я.

– В Нью-Йорке.

– Какого чёрта ты делаешь в Нью-Йорке?

– Я подумал, что смена обстановки поможет что-то изменить в моей жизни.

– И помогло?

– Да, стало ещё хуже.

– Поподробнее, Лео.

– Нет времени, Марлоу. На этот раз они не хотят, чтобы я взял вину на себя, они хотят меня убить.

– За что?

– У меня их товар.

– Какой товар?

– Я хочу его вернуть, Марлоу. Ты должен мне помочь.

– *Что* за товар, Лео?

– Я не могу... сейчас говорить, Марлоу. Я и так слишком задержался в этом месте. Я позвоню тебе откуда-нибудь ещё.

– Лео, Лео, не вешай трубку, — начал я, но он бросил её мне прямо в ухо.

За последующие три дня я не слышал Лео, и потом я не услышал *его*, я услышал *о нём*.

Он был мёртв.

Если и существовал на свете полицейский, которого я бы автоматически не принял за принёсшего дурные вести, то это был лейтенант Вайолетс МакДжи — за исключением того дня, как он прямо перед завтраком оказался у моей двери.

– Лейтенант, – спросил я, – чем обязан такому удовольствию?

– Назад, Марлоу, – сказал Вайолетс, – я намереваюсь войти.

– Как раз собирался пригласить Вас это сделать. – Он был один, так что я по-прежнему не ожидал услышать что-то *по-настоящему* плохое.

– Помнишь проныру по имени Лео Карстейрс?

– С Лео всё, вроде, в порядке, Вайолетс. Ему просто была нужна передышка.

– Конечно, им всем нужна передышка, – сказал Вайолетс. – Слыхал о нём в последнее время?

– Нет, – солгала я. Это было так же легко, как свалиться с бревна.

– Ну, так теперь он мёртвая проныра.

– Что случилось?

– Его кто-то пришил.

– Как?

– Пуля в сердце.

– Да нет, – сказал я, – я имел в виду, где это случилось?

– Представь себе, – сказал он, – В Нью-Йорке, рядом с Гранд-Сентрал. Всегда хотел побывать в Нью-Йорке и увидеть Гранд-Сентрал, Статую Свободы, Эмпайр-Стэйт-Билдинг, стадион «Янки», Джо Ди¹⁵⁸ ...

– Прежде чем Вы проведёте для меня экскурсию по всему городу, расскажите, что, всё-таки, произошло? Как Вы оказались вовлечены в это дело?

– Мне позвонили из нью-йоркской полиции и попросили навести справки о сыщике по имени Марлоу. Кажется, при нём были твоё имя и номер телефона. Они проверили тебя, выяснили, чем ты занимаешься, и позвонили мне.

– И что?

– Я сказал им, что поговорю с тобой, – сказал он, – и поговорил. Хорошего дня.

Он направился к двери, но мне уже захотелось узнать ещё хоть что-нибудь, не выказывая излишнего любопытства.

– Кстати, где именно они его нашли? – спросил я. – Гранд-Сентрал – место большое.

– Где-то на улице. Он лежал прямо под почтовым ящиком.

– Были свидетели?

– Нет, – сказал Вайолетс, открывая входную дверь.

– В этом деле ты чист, Марлоу. В твою пользу три тысячи миль.

– Приятно быть чистым, Вайолетс.

– Да, – сказал Вайолетс, – выкинь из головы голову. Держись подальше от неприятностей, ладно?

– Конечно, Вайолетс, – сказал я. – Ты же меня знаешь.

– Да, – кисло произнёс он, – это уж точно.

Через два дня по почте пришёл конверт. Обратного адреса не было, а мои имя и адрес были на нём торопливо нацарапаны. Я открыл конверт, и из него выпал ключ. Я поднял его, сжал в ладони и вынул из конверта билет. Вот и всё, один билет на поезд и один ключ от камеры хранения с выбитым на нём номером 246. Оба, без сомнения, от Лео Карстейрса. Почтовый штемпель на конверте был нью-йоркским.

Я уставился на билет — наверняка это было приглашение к неприятностям, — а затем на ключ.

Лео был замешан в ограблении и хотел вернуть товар, это я знал точно. Правда, я не знал, что это было за ограбление, но не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что он спрятал добычу в ячейке на Гранд-Сентрал, а ключ и прислал мне. У меня было два варианта. Я мог бы похоронить ключ в цветочном горшке или сделать то, чего, очевидно, хотел от меня Лео, — поехать в Нью-Йорк, забрать добычу и вернуть её ему. Друзья — это иногда настоящая заноза в заднице, но хуже всего — мёртвые друзья. Вы можете отказать им, но они вас не услышат.

И вот я здесь, на Гранд-Сентрал, оказываю услугу умершему другу. «Держись подальше от неприятностей», — сказал Вайолетс МакДжи.

Будь уверен.

¹⁵⁸ Имеется в виду Джо ДиМаджио.

Я достал ключ из кармана и отправился к рядам ячеек. Они были не такими уж большими, около 15 на 15 дюймов.¹⁵⁹ Интересно, что там могло поместиться?

Неприятности, вот что.

Дождись поезда в 8:05 на Марлоу и отправляйся домой, сказал я себе, но иногда даже я сам себя не слушаю.

Я подошёл к нужной ячейке, хорошо слыша собственные шаги по полу, вставил ключ в замок и открыл её. Внутри была сумка, из тех, с которыми боксёры ходят в спортзал. Я уже собирался её достать, как услышал за спиной чьи-то шаги.

Когда приходит беда, она не подкрадывается к тебе на цыпочках.

Я обернулся и увидел двоих. У обоих в руках пистолеты. Я огляделся, но вокруг никого не было видно. Субботнее утро в Нью-Йорке. В понедельник, вторник или в любой другой будний день это место было бы переполнено людьми. Но в ту субботу нас здесь было всего трое, и двое из нас направили на меня пистолеты.

– Ребята, вы нашли того, кто вам нужен? – спросил я.

У того, что был справа от меня, был понурый взгляд и челюсть с наковальню. Тот, что был слева, был худощавым, с выступающим кадыком.

– У тебя ключ от этой ячейки, так что мы нашли того, кого надо, – сказал Кадык.

– Эта ячейка?

– Если в ней спортивная сумка, то да, эта самая ячейка, – сказал Кадык. Он двигался вверх-вниз, когда он говорил.

– Есть спортивные сумки, – сказал я, – и есть другие спортивные сумки. Что в этой?

– Если ты не знаешь, – сказал Понурый, – значит, тебе и не надо.

– С чего вы взяли, что это ваша сумка? – спросил я.

– Мы следили за ячейками целую неделю, – сказал Кадык, – поджидая того, кто явится с нужным ключом.

– Вы проверяли каждого, кто открывал ячейки? Для Нью-Йорка это, должно быть, трудная работа.

– Не такая уж и трудная, – сказал Понурый. – Ты единственный, кто открыл ячейку, в которой была спортивная сумка.

– Повезло мне.

– Где ты взял ключ? – спросил Кадык.

– Пришёл по почте.

– Да, конечно, – сказал Понурый, – с твоей подпиской на журнал «Лайф».

– И счетами, – отозвался я.

– Юморист, – сказал Кадык. Я подумал, не родственник ли он кассиру.

– Ладно, – сказал Понурый Кадыку, – доставай.

Кадык двинулся ко мне, помахивая пистолетом 32-го калибра. Понурый был крупнее и потому держал в руках 45-ый. Из такого можно было бы продырявить и меня, и ячейки позади меня.

Я отодвинулся.

– Посмотри у него пушку, – сказал Понурый.

Кадык обыскал меня и вытащил «люгер» из подмышки.

¹⁵⁹ Примерно 38 x 38 см..

– Отличная штука, – сказал он.

– Оставь себе, – сказал я. – Это подарок.

– Спасибо, – ответил он и опустил его в карман куртки.

– Хватит трепаться, доставай уже, – сказал Друпи.

Кадык залез в ячейку и достал сумку. Бросил её Понурому, который поймал её левой рукой. Пистолет в его правой руке даже не дрогнул.

– Посмотри, нет ли там ещё чего-нибудь, – сказал Понурый.

Кадык заглянул внутрь ячейки, затем провел руками по дну и стенкам.

– Ничего.

Он отошёл от ячейки, и я снова занял место перед ней. Она была на уровне пояса, и я встал прямо перед ней, вспомнив, что Лео сказал о своей хлебнице: «Они бы туда никогда не заглянули...»

Кадык подошёл и встал рядом с Понурым, который, наконец, отвёл от меня пистолет, чтобы расстегнуть «молнию» на сумке. Он открыл её, и, что бы там ни было, оно должно было быть там, потому что секунд на десять они забыли обо мне.

Этого было предостаточно.

Я протянул руку за спину и провёл изнутри по потолку ячейки. Он был там, хорошо приклеенный скотчем. Я схватил его и потянул, скотч поддался.

Понурый выбрал именно этот момент, чтобы взглянуть на меня, и я выхватил пистолет из ячейки. Скотч, болтаясь, всё ещё оставался на нём, когда я поднял пистолет и направил на Понурого.

– Берегись!

Это закричал Понурый, но у него не оставалось времени прислушаться к собственному предупреждению.

Он бросил сумку и попытался вскинуть свой 45-ый, но я выстрелил ему в лоб. Когда он опрокинулся навзничь, Кадык уставился на него, потом перевёл взгляд на меня.

– Не надо, – сказал я ему, но он слушал меня не больше, чем я сам.

Я выстрелил ему в грудь, когда он попытался поднять свой 32-ой.

Выстрелы отдались эхом, и я оглядел зал ожидания, чтобы посмотреть, не прибежит ли кто-нибудь. Но кассиры в Нью-Йорке люди разумные. Они остались на своих местах и даже не высунули голов.

Я посмотрел на двух мёртвых мужчин, а затем на пистолет 38-го калибра в своей руке. Я повернулся и прикрепил его обратно к потолку ячейки № 246. Мне даже не пришлось вытирать его, потому что на нём было достаточно скотча, чтобы не остались мои отпечатки. Мне повезло, что он вообще смог выстрелить, несмотря на то, что на нём было столько липкой ленты. Я подошёл к Кадыку и забрал свой «люгер». А потом остановился в нерешительности, не зная, что делать.

Спортивная сумка лежала на полу, наполовину открытая. Если бы я захотел, то смог бы в неё заглянуть. Мне нравится думать, что меня бы не прельстило то, что было внутри, но я тоже всего лишь человек. Я наклонился, поднял сумку и застегнул «молнию». Положил её обратно в ячейку, закрыл её и вынул ключ — мне пришлось сначала опустить монету, прежде чем я смог это сделать, а мне ведь не кому даже выставить счёт за расходы, — а затем сунул ключ в карман пиджака Понурого.

Я мог по-разному оценить происшедшее. Во-первых, Лео действительно хотел, чтобы я нашёл это — чем бы это ни было — и вернул его.

Другое заключалось в том, что Лео специально прислал мне билет, по которому я должен был прибыть на Гранд-Сентралв 7:15 утра в субботу, когда там были бы только я и двое его бывших партнеров. Интересно, знал ли он, отправляя это письмо, что через некоторое время будет мёртв? Может быть, он думал, что, выдав меня им, он собьёт их со следа. Нет, это было не так. Я до этого никогда не выступал роли козла отпущения у Лео, и не было причин думать, что он захочет сделать из меня козла отпущения и в этот раз. Да, меня *подставили*, но чтобы я убил, а не *был убит*

Лео, вероятно, думал, что на этот раз он действительно поступает правильно.

Я знал, что тоже собираюсь поступить правильно.

У меня было пять минут, чтобы успеть на поезд в 8:05, и я собирался это сделать.

Первыми моими прочитанными книгами, в которых главным героем был частный детектив, были романы Росса Макдональда о Лью Арчере. В то время мне было пятнадцать, я и не подозревал, что Макдональд лишь совершенствует ту форму криминальных историй, которую создала великая тройка: Кэрролл Джон Дэйли, Дэшил Хэмметт и Рэймонд Чандлер.

Я перечитал произведения этой тройки и обнаружил, что больше всего мне нравится Чандлер. Дэйли был груб и необуздан, а стиль Хэмметта, пожалуй, был слишком литературен. Однако, я находил Чандлера довольно незамысловатым, а Марлоу — идеальным потускневшим рыцарем и частным детективом, от которого произошли все остальные частные детективы. Более того, Марлоу — хотя под мягкой обложкой его никогда не звали «Марлоу» — это серийный частный детектив, который появился на свет именно там и добился наибольшего успеха.

Влияние Чандлера на мою работу, на мой взгляд, практически равно нулю. Вместо этого он познакомил меня с тем жанром — он и Росс Мак¹⁶⁰, — который я с тех пор запоем читаю, но когда я начал писать свои собственные рассказы, мои герои оказались далеки от Марлоу, каким он был, и моё творчество, безусловно, ничего не позаимствовало у мастера. И всё же именно Чандлер и Марлоу заставили меня осознать, что я хочу работать именно в детективном жанре. За это я им очень признателен.

Чандлер — мастер, и спустя пятьдесят лет после того, как Марлоу впервые был представлен публике, он по-прежнему остается наиболее значимым частным сыщиком.

Роберт Дж. Рандизи

¹⁶⁰ Росс Макдональд.

СТЮАРТ М. КАМИНСКИ

ГОРЬКИЕ ЛИМОНЫ

1952

Художник Деннис Зимински

УОРРЕНА ГЛУШКИ было такое лицо, что люди говорили:

«Конкурс красоты ему не выиграть». Так на самом деле и мне сказал бармен в «Каскадия Лаунж», что на Бродвее, когда Уоррен, весь на нервах, ворвался в вечную темноту бара, принося с собой нежелательный солнечный свет, который напомнил мне, что пройдут ещё несколько часов, прежде чем этот день закончится.

– Закрой дверь, – приказал бармен, и Уоррен переложил под мышкой большую книгу, взял себя в руки и закрыл дверь. Затем он прищурился, заморгал и попытался приспособиться к янтарной темноте.

Нос Уоррена был сдвинут набок, как будто его лицо постоянно прижимали к витрине магазина. Его большие хлопающие глаза заставляли его выглядеть изумленным даже при самом незначительном контакте с другими человеческими существами. Уоррен был невысоким, лысым и таким худым, что можно было задаться вопросом, в какой мере он смог бы оказать сопротивление вечернему бризу с Тихого океана.

Койлз Конрой, бармен, ошибался. Уоррен слышал, его комментарий по поводу конкурса красоты. В детстве Уоррен выигрывал конкурс красоты в Бейкере, штат Канзас. Он доказал это нам, выложив на стойку бара то, что оказалось его семейным альбомом, и открыл его на странице с хрупкой, крошащейся, пожелтевшей газетной вырезкой. В ней говорилось, что мальчик по имени Уоррен Глушка, сын Пегги и Маркуса Глушка, получил награду как самый красивый ребёнок на ярмарке округа Бейкер в 1912 году. С фотографии на меня смотрел улыбающийся светловолосый мальчик с золотистыми кудряшками. Я повернул альбом так, чтобы Конрой смог это рассмотреть. Он кисло посмотрел на это, хмыкнул и отвернулся.

– Да, это я, – настаивал Уоррен. – Это на самом деле я, мистер Марлоу.

Я перевернул альбом обратно, чтобы взглянуть на красивую молодую женщину на фотографии, державшую маленького мальчика за руку. На ней была маленькая шляпка, свободную руку она поднесла к лицу, чтобы защитить от солнца глаза.

Я посмотрел на ребенка на фотографии, а затем на Уоррена. Длинные ресницы всё ещё оставались на месте, да и черты лица были теми же самыми, но какими-то гротескно преувеличенными.

– За руку меня держит мама, – сказал он. – А вот на другом снимке мой отец, он держит на руках мою младшую сестру Луизу. Я хочу, чтобы Вы её нашли. Потому я и здесь, что искал Вас. Я всё обдумал и пошёл к Вам. Но в офисе Вас не было, так что...

– Твоя сестра?

– Верно, сестра, – сказал Уоррен, изумленно глядя на фотографию, как будто раньше никогда её не видел.

– Которую, ты хочешь, чтобы я нашёл?

– Ага, – согласился он. – Хочу её повидать. Мне нужно сообщить ей кое-что важное.

– Что? – спросил я, не желая тянуться за своим пивом, не предложив заказать его для Уоррена.

– Не могу Вам сказать, мистер Марлоу, – сказал он, понизив голос и взглянув на Конроя, чтобы убедиться, что тот не подслушивает. – Дела семейные.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз видел сестру? – спросил я.

– Луизу? – спросил он, а затем задумался над ответом, прикусив нижнюю губу. – Лет двадцать, может, двадцать пять. Я тогда получил письмо.

Он быстро перелистывал страницы альбома, продираясь сквозь фотографии, открытки, этикетки от спичечных коробков и даже фантики от конфет.

– Вот, – сказал он, торжествующе хлопнув ладонью по странице.

Я спустился в бар, чтобы выпить пива после долгого утреннего прослушивания радио и чтения от корки до корки газет, что включало в себя также объявления о продаже автомобилей. Телефон так и не зазвонил. Почтальон не принес отчаянных криков о помощи, и никто не постучал в мою дверь, в отчаянии желая прибегнуть к моим услугам. Я устал от безделья. Мне хотелось взглянуть на добродушное лицо Конроя и ощутить прохладу янтарной влаги из пивной бутылки. Мне не хотелось думать о возвращении в офис или квартиру.

Мне больше нечем было заняться, и потому я решил выслушать Уоррена Глушку.

Уоррен вертелся вокруг меня, позади, почти нависая сверху, одновременно умоляя и пытаясь что-то рассказать, пока я пытался прочесть письмо.

– Письмо от Луизы, – сказал он, указывая на аккуратно написанное имя в уголке конверта, аккуратно приклеенного рядом с письмом.

– Вижу, – сказал я.

– Она больше не живёт в Бейкере, – сказал он. – Я звонил туда, спрашивал. Давным-давно. Пытался пару раз найти её. Спрашивал.

– Этому письму почти двадцать пять лет, – сказал я.

– Знаю. Знаю. Я же сказал Вам, – сказал он, переминаясь с ноги на ногу и оглядывая бар. Тут никого не было, кроме меня, него и Конроя. – Я просто хочу, чтобы Вы её нашли. Скажите мне, где она, и всё.

– Её нет, Уоррен, – мягко сказал я.

Конрой подошёл, изучил мой почти пустой стакан и взглянул на меня.

– Ещё? – спросил он.

– За мой счет, мистер Марлоу, за мой счет, – нетерпеливо сказал Уоррен.

– Нет, спасибо, – ответил я обоим.

– Хотите остаться один? – спросил меня Конрой, глядя на Уоррена и давая понять, что, если я только скажу, он выставит за дверь этого человека с его альбомом. Койлс оставил терпение и большую часть левой ноги на Гуадалканале. Уоррен отрицательно покачал головой. Я не мог понять, предназначалось ли это «нет» Конрою, было ли ответом на мои слова о том, что его сестры больше нет, или так он реагировал на понукания своего внутреннего демона.

– Нет, спасибо, – сказал я Конрою. – Мы с Уорреном старые друзья.

Я знал Уоррена пару лет, но друзьями мы не были. Он подрабатывал где-то по соседству, мыл окна, бегал по поручениям, подметал, в ресторанах – за бесплатную еду, непарные ботинки или брюки – в обувном магазине или магазине одежды, и за место для ночлега в подвале здания, в котором находился мой офис.

Сейчас же у меня с этим человеком было самое долгое общение за всё это время.

– Я выпил, мистер Марлоу, – сказал Уоррен, когда Конрой пожал плечами и повернулся к нам спиной, чтобы продолжить протирать стаканы. – Я выпил, чтобы набраться храбрости, знаете ли. Потом мне стало стыдно за то, что я пьян, так что пришлось протрезветь. Поэтому у меня ужасно болит голова.

Я допил остатки пива, похлопал Уоррена по плечу и встал с барного стула.

– Её нет, Уоррен, – повторил я. – Выпей ещё и немного поспи.

– У меня есть деньги, – сказал он, отступая на шаг, чтобы порыться в карманах своих выцветших синих брюк. В его узловатых кулаках появились смятые однодолларовые банкноты, пятёрки, десятки. Он положил их на стойку рядом со своим альбомом и опять полез в карманы.

– Видите, – сказал он. – Я могу заплатить.

Ещё доллары. С вершины кучки банкнот на меня взирали Линкольн и Вашингтон. Они были на стороне Уоррена Глушки, и я счёл это веским доводом.

– Какие у вас разногласия? – спросил Конрой, оборачиваясь к нам с полотенцем в одной руке и бокалом в другой.

Уоррен учащенно дышал, его большие глаза были прикованы к моему лицу в ожидании ответа на все свои мольбы.

– Все мои сбережения, – искренне сказал он, казалось, его лицо ещё больше сплющивалось тяжестью ожидающейся неудачи. – Всё, что у меня есть. Я не прошу об одолжении. Нет. Я нанимаю на работу, как и любой другой. Или Вы слишком заняты? Хорошо, но я... я...

Уоррен не был уверен, что он хотел сказать, а мне не хотелось ему этого говорить.

– Дай мне пакет, Коулз, – сказал я, и Конрой, покачивая головой, полез за пакетом под прилавок, его глаза не отрывались от стопки банкнот, а мои не отрывались от него. Он достал коричневый бумажный пакет и протянул его мне. Я обрал в него деньги Уоррена и вручил пакет ему. Он снова протянул его мне.

В последний раз, когда я заполучил клиента в баре, то он нанял меня найти одну женщину. Сейчас ситуация не напоминала ту. Уоррен не собирался крушить головы, как это делал Лось Мэллой. И я не думал, что кто-то попытается меня убить, как в тот раз, когда я искал женщину Лося¹⁶¹. Кроме того, сейчас мне были нужны деньги, но, что ещё важнее, мне нужно было чем-нибудь заняться.

– Двадцать долларов в день плюс расходы, – сказал я. – Если я не найду её через пять дней, то сдамся, и ты пообещаешь, что поступишь так же. Договорились?

Уоррен застыл как вкопанный.

– Дай мне вперёд пятьдесят долларов, – продолжил я. – Выставляю счет за остальное, если понадобится. И мне нужен альбом.

Уоррен стряхнул с себя оцепенение, улыбнулся и потянулся мимо меня за альбомом. Протянул его мне.

– Вот это дело, – сказал он, почёсывая лысину в память о давно покинувших его волосах, и протянул мне аванс. – Всё, что Вам надо, так это найти её и сказать мне, где она. Остальное я сделаю сам.

– Я закрываюсь на обед, – произнёс Койлз Конрой за стойкой, снимая фартук. – Это место превратилось в морг.

Я отправился домой с альбомом Уоррена на соседнем сиденье и его пятьюдесятью долларами в кармане. Моя машина нуждалась в ремонте. Её всю покрывала угревая сыпь, но пятидесяти долларов не хватило бы на ремонт кузова. Войдя в свою дверь, я снял пиджак и галстук, включил настольный вентилятор рядом с шахматной доской и сел, чтобы полистать семейный альбом Глушки. Раз или два я задавался вопросом, совершаю ли я

¹⁶¹ Марлоу вспоминает события, описанные в романе «Прощай, любимая», опубликованном в 1940 году.

доброе дело или обманываю простофилю, которому никогда не подняться с нижней ступени лестницы. Я задавался этим вопросом, но не думал о том, чтобы вернуть ему пятьдесят долларов.

В альбоме Уоррена было еще шесть фотографий Луизы. На последней из них ей было около пятнадцати лет – симпатичная девочка в белом воскресном платье и с большим белым бантом в коротких каштановых волосах.

Глядя на Уоррена, я предположил, что его младшей сестре сейчас должно быть за сорок. Единственное письмо, которое предоставил Уоррен, не сильно помогло. На конверте был почтовый штемпель Бейкера, штат Канзас, и говорилось, что Луиза подумывает о замужестве и что они с женихом подумывают о переезде в Калифорнию. Она спрашивала, сможет ли он приехать домой на свадьбу. Адрес на конверте указывал, что Уоррен жил тогда в Дейтоне, штат Огайо.

Я сыграл партию Капабланки на международном турнире 1921 года, съел бутерброд с сыром, принял душ и рано лёг спать, включив вентилятор. Со сном у меня проблем не было.

Утром я побрился, зашёл взять кофе на вынос и пончик в забегаловке под названием «У Кейси» на Ла-Сьенега. Кофе у Кейси был ужасный, но его жена готовила отличные пончики. Я забрал пончик и кофе в свой кабинет, сгрёб три письма, ожидавшие меня в утренней почте, прошёл к своему столу, снял телефонную трубку и принялся за работу.

Двумя телефонными звонками позже я разговаривал с женщиной по имени Этель Мюррей из «Бейкер Уикли Диспатч». Судя по голосу, Этель была немолода, но междугородний звонок из Калифорнии произвел на неё впечатление.

– Этель, – сказал я, – ваш редактор, мистер Стэнфилд, сказал, что Вы, возможно, сможете мне помочь. Где-то в мае или июне тысяча девятьсот двадцать первого года женщина по имени Луиза Глушка, вероятно, вышла замуж в Бейкере. Я хотел бы знать, за кого она вышла замуж и где...

– За Олтона Кэша, – перебила она. – Преподобный Соьер обвенчал их в Первой методистской церкви.

– Я впечатлён, – сказала я.

– Не надо, – сказала Этель. – Я бы обманула Вас, если сказала бы, что у меня такая же фотографическая память, как у того парня из «Америкэн Уикли», но это не по мне. Я была у Луизы подружкой невесты. Не слишком пышная свадьба, но я там была, как и Джесс, брат Олтона.

– А где сейчас Луиза и Олтон?

– В Калифорнии, – сказала она.

– Большой штат, – сказал я, прижимая телефон подбородком и протягивая руку за утренней почтой.

– Если точнее, – сказала она, – то Олтон говорил, что у него есть родственники в каком-то местечке под названием Бэй-Сити. Слышали о таком?

– Слышал, – сказал я, распечатывая телефонный счет и засовывая его в нижний правый ящик своего стола. – У Вас есть фотография счастливой пары или самой Луизы? Это моя последняя просьба, и я вышлю вам пять долларов за потраченное время и усилия.

– Я посмотрю, – сказала она, – мистер...?

– Марлоу, – подсказал я.

– Почему Вы разыскиваете Луизу после стольких лет? Если речь идет о той девушке, Тейлор, поверьте мне, это был несчастный случай. Я знала Луизу. Да, у неё был

вспыльчивый характер, но из-за этого... Это из-за слухов и пересудов они расстались, а не из-за какого-то там надуманного случая. У Олтона в Бейкере всё шло отлично.

– А чем занимался Олтон?

– Он был начальником полиции, – сказала Этель.

– Этель, соберите всё, что у Вас есть о происшествии и шефе Кэше. Я высылаю Вам чек на десять долларов. Можете его сразу обналичить, до того, как отправите всё, что сможете найти. Луизу ищет её брат, просто хочет её найти, а я ему помогаю.

Последовала долгая пауза, вздох, и Этель сказала:

– Я думала, Уоррена уже нет в живых. Посмотрю, что смогу найти, и отправлю это завтра в полдень по почте. Бесплатно. Просто, если увидите Луизу, передайте ей, что Этель Мюррей просит Господа её благославить.

Я сказал, что, если у меня будет возможность, то я передам Луизе Кэш её послание. Поблагодарил, дал ей свой адрес и повесил трубку. С этого момента всё могло стать проще простого. Бэй-Сити находился менее чем в тридцати милях от того места, где я сидел. У меня были там кое-какие стычки с полицией, но это было несколько лет назад¹⁶². Всё могло быть просто, но вышло совсем не так.

Второе из трех моих утренних писем было рекламой последних моделей оружия. Я выбросил его. Последнее письмо я не стал открывать. Узнал почерк Терри¹⁶³ на адресе. Я выбросил его и достал телефонную книгу Бэй-Сити из того же ящика, куда положил счет за телефон.

В ней было пять Кэшей. Олтона не было. И Луизы тоже. Я проверил всех пятерых. Двое оказались неграми. Ещё двое выслушали меня неприветливо и сообщили, что у них нет родственников по имени Олтон или Луиза. Пятым был одинокий старик, который не хотел терять счастливой возможности пообщаться с кем-то из людей. Он сказал, что, по его мнению, у него есть кузина Луиза с Востока, но она никогда не приезжала в Бэй-Сити. Он предложил мне навестить его. Он приготовит обед, и мы сможем всё обсудить. Я поблагодарил его и сказал, что обращусь к нему, если мне ещё понадобится помощь.

Уоррен Глушка зашёл незадолго до полудня, когда я собирался уходить на обед. Он поиграл со своим рукавом, удивлённо посмотрел на меня и спросил, обнаружил ли я уже что-нибудь. Я сообщил ему то, что узнал от Этель и из телефонного справочника.

– В Бейкере что-то произошло, – сказал я ему. – Что-то связанное с девушкой по имени Тейлор. Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Я? – спросил Уоррен.

– Если только у тебя за спиной не притаился Эйзенхауэр, то да, ты – ответил я.

– Я ничего ни о чём не знаю, – сказал он.

– Твоя сестра и её муж, возможно, уехали из-за дела Тейлор, – объяснил я. – Вероятно, они сменили фамилию, если они вообще переехали в Бэй-Сити. Я жду кое-какую информацию из Бейкера. На это потребуется несколько дней. До этого момента оплата взиматься не будет.

– Вы оказываете мне услугу, мистер Марлоу? – спросил он. – Или так принято? Вы же не пытаетесь бесплатно меня подвезти?

– Так принято, Уоррен, – заверил я его и отправился на обед.

На следующие два дня я не то, чтобы совсем забыл об Уоррене и Кэшах, но мне всё же удалось затолкать их куда-то подальше, пока я помогал вести наблюдение по делу о

¹⁶² См., например, «Прощай, любимая» (1942), «Младшая сестра» (1949).

¹⁶³ Терри Леннокс из «Долгого прощания» (1953)???

страховке для «Всемирного детективного агентства». Это было круглосуточное наблюдение за тремя бывшими заключёнными, которые, возможно, месяцем ранее ограбили грузовик компании «Бринк» в Энсино. «Всемирное» привлекло внештатных сотрудников вроде меня, чтобы мы подменяли друг друга, пока обычные сотрудники обивали каблуки по окрестностям. Через два дня кто-то во «Всемирном» решил, что, то ли мы следим не за теми, то ли это обходится слишком дорого. Мне выдали чек на пятьдесят баксов и предложили перейти к ним. Я взял чек, а от работы отказался.

На следующее утро под моей дверью лежала посылка от Этель Мюррей из Бейкера, что в Канзасе. Это здорово мне помогло. Там были газетные вырезки о свадьбе Кэша и Глушки. Олтон был на свадьбе в своей форме начальника полиции. Он выглядел худощавым, подтянутым и гордым, а в его улыбка демонстрировала небольшую щель между передними зубами. Луиза выходила замуж в белом платье. Её волосы были коротко подстрижены, лицо красивое и чистое, фигуристая, но не то, чтобы пухленькая. Других фотографий Луизы не было, но в течение следующих полутора лет после свадьбы было несколько снимков Олтона. Он быстро постарел. Дело Тейлор, которым были посвящены четыре газетные вырезки, вероятно, помогло ему в этом. Шэрон Роуз Тейлор, двадцати четырех лет, выпала или была выброшена из окна здания «Экуити-Билдинг», самого высокого здания Бейкера, что означало, что она пролетела не более шести этажей. С ней в то время находились Олтон и Луиза. В их рассказе было полно пробелов, но Кэш был всё-таки начальником полиции, и он сообщил, что у Шэрон Роуз случился необъяснимый приступ безумия, и она выбросилась из окна. Отец Шэрон Роуз, судя по вырезкам, отнесся к этому с недоверием, несмотря на то, что в начале того года его дочь провела несколько недель в государственной психиатрической больнице. Окружной коронер принял историю Олтона и Луизы Кэш. Но у жителей Бейкера, возможно, было больше сомнений в этой истории, чем у окружного коронера. И через три месяца после смерти Шэрон Роуз Тейлор, согласно небольшой заметке, Олтон подал в отставку с поста начальника полиции и объявил, что ему предложили высокую должность в Калифорнии.

Вот и всё. Немного, но уже кое-что. Я ехал в Бэй-Сити с открытыми окнами, в каком-то полусне от жары, не обращая внимания на дорогу. Меня направляли запахи Лос-Анджелеса. Каждый район имеет свой собственный запах и облик: сухая летняя пыль череды равнинных городков; пригородная трава и крутые холмы, когда вы направляетесь на запад; запах соли и скалистый берег, когда вы приближаетесь к океану и прибрежному шоссе. Я ехал на юг, вдоль западной оконечности континента. Здесь было всё, где можно было очутиться, всё, куда могли завести мечты в Соединенных Штатах.

Бэй-Сити был полон людьми, которые убежали так далеко, как смогли. Более тридцати лет назад он был захвачен людьми с деньгами и оружием, которые наживались на мечтателях и крупных игроках. Бэй-Сити был известен как место, где можно купить всё, что угодно, если хорошо выглядеть и держать язык за зубами. Несколько лет назад у меня была стычка с полицейским из Бэй-Сити по имени Дегармо¹⁶⁴. Дегармо был одним из тех мечтателей. Теперь он был мёртв, а Бэй-Сити всё ещё был жив, хотя крупные игроки уже не поднимались здесь так высоко, как раньше.

Я направился напрямик в полицейский участок, в свежее каменное трёхэтажное здание в конце парка. Вестибюль был пуст, а полированные каменные полы недавно хорошо отдраили. Резиновые подошвы моих ботинок скрипели, когда я проходил в дверь с табличкой «Отдел расследований».

С тех пор, как я был здесь в последний раз, в учреждении сделали небольшой ремонт. От стены до стены тянулась стойка, защищавшая полицию от посетителей. Столы за стойкой были маленькими и стальными, а по помещению было рассеяно несколько полицейских и

¹⁶⁴ «Женщина в озере» (1943).

грабителей. За стойкой, лицом ко мне, стоял пожилой полицейский, чьё лицо мне было знакомо, но имени я вспомнить не смог. Он был тучным и неуютно чувствовал себя в обтягивающей накрахмаленной униформе с галстуком.

Он оглядел меня с ног до головы, не выказал никаких признаков узнавания, что меня вполне устраивало, и решил, что я не являюсь для него приоритетной задачей.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил он.

– Ищу одного парня, – сказал я, облокачиваясь на стойку так, чтобы оказаться к нему лицом. Он был моего роста, около шести футов¹⁶⁵, но у меня было ощущение, что когда-то он был выше. Я вытащил вырезку об Олтоне Кэше и протянул ему. Старый полицейский посмотрел на вырезку, а затем на меня.

– Старая фотография, – сказал он.

– Очень старая, – согласился я. – Но у него характерное лицо, которое, вероятно, не сильно изменилось, и промежуток между зубами, которому никуда не деться.

Старый коп почесал в затылке и снова посмотрел на фотографию Элтона.

– А ты с какого боку? – спросил он.

– Его шурин – мой друг, – сказал я. – Шурин болен, очень болен, вероятно, при смерти в одной из больниц Лос-Анджелеса. Он не общался со своей сестрой более двадцати лет и вдруг узнал, что она жила в Бэй-Сити. Этот друг хочет повидаться со своей сестрой перед смертью.

– Вот так просто? – спросил он, возвращая мне вырезку. Я взял её и убрал в карман.

– Вот так просто, – ответил.

Он огляделся, проверяя, не наблюдает ли кто за нами, а затем прошептал:

– Тут новый шеф. Зачистка. Новый имидж. Я бы ушел на пенсию сейчас, если бы у меня была выслуга. Этот воротничок меня убивает. Но не могу позволить себе уйти без пенсии.

– Могу ли я сделать взнос в пенсионный фонд? – спросил я.

– Ни вижу причин, почему бы и нет, – ответил он. – Частное пожертвование. Скажем, пятнадцать долларов.

– Скажем, десять, – сказал я, вытаскивая десятку и давая ему её увидеть зажатой в правой руке.

– Десять, – согласился он. – Его зовут не Кэш, как написано под фотографией. Он называет себя Дайсон. Служил тут в полиции. Некоторое время назад уволился. Тебе повезло, что ты встретил меня. Его большинство молодых ветеранов в округе и не знают.

– Как мне его найти? – спросил я.

Он снова огляделся, поднял палец, показывая, что я должен подождать, и, ссутулившись, скрылся за углом. Мне пришлось в течении минут трёх наблюдать, как аккуратно одетые полицейские за своими столами тихо разговаривают по телефону, пока пожилой полицейский не вернулся. Он наклонился ко мне.

– Четыре-четыре-шесть по Олеандр-драйв. Вернись на Центральную, а затем поверни направо почти у самых доков. Увидишь Олеандр справа примерно тогда же, как и океан. Это его последний известный адрес. Ты не хуже меня сможешь предположить, что он всё ещё там.

Я потянулся, пожал ему руку и почувствовал, как он с мастерством умельца принял десятку. Больше говорить было не о чем. Я вышел на улицу и направился вниз по Центральной улице.

¹⁶⁵ Около 180 см.

Найти Олеандр было несложно. Это был один из тех захудалых переулков, на которых ещё в двадцатых один из застройщиков возвел белые одноэтажные каркасные дома для первой волны приехавших работать на верфи Бэй-Сити. Через десять лет после постройки хлипкие одноэтажки уже были готовы к сносу. Двадцать лет спустя в них поселились негритянские семьи, которые содержали женщины, прибивавшие в домах у мошенников в поместьях, расположенных выше по холмам. Тридцать лет спустя дома на Олеандр-стрит начали проседать и умирать. Некоторых из них причесали и обхаживали, как пьяных от пунша мопсов, чтобы они смогли подняться ещё на один круг. Ещё одного удара, похоже, Олеандр бы не выдержал. Крыльцо просело, краска облупилась. Дверь веранды латали столько раз, что теперь она выглядела как произведение современного искусства, а грязная лужайка, на которой присутствовало только одно сухое лимонное дерево, давно потеряла надежду на появление травы.

Я припарковался на обочине потрескавшейся бетонной улицы и оглянулся на двух негритянских ребятишек лет шести, перебрасывавшихся консервной банкой, пока я выходил из машины. Мальчик сморщил нос, глядя на меня, а девочка прищурилась. Поднимаясь по ступенькам дома 464, я услышал, как девочка сказала: «Он идёт к ведьме».

Я постучал в облупившуюся раму входной двери. Дверь задрожала и пригрозила, что вот-вот отвалится. Ничего. Я постучал ещё раз.

– Продолжайте стучать, мистер, – отозвалась девочка с противоположной стороны улицы.
– Они дома. Они всегда дома.

Я продолжал стучать и, в конце концов, расслышал внутри шарканье. Оно прекратилось. Я постучал ещё раз, и шарканье переместилось к двери, а затем дверь приоткрылась, но только чуть-чуть.

– Что? – раздался мужской голос.

Я не мог разглядеть его лица из-за густой сетки.

– Мистер Дайсон? – спросил я.

– И? – спросил он.

– Меня зовут Марлоу. Я хотел бы поговорить с Вами минутку. Я только что из полицейского управления Бэй-Сити.

Он колебался и начал закрывать дверь.

– Это насчёт Вашей жены, – добавил я.

Дверь перестала закрываться.

– Моей жене нехорошо, – сказал он.

– У меня для неё сообщение, – сказал я.

– Нет, – сказал мужчина, захлопывая дверь.

– Мистер Дайсон, – позвал я через закрытую дверь. – Думаю, Вам всё-таки придётся иметь дело со мной либо сейчас, либо завтра, либо послезавтра. Я могу продолжать приходить и привлекать к Вам всё больше внимания, или Вы можете впустить меня, и покончим с этим.

Если бы он не открыл дверь, я пришлось бы уйти и вернуться с отчётом к Уоррену. И он не поддавался на мой блеф.

– Так его, мистер, – отозвалась девочка с другой стороны улицы.

Дверь открылась, и я прошёл через сетчатую дверь в тёмный холл. Я увидел перед собой тонкий силуэт мужчины. Он попятился, и я последовал за ним. Когда мы вошли в маленькую гостиную, сквозь опущенные шторы проникало достаточно света, чтобы разглядеть, что мужчина был одет в сильно выцветшую синюю рубашку и такие же выцветшие синие брюки. Его рот был приоткрыт, зубы были плохими, но все были на

месте, и промежуток в них также наличествовал. В правой руке он держал «смит-и-вессон» 38-го калибра с шестидюймовым¹⁶⁶ стволом, любимое оружие полицейских.

Самым поразительным в Элтоне Кэше было то, что я знал: ему не могло быть больше пятидесяти, но выглядел он, по меньшей мере, на двадцать лет старше. У него были седые волосы, сутулые плечи и пустые, блекло-голубые глаза.

– Кто ты? – спросил он.

– Меня зовут Марлоу, как я Вам и сказал.

Там были стулья, на которые можно было сесть, и даже диван, но они были старые, с размытым, призрачным рисунком, и я был уверен, что, если я присяду, с них поднимется облако пыли. Он не попросил меня присесть, да я и не хотел.

– Это он послал тебя, так ведь? – спросил Кэш, направив пистолет мне в живот. – Он послал тебя найти нас.

– Он?

– Её брат, – пояснил он.

– Я хочу поговорить с Вашей женой, – сказал я.

– Нет.

В дверном проеме что-то зашевелилось, и я обернулся на звук прогибающегося деревянного пола. Мой взгляд встретился с самыми глубокими, тёмными и печальными карими глазами, которые я когда-либо видел. Глаза были расположены на мягком, похожем на шар лице, покоящемся на огромном, округлом теле без шеи. Луиза Глушка Кэш ходила, опираясь на трость, чтобы можно было поддерживать свой вес. Её дыхание было болезненным и затрудненным.

– Он от Уоррена, – сказал Олтон.

Её глаза широко раскрылись от страха.

– Он хочет поговорить с Вами, – сказал я.

– Мы знаем, чего он от неё хочет, – сказал Олтон.

– Олтон, – прохрипела Луиза.

– Мы всю жизнь прятались от него, Луиза, – сказал Олтон почти со всхлипом в голосе. – Я начинаю думать, что наши жизни больше не стоят так дорого, чёрт возьми.

С этими словами он полностью переключился на меня.

– Сколько он заплатил тебе за то, чтобы ты нас убил? – он спросил.

– Убить вас? – спросил я. – Он не хочет вас убивать. Он хочет увидеть свою сестру.

– Его сестра мертва, – сказала Луиза Кэш, опускаясь на ближайший стул, который застонал под ее весом.

– Мертва?

– Её звали Шэрон Роуз Тейлор, – сказала Луиза. – Мои родители усыновили Уоррена. А Тейлоры удочерили Шэрон Роуз, когда мать их бросила.

– Вся семья была немного не в себе, – сказал Олтон. – Шэрон Роуз думала, что я в неё влюблен. Она говорила, что я обещал жениться на ней. Мы с Луизой поехали к ней туда, где она работала, в Экуити-Билдинг. Сказали ей, что собираемся пожениться, и что она должна перестать преследовать меня. И тогда...

¹⁶⁶ Около 15см.

– Она повела себя как сумасшедшая, угрожала, – сказала Луиза, глядя куда-то мимо меня в прошлое. – Я вышла из себя... Я что-то сказал... и она...

– Выпрыгнула в окно, – закончил я. – Это...

– Сумашествие? – спросил Олтон. – Чертовски верно. Она написала Уоррену письмо, в котором солгала ему обо мне, о Луизе, и когда Шэрон Роуз умерла, он обвинил в этом нас.

– И он был прав, – тихо сказала Луиза.

– Нет, не был, – простонал Элтон. – Мы не знали, что она настолько безумна.

– Нам следовало быть с ней помягче, – сказала Луиза, ни к кому не обращаясь.

– Мы это уже проходили, – воскликнул Элтон. – Хочешь сейчас умереть? Хочешь, чтобы этот тип пристрелил тебя?

– Мне уже всё равно, Олтон, – сказала она. – Мы бежали от него, когда он пришёл за нами в двадцать девятом или тридцатом, и потом мы бежали от того, кого он послал, когда началась война, и...

– Я здесь не для того, чтобы ни в кого стрелять, – сказал я, но Кэши меня не слушали. Они были увлечены беседой, которую, должно быть, вели тысячу раз на протяжении тысячи ночей и дней.

– Хватит, Олтон, – сказала она. – Хватит.

Когда Олтон говорил, его рука медленно опустилась, и теперь пистолет был направлен в пол. Я хотел сказать им, чтобы они обо всём забыли, что я просто вернусь в Лос-Анджелес, верну всё, что у меня осталось от денег Уоррена, и скажу ему, что всё кончено. И я бы так и сделал, если бы Олтон дал мне шанс всё это разъяснить. Но вместо этого он поднял свой 38-ой и прицелился в меня. Выражение его глаз было мне знакомо. Уже видел это раньше. Этот взгляд говорил: «Я не имею никакого отношения к тому, что произойдёт дальше. Я где-то не здесь. А когда всё закончится, я вернусь, и даже не буду знать, что натворил».

Этот взгляд дал мне ту долю секунды, которой хватило, чтобы броситься на пол, прежде чем он выстрелил. Я откатился вглубь комнаты, когда раздался второй выстрел, и я услышал хриплый стон, стон, напоминающий звук, издаваемый проколотой шиной. На пыльном полу у стены я ждал, когда Элтон выстрелит в меня в третий раз, и тут услышал, как его пистолет с грохотом упал на пол. Я поднял глаза и увидел, как Олтон, шаркая, подходит к Луизе, которая резко наклонилась вперёд, по её некогда белому платью стекал ручеек крови. Я встал на одно колено и потянулся за пистолетом, но Олтон этого не заметил. Он пытался не дать массивному телу своей жены соскользнуть на пол. Но у него не было ни единого шанса. Я схватил пистолет за ствол.

– Она умирает, – простонал он.

– Она мертва, – поправил я, подходя к нему, когда Луиза Кэш свалилась на пол.

– Я убил её? – спросил он, глядя на меня снизу вверх.

– Ты убил ее, Олтон, – подтвердил я.

– Она была бы жива, если бы ты не пришёл.

– Это как посмотреть. Где телефон?

– У нас егонет, – сказал он. Он сидел на полу, скрестив ноги, и держал на коленях голову мёртвой жены. Пыль в доме и привкус смерти подействовали на меня. Я направился к двери и вышел на солнце, всё ещё держа пистолет за ствол. Яркий жаркий день никуда не делся. За те несколько минут, что я провел в склепе, где жили Кэши, ничего не изменилось. Двое детей на другой стороне улицы смотрели на меня, вероятно, и удивились звукам выстрелов, но были не слишком поражены тем, что они раздались в этом районе.

– У вас есть телефон? – спросил я.

– Нет, – ответила девочка, – есть в магазине Робинсона, дальше по дороге. Кто-то умер?

– Большинство из людей, которые когда-либо жили, – ответил я.

Полиция Бэй-Сити появилась примерно через двадцать минут после моего звонка. Адрес на Олеандр дал им достаточно оснований не торопиться. Я отдал пистолет полицейским, которые не проявили особого интереса к обычному бытовому происшествию, и сказал, что просто проходил мимо, когда услышал выстрел и зашёл внутрь. Я сказал им, что ничего не знаю о Кэшах, что я просто добропорядочный гражданин, бывший сотрудник окружного прокурора Лос-Анджелеса. Я дал им пистолет Олтона Кэша и оставил вымышленные имя и адрес в Лос-Анджелесе на случай, если они захотят со мной связаться. Олтон был слишком не в себе, чтобы возражать мне или обращать на это внимание. Он ждал и планировал сойти с ума больше половины своей жизни. И его час настал.

Я не спеша поехал обратно в Лос-Анджелес и направился в «Каскадия-Лаунж» с Койлзом Конроем за барной стойкой. Было уже далеко за полдень, и в заведении кипела жизнь: бригада строителей сносила офисное здание неподалёку. Я заказал неразбавленный скотч и выпил его залпом. Уоррен Глушка появился в дверях примерно через час после меня.

– Я так и думал, что найду Вас здесь, – сказал Уоррен у меня за спиной, перекрывая спор двух строителей о том, должна ли в Лос-Анджелесе быть команда из высшей бейсбольной лиги.

– Ты правильно думал, – сказал я, не оборачиваясь.

– Есть успехи, мистер Марлоу? – спросил он, усаживаясь на красный кожаный барный стул рядом со мной.

– Не у Луизы Кэш, – сказал я. – Она мертва.

Позади нас строитель бросил пару монет в музыкальный автомат. Заиграл оркестр, и я захотел уйти.

– Что?

– Ты опоздал, Уоррен, – сказал я. – Ты не сможешь её убить. Она мертва.

– Убить её? – спросил он, широко раскрыв глаза от замешательства. – Я не хотел её убивать. Я хотел ей сказать, что простил её. Я плохо отнёсся к Луизе, мистер Марлоу. Я наговорил ей гадостей, когда кое-кто умер. Однажды я попытался через кое-кого найти её, чтобы передать ей, что мне жаль, но она сбежала. Я пытался найти её сам, но безуспешно. Я хотел простить её.

– За то, что она сделала с Шэрон Роуз? – спросила я, перекрывая шум музыкального автомата и спорящих строителей.

– Да, – сказал он. – Я наговорил гадостей и очень долго сожалел об этом. Я хотел сказать Луизе, что мне жаль.

Я посмотрел на Уоррена и по его потрёпанному лицу понял, что он говорит правду. Олтон и Луиза Кэш провели большую часть жизни, спасаясь только от собственной вины.

– Похоже, у меня теперь нет сестры, – сказал Уоррен. – Большую часть жизни у меня было две сестры. Теперь ни одной.

– У тебя грядут перемены, Уоррен, – сказал я, доставая бумажник. Он положил свою руку поверх моей, чтобы остановить меня.

– Никаких одолжений, – напомнил он мне.

Я пожал плечами и засунул бумажник обратно.

– Позволь мне угостить тебя, – сказал я.

– Пива будет достаточно, – сказал Уоррен, изумлённо оглядывая бар. – У Вас есть братья или сестры, мистер Марлоу?

– Нет, – сказал я, пытаюсь привлечь внимание Койлза Конроя.

– Очень жаль, – тихо сказал Уоррен. – Очень жаль.

Я едва расслышал его. Воздух был полон музыкой.

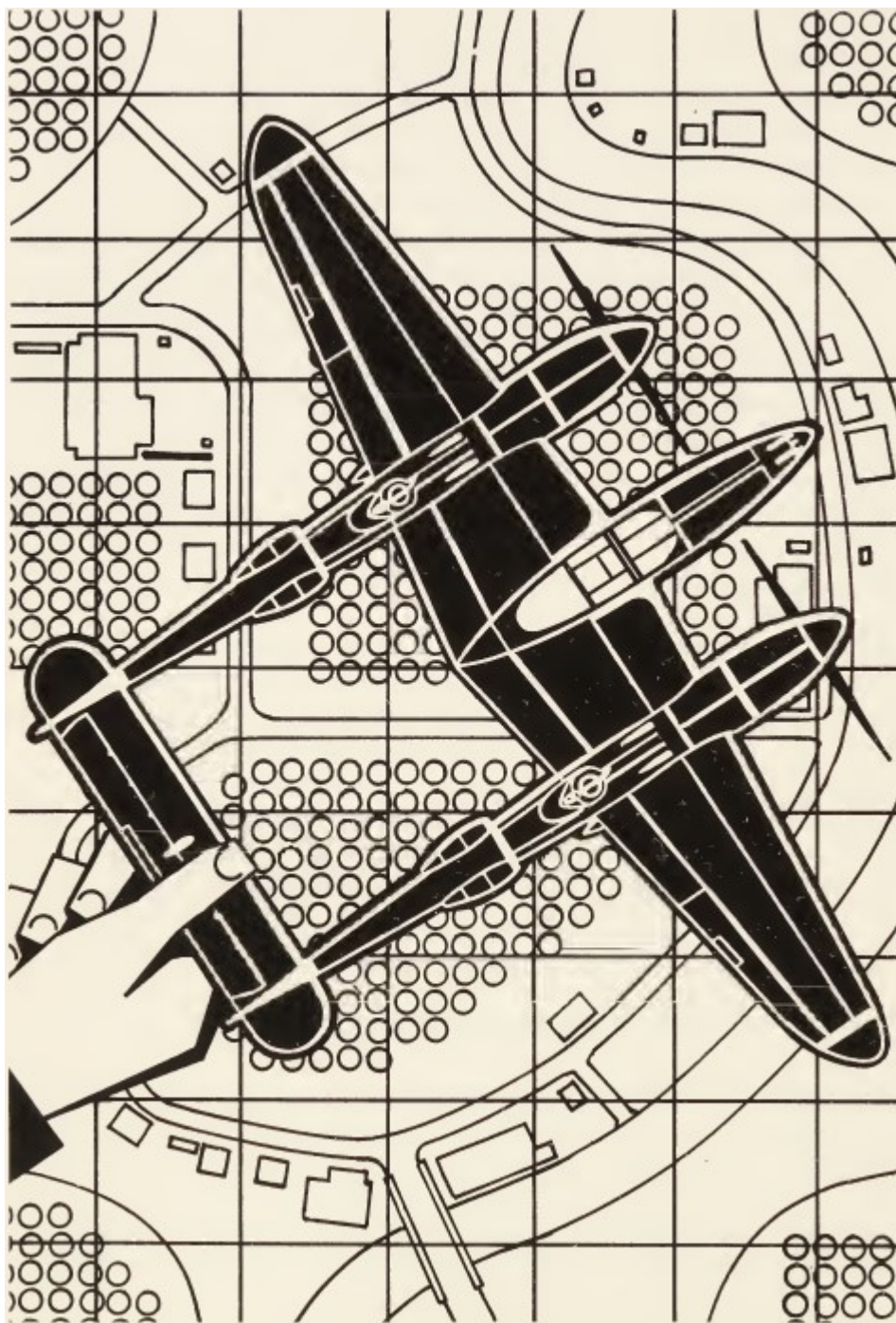
Рэймонд Чандлер не один из моих любимых писателей. Он и есть мой любимый писатель, и стал им с того самого дня, когда я случайно купил «Женщину в озере» в мягкой обложке вскоре после своего четырнадцатилетия. До того дня я читал детективы, слушал по радио Сэма Спейда, смотрел фильмы о Майке Шейне, но Марлоу на печатной странице ожил для меня мгновенно. Я понимал, что он чувствовал, переживал его боль, понимал, что ему нравится, хотя никогда не мог запомнить сюжет. Я всё ещё их путаю, но нахожу персонажей незабываемыми, особенно Марлоу, который несёт бремя жизни с цинизмом, умудряясь не ожесточиться. Я представляю себе Марлоу с кривой понимающей улыбкой, шутящего, чтобы развеять скуку и скрывающего свои эмоции, готового проявить достаточно романтизма, чтобы помочь в беде невинного, знающего, что каждое приключение обречено закончиться трагической потерей, разрушенной любовью, предательством друга. Когда мне было четырнадцать, я почувствовал, что за персонажами скрывается страдающий автор, и удивился, почему такие меланхоличные истории могут так меня завораживать. Теперь, когда я стал взрослым, я больше не удивляюсь. Чандлер запечатлел наш мир, безнравственный мир, в котором у каждого, даже у худшего из злодеев, есть оправдание, причина для совершения преступлений. Меня преследуют персонажи Чандлера в этом мрачном мире, его фантазии молят о понимании Марлоу, который может понять их боль, но ничего не может с этим поделать. Единственное, о чём я сожалею, так это о том, что Чандлер написал так мало. Однако он породил других, которые попытались продолжить и вернуть мир, созданный Чандлером, как для себя, так и для других. И за это я ему благодарен.

Стюарт Камински

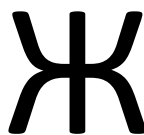
РОБЕРТ КРЕЙС

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ДИКА БОНГА

1953

Художник Пол Ривовш

ЖЕНЩИНА вошла первой, шагая так быстро и тяжело, что её острые

каблуки, казалось, пронзали линолеум в моей маленькой приемной. У неё были ярко-красные губы, подрисованные брови и рыжие волосы, с одной стороны заколотые сзади, а с другой – зачёсанные вперёд. На ней был недорогой костюм из верблюжьей шерсти с широкими плечами, который выглядел очень поношенным. Она выглядела также.

Увидев меня, она остановилась, и всё ещё держа руку на дверной ручке, и спросила:

– Ты Филип Марлоу?

Я бы убрал ноги со стола, на котором они покоились, но она казалась чересчур проворной. И я дал им ещё подремать.

– Если сойдёмся в цене.

Она одарила меня недоброй усмешкой.

– Умный парень. Мне это нравится.

Удачи, Марлоу.

Она что-то произнесла в коридор, и в комнату вошёл маленький мальчик. У него было пухлое лицо, пухлое тельце и тонкие, как карандаш, ручки и ножки. Она нарядила его в клетчатую рубашку с короткими рукавами и короткие штаны, которые были слишком велики для его тощих ног, чёрные ботинки на его ногах выглядели так, словно их никогда не чистили. Он причмокивал леденцом со вкусом винограда и держал в руках маленькую литую оловянную модель двухмоторного истребителя П-38 «Молния»¹⁶⁷. По всему офису тут же распространился запах винограда.

Она показала ему на диван у окна и сказала:

– Посиди вон там, пока я не закончу.

Он сел. Она устроилась на жёстком стуле напротив стола и принялась разглядывать мои ноги.

– Тебя интересует небольшая работа или в твоей бальной книжке уже не осталось места?

Я покачала головой.

– Я не занимаюсь разводами.

– Почему ты думаешь, что это то, чего я захочу?

– У Вас такой вид.

Она издала резкий смешок, который мне не очень понравился. Мальчик тихо сидел на диване, играл с самолетиком и украдкой поглядывал на меня. Она сказала:

– Я развелась двадцать месяцев назад. Что мне нужно, так это чтобы кто-нибудь взыскал алименты, которые должен мне сукин сын, за которым я была замужем.

Я взглянула на мальчика.

– Мы говорим об отце мальчика?

– Ты ведь на самом деле не думаешь, что я ошиблась бы больше одного раза, так ведь?

¹⁶⁷ Его модель изображена на рисунке.

Когда она это сказала, мальчик повернулся и уставился на Голливудский бульвар. Его правый ботинок оказался на диване, но я ничего не сказал. Бывало и хуже.

Ее звали Луиза Баррис, а её сына – Робби. Ближе к концу войны она познакомилась с авиационным инженером Фрэнком Баррисом, который работал в Бербанке, и вышла за него замуж, но их брак долго не протянул. Фрэнк пил, Фрэнк ныл по любому поводу, Фрэнк не мог проявить себя как мужчина, и, в конце концов, они расстались. Робби был их единственным ребенком.

Луиза сказала:

– Этот сукин сын не мог устроиться на работу с начала корейской войны¹⁶⁸, но теперь ему удалось занять какую-то жалкую должность инженера-ирригатора в Тарзане, Вудленд-Хиллз или где-то ещё в этом роде. Думаю, что не могу больше ждать. Думаю, мне лучше получить своё, пока этот никчемный пьяница не нашёл другого способа обобраться.

Я снова посмотрел на мальчика. Он держал самолетик, высунутый из окна, и потерянно летел в жарком летнем небе над Голливудом на высоте трёх этажей.

Я сказал:

– Если Ваш бывший не платит алименты на содержание ребенка, я Вам не нужен. Обращайтесь в суд.

Она состроила гримасу, как будто я должен был быть резче.

– Обратиться в суд стоит денег.

– Я тоже. Тридцать баков в день.

Она покачала головой.

– Господи, да после войны дела пошли в гору.

Я кивнул. Тридцать – это, конечно, перебор.

– Если он был без работы, то может, у него её и нет.

– Она у него есть, всё в порядке. Об этом не беспокойся. – Она порылась в своей сумочке, достала фотографию и жёлтый листок бумаги, положила их на мой стол. Мне пришлось убрать ноги, чтобы до них добраться.

– Это фотография Фрэнка. Я написала, как добраться туда, где он живёт и где работает. Вот небольшая карта.

Я не стал утруждать себя изучением карты. У Фрэнка была массивная голова, высокий лоб и усики-карандаши под носом в форме кабачка. Фотография была похожа на фотографию из ежегодника колледжа. Может быть, Калифорнийского университета. Или городского колледжа. Мальчик был очень похож на него.

Она сказала:

– Сейчас даже не обеденное время. Я думаю, ты мог бы съездить туда сразу после обеда, немного надавить на него, а затем вернуться ко мне домой ближе к вечеру с деньгами.

– Я не наемный головорез.

– Значит, тут даже нет и речи о полном рабочем дне, так? Это не должно стоить больше, скажем, пятнадцати долларов?

Я снова посмотрел на парня.

– Сколько тебе должен твой бывший?

– Девять месяцев по сто пятьдесят. Тринадцать с половиной сотен. Только не думай, что сможешь раскрутить меня на процент. Мне нужны эти деньги.

¹⁶⁸ Т.е., с 1950 года.

Она хмуро посмотрела на мальчика.

– У меня расходы.

Я кивнул. Пятнадцать баков.

Она сказала:

– Он знает, что я этого хочу, и он знает, что должен мне это дать. Мы говорили об этом, и он сказал, что так и поступит, только теперь он водит меня за нос. Не позволяй этому никчемному куску дерьма тебя обмануть.

Мальчик отвернулся от окна, обеими руками держа маленький самолетик, как будто тот совершал длинный плавный вираж. Его губы шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. Пилот с пилотом. Если бы у меня был сын, подумал я, был бы он похож на меня так, как этот мальчик похож на Фрэнка Барриса? Я встал.

– Посмотрю, что можно сделать.

Она открыла сумочку, достала две пятерки и пять купюр по одному доллару и положила их на стол. Я к ним не притронулся.

– Мой адрес там же, на карте. Мы будем тебя ждать.

Я посмотрел, как она закрывает сумочку. Спросил:

– Скажите, Вы всегда обливаете грязью своего бывшего мужа в присутствии мальчика?

Она кивнула.

– При каждом удобном случае.

Луиза Баррис встала, протянула мальчику руку, и они ушли.

Фрэнк Баррис работал на окружной ирригационной станции в долине Сан-Фернандо, в Тарзане. Я проехал через перевал Кауэнга, затем около миллиона миль на запад по бульвару Вентура. Чем дальше я продвигался, тем суше становился воздух, пока моя кожа не скукожилась и не загубела, став шершавой как наждачная бумага. Хотя было прохладнее, чем я ожидал. Всего около ста пятнадцати градусов¹⁶⁹.

Через некоторое время здания вдоль бульвара стали возникать всё чаще, и начались апельсиновые рощи. Они тянулись в долину по иссушенной земле, высаженные рядами низкорослые деревья с тёмными стволами, на каждом из которых висели ярко-оранжевые шары. Тарзана. Эдгар Райс Берроуз жил в Тарзане, но Тарзан тут никогда не был. Всё было плоским, сухим и пустым, за исключением бесконечных рядов апельсиновых деревьев. Ни рек. Ни аллигаторов. Ни слонов, ни львов, ни дружелюбных шимпанзе. Пробираться сквозь апельсиновые деревья было бы сущим адом.

Я следовал указаниям, оставленным Луизой Баррис на жёлтом листе бумаги, пока не добрался до ирригационной станции. Это было одноэтажное промышленное здание, построенное из цементных блоков и гофрированной жести, с тремя грузовиками и парой седанов перед входом. Я прошёл через большую раздвижную дверь на склад, где власти округа хранили трубы, фитинги, клапаны, насосы и другое оборудование, которое использовалось для борьбы с пустыней. Двое мексиканцев несли насос, который был для них слишком тяжёл, а лысый мужчина сидел за столом из тёмного дерева, курил и читал новости. На меня лысый и головы не поднял. Я прошёл мимо него и вошёл в дверь, ведущую в небольшой холл, в который выходили пара кабинетов со стеклянными стенами. Один из кабинетов был пуст, а в другом был Фрэнк Баррис.

¹⁶⁹ По Фаренгейту. Около 46 градусов по Цельсию.

Когда я вошёл, Баррис прикуривал сигарету от большой зажигалки «зиппо» и смеялся над чем-то, что говорил придурок по имени Лу Мардо. В каждом из кабинетов стояли большие плоские столы, на которых были разложены официальные планы ирригации графства и рейшины с треугольниками, которыми пользуются инженеры при черчении, но только у Барриса они выглядели так, будто ими давно не пользовались.

Баррис заметил меня первым, а потом меня заметил и Лу Мардо. Лу держал в руках небольшой стакан с чем-то коричневым. На столе перед Баррисом стоял ещё один невысокий стакан и пинтовая бутылка «Старой Вороны»¹⁷⁰. Мардо пристально смотрел на меня, пока не связал лицо с именем, затем опрокинул свой бокал.

– Филип Марлоу. Боже ж ты мой.

Мы с Лу опять встретились. Его старший брат был хорош в своём деле, сшибая на жизнь двадцатки, пока пара психов не замучила его до смерти с помощью электрического утюга. Лу хотел заняться ремеслом своего старшего брата, но его рука была не настолько тверда. Его криминальная карьера вышла на пик с мелкой кражей со взломом, притворством, что он лучше разбирается в сейфах и замках, чем было на самом деле, и ложью. Некоторые парни рождаются именно для такого.

– Привет, Луи. Давненько тебя не видел.

Лу ещё больше развеселился. Просто пара приятелей встретились в баре.

– Корея.

Фрэнк Баррис явно занервничал.

– Кто этот парень?

Лу улыбнулся.

– Ищейка. Забудь о нём.

– Не думал, что ты работаешь с инженерами, Лу. – Я улыбнулся Фрэнку Баррису. – Обычно это сутенеры, наркоманы и сладкие девочки.

Баррис спросил:

– Что он здесь делает? – Он не стал выглядеть менее взволнованным.

Я отозвался:

– Лу не имеет к этому никакого отношения, Фрэнк. Это касается только нас с тобой.

Фрэнк уставился на меня, Лу Мардо тоже, а я удивился, чего они все на меня уставились. А ещё мне было интересно, что такой парень, как Лу Мардо, делает в офисе окружного инженера.

Фрэнк сказал:

– У меня нет с тобой никаких дел.

– Твоя бывшая.

– Луиза?

Я кивнул.

– Ей нужны алименты и пособие на ребенка, и она послала меня разобраться с этим.

Я показал ему на кнопку звукового сигнала.

– Что насчёт этого?

Лу Мардо неожиданно рассмеялся и поставил стакан.

– Ох уж, эти женщины.

¹⁷⁰ Сорт недорогого бурбона.

И направился к двери.

– Увидимся позже, Фрэнки. И с тобой, Марлоу.

Он вышел. В его походке присутствовала лёгкая хромота, чего я раньше не замечал. Возможно, Корея.

Фрэнк Баррис подождал, пока Мардо выйдет, затем выдвинул ящик письменного стола и достал из него тёмно-бордовую чековую книжку. На стене позади него висел диплом в рамке. Инженерный колледж Южнокалифорнийского университета. Неплохо. Лучше, чем я мог предположить. Он спросил:

– Ты пришёл за чеком?

– Конечно. Зачем же ещё?

Баррис скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула, оторвавшись от чековой книжки. В нём, несомненно, можно было разглядеть мальчика. Такое же круглое лицо, такой же широкий нос, такой же высокий лоб.

– Не беспокойся об этом, – сказал он. – Сколько она тебе платит за то, чтобы ты выкручивал руки?

– Пятнадцать долларов.

– Парень, да ты что-то. – Баррис ухмыльнулся. – Она и в постель тебя затащит, если ты ей настолько понравился.

Я не ответил. На стене над одним из чертёжных столов Барриса была прикреплена маленькая фотография истребителя П-38 «Молния», того самого самолета, с моделью которого мальчик играл в моём офисе. Фотографии было семь или восемь лет, и она выглядела так, словно её часто снимали. Я уставился на неё. Когда Баррис увидел, что я разглядываю, ухмылка исчезла с его лица. Он расцепил руки, достал ручку и заполнил чек.

– Я должен ей за девять месяцев. Это тысяча триста пятьдесят. Скажи ей, что она могла бы получить эти чёртовы деньги, не тратясь на тебя.

– Парень будет тебе признателен. – Вышло жёстче, чем мне хотелось.

Баррис вырвал чек из кассовой книжки, подул на него и отовинул от себя.

– Я был без работы.

– Конечно. – Я забрал чек.

Он выглядел так, словно хотел ещё что-то сказать, и решал, стоит это делать или нет. В его глазах тогда было что-то мягкое, и это заставило меня задуматься, звонил ли он когда-нибудь своему сыну или водил его в парк поиграть в мяч. Мне показалось, что он бы этого хотел. Баррис взглянул на бутылку «Вороны», затем поднял свой бокал и немного отпил.

– Никогда не женись на шлюхе, Марлоу, – сказал он. – Это закончится тем, что ты совершишь самое ужасное, что только можно.

– Конечно. – Я сложил чек, сунул его в карман пиджака и снова вышел в жару.

Луиза Баррис жила в бежевом оштукатуренном бунгало на Уиппл-стрит в Северном Голливуде, недалеко от бульвара Ланкершим. На подъездной дорожке стоял «форд-купе» 38-го года, а на земле у маленького крыльца лежал красный велосипед «коламбия». Лужайка была бурой и запущенной, потому что её никто не поливал и не подстригал, а дом, машина, велосипед и лужайка выглядели покрытыми уличной пылью.

Я припарковался за «фордом», подошёл к входной двери и постучал. Марлоу заработал свои пятнадцать долларов.

Дверь открыл мальчик. Клетчатая рубашка, в которую он переодевался для визита к детективу, исчезла. На нем была белая футболка с V-образным вырезом, заляпанная грязью, обрезанные брюки из джинсовой ткани и потрёпанные чёрные кеды. Он ел батончик «марс». Я спросил:

– Твоя мама дома?

Он кивнул.

– Как думаешь, я могу с ней повидаться?

Он сказал:

– Мой папа знал майора Ричарда Бонга, американского аса из асов. – Он выпалил это так, как услышал в кинохронике. Ричард Бонг был лучшим американским истребителем-асом во время Второй мировой войны. За последние пару лет войны не проходило и недели, чтобы Дик Бонг не появлялся в заголовках газет.

Я сказал:

– Да?

– Мой папа строил истребители. Он везде побывал, чтобы убедиться, что с самолётами всё в порядке, а Дик Бонг однажды доставил его из Брисбена в Австралии в Порт-Морсби на Новой Гвинее. Папе тогда пришлось вжиматься в спинку сиденья, потому что в П-38 только одно место.

П-38. Маленький двухмоторный самолётик, модель которого мальчик принёс в мой офис.

– Парень, – сказал я, – это, наверное, много значит.

Мальчик доел свой «марс».

– Она на кухне. Схожу за ней.

Я вошёл, а он побежал в дом через крошечную гостиную. Она была не намного чище, чем двор перед домом. Напротив телевизора «Эр-Си-Эй» с круглым экраном стоял потрёпанный диван, отделял их друг от друга кофейный столик орехового дерева. Пустые бутылки из-под кока-колы, тарелки и грязные салфетки громоздились на кофейном столике и на телевизоре. Пепельница с пятнадцатью тысячами окурков стояла на подлокотнике дивана, а оставленные на его обивке непогашенными сигаретами следы напоминали чёрных мохнатых гусениц. На полу лежал номер журнала «Лайф» с Марлоном Брандо на обложке. Я подошёл к кофейному столику и изучил то, что осталось на тарелках. На обед были бутерброды с желе.

Луиза Баррис вышла в одной комбинации.

– Приятель, ты быстро работаешь. Нашёл его?

Я отдал ей чек.

– Он сказал, что ты получишь то, что тебе причитается. Всё до последнего цента.

Она посмотрела на чек так, словно подозревала, что он заполнен исчезающими чернилами.

– Если он знает, что для него лучше, я так и сделаю. Подожди здесь. Я хочу позвонить в банк и проверить, что там у этого сукина сына.

Она вернулась на кухню. Я услышал, как звякнули кубики льда в стакане, прежде чем она стала набирать номер. Возможно, мне стоило бы попросить о сверхурочных.

В комнату вернулся мальчик и, стоя, скрестив ноги, стал наблюдать за мной так, как смотрят телевизор. Я улыбнулся ему, а он улыбнулся в ответ. Я сказал:

– Ты уже довольно большой. Любишь играть в футбол?

Он скрестил руки на груди и стал выглядеть смущённым. Мне стало интересно, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз разговаривал с женщиной, который пришел сюда не для того, чтобы наброситься на его мать. Он спросил:

– Ты видел моего папу?

– Ага. Он просил передать тебе привет.

Это ему понравилось.

– Вы были на войне, как мой папа?

– Строить истребители это очень классно. Сам я служил в пехоте. На Филиппинах.

– Вы знали Дика Бонга?

– Нет.

– А Томми Макгуайра или Паппи Бойингтона?

Ещё истребители-асы.

Я покачал головой.

– Парни вроде меня смотрели, как над головой пролетают такие, как Бонг и Макгуайр, и жалели, что сами не там.

Он потёр лицо тыльной стороной ладони, размазывая остатки шоколадного батончика.

– Хочешь посмотреть мою комнату?

– Конечно.

Мы прошли мимо маленькой ванной комнаты бирюзового цвета в спальню мальчика. Там стояла односпальная кровать с крашеной железной рамой, комод, очень старый плетеный сундук и овальный коврик на полу. На полу у изголовья кровати лежала небольшая стопка комиксов о Человеке-факеле¹⁷¹, на подоконнике – книга о Секретном Агенте из серии «Биг Литтл Бук»¹⁷², а на комодике – четыре безукоризненно раскрашенные модели самолетов П-38 «Молния» из пробкового дерева. На стенах были приколоты фотографии ещё одного П-38 и три или четыре вырезки из «Лос-Анджелес таймс» с Диком Бонгом, асом из асов Америки. Бумага была старая и пожелтевшая, но края были аккуратно подрезаны, а сами вырезки были аккуратно приколоты булавками. На моделях не было пыли, а на полу – мусора. Не было разбросанной грязной одежды и прочего беспорядка. В спальне царила безупречная чистота. Казалось, что эта комната не была частью дома, как будто, войдя сюда, вы попадали в какое-то особенное, оберегаемое и уединенное место.

Мальчик сказал:

– Папа сделал эти модели для меня. Это самолет Дика Бонга. А вот и сам Дик Бонг.

Он показал на одну из начинающих приобретать коричневатый оттенок вырезок на стене. Улыбающийся молодой человек со светлыми волосами и детским личиком стоял рядом со злобным круглым носом П-38. На нём был нарисован портрет девушки. Под ним было написано ее имя. Марджи. Я сказал:

– Дик Бонг был чем-то особенным, это точно.

– Он сбил сорок япошек и получил Медаль Почёта¹⁷³, видишь?

Робби подбежал к другой стене и показал ещё на одну вырезку. Дуглас Макартур¹⁷⁴ одевал ленту на шею Бонгу. Заголовок гласил: «Храбрый из храбрых».

¹⁷¹ Супергерой комиксов издательства Marvel Comics, член-основатель Фантастической четвёрки.

¹⁷² Серия представляла собой небольшие, компактные книги, оформленные с подписью к иллюстрации напротив каждой страницы текста.

¹⁷³ Высшая военная награда США.

– Я собираюсь стать пилотом истребителя, как Дик Бонг, – сказал он. – Таким же, как Дик Бонг, Томми Макгуайр, Паппи Бойингтон и другие парни, которых знал мой папа. Взгляните сюда.

Он подбежал к комоду, выдвинул нижний ящик и достал из-под одежды плоский сверток. Там лежали два куска картона, перевязанные желтым шнурком. Картон был старый и грязный, но ещё крепкий и плотный. Он развязал шнурок и приподнял верхнюю картонку, как будто открывал крышку сундука с сокровищами.

– Папа подарил мне это в прошлом году. Тут расписался сам Дик Бонг.

Это была простая чёрно-белая фотография трёх мужчин, сидящих в палатке, скорее всего, где-то в южной части Тихого океана. В центре – Фрэнк Баррис, только лет на десять моложе. Справа от него – Томми Макгуайр. Мужчину слева звали Ричард Бонг. Все трое улыбались, а Томми Макгуайр шутя, растягивал уши Фрэнка Барриса, делая того похожим на Дамбо¹⁷⁵. Надпись в правом углу фотографии гласила: «Продолжай летать, Фрэнки! Твой приятель, Дик Бонг».

Робби Баррис постучал пальцем по фотографии и взглянул на меня широко раскрытыми блестящими глазами. Он сказал:

– Видишь. Я буду таким же, как Дик Бонг. Точно, как он. Подожди, сам увидишь.

Он продолжал постукивать. Он хотел быть похожим на Дика Бонга, без сомнений. И дружил со своим отцом.

На кухне завопила Луиза Баррис:

– Вот сукин сын!

Она с грохотом пронеслась по дому, сначала в гостиную, где прокричала, куда, чёрт возьми, я подевался, а затем, шлёпая босыми ногами, вернулась по коридору в сторону детской. Робби поместил фотографию между картонок, а затем сунул всё обратно под одежду и задвинул ящик. Когда я развернулся, то оказался в дверях, так, что она не могла войти в комнату. Она ждала, что я отодвинусь, чтобы войти, но я этого не сделал. Её лицо было красным, глаза выпучены, а по подбородку стекала струйка слюны. Она подняла чек и потрясла им.

– Этот чёртов чек никуда не годится! Сукин сын пытается меня надуть!

Я тихо произнёс

– Не при мальчике.

– Что, чёрт возьми, ты имеешь в виду, «не при мальчике»? Это мой ребёнок!

Она старалась смотреть мимо меня на мальчика и закричала ещё громче.

– Он обманывает нас, Робби! Посмотри, как этот твой никчемный ублюдок-отец обманывает нас? Видишь?

У меня свело челюсти и мышцы на шее, я передвинулся так, чтобы заполнить собой дверной проём. Она на шаг отступила, было видно, что она считает меня таким же никчемным ублюдком, как и всех остальных мужчин, которых она когда-либо знала.

Я повторил:

– Не при мальчике.

Она наклонилась ко мне и прошипела:

¹⁷⁴ Главнокомандующий войсками США на Тихоокеанском театре военных действий во Второй мировой войне (1944—1945).

¹⁷⁵ Слонёнок с необычайно большими ушами, герой одноимённого полнометражного мультипликационного фильма студии «Дисней» (1941).

– Передай Фрэнку, что его задница у меня в руках. Скажи ему, что я с ним разберусь.

Я посмотрел на их сына. Робби забрался на кровать и, скрестив ноги, сидел, уткнувшись в один из своих комиксов, поедая при этом Бог весть откуда взявшийся леденец. Одна щека у него была в конфете, челюсти яростно двигались, выглядел он при этом так, как будто его нарисовал парень, который рисовал комиксы. И только слёзы капали с его щёк на страницы.

Я повернулся к Луизе и забрал чек.

– Пойду, разберусь с этим.

Уходя, я не произнёс больше ни слова.

Я немного поколесил по городу и сделал остановку у парка в Студио-Сити, чтобы понаблюдать за детьми, играющими в софтбол. Один парень там продавал мороженое с маленькой белой тележки, поэтому я встал в очередь, чтобы купить батончик. Я был в два раза выше всех остальных, стоявших в очереди. Удивительно, зачем люди заводят детей. Вы не думали, что, возможно, следовало бы выдавать специальные лицензии или заставлять посещать курсы? Как быть хорошими родителями? Как любить? Как избивать друг друга, не причиняя вреда ребёнку? А думали ли вы, что может, стоит создать специальный отряд из головорезов, который будет устраивать родителям проверку и выбивать дерьмо из тех, кто не сможет её пройти?¹⁷⁶ Эээээ, Марлоу. Да ты просто ненавидишь людей...

Я понаблюдал за игрой в софтбол, доел своё мороженое, а немного спустя, доехал до небольшого магазинчика в Мурпарке, что в Колдуотере, и, позвонив на ирригационную станцию Тарзаны, и попросил позвать Фрэнка Барриса. Парень, который взял трубку, сообщил мне, что Баррис ушёл до конца дня. Я спросил, всегда ли Баррис заканчивает работу после обеда. Парень ответил, что заехала пара приятелей Барриса на тёмно-бордовом «кадиллаке», и, если Баррис захотел поехать с ними, это его дело, поскольку он главный инженер, хотя, возможно, это ненадолго, хе-хе. Я спросил, знает ли парень этих приятелей. Он мне ответил, что нет, но выглядели они как пара заядлых игроков, и, может быть, мне стоит попытаться счастья в Санта-Аните. Я повесил трубку и покачал головой. Фрэнк Баррис, всеамериканский папаша, выписывающий необеспеченные чеки. Я зашёл в магазинчик, купил клубничную газировку, а затем поехал на квартиру Фрэнка Барриса. Филип Марлоу, Капитан Отряда Головорезов.

Баррис жил в квартире на первом этаже на Вэлли-Спринг-лейн в Толука-Лейк, в паре кварталов от киностудии «Юниверсал». Это было небольшое здание, всего на шесть квартир, где жили секретарши, работавшие на киностудиях, ассистенты монтажёров и те, кто просто любит тишину. По воскресеньям здесь играло радио, пара секретарш грелась на солнце, и пахло маслом для загара. В середине недели тут было пусто.

Я припарковался у гидранта перед входом¹⁷⁷, вернулся к квартире Барриса и постучал в дверь. Решив, что стучал достаточно долго, я обошёл дом сбоку и проник внутрь через окно его ванной¹⁷⁸.

Две комнаты, ванная и всё. В комнате – кровать, круглый деревянный обеденный стол, два деревянных стула, на кухне – холодильник и куча пустых бутылок из-под пива и «джилби»¹⁷⁹. Его нижнее бельё, носки и прочие мелочи лежали в чемодане на полу у кровати. В шкафу висели два мятых костюма, а к стенам прислонились десятки рулонов

¹⁷⁶ Возможно, вполне здравая мысль.

¹⁷⁷ Что, в общем-то, является нарушением.

¹⁷⁸ А это уже незаконное проникновение в жилище. Возможно, со взломом.

¹⁷⁹ Марка джина, выпускаемого британской компанией W&A Gilbey.

чертежей чего-то, принадлежавшего округу. Кто-то вывалил пепельницу с окурками в унитаз и забыл спустить воду, а из-за жары по всему помещению распространился кислый запах спиртного, сигарет и пота. Мило. Как раз подходящее место для парня, который знал Дика Бонга.

На верхней полке шкафа в спальне был набор с наполовину законченной моделью П-38 «Молния» из пробкового дерева. Основная часть фюзеляжа была закончена, правое крыло вместе с гондолой правого двигателя и хвостовой балкой были собраны, отшлифованы и загрунтованы. Левый двигатель и хвостовая балка были отшлифованы, но не собраны. Когда всё закончат и покрасят, то модель будет выглядеть точно так же, как и те в комнате Робби Барриса. Только на всём лежала пыль. Тут никто ни к чему давно не прикасался.

Я вернул самолёт обратно на место и вышел в гостиную. Подошёл к обеденному столу, сел, закурил сигарету, огляделся и приготовился ждать. В маленькой квартирке было, наверное, не меньше сотни рулонов с чертежами. Большинство из них выглядели как напечатанные планы округов с насосными станциями или карты с ирригационными сооружениями, или результаты топографических съёмок. Не авиационные чертежи, но, в то же время, и ничего особенного. Может быть, самое то для парня, у которого проблемы с выпивкой и тем, как сохранить за собой место. Я как раз пытался колечками сигаретного дыма написать своё имя, когда заметил, что один из чертежей не похож на другие. Он упал и развернулся, так что можно было прочесть его описание. Это была не насосная станция и не акведук. Это был частный дом, и принадлежал он парню по имени Лео Пинелла. Так, так. Лео Пинелла держал дом для вечеринок на холмах над Глендейлом. Там можно играть в азартные игры, знакомиться с девушками, посмотреть фильм, который не покажут в Китайском театре Граумана¹⁸⁰. В общем, можно получить или сделать практически всё, что только могут позволить деньги.

Я развернул чертежи и просмотрел их. Тут были карта участка, поэтажный план дома Лео, схема подключения электрических и сантехнических коммуникаций, чертежи фронтального и боковых фасадов, а также характеристики грунта и фундамента. Я свернул всё обратно и прислонил к стене там, где их и обнаружил, и удивился тому, с какой целью у такого парня, как Фрэнк Баррис, могли оказаться планы дома Лео Пинеллы. Такой парень, как Баррис, как раз был из тех, кто приходит к Пинелле в качестве клиента и перекладывает те небольшие деньги, что у него есть, в карманы Пинеллы, но друзьями они с Пинеллой не станут. Пинелла до такого не опустится.

Я ещё немного подумал, потом встал, снова развернул чертежи и уставился на них. На чертежах показано, как войти и выйти. Возьмите такого парня, как Баррис, который отчаянно нуждается в деньгах, добавьте к нему такого мастера ограблений, каким он всем кажется, пока вы на это ведётесь, как Лу Мардо, одно к другому, и, может быть, можно начать думать, что вы сможете обнести Лео Пинеллу. Баррис говорил своей бывшей, что собирается с ней рассчитаться, а пара парней на тёмно-бордовом «кадиллаке» повезли его кататься в середине дня, и всё это выглядело не очень хорошо. Конечно, может быть, это и не выглядит плохо. Может быть, всё было хорошо, и Баррис был на ипподроме с парой своих старых приятелей времён Дика Бонга.

Ну, конечно.

Я развернул верхний чертёж, оторвал адрес Лео Пинеллы и выбрался наружу через окно ванной Фрэнка Барриса.

Незадолго до войны Лео Пинелла купил шестьсот акров апельсиновых рощ к северу от Лос-Анджелеса, на дальнем краю Глендейла, где со дна долины поднимаются горы

¹⁸⁰ Кинотеатр на исторической Голливудской аллее славы в Голливудском районе Лос-Анджелеса.

Вердуго. Имея за спиной горы и пустыню, а впереди – равнину с апельсиновыми рощами, он оказался настолько далёк от копов, проповедников, ассоциаций родителей и учителей, и всех остальных, кто мог бы возражать, когда он отстроился и начал вести дела, позволяя там заниматься всем, чем заблагорассудится. В общем, Лео Пинелла сколотил состояние.

Я проехал через озеро Толука в Бербанк, туда, где предгорья Санта-Моники заканчиваются Гриффит-парком, затем отправился на север по Оливковому бульвару в сторону Глендейла. Рядом с Санта-Моникой стояли маленькие домики и киностудии, но дальше к северу вдоль Оливкового бульвара дома и студии уступали место фабрикам, промышленным сооружениям и, наконец, рощам.

Я свернул с Оливкового бульвара и оказался среди деревьев на принадлежавшей штату дороге, по которой и ехал довольно долго. Мне встретились заправочная станция «Игл», магазин «Симмс Фид & Хардваре», а ещё больше апельсиновых деревьев. Деревья заполнили всё, и очень скоро не осталось ничего, кроме апельсиновых деревьев, ворон и горячего сухого ветра, колышущего листья. Здесь, снаружи, ты мог кричать так пронзительно, так громко и так долго, сколько хотел, а деревья и ветер поглотили бы всё, и ничего не отдали взамен.

Дом Пинеллы был хорошо виден снизу долины. Это была обширная белая асиенда, ярко выделявшаяся на фоне горного склона, который не орошался. Вокруг были камни, пыль и скальные ящерицы, точно так же, как было в долине до того, как сюда провели воду такие крутые парни, как Малхолланд¹⁸¹. Я стоял у края рощи и размышлял, как лучше подъехать к дому, когда с холма спустился тёмно-бордовый «кэдди».

Я съехал с дороги и задним ходом заехал в рощу, надеясь, что тень, стволы и густые зеленые ветви скроют меня. За рулём сидел парень с вытянутым лицом, Лео Пинелла сидел сзади, а Фрэнк Баррис отсутствовал. Хммм. Может быть, у Лео закончились коктейли, и Фрэнк ждёт дома, пока Лео и его самый надёжный бармен мчатся в город, чтобы наполнить свою до неприличия пустую кладовую. Тот самый Лео. У него было мясистое лицо и длинные бакенбарды, а те волосы, что у него ещё оставались, были набриолинены и зачёсаны назад. Во рту у него была сигара, длинная и чёрная, смахивающая на полицейскую дубинку, но она оставалась незажжённой. Я предположил, что пока она не рассыпется, он через неё просто дышит.

Когда «кэдди» проехал мимо, я вырулил обратно на дорогу и продолжил путь к дому. Дорога быстро поднималась в гору, и вскоре я оказался над рощей, откуда открывался вид на бескрайние просторы. Можно было разглядеть пролегавшие по апельсиновым рощам дороги округа. Вы могли увидеть станцию «Игл» и магазин «Симмс». Через долину, поднимающуюся в горы Санта-Моника, открывался вид на Бербанк. Через перевал Глендейл можно было увидеть Пасадену и за ней чашу Лос-Анджелеса. Даже можно было заметить, что тёмно-бордовый «кадиллак» не направляется в сторону города. Я остановился, вышел на обочину и стал наблюдать.

Пару миль назад «кэдди» покинул дорогу округа и теперь, поднимая столб пыли, мчался по грунтовой дороге, используемой служебным транспортом. Затем он свернул на другую служебную дорогу, потом ещё на одну и довольно скоро остановился у небольшого строения из саманного кирпича, который был единственным зданием на много миль вокруг. Это не то место, куда можно отправиться, чтобы получить коктейль или как-то попытаться исправить неловкую ситуацию в обществе. Такой парень, как Лео Пинелла, никогда бы здесь не оказался, разве что для чего-то очень важного или очень секретного. Когда пыль улеглась, всё стихло.

¹⁸¹ Уильям Малхолланд (1855 — 1935) — американский инженер, под руководством которого была создана водопроводная инфраструктура Лос-Анджелеса. Легендарная фигура в истории города.

Я вернулся в машину, развернул её и направил с горы вниз со всей скоростью, которую смог выжать, считая служебные дороги и повороты и молясь, что я выбрал ту, что надо, когда въезжал в рощу. Я попытался припомнить, насколько далеко бордовый «кадиллак» отъехал от окружной дороги, на какую ирригационную свернул и как добрался до того сарайчика. Я гнал изо всех сил, и мне было наплевать, заметит ли кто-нибудь пыльный хвост, поднимающийся за мной. Когда до строения и тёмно-бордового «кэдди» оставалось ярдов сто, я направил машину к деревьям, сорвал с себя пиджак и галстук, достал из перчаточного ящика свой 38-ой и побежал к старому зданию.

В роще было жарко, и земля, которую поливали этим утром, уже подсохла и покрылась хрупкой коркой. Крошечные летающие существа роились среди деревьев, облаками накрывая упавшие и гниющие плоды, запах которых был густым и невыносимым. Я пробрался к «кадиллаку», а оттуда к сараю. Это была небольшая одноэтажная коробка из саманного кирпича с дверью на переднем фасаде и парой окон на северной стороне. Возможно, он был построен сто лет назад каким-нибудь испанским доном, ранчо которого занимало весь Вердуго. Когда-то это место предоставляло кров вакерос¹⁸², а теперь здесь хранились запасные трубы и инструменты для уборки урожая, а также здесь спасались от жары бродячие поденщики, пока их снова не выгоняли под сень деревьев. Когда я подошёл ближе, то почувствовал запах химических удобрений, средства от насекомых и масла, которое использовали для готовки. В сарае работало радио, Джулиус Ла Роса¹⁸³ исполнял «Эх, Кумпари».

Я заглянул в ближайшее окно и увидел Фрэнка Барриса. Он сидел на деревянном стуле, его руки были привязаны за спиной к задним ножкам стула. Лео Пинелла и мопс с вытянутой мордой стояли перед ним, Пинелла размахивал сигарой длиной в милю. Рядом с Фрэнком стоял чернокожий парень. Чёрный был невысокого роста, без рубашки и весь мокрый после того, чем ему пришлось заниматься.

Лео приподнял голову Фрэнка, потряс его за подбородок и спросил:

– Где мои долбаные деньги?

Баррис что-то пробормотал. Его глаза распухли и вращались в разные стороны, губы были разбиты.

Лео с отвращением посмотрел на Барриса и отпустил его голову. Он что-то сказал мопсу, я не расслышал что, и мопс достал нацистский «люгер» и засунул его ствол в рот Фрэнка Барриса. Лео сгрёб в ладонь волосы Фрэнка макушке и встряхнул его голову.

– Это тебе не леденец на палочке, приятель. Я хочу знать, где мои чёртовы деньги.

Фрэнк что-то пробормотал, не смотря на мешавшийся во рту «люгер».

– Что?

Снова бормотание. Чернокожий парень сказал:

– У Лу Мардо.

Лео улыбнулся так, словно словил кайф.

– Какой же ты тупой, парень, как и Лу Мардо.

Он сунул сигару обратно в рот и адресовал мопсу лёгкий жест.

– Снеси башку этому ублюдку.

В окне появился я и показал им револьвер 38-го калибра.

– Забудь.

¹⁸² Пастухи (исп.)

¹⁸³ Джулиус Ла Роса (1930–2016) – популярный исполнитель традиционной американской музыки.

Мопс с «люгером» подскочил от неожиданности, но чёрный остался на месте, как и Лео Пинелла. Он вытаращил на меня свои глаза, больше подходящие ящерице и вынул изо рта сигару. Фрэнк Баррис увидел меня и дёрнулся в мою сторону, натянув верёвки. Пинелла спросил:

– Кто ты такой, чёрт возьми?

– Ищу таланты для Артура Годфри¹⁸⁴. Нам нужны люди для участия в конкурсе «Жирные волосы».

Я направил пистолет на чернокожего.

– Развяжи его.

Пинелла тут же отозвался:

– Чёрта с два! Этот чёртов проныра украл у меня двадцать две тысячи баксов.

– Он оказался в трудном положении, Лео. Впал в отчаяние, и совершил глупость. Ты всё вернёшь.

Я взвёл курок.

– Развяжите его, и мы уберемся отсюда, он вернёт вам деньги.

Лео Пинелла сказал:

– Да, в задницу, – выхватил у мопса «люгер» и выстрелил Фрэнку Баррису в грудь.

Я ввалился в окно, выстрелив в Пинеллу. Он выронил пистолет и спиной навалился на мопса, чёрный бросился на меня, швырнув мне в лицо горсть какого-то песка и размахнувшись куском трубы. Я выстрелил не целясь, и продолжал стрелять пока чернокожий не свалился, затем оттащил Фрэнка Барриса вместе сос стулом за какие-то ящики. Мопс вытащил Лео Пинеллу во входную дверь, Лео кричал: «Чёрт! Чёрт!», а его штаны темнели от крови. Затем «кадиллак» ожил, разбрызнув гравий, и мы с Фрэнком Баррисом остались одни, единственные, кто ещё оставался живыми в этой роще.

Я развязал ему руки, крепко прижал к груди свёрнутый джутовый мешок и сказал, что он придурок. Я сказал:

– У тебя ребёнок, ты, тупое дерьмо. У тебя есть ребенок, а ты идёшь и ввязываешься во что-то подобное.

Фрэнк Баррис смотрел на свою грудь, пытаясь разглядеть дыру, открывая и закрывая рот, как выброшенная на сушу рыба. Я поднял его, вышел из маленького домика и пошёл по длинной прямой пыльной дороге к своей машине. Я бежал с ним на руках. Я бежал так быстро, насколько это было в силах человеческих, но к тому времени, как мы добрались до машины, он уже был мёртв.

Я подъехал к глинобитному домику и вернул Фрэнка Барриса на то же место, где его застрелил Лео Пинелла. Пока я это делал, в нагрудном кармане пальто Барриса я обнаружил кое-какие бумаги. Депозитные квитанции на его текущий счёт на общую сумму в тысячу триста пятьдесят долларов. Я забрал их. «Люгер», из которого Лео Пинелла убил Фрэнка Барриса, я забрал с собой и тщательно припрятал его в густых ветвях валенсийского апельсинового дерева. Если явятся люди Пинеллы, то не смогут его найти. А копы найдут, потому что я собираюсь подсказать им, что и где искать. Они найдут Фрэнка, чернокожего и «люгер», и Лео Пинелле будет чертовски трудно отмазаться.

¹⁸⁴ Артур Мортон Годфри (1903 — 1983) — известный американский радио и телеведущий. В 1953 году он в прямом эфире уволил Джулиуса Ла Росу, что привело к заметному снижению популярности Годфри.

Покончив с этим, я надел пиджак, чтобы скрыть кровь на рубашке, и поехал на станцию «Игл». Там я вымыл лицо и руки водой из маленького шланга, который служащий использует для заправки радиаторов, и стряхнул с себя как можно больше пыли. Затем я сделал пару звонков и вышел на Лу Мардо. Именно к нему я и отправился. Мардо сидел в баре ресторана «Гриль Муссо» в Голливуде, потягивал неразбавленный скотч и, вытянув шею, через весь зал наблюдал за Донной Рид¹⁸⁵, улыбавшейся паре шишек со студии. На нём был новенький тёмно-синий костюм в елочку, пара чёрных мокасин, которые блестели ярче, чем хромированные колпаки на колесных дисках, и безукоризненно белоснежная фетровая шляпа с полями, навевающими мысли о сломанном позвоночнике. Ох уж, это внезапное богатство.

Когда я забрался на табурет рядом с ним, Мардо сказал:

– Так-так. Смотрите, что кот притащил.

Он всегда мог ясно выразиться. Я ответил:

– Знаешь что, Лу? Твой брат был мелкой сошкой, но мне он нравился. У него было доброе сердце. А ты, ты всего лишь второй акт, а второй акт никогда не бывает так хорош, как первый.

Подошёл бармен, но я от него отмахнулся. Мардо одарил меня, как ему показалось, жёсткой усмешкой.

– Если хочешь, мы можем выйти на парковку и посмотреть, насколько я хорош.

– Лу, ты напугал меня до смерти. Парень, кинувший Лео Пинеллу, сидит в «Муссо», и всё, что против него, при нём.

Правый глаз у Лу Мардо начал дёргаться, и он посмотрел на меня так, словно думал, что я его разыгрываю.

– О чём ты, чёрт возьми?

Я расстегнул пиджак и распахнул его настолько, чтобы он мог рассмотреть, что у меня на рубашке.

– Лу, я только что оставил твоего напарника, Барриса, в апельсиновой роще рядом с весёлым домом Пинеллы. Он и пара его головорезов поработали над ним, и он им сказал, что и ты в этом замешан.

Лу Мардо сравнялся цветом со своей шляпой. Он выдавил:

– Он лжёт. Это не я.

Я покачал головой.

– Лу, по мне, так ты оправдываешься как девятилетка. Ты повторяешь это каждый день всю свою жизнь. Пора придумать что-то новенькое.

Он было взял стакан со скотчем, но затем вернул его на место. Донна Рид встала вместе с двумя шишками, и они ушли все троём. Мардо даже не взглянул на них. Я сказал:

– Пинелла всадил пулю во Фрэнка Барриса, и тот умер. Я подстрелил Пинеллу, но, похоже, пуля попала ему в живот. Может, он и не умрёт. Сейчас он у врачей, и если выживет, то пришет к тебе пару своих парней, Лу.

Лу Мардо начал потеть. Над его губой, под глазами и на лбу выступили капельки пота. Он снова схватился за стакан и на этот раз осушил его до дна. Снял шляпу, а затем снова её надел. Он покачал головой, словно не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Такие парни, как Лу Мардо, никогда этого не могут.

¹⁸⁵ Донна Рид (1921 — 1986) — американская актриса, обладательница премии «Оскар» и «Золотой глобус».

– Мы справились с этой работой на отлично. Вошли и вышли как по волшебству. Там ещё, должно быть, была пара сотен человек. Как он смог на нас выйти?

Я положил ему на плечо руку и сжал, успокаивая.

– У тебя двадцать две тысячи.

Он кивнул.

– Я хочу, долю Барриса.

Он резко посмотрел на меня и нахмурился, все еще раздумывая, как бы отвертеться.

– О чём ты?

Я подвинул свой табурет поближе к нему, поставил одну ногу на пол и наклонилась к нему. 38-ой был у меня за поясом, и теперь он смог его увидеть.

– Я обыскал квартиру Фрэнка, но там ничего нет. Баррис ещё даже не положил часть своей доли в банк. Думаю, ты пытался найти способ заполучить всё, а с головой у тебя всё в порядке.

Рот Мардо уменьшился, а глаза расширились, и он часто заморгал, возможно, говоря себе, что у него и без меня хватает забот, но пока у него не получалось себя в этом убедить.

– Я их уже потратил.

– Ты потратил свою часть, Лу. Часть Фрэнка всё еще целая.

– У меня были расходы.

Жалобный стон. Я сунул руку под пиджак, нащупал пистолет и заговорил очень медленно.

– Лео уже едет, Лу. Фрэнку нужно было уладить кое-какие дела, а теперь ими собираюсь заняться я, так что мне нужна его доля.

Он посмотрел на пистолет и снова поднял свой стакан, но тот был пуст. Он слегка пожал плечами, поставил стакан и сказал:

– Ладно.

Он расплатился в баре, мы отправились к его машине, и он открыл багажник, где было то самое. Тем, что осталось от двадцати двух тысяч долларов сотнями, двадцатками, десятками, пятерками и однодолларовыми, был набит армейский рюкзак, лежавший в багажнике новенького сверкающего «линкольн континентал кабриолета» выпуска 1953 года. Он отсчитал одиннадцать тысяч, качая головой, как будто всё ещё не веря, что всё это происходит на самом деле. Дважды он сбивался со счёта.

Мелкие купюры я рассовал по карманам в брюках и пиджаке, и каждый из них оттопыривался. Когда доля Барриса оказалась у меня, Мардо взглянул, что у него осталось после одежды, машины и хорошей внешности. Не слишком много, когда тебе на пятки наступает такой парень, как Лео Пинелла. Я сказал:

– У тебя ещё есть немного времени. Есть Нью-Йорк. Есть Мексика.

Он покачал головой. Небеса рушились.

– Мы отлично справились с работой. Мы знали, когда входить и выходить, и где Пинелла хранит деньги. Мы чисто сработали, Марлоу.

– Само собой. Такие парни, как ты, всегда работают чисто.

Мардо снова покачал головой.

– Это был не мой ребенок. Фрэнки. Фрэнки был завсегдаем у Пинеллы со времён войны. Мы говорили обо всех тех деньгах, которые получает Пинелла, и о том, что он с ними делает, и где он должен их хранить, и Фрэнки сказал, что сможет это выяснить, что он и

сделал. Он для этого заполучил планы из округа, и это оказалось проще простого. Войти и выйти, приятель. Войти и выйти.

– Само собой.

И вот тут я понял. Всё.

Мардо продолжал качать головой.

– Предполагалось, что всё будет совсем несложно. А теперь я в заднице. Я в заднице.

– Ага.

Я оставил Лу Мардо на парковке у «Муссо» и поехал к себе домой. Дома ещё раз пересчитал деньги и разложил их по номиналам, затем сложил в коробку из-под обуви и спрятал её за холодильником. Потом скинул одежду, долго стоял под душем, оделся. Выпил полбокала теннессийского бурбона, а затем поехал к Луизе Баррис домой¹⁸⁶.

Дверь открыл мальчик. На нём были те же шорты и футболка с пятнами грязи, что и вчера. Он ел ещё один батончик «марса». Увидев меня, он улыбнулся. Это была добрая улыбка, и я улыбнулся в ответ. Я хотел сказать ему, что после всех этих чёртовых конфет, которые он съел, ему надо обязательно почистить зубы.

Он пошёл на кухню и вернулся вместе с матерью. У неё там снова заиграло радио, Тони Беннетт исполнял «Из грязи в князи». Когда по радио поёт Тони Беннетт, можно не беспокоиться о том, что ест твой сын. Она спросила:

– Этот сукин сын выложил всё, что должен?

Я изобразил правой рукой пистолет и, подмигнув парню, выстрелил в него.

– Вот что я тебе скажу, Робби. Выйди на улицу и дай нам с мамой минуту поговорить.

Он ушёл, не сказав ни слова и не взглянув на мать. Если подумать, я никогда не слышал, чтобы он произнес хоть слово в её присутствии. Возможно, он никогда не разговаривал с ней, а она никогда не разговаривала с ним. Возможно, она игнорировала его. *Никогда больше я не совершу эту ошибку.* Я подождал, пока не услышал, как хлопнула входная дверь, и только тогда взглянул на Луизу. Она не выглядела счастливой.

– Я не нуждаюсь в лекциях о том, как воспитывать сына от какого-то ничтожества.

Я жал плечами:

– Фрэнк мёртв. Лео Пинелла убил его, потому что он украл у него двадцать две тысячи долларов.

Она пристально смотрела на меня, пока не досчитала до десяти, затем подняла руки к голове и кивнула. Пошла на кухню. Я услышал, как полилась вода, потом звук, который бывает, когда слишком быстро выключаешь воду, и затем она вернулась. Она сказала:

– Похоже, мне придётся заняться его делами. Похоже, наконец-то я получу от этого сукина сына то, что мне причитается.

Сказав это, она обвела взглядом убогую комнатку, как будто всё внезапно должно было измениться.

– А что насчет денег?

– Доля Фрэнка у меня.

Она облизнула губы.

– Что ж, думаю, теперь это должно принадлежать мне.

Я покачал головой.

¹⁸⁶ Вождение в нетрезвом виде довольно серьёзное правонарушение.

Ее губы растянулись, а кожа вокруг глаз натянулась.

– Чёрт возьми, он был моим мужем. У этого ублюдка были обязательства.

Это она прокричала.

– Это ты навела на него Лео Пинеллу, – сказал я.

Её лицо стало цвета моллюсков, приготовленных на пару.

– Фрэнк сказал мне, что женился на шлюхе, и он не шутил. Он познакомился с тобой, когда ты работала на вечеринках Пинеллы. Он взял тебя оттуда и женился, но так и не смог выбросить из головы, кем ты была.

Она посмотрела на дверь, словно ожидая, что сейчас появится мальчик.

– Итак, Фрэнк стал прикладываться к бутылке и разваливаться. Может быть, он с самого начала был не в себе. Он был на мели и задолжал кучу денег, и, возможно, те подонки, которых он числил в друзьях, помогли ему прийти к идее ограбить Пинеллу. Только ему нужно было выяснить, как Пинелла ведёт дела, и только тот, кто там работал, мог об этом всё знать. И это была ты. Ты знала, где Пинелла хранит деньги, и пошла на это, потому что, если бы у Фрэнка были деньги, то он мог бы заплатить тебе всё, что был должен, а может быть, и больше. Только Фрэнк всё ещё оставался пьяницей, а пьяницам трудно делать то, что от них требуется. Когда тебе показалось, что он тебя обманул, выдав необеспеченный чек, ты позвонила Пинелле. Это ты сообщила ему, что Фрэнк и был тем парнем, который его кинул.

– Он был мне должен! – Её голос стал пронзительным.

Я достал банковские документы, которые забрала у Фрэнка Барриса, и бросил их в неё.

– Бумаги на депозит, – сказал я. – Фрэнк собирался пополнить счёт, но ему просто не хватило времени.

Её губы зашевелились, а когда она заговорила, то голос был хриплым.

– Я всё равно должна получить деньги. Они мои. Они мне нужны.

– Ты ничего не получишь. Я собираюсь положить одиннадцать тысяч на счёт для мальчика.

Она набросилась на меня, сжав руки в кулаки, размахивая ими, плюясь и говоря, что я не могу этого сделать, что деньги принадлежат ей, что я такой же негодяй, как Фрэнк. Я схватил ее за запястья, встряхнул и один раз сильно ударил. Её волосы были растрепаны, она глубоко дышала, и если бы она смогла дотянуться до мясницкого ножа, то она бы им воспользовалась.

Я сказал:

– Я собираюсь перевести деньги на счёт для мальчика. Когда что-то понадобится ему для школы, одежда или ещё что-то в этом роде, то я сниму сколько надо. Когда ему исполнится двадцать один, и, если что-то ещё останется, я отдам половину тебе, а половину ему. Его отец умер, и сейчас ты будешь нужна ему больше, чем когда-либо. Ты будешь рядом с ним. Если это не так, или если ты попытаешься создать мне проблемы, я отправлюсь к Лео Пинелле и скажу ему, что это именно ты обчистила его денежное хранилище. Ты меня поняла?

Она кивнула. Она выглядела испуганной, но была готова всё это принять.

– Сейчас я пойду и позвоню в полицию. Они найдут тело Фрэнка и придут к тебе сообщить, что он мёртв. Прикинься дурочкой. Потом тебе придётся сесть рядом с мальчиком и рассказать об этом ему. Это будет нелегко, но это часть работы матери.

– Я знаю, что такое быть матерью, – отозвалась она

– Хорошо.

Я хотел сказать ещё что-нибудь. Не хотелось просто уйти.

– Может быть, тебе тоже пришлось нелегко. Если Фрэнк был готов жениться на тебе, возможно, ему следовало быть готовым принять тебя такой, какая ты есть, и, возможно, у тебя было право ожидать, что он так и поступит. Если бы так и случилось, возможно, ты бы получила то, что хотела, и он бы получил то, что хотел, и все было бы просто замечательно. Но этого не случилось. И тут я уже ничем не смогу тебе помочь.

Она скрестила руки на груди и как-то скукожилась, стала выглядеть измождённой и одинокой. На меня она не смотрела.

– И никто никогда не смог бы, – сказала она. – Иди к черту.

Я кивнул, вышел и отправился к дому Фрэнка Барриса. Снова залез в ванную через окно, достал из холодильника Фрэнка пиво, сел за маленький столик и немного отпил. Позвонил в полицию и сообщил, что Лео Пинелла убил парня по имени Фрэнк Баррис и оставил тело в апельсиновой роще в Глендейле. Объяснил им, как туда проехать. Рассказал им, можно будет отыскать «люгер», и, что на нём они обнаружат отпечатки пальцев Лео Пинеллы, и что Барриса застрелили из него. Затем я повесил трубку. Посидел ещё немного, допивая пиво. Я чувствовал себя старым, и мне совсем не хотелось возвращаться домой. Возвращаться было не к чему.

Через некоторое время я встал и прошёл в спальню Фрэнка, там достал из шкафа незаконченную модель П-38. Я аккуратно сложил в коробку инструкцию и все необходимые детали. Затем закрыл её и ушёл.

Если бы я не торопился, то, возможно, смог бы лучше справиться с этим маленьким самолётиком. А так мне было чем заняться вечерами, и в конце недели было бы интересно показать мальчику, что у меня получилось.

Когда мой ветеринар говорит мне, что у него на руках четверо осиротевших котят, потому что их мама смогла настоять на своём, защищая их от обезумевшего ротвейлера, я плачу как ребёнок и забираю к себе их всех. Когда в шестичасовых новостях рассказывают о парне из Мичигана, который провалился под лёд и утонул, пытаюсь спасти двух абсолютно незнакомых ему детей, у меня перехватывает дыхание на весь оставшийся вечер. Я обожаю героев, и в тот момент моей жизни, когда я в них особенно нуждался, Рэймонд Чандлер подарил мне Филипа Марлоу.

Я прочитал «Красный ветер» в потрёпанном сборнике «Неприятности – это моё ремесло» из букинистического магазина и ознакомился со всеми остальными произведениями Чандлера со скоростью, с которой мог их найти. Чандлер не просто рассказывал мрачные истории (что у него получалось лучше, чем у кого бы то ни было), он исследовал способы, с помощью которых хороший человек может сохранить свою доброту в современном мире, и тематика его творчества посвящена мужеству, долгу и личной ответственности. Я считал эту тему весьма глубокой. Да и сейчас я считаю также. Это заставило меня, возможно, впервые осознанно задуматься о том, как я хочу прожить свою жизнь, что представляет собой приемлемое этическое поведение и кем я хочу стать. Эти размышления и темы, которые из них вырастают, повторяются в моей работе. Собственно, они и легли в основу «Человека, который знал Дика Бонга».

Филип Марлоу не только помог создать моё творчество, он помог сформировать мою жизнь.

Спасибо, Рэй.

Роберт Крейс

ЭДВАРД Д.ХОХ

ESSENCE D'ORIENT¹⁸⁷

1954

Художник Пол Ривош

¹⁸⁷ Сущность Востока (франц.)

КОГДА я впервые увидел Джейд Каши, она пела в ночном клубе в районе

Лорел-Каньон, недалеко от дома, который я в то время снимал. Это была стройная девушка восточного типа с прямыми черными волосами, касающимися её обнаженных плеч, в золотистом платье без бретелек с разрезом, открывающем взору её правое бедро, пела она подобно ангелу. Я уже подумывал пригласить её за свой столик, когда она закончит, но, возможно, она смогла прочесть мои мысли. После последнего выступления она низко поклонилась публике и направилась прямо ко мне.

– Вы ведь Филип Марлоу, не так ли? – спросила она голосом, нежным как и её песни.

– Так и есть, это я.

– Можно мне присесть на минуточку?

– Конечно. Что будете пить?

– Ничего, спасибо. Мне сказали, что Вы иногда сюда заходите. Я хочу нанять Вас.

– Кто Вам сказал? Реджи?

Ночной клуб назывался «Местечко у Реджи», и владел им англичанин по имени Реджи Мэйтленд. В городе были люди, которые сказали бы вам, что за Реджи стоят деньги мафии, но меня это не касается.

– Возможно, он и упоминал об этом. – Её английский был безупречен. – У меня есть младший брат по имени Лиен. Он водится с плохой компанией, и я беспокоюсь за него. Если бы Вы смогли помочь ему — нам — я бы Вам заплатила.

– Почти каждая женщина в этом городе, у которой есть младший брат, думает, что он общается с плохой компанией, – ответил я ей. – Но большинство из них оказываются вполне себе.

– Его лучшего друга убили два дня назад.

– Ну, это меняет дело. Он был китаец, как и Ваш брат?

– Мы корейцы, – поправила она меня.

– Корейцы? Мы недавно там воевали.

– Знаю. Я бы сказала, что это наши родители корейцы. Мы с Лиеном родились на Гавайях. А родители до сих пор там и живут. Мы переехали в Лос-Анджелес несколько лет назад, после того как он закончил школу, но у меня всё развивалось гораздо стремительнее.

– А чем он хочет заниматься?

– Сниматься в кино, но там не так уж много ролей для азиатов.

Я устало ей улыбнулся. За свою жизнь я уже слышал столько вариантов этой истории...

– Я немного смогу для него сделать. Кем был этот его друг, которого убили?

– Его звали Микки О'Брайан. Он был забит до смерти в переулке примерно в миле отсюда в воскресенье вечером, как раз, когда я работала.

Мне показалось странным, что молодой кореец и ирландец были такими хорошими друзьями.

– Откуда они знали друг друга?

– Они вместе работали в магазине, где делали бижутерию. У полиции появилась какая-то безумная идея, что они могут быть связаны с недавними кражами драгоценностей, и теперь они допрашивают Лиена по поводу убийства.

– Кто ведёт это дело?

В последнее время мои отношения с лос-анджелесской полицией я бы не назвал дружескими, но я решил, что спросить не помешает.

– Сержант Грин. Вы его знаете?

Я кивнул.

– На полпути, чтобы стать человеком. Однажды он смотрел, как другой полицейский избивает меня, но, по крайней мере, не участвовал в этом¹⁸⁸.

– Вы поговорите с ним, пока с моим братом ничего не случилось?

– А что Вы думаете, должно случиться?

– Кто-нибудь может убить его, как его друга. Или полиция может захотеть повесить убийство на него.

– Где он сейчас?

– На работе. На этой неделе он работает в ночную смену. Ювелирная компания «Гэлэкси».

Она дала мне адрес в захудалом районе в центре Лос-Анджелеса. Юбка Джейд Каши по разрезу сползла с ноги, и я долго изучал соблазнительный изгиб её бедра.

– Я подумаю, – произнёс я наконец. – Но ничего не могу обещать.

Когда несколько минут спустя я выходил из клуба, Реджи Мейтленд собственной персоной поджидал меня у двери.

– Всегда рад тебя видеть, Марлоу. Ты привносишь в моё заведение нотку элегантности.

Я подождал, пока он перейдёт к делу.

– Я могу предложить гораздо меньше, чем тебе надо, Реджи.

Он привычным жестом откинул волосы со лба. Обычно это означало, что он чем-то встревожен.

– Я видел, как ты разговаривал с Джейд. Хочешь, чтобы она выпила с тобой?

– Я пока ещё могу сам позаботиться о свидании, спасибо.

– Джейд прекрасно выглядит, но не стоит ею слишком увлекаться. Она, знаешь ли, из Северной Кореи.

– Война закончилась, Реджи.

Я вышел, оставив его стоять у двери.

Ювелирная компания «Гэлэкси» находилась на окраине Чайнатауна, недалеко от мэрии. Это был район лёгкой промышленности и импортно-экспортных фирм, и после наступления темноты там почти ничего не происходило. Все здания в квартале были закрыты на ночь, и ювелирный магазин «Гэлэкси» не был исключением. Я обошёл двухэтажное здание, проверяя все двери, а затем вернулся к своей машине. Чем бы ни занимался Лиен Каши по ночам, но в «Гэлэкси» он не работал.

Свернув на Аламеда-стрит, я решил, что нахожусь всего в нескольких кварталах от полицейского управления. Было самое подходящее время, чтобы познакомиться с отчётом о смерти Микки О'Брайана. Когда я туда добрался, то попросил позвать сержанта Грина, а

¹⁸⁸ Роман «Долгое прощание» (1954)

в ответ получил недовольные взгляды от других детективов, находившихся в дежурной части.

– Грин! – Крикнул один из них. – К тебе посетитель!

Он вышел из-за перегородки, отделявшей его кабинет, и уставился на меня. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы вспомнить меня.

– Ну и ну, Марлоу! Рад снова тебя видеть. Заходи.

– Какой-нибудь болван поджидает меня там, чтобы обработать?

Он рассмеялся.

– Шеф уходит на пенсию. Думаю, в ближайшее время нас ждут некоторые изменения. Чем могу тебе помочь?

У него были светлые с проседью волосы и терпеливый взгляд, он ждал, когда я пойму, чего я хочу в столь поздний час.

– Два дня назад был убит молодой парень по имени Микки О'Брайан. Я слышал, что это Ваше дело.

– О'Брайан, да. А что с ним?

– Он работал с корейцем по имени Лин Каши. Сестра корейца поёт у Реджи и беспокоится о нём. Она попросила меня разузнать.

– И ей есть о чём беспокоиться. На данный момент её брат главный подозреваемый в этом деле.

– Он арестован?

– Пока нет, но мы его допросили. Кажется, они тем вечером вдвоём отправились после работы в бар. Ушли из него около десяти часов, и Каши говорит, что потом они расстались на углу. Примерно через час мы получили сообщение о нападении в этом районе. Патрульная машина обнаружила Микки О'Брайана сильно избитым, на грани смерти, в переулке. Через несколько часов он скончался в больнице, не приходя в сознание.

– По мне, так похоже на ограбление.

– Ну да, за исключением того факта, что к его бумажнику никто не притронулся. А в нём было сорок четыре доллара. Мы проверяем сообщение о том, что О'Брайан и Каши раньше тем вечером поссорились.

– Из-за чего?

Взгляд Грина немного посуровел.

– Я так уже рассказала тебе достаточно. Расскажи мне о сестре.

– Её зовут Джейд. И у неё приятный голос.

– Симпатичная?

– Да.

– Придётся самому отправиться её допросить.

Я достал трубку и начал набивать её табаком из кисета.

– Есть предположения, чем был убит О'Брайан?

– Куском свинцовой трубы. Мы нашли его в переулке.

– Те, кто сообщил, дали какое-то описание убийцы?

– Кто-то услышал стоны О'Брайана незадолго до одиннадцати и обнаружил его в переулке. Самого нападения никто не видел.

– Джейд Каши сказала, что вы считаете, что её брат причастен к каким-то кражам драгоценностей.

– Недавно допрашивали и Каши, и О'Брайана. Сам я этим не занимался, поскольку не наш профиль, но было подозрение, что «Гэлэкси» или кто-то из её сотрудников могут быть причастны к серии ограблений домов кинозвёзд. На одном из мест преступления был найден спичечный коробок «Гэлэкси». Последнее ограбление произошло в воскресенье вечером. Здоровенный парень с пистолетом напал на миссис Роджер Уэст, жену актера, в их доме в Малибу и скрылся, прихватив жемчужное ожерелье и ещё кое-что.

Я затаился трубкой и задумался. В конце концов я сказал:

– Спасибо, Грин. Когда-нибудь я отплачу тебе сполна.

– Ты сможешь это сделать, если будешь держаться от меня подальше, Марлоу.

Утром я заехал в офис проверить почту. Как обычно, кроме счетов ничего не было. Я отхлебнул из бутылки, стоявшей в нижнем ящике моего стола, и вспомнил, что даже не попросил у Джейд задаток. К старости я стал забывчивым.

Подъехав к ювелирному магазину «Гэлэкси», я припарковался рядом с блестящим белым «кадиллаком». Он занимал место рядом с входной дверью, отмеченное табличкой «ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО ДЛЯ МИСТЕРА БРАЙАНА ЛАЙТНЕРА». Я вошёл и спросил его. Блондинка-администратор изучила меня так, словно пыталась определить стоимость моего костюма.

– У Вас назначена встреча?

– Нет, но думаю, что он меня примет. Меня зовут Филип Марлоу.

Я протянул ей одну из своих визитных карточек.

Она вернулась через несколько минут и провела меня по коридору, устланному неровным коричневым линолеумом. Кабинет Лайтнера был оформлен в стиле псевдоарт-деко, что-то вроде того, что остаётся от дешёвых подвалов из 30-х. Он взглянул на меня из-под тяжёлых век и даже не потрудился подняться.

– Вы Марлоу?

– Совершенно верно. Спасибо, что нашли время встретиться со мной.

– Это что, расследование по поводу страховки?

– Нет, я расследую происшедшее прошлой ночью убийство одного из ваших сотрудников — Микки О'Брайана.

– В чём дело, в полиции не хватает сотрудников?

– Я пытаюсь помочь клиенту. Что Вы можете рассказать мне о жертве?

Лайтнер пожал плечами и прикусил сигару.

– На меня работает около тридцати человек. Я всех их не знаю. Он просто здесь работал.

– А Лин Каши?

– Да, китаёза.

– Кореец, — поправил я, чувствуя, что обязан это сделать из-за клиента.

– Всё так же. Насколько я слышал, они были друзьями.

– Лиен сегодня работает?

– Должно быть.

– Могу я с ним поговорить?

– Думаю, да. Пошли.

Наконец он поднялся, приземистый мужчина средних лет с пятнами от еды на брюках.

– Что вы здесь изготавливаете? – спросил я. – Бижутерию?

– Искусственный жемчуг.

– Это как выращенный? – я сталкивался с поддельным жемчугом по некоторым делам¹⁸⁹, но решил прикинуться дурачком.

Он бросил на меня взгляд, который, казалось, говорил, что он с удовольствием забрал бы мои деньги прямо сейчас.

– Нет, нет — искусственно выращиваемый жемчуг образуется внутри устрицы путём добавления песчинки или какого-то другого раздражителя. А искусственный жемчуг — это просто окрашенные стеклянные бусины.

Мы миновали череду работников мужского и женского пола, в основном молодых и иностранцев — мексиканцев, азиатов. Интересно, сколько из них находится в стране нелегально. Также было интересно, что как человек с фамилией О’Брайан оказался среди них. Наконец мы остановились перед стройным молодым корейцем.

– Лиен, к тебе пришли.

Я представился и спросил его, что он делает с прозрачными стеклянными бусинами с подносов, стоящих перед ним. Лайтнер взял объяснения на себя.

– Он готовится раскрасить бусины, окуная их в раствор под названием «essence d'orient». Его получают из рыбьей чешуи. Вот, смотрите! После окунания они выглядят как настоящие жемчужины. Теперь мы просто нанизываем их вместе, и в результате получается прекрасное жемчужное ожерелье. Конечно, ювелира или любого, кто имел дело с настоящим жемчугом, этим не проведёшь, но как бижутерия, просто великолепно.

– Это и есть твоя работа? – спросил я Лиена Каши. – Ты этим занимаешься?

– Да, – ответил он с оттенком гордости. – Вы хотели меня видеть?

Его английский был хорошим, но не таким чистым, как у сестры. Лайтнер двинулся дальше, беседуя с другими работниками.

– Я работаю на твою сестру, – сказал я Лиену. – Она беспокоится о тебе.

Его лицо посуровело.

– Ей не о чем беспокоиться. У неё своя жизнь.

– Она рассказала мне о твоём убитом друге. Есть мысли, почему это произошло?

Он заколебался с ответом, и я жестом указал на кофе-автомат, стоящий у ближайшей стены.

– Пойдём, я возьму тебе кофе, и мы сможем поболтать.

С бумажным стаканчиком кофе Лин немного расслабился, и вскоре я разговорил его о сестре и пребывании на Гавайях. Разговор естественным образом перешёл на его дружбу с Микки О’Брайаном.

– Он начал работать здесь всего несколько месяцев назад, но мы с сразу стали хорошими друзьями.

– Вы когда-нибудь ссорились с ним?

– Нет.

– Полиция считает, что в тот вечер, когда его убили, вы с О’Брайаном поссорились.

¹⁸⁹ См., например, «Горячий ветер» (1950).

– Это ложь! Они пытаются сказать, что мы с Микки украли жемчужное ожерелье у кинозвезды! Они говорят, что из-за добычи мы подрались, и, возможно, я убил его, но всё это неправда!

– Хорошо.

Я начал получать представление, но картина была ещё недостаточно чёткой.

– Как думаешь, кто его убил?

– Есть дурной человек по имени Кузольц. Однажды он нам угрожал.

– Кузольц. – Это имя мне ничего не говорило.

– Когда это было?

– Вечером, несколько недель назад. Я увидел, как он слоняется снаружи у парковки.

Теперь он казался спокойнее, лучше владел собой.

– Я спросил, чего ему надо, и он толкнул меня и сказал, чтобы я не лез не в свое дело. Когда подбежал Микки, он его ударил и повалил на землю. Обзывал его всякими нехорошими словами.

– Какими?

– Он назвал его феей¹⁹⁰, – тихо ответила Лиен.

– Как ты узнал имя Кузольца?

– Микки его знал. Познакомился с ним в баре «Золотой попугай».

Я знал это место. Там собирались гомосексуалисты.

– Так они были знакомы?

– Не очень хорошо, – настаивал Лиен. – Микки никогда бы не подружился с таким человеком.

– Как выглядит Кузольц?

– Горилла! – выплюнул кореец. – Большая, волосатая.

– Ещё один вопрос — где ты был прошлой ночью, когда сказал сестре, что пошёл на работу?

Он отвернулся.

– Я пошёл в бар.

– В тот самый бар, где Микки познакомился с Кузольцем?

Лиен нервно оглянулся.

– Я должен вернуться к работе. Мистер Лайтнер наблюдает за нами.

Я отпустил его и остановился у двери поговорить с Лайтнером.

– Он оказался полезен.

– Да?

– Он упомянул человека по имени Кузольц, который угрожал ему и Микки. Это имя Вам о чём-нибудь говорит?

– Ни о чём, – ответил Лайтнер.

¹⁹⁰ Мужчина, который ведёт себя немного женственно, что не обязательно означает, что он гомосексуалист (*слэнг*).

В тот вечер я вернулся к Реджи, чтобы отчитаться перед Джейд Каши и поговорить с ней о гонораре. Я потратил на неё больше времени, чем рассчитывал, и больше не мог позволить себе работать бесплатно. Вывеска на улице, которую я раньше не заметил, гласила: «Джейд Каши, корейская красавица — Каждый вечер в 8 и 11. Кроме понедельников».

Я присутствовал на её первом концерте, слушая знакомые мелодии из популярных шоу. Сегодня вечером на ней было серебряное платье, такое же яркое, как и золотое, и разноцветный прожектор заставлял его переливаться разными оттенками, подчёркивая стиль песни. Она была слишком хороша для заведения Реджи, и я удивлялся, что её там удерживало.

Когда она после выступления подошла к моему столику, я вкратце рассказал ей о том немногом, что узнал. Она сидела, наклонившись вперед, крепко сжав руки и прислушиваясь к каждому слову.

— Я знаю этого человека, Кузольца, — сказала она наконец. — Он иногда заходил сюда. В последнее время я его не видела.

— Ваш брат когда-нибудь упоминал его?

— Не при мне.

Я взглянул на часы.

— У Вас перерыв до одиннадцати?

— Да.

— Хотите перекусить?

Она вглядывалась в моё лицо, пытаясь найти в приглашении какой-то скрытый смысл, и я подумал, что, наверное, парни всё время предлагают её нечто подобное. Наконец, она покачала головой.

— Лучше не надо. Реджи это может не понравиться.

— Что он для Вас значит?

Она пожала плечами.

— Он оплачивает счета.

— Все?

— Большую часть.

Это объясняло, почему она оставалась у Реджи.

— Ваш брат одобряет это?

— Я забочусь о нём, но он почти никогда не высказывается о моей жизни.

— Жаль, что у Вас нет старшего брата.

— Вы претендуете на это место, мистер Марлоу?

Я рассмеялся и встал из-за стола. И тут заметил, что с другого конца за мной наблюдает Реджи Мейтленд.

— Ещё увидимся, Джейд.

— Будьте осторожны, — предупредила она.

Мейтленд перехватил меня на пути к двери.

— Она не в твоём вкусе, Марлоу.

— Я никогда такого и не говорил.

— Найди себе другого клиента.

– Это совет на все времена. Спасибо, Реджи.

Я вышел на улицу и через тускло освещенную парковку направился к своей машине. В окне машины отразилось какое-то движение, которое вовремя предупредило меня, и я успел обернуться как раз в тот момент, когда на мою голову обрушивалась обтянутая блестящей кожей дубинка. Удар пришёлся в плечо, и я почувствовал, как руку пронзила острая боль. Сначала я подумал, что это полицейский, и на долю секунды заколебался. Но затем я рассмотрел силуэт парня, напоминающий гориллу, и понял, что столкнулся лицом к лицу с Кузольцем.

Когда он снова замахнулся, я перехватил его руку и с силой опустил на капот машины. Он взвыл и выронил дубинку, но не уgomонился. Я попятился, а он ринулся на меня, как танк, врезавшись мне в живот и выбив из меня дух. Я отшатнулся, схватившись за машину, чтобы не упасть, и он ударил меня по лицу своими кулаками, напоминающими окорока. Я тяжело опустился на асфальт и застыл там, ожидая, когда он подойдёт поближе. Он одурачил меня и потянулся за своим пистолетом. Я попытался перевернуться и достать свой собственный, 38-ой, но не успел. Направленный на меня ствол напоминал крысиный глаз, и я услышал, как Кузольц рявкнул:

– Помолись, Марлоу!

Внезапно у него за спиной оказалась Джейд. Она размахнулась дубинкой, как бейсбольной битой и ударила его по затылку. Он упал ничком.

– С тобой всё в порядке? – спросила она, бросив дубинку на землю рядом с ним.

– Да, благодаря тебе. Ты по-настоящему спасла меня.

– Я увидела, как с тобой разговаривал Реджи, и пошла за тобой, чтобы узнать, что он тебе сказал. И подоспела как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кузольц пытается тебя убить.

– А ведь нас даже не представили друг другу!

Я попытался встать, но у меня заболело сразу слишком во многих местах.

– Возьми ключ и достань из перчаточного ящика «Канадский клуб»¹⁹¹, хорошо? Я бы не отказался от глотка.

Она поступила, как я просил, и я сделал большой глоток, прежде чем предложить бутылку ей.

– Нет, – отказалась она. – Мне ещё надо работать. Давайте я помогу Вам подняться.

Но сначала я сделал ещё один глоток, а затем закрыл бутылку. Она помогла мне встать на ноги, и я почувствовал себя лучше. Я наклонился над Кузольцем, чтобы убедиться, что он всё ещё дышит, затем быстро обшарил его карманы. Во внутреннем кармане его пиджака я нашёл тонкую шкатулку для драгоценностей. Открыв её, я достал маленькую нитку жемчуга. После посещения магазина Лайтнера я пополнил свои начальные знания в этой области, и, хотя эти жемчужины имели правильный цвет, им явно не хватало перламутрового блеска, присущего настоящим изделиям. Первоклассное применение «essence d'orient», и мне стало интересно, что они делали у Кузольца в кармане. Я решил забрать их и порасспросить об этом Лайтнера.

– Что это? – спросила Джейд, когда я засовывал коробочку в карман.

– Искусственный жемчуг оттуда, где работает твой брат. Связывает Кузольца и ювелирный магазин «Гэлэкси».

Здоровяк внизу зашевелился, и я решил, что мне лучше отсюда убираться, если только в моих планах не значится его убийство.

– Увидимся позже -, – сказал я Джейд. – Ещё раз спасибо.

¹⁹¹ Сорт канадского виски.

– Было очень приятно, мистер Марлоу.

К утру я решил, что делать. После телефонного звонка сержанту Грину я снова отправился в «Гэлэкси». Со времени моего предыдущего визита район ничуть не улучшился. Группа подростков слонялась по кварталу, заставляя меня беспокоиться о своих колпаках.

Когда меня вели по коридору в кабинет Брайана Лайтнера, я заглянул в магазин, но брата Джейд нигде не было видно. Сам Лайтнер, казалось, был в хорошем настроении. Он поднялся, когда я вошёл, и предложил мне сигару. Вместо этого я достал одну из своих сигарет и прикурил от спички.

– Чем я могу быть полезен Вам сегодня, мистер Марлоу? – спросил он.

– У меня к Вам есть пара вопросов. Вчера вечером я встречался с Вашим приятель Кузольц. За пределами заведения Реджи он произвёл на меня сильное впечатление.

– Кузольц? Я такого не знаю.

– Похоже, он специализируется в стычках на парковках. Лиен Каши говорит, что этот же человек угрожал на Вашей парковке и ему.

– Это невозможно.

– У Лиена нет причин об этом лгать. – Я достал из кармана футляр для драгоценностей и бросил его между нами на стол. – Нашёл это в кармане Кузольца.

Брови Лайтнера поползли вверх, но к футляру он не прикоснулся.

– Что это? – тихо спросил он.

– Нитка жемчуга. – Я протянул руку и открыл крышку.

– Это из наших изделий, – сразу же сказал он. – Но что оно делает в этом роскошном футляре?

– Мне тоже стало интересно. Вы же первый признаёте, что ваш искусственный жемчуг никого не обманет. Это бижутерия, в которой нет блеска настоящего жемчуга. Так зачем Кузольцу носить его с собой в красивой коробочке?

Лайтнер аккуратно положил свою сигару в пепельницу.

– Это ты мне скажи, Марлоу.

– Я думаю, что это настоящий жемчуг, украденный у жены Роджера Уэста в воскресенье вечером. Вы окунули его в свой раствор, нанеся на настоящие жемчужины «восточную эссенцию», чтобы они выглядели как подделки. Таким образом, их можно было безопасно носить с собой и предлагать перекупщикам. Как только ажиотаж спадёт, их обработают химикатами, чтобы удалить покрытие, и они будут как новенькие.

Лайтнер некоторое время изучал мое лицо.

– Чего ты хочешь, Марлоу?

– Жемчуг касается только тебя и полиции. Я разыскиваю убийцу Микки О'Брайена. Ответь мне на один вопрос — почему Кузольц зависает в баре под названием «Золотой попугай»?

Лайтнер пожал плечами.

– Это заведение для гомосексуалистов.

– Это я знаю. Кузольц один из них?

– Послушай, ему нравится их избивать. Он получает от этого удовольствие. Доволен?

– Это то, что я хотел узнать.

– Ты собираешься рассказать копам о жемчуге?

-
- Я уже им рассказал. Они ждут снаружи с ордером на обыск.
- Ты ублюдок! – Его рука метнулась к ящику стола, но мой кулак оказался быстрее. Я ударил его в челюсть.

Я сидел в маленькой клетушке сержанта Грина, пока Брайана Лайтнера допрашивали в отделе ограблений.

– Мы нашли ещё несколько обработанных жемчужин в сейфе его кабинета, – сказал мне детектив. – Полагаю, мы должны поблагодарить тебя, Марлоу.

– Никогда бы не подумал, что лос-анджелесская полиция будет благодарить меня за что-либо. А что насчет Кузольца?

– Миссис Уэст только что опознала его по фотографии. Это он, угрожая пистолетом, ограбил её в её же доме в воскресенье вечером. У нас есть ордер на его арест.

– Теперь я помогу отделу по расследованию убийств. Кузольц убил и Микки О'Брайана. О'Брайан был гомосексуалистом, а Кузольцу нравилось их избивать. Об этом мне сказал Лайтнер. Кузольц ударил О'Брайана на парковке «Гэлакси», а прошлой ночью со свинцовой трубой он зашёл слишком далеко.

Но Грин покачал головой.

– Хорошая теория, но она не подтверждается, Марлоу. Кузольц не мог убить О'Брайана.

– Почему?

– Убийство произошло вскоре после десяти вечера в воскресенье, но определенно до одиннадцати, когда было обнаружено тело. Ровно в половине одиннадцатого Кузольц был в двадцати пяти милях отсюда, в Малибу, где грабил миссис Уэст. Он никак не мог быть в двух местах одновременно.

Я почувствовал себя так, словно меня ударили по голове.

– Ты уверен?

– Я же сказал тебе, что она только что опознала его по фотографии.

Я вышел из здания полиции и некоторое время колесил по окрестностям. Наконец я нашёл в телефонной книге адрес Джейд и поехал туда. У нее была квартира на Кенмор-авеню, недалеко от Голливудского бульвара. Однажды неподалеку от этого места я нашёл труп, но Джейд Каши была жива, когда впускала меня внутрь.

– Слава богу, это ты! Сегодня рано утром я увидел припаркованную у дома машину, и, по моему, в ней была Кузольц.

На ней было красное платье с вышитым на спине драконом.

– Ему конец, если он тут покажется, – сказал я ей. – Полиция разыскивает его за кражу драгоценностей.

– Не похоже на подходящее ему преступление.

– Его подговорил на это босс Лиена, Брайан Лайтнер.

Я рассказал ей всё, что знал.

– Значит, это оправдывает Лиена?

– В ограблении, но не в убийстве. Кузольц не мог этого сделать.

– Тогда кто это сделал?

В тот момент мне захотелось выпить. Я почувствовал, что хочу оказаться где-нибудь за сто миль отсюда.

– Я думаю, это сделала ты, Джейд.

– Я...

– О'Брайан был гомосексуалистом, и тебе не нравилось, что он дружил с твоим братом. В те вечера, когда Лин должен был работать, он был в «Золотом попугае» или в каком-то другом подобном месте, так ведь? Вечером в то воскресенье ты следила за ними, а когда они разошлись, то заманила Микки в тот переулок и ударила его свинцовой трубой, точно так же, как ударила Кузольца той дубинкой. Ты продолжали бить его и оставила умирать.

– Я говорила Вам, что в момент убийства я работала.

– Да, ты намеренно упомянула об этом, но на вывеске возле заведения Реджи написано, что ты поёшь в восемь и одиннадцать. О'Брайана избили между десятью и одиннадцатью. У тебя было достаточно времени, чтобы сделать это и вернуться в клуб. Ты могла бы даже успеть пройти пешком целую милю.

Я не знал, как она отреагирует. К моему удивлению, она просто кивнула и спросила:

– У Вас когда-нибудь был младший брат?

– Нет.

– Я несу за него ответственность, ведь наши родители остались на Гавайях. Я видела, как он ускользает от меня, от той жизни, которую мы всегда для него планировали. Он скатывался к чему-то плохому. Я поговорила с Микки, предостерегла его, но это не помогло. Микки не хотел уходить. Он хотел Лиена. В конце концов я сделала единственное, что могла. Затем полиция начала допрашивать Лиена об убийстве, и я запаниковала. Я обратилась к Вам за помощью, надеясь, что Вы найдёте другого возможного подозреваемого.

Я сидел, наблюдая за вечерними тенями на ковре. Наконец я спросил:

– Я могу отвезти Вас в управление к сержанту Грину?

Она кивнула.

– Только надену пальто.

Мы спустились вниз и пересекли тротуар, направляясь к моей машине. В этот момент я увидел, как из-за угла здания внезапно появился Кузольц. Пистолет в его руке был направлен на меня.

– Я так и знал, что ты появишься здесь, Марлоу! – прорычал он. – Это за прошлую ночь!

Я попытался схватить Джейда, одновременно вытаскивая свой пистолет, но она, казалось, намеренно оказалась между мной и Кузольцем. Первая пуля попала ей в грудь. Я упал на колени, пытаясь подхватить её, а затем дважды выстрелил и мои пули отбросили его назад.

Когда я убедился, что он не двигается, то подполз к ней. Кровь стекала по тротуару к бордюру, и я увидел, что она мертва.

Я подумал, что это и есть настоящая *essence d'orient*.

Я стоял на коленях рядом с ней, пока не услышал приближающиеся сирены.

Я не могу честно утверждать, что Рэймонд Чандлер оказал большее влияние на моё творчество, чем, скажем, Эллери Куин, Грэм Грин или Джон Диксон Карр. Но я давно восхищаюсь его творчеством и прочитал всё, что когда-либо было опубликовано, включая романы, рассказы, письма, сценарии, записные книжки и даже его ранние стихи. К настоящему времени я прочитал большинство романов и повестей по два-три раза, и регулярно возвращаюсь к своим любимым.

Практически в каждом есть свои запоминающиеся сцены, и особенно запоминающиеся заключительные строки, но думаю, что моей любимой остается «Женщина в озере». Я

считаю, что это лучшая из всех книг с сюжетом, демонстрирующим мастерство Чандлера на пике своего развития. Это сложная история, которую по-прежнему легко понять, и даже сейчас она читается так, как будто была написана всего лишь в прошлом году.

Во многих произведениях Чандлера есть что-то актуальное, чего нет в большинстве современных детективных романов. Я не претендую на то, что мне удалось передать это настроение в моем собственном рассказе о Филипе Марлоу, но я рад быть частью этого проекта, посвященного писателю, равного которому, вероятно, никогда уже не будет.

Эдвард Д. Хох

ДЖЕРЕМИЯ ХИЛИ

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

1955

Художник Джон Мартинес

На табличке, прикрепленной к его столу, значилось: Артур Мимс, менеджер. Мимс встал, чтобы поприветствовать меня. Ростом он был ростом примерно пять футов пять дюймов¹⁹², плечи, которые у него когда-то были, от тяжести опустились до уровня талии, а брюки держались на подтяжках под цвет галстука. Волосы он расчёсывал волосы на прямой пробор и, по-видимому, ощущал себя настолько ответственным сотрудником в страховой компании «Голден Стэйт Иншуранс», что мог не надевать пиджак.

Мимс поднял номер «Лос-Анджелес Таймс» за понедельник, 28 марта 1955 года.

– Итак, кого предпочтёте в среду, Гарленд или Келли?

– Простите?

– «Оскар», номинации за прошедший год. Это Голливуд, мистер Марлоу. Страна кино. Академия вручает его в среду. Как думаете, кто получит награду за лучшую женскую роль?

Мне не нравились люди, которые называли Голливуд Страной кино. Однако мне нравилось работать, чтобы зарабатывать деньги на еду и кров.

– А Вы за кого, мистер Мимс?

– Я бы сказал, что для Гарленд «Звезда родилась» стала лебединой песней, а Келли была хороша в «Деревенской девчонке», но, учитывая, что Джуди вот-вот родит, и всё такое, я бы предпочёл её.

Я не видел ни один фильм, ни другой.

– Единственное, в чём я помню Грейс Келли, – это «Полдень».

– Парень, вот это была картина, а? Но на самом деле не она там была главной. Это был Гэри Купер, один против четырёх плохих парней. Чего еще можно хотеть?

Мне хотелось, чтобы Мимс перешёл к делу. Наконец, он сложил газету, заменив её папкой, которую достал из бокового ящика.

– Вы слышали о нападении на броневик на Вайн на прошлой неделе?

Об это трудно было не услышать.

– Да, всего в нескольких кварталах от моего офиса.

– Да, да, знаю. Ну, «Стэнли Секьюрити» была застрахованы у нас.

– Я не думал, что грабителям это сойдёт с рук.

– Им и не сошло. Один из охранников застрелил обоих, я имею в виду плохих парней. Они были братьями, грабители были братьями по фамилии Хауэр. Бывшие заключенные, пробыли на свободе около месяца. Абель был старшим, Рэнди – младшим.

– Охранник ведь тоже погиб, верно?

– Верно. Бывший полицейский по имени Бехаген, Дэн Бехаген. Поэтому Вы и здесь. Жизни охранников застрахованы у нас. Старик Стэнли всегда был помешан на страховании своих людей. «Это опасная работа за чертовски низкую оплату. Страховка стоит недорого, и они ее заслуживают», говорил он. Итак, если они погибнут при исполнении служебных обязанностей, то их семьи получат по двадцать пять тысяч долларов.

– И?..

– И если охранник был замешан в ограблении, то мы будем освобождены от ответственности по полису.

У Мимса было хорошее зрение, таким можно рассмотреть мошенничество сквозь стену толщиной в фут.

– Мы думаем, что в этом деле что-то может выглядеть подозрительно.

¹⁹² Около 165 см.

– Что-нибудь конкретное?

– Этот охранник, Бехаген, с четырнадцати лет работал на верфи, затем поступил на службу в морскую пехоту, хотя работа на оборонном предприятии позволяла ему этого не делать. Служил в южной части Тихого океана, убил около сотни японцев, а затем поступил в полицию. Женился, завел ребенка, был образцовым полицейским около десяти лет. Затем уволился и поступил в «Стэнли». И два месяца спустя оказался замешан в ограблении.

– И вы считаете, что именно это дурно пахнет?

– И да, и нет. Видишь ли, нападение случилось ранним утром во вторник, когда двое других охранников подкреплялись в каком-то кафе за полквартила от того места, а в сумках было всего пятнадцать-шестнадцать тысяч долларов. Если бы братья дождались двух часов, то легко могли бы рассчитывать на сотню кусков.

– И трех охранников вместо одного.

– Верно, но если Бехаген продаёт за пенни, то почему не за фунт? С другой стороны, мы всегда размещаем объявление, когда случается страховой случай. Ну, знаешь, «У кого есть какая-либо информация о происшествии на углу Пятой и Мэйн-стрит и т.д., пожалуйста, свяжитесь с нами через следующий почтовый ящик». Обычно это ничего не даёт, но на этот раз утром в предшествующее воскресенье там работал продавец, и он сообщил, что он думает, что видел Бехагена, прогуливавшегося около того места, где было нападение.

– Прогуливавшегося?

Мимс пододвинул ко мне фотокопию письма, написанного от руки.

– Мы хотим, чтобы ты занялся этим.

Я просмотрел письмо, заметил, что в нём были имя и адрес. Сложив фотокопию, чтобы не повредить текст, я сунул её в карман пиджака.

– Это всё?

– Нет. Один из Хауэров, старший, Абель. У него была девушка. Копы сказали, что она ничего не знает, но вот её имя и адрес.

Я положил листок рядом с фотографией.

– Двух остальных охранников сможешь найти в офисе «Стэнли».

Я ждал.

Мимс сказал:

– Платим по рыночным расценкам, Марлоу.

Он сказал это так, словно думал, что именно этого я и жду.

– Почему я? – спросил я.

– Почему ты?

– Да. Я не из ваших, и даже не из тех, кого вы иногда нанимаете. Почему именно я?

– Тебя считают хорошим в своём деле.

– Таких хороших много.

– Я имею в виду, что ты умеешь ладить с копами.

– Нет, мистер Мимс. Вы имеете в виду, что не хотите, чтобы кто-то из ваших штатных следователей совал нос в дела копов, даже если кто-то из них и сам из бывших. Так можно потерять копа, от которого штатникам может что-то понадобиться.

– Не думаю, что дело в моих мотивах.

– Вы так не думаете?

– Нет. Я думаю, вопрос в том, достаточно ли сильно тебе нужны деньги, чтобы рисковать, привлекая к себе внимание копов.

Мимс снова нырнул в ящик стола за газетой. Я решил, что он достаточно хорош, чтобы не беспокоиться о том, что не носит пиджак.

«Стэнли Секьюритиз» располагалась в послевоенном здании на Бродвее, недалеко от Шестой авеню, на расстоянии вытянутой руки от офиса окружного прокурора на Уэст-Темпл. Двумя другими охранниками, приставленными к грузовику в то утро, были Уайли и Грин. У Уайли на носу вздувались вены, как у человека, употребляющего за завтраком «Четыре розы»¹⁹³. Грин скорее напоминал соседского парня, с которым ваша дочь не будет встречаться, потому что он играет на аккордеоне, из-за чего другие девчонки будут над ней смеяться.

Я решил начать с Грина. Один из руководителей младшего звена, имени которого я не расслышал, отвёл нас в небольшой офис, который больше походил на комнату для совещаний, что пришлось мне по душе.

– Меня зовут Филип Марлоу. На днях страхователь вашей компании нанял меня для расследования ограбления.

– Попытки ограбления.

– Попытка ограбления. Почему бы вам не рассказать мне, что произошло.

– Конечно. Дэн, Уайли и я были назначены на седьмую машину. Утренняя смена отличается от других, поэтому обычно мы завтракаем по очереди. В машине остаётся один человек. Мы припарковались у кафе на Вайн-стрит, недалеко от Франклин, рядом с автобусной станцией, и пошли с Уайли перекусить. Мы уже почти закончили, как я услышал выстрелы.

– Сколько их было?

– Сначала два или три. Мы тут же подорвались. Из дверей заведения я увидел, что по крайней мере, одна из створок задней двери у нашей машины была открыта, а на мостовой плашмя на спине лежит парень.

– Бехаген?

– Нет, нет. Тот парень был не в форме. – Грин поазал рукой на свою серую блузу и брюки. – Он просто лежал, вытянувшись. Я едва успел его разглядеть, как подъехала машина, «форд» пятьдесят третьего или пятьдесят четвертого года выпуска, трудно сказать точно, поскольку мне не было видно его задние фары, и из неё выскочил другой парень и начал палить внутрь грузовичка через открытую дверь, понимаешь?

– Могу себе представить.

– Я вытащил пистолет, когда выбегал из ресторана, но опоздал. Дэн открыл ответный огонь по второму парню из грузовичка, и того сбило с ног и отбросило спиной на машину. Он начал опускаться по ней, как будто ребенок изображает, что его подстрелили. Я никогда раньше не видел, как кто-то на самом деле получает пулю, и это было не так, как в кино, понимаешь? Я имею в виду, что этот парень действительно истекал кровью. Вёдрами.

– А что потом?

– Потом я бегу к нашей машине. Дэн весь скрючился, держась за живот, как будто он баюкал яйца или что-то в этом роде. Он выглядел...

– Продолжайте.

¹⁹³ Известная и популярная марка американского бурбона.

Грин поджал губы.

– Он выглядел так, будто знал, что этот парень его убил, но просто он ещё не умер.

– Бехаген сказал что-нибудь?

– Нет.

– Не сказал «Вызовите «скорую» или что-то в этом роде?

– Нет. Не уверен, что он смог бы. Я имею в виду, заговорить.

– Ты сказал, что он был ранен в живот.

– Верно.

– Не в горло и не в лицо?

– Нет. Дэн просто выглядел, ну, я не знаю, как человек, который знал, ничем хорошим это не закончится.

– Вы с Бехагеном дружили?

– Нет. С чего Вы взяли?

– Ты называешь Бехагена Дэн, но Уайли зовёшь по фамилии.

– Это Дэн вел мне так делать, называть его по имени. Он был настоящим полицейским, мистер Марлоу, но не задавался, понимаете? Не таким, как некоторые другие, которые скорее просто старше, чем опытнее.

Я понял, что это относилось к Уайли.

– Так почему же в кафе ты пошёл с Уайли, а не Бехагеном?

– Дэн почувствовал себя неважно, и не хотел есть.

– Внезапное недомогание?

– Хм?

– Бехаген давно уже болел или это случилось с ним в то утро впервые?

– О, нет. У него была какая-то аллергия, иногда она была проявлялась сильнее, чем в другие дни, с кашлем и прочим.

– Как вы размещались в машине?

– Вы имеете в виду, после того, когда бы мы поели?

– Да.

– Ну, один из нас садился за руль, а другой бы ехал с дробовиком.

– Тоже в кабине?

– Да. Как в дилижансе, понимаете?

Я на мгновение замолчал.

– Послушай, я знаю, что тебе нравился Бехаген, но я здесь по работе. По какой причине он мог открыть заднюю дверь?

Грин пошевелил языком во рту, как будто сам думал об этом и не мог найти подходящий ответ.

– Только если постучит кто-то из нас.

Дыхание Уайли могло заставить Вас убежать. Я откинулся на спинку стула, но этого оказалось недостаточно, поэтому поднялся и начал его расспрашивать его, отодвинувшись ещё дальше.

– Со слов Грина я понял, что вы с ним ели, когда братья Хауэры сделали свой ход.

-
- Я ел. И ничего не видел.
- Но когда ты услышал выстрелы, ты вскочил, верно?
- Да
- И побежал к двери?
- Нет. Там был только Грин.
- Что делал ты?
- Побежал в подсобку и позвонил копам.
- И оставил своего приятеля на улице?
- Если бы Бехаген держался настороже, у него бы не возникло проблем, понимаете? Откуда мне было знать, что он откроет дверь?
- А что же Грин?
- Что с ним?
- Разве ему не нужно было прикрытие, когда он ломанулся наружу?
- Парень хочет играть в Джона Уэйна, я не против. Я не собираюсь его прикрывать. Я хочу через два года уйти на пенсию, мистер. Такой парень, как он, не знает, что значит умереть.
- Теперь знает.

Гарту Пиви было шестнадцать лет, и он работал в аптеке на Вайн-стрит, через дорогу от кафе. При росте шесть футов¹⁹⁴ и наличии ста тридцати насчитанных прыщей, Пиви подходило ему больше, чем Гарт.

Опершись локтями о стойку, он сказал:

- Да, мистер, говорят, что это произошло именно там.
- тебя здесь не было в день ограбления?
- Неа. Я был в школе. Но я был здесь в предыдущее воскресенье, и тогда-то я и видел этого парня.
- Ты откуда-то знаешь Бехагена?
- Неа, но ведь его фотография была в газете, помните? На фотографии он выглядел намного моложе, но это был он. Он подошёл прямо к этому окну.
- А ты что делал?
- Проводил инвентаризацию. Это место принадлежит моему дяде, так что он доверяет мне, знает, что я всё верно подсчитаю. Он попросил меня заняться этим в воскресенье, доплатил и всё такое, так что я решил сделать всё по-быстрому, нет смысла убить на это целый день, верно?
- Верно. В котором часу это было?
- Рано. Рано-рано, может быть, в половине седьмого, в семь. Я только начал, выходил из кладовой, как вдруг увидел этого парня, стоящего спиной к окну. Честно говоря, я немного испугался.
- Почему?
- Ну, в это время по воскресеньям здесь как в городе-призраке. Я имею в виду, что на улицах никого, нет даже проезжающих машин. Я замираю, и мне показалось, он меня не замечает, потому что очень сосредоточен.

¹⁹⁴ 180 см.

– Сосредоточен?

– Да. Как будто он пристально смотрит в одну точку. Затем он немного поворачивается и пристально смотрит в другую. Затем он перешёл улицу и направился в кафе, и это было очень забавно.

– И ты сообщил об этом в письме.

– Да, именно потому у меня и было столько времени, чтобы его разглядеть, и я смог узнать по фотографии в газете. Знаете ли, я решил, что он сумасшедший.

– Он двигался как сумасшедший?

– Нет, нет. Я имею в виду, не как какой-то дикий или помешанный или что-то в этом роде.

Пиви вышел из-за прилавка.

– Я имею в виду, что он ходил по мостовой взад-вперёд, вот так, а потом смотрел на часы.

Пиви делал преувеличенно широкие шаги и мелодраматично поглядывал на свое запястье, отчего мужчина, сидевший на крайнем стуле, уставился на него, а две пожилые женщины у стойки с журналами подняли было глаза, но быстро отвели их в сторону.

Обращаясь ко мне, Пиви сказал:

– Видите?

– Он делал большие шаги? – спросил я.

– Да. Но больше похоже на то, что он считал их или рассчитывал время.

– Считал свои шаги и рассчитывал время?

– Да, да. Как при поиске сокровищ. Ну, там, отойди к северу от каменных ворот на двенадцать шагов... Понимаете?

На следующий день я вышел из своего дома на Юкка-авеню в девять. К тому времени, как я добрался до офиса на Кауэнга, воздух был таким тяжелым, что, казалось, я был весь пропитан этой жарой. Плохой знак для конца марта.

Я провёл утро, разбираясь с бумагами. После обеда, я спустился вниз и поехал в голливудское отделение на Уилкоккс, где Дэн Бехаген работал детективом до того, как перешел в «Стэнли». Знакомый коп сказал мне, что бывшего напарника Бехагена звали Куэльяр.

Помещение было большим, но узнать Куэльяра было нетрудно. Он был единственным мужчиной с оливковой кожей, на котором не было наручников. Он сидел за одним столом с другим полицейским, который повесил трубку и собирался уходить, когда подошёл я.

– Детектив Куэльяр?

– Да?

У него было квадратное лицо и прическа «помпадур», которую «Брилкрим»¹⁹⁵ мог бы использовать в своей телевизионной рекламе. Но помимо этого, он выглядел потрепанным, как будто его угнетали попытки быть лучше остальных в команде, чтобы хотя бы просто удержаться на плаву.

– Меня зовут Марлоу. Я расследую одно дело для «Голден Стэйт» и хотел бы задать Вам несколько вопросов.

Выражение его лица оставалось нейтральным, но глаза загорелись немного ярче.

– Мы с Вами раньше не встречались, верно?

¹⁹⁵ Британский бренд средств для укладки волос для мужчин.

– Насколько я знаю.

– У Вас здесь есть кто-нибудь, кто за Вас поручится?

Я назвал ему несколько имен, достаточно, чтобы он не считал нужным звонить им при мне.

– Присаживайтесь. Чем могу Вам помочь?

– Ваш партнер, Дэн Бехаген.

Губы Куэльяра дрогнули, но он только произнёс:

– Продолжайте.

– Я хотел бы узнать о нём побольше.

– Например?

– Как долго вы были с ним напарниками?

Это был не тот вопрос, которого он ожидал.

– Четыре года.

– Вы с ним до этого были знакомы?

– Да. Мы вместе учились в академии сразу после того, как мы... сразу после войны.

– Вы вместе с ним служили им в морской пехоте?

– Верно. Там мы и познакомились.

– Мне действительно жаль. Я имею в виду, его смерть.

– Спасибо.

– А почему он уволился?

А вот этого вопроса Куэльяр ждал. Рано или поздно.

– Я не знаю.

– Он не говорил с вами об этом?

– Нет.

– Даже в общих чертах?

– Нет.

– Я полагаю, что он терял в год где-то сотен пятнадцать, может быть двадцать, когда перешёл из полиции в «Стэнли». Он никогда не говорил, зачем ему это?

– Нет.

– Вы должно быть знаете, что я думаю.

– Марлоу, я точно знаю, что без зубов очень сложно разговаривать.

Как раз в этот момент за соседний стол вернулся офицер:

– Боже, Вик, рад снова слышать, что ты опять заговорил как коп. Справился наконец-то с похмельем?

– Да.

– Не могу тебя винить. Однажды я тоже потерял напарника. И тоже ничего не мог поделать, парень утонул где-то на рыбалке, но я все равно был пил три дня. Лейтенант поручил мне дело Стейнберга.

– Хорошо.

После того, как он ушёл, я сказал:

– Знаешь, он прав. Вы ничего не могли поделать.

– Послушай, Марлоу, я дружил с этим парнем, ясно? Это не значит, что мы были как братья. Я знал его по войне и всё такое. Все сложилось так, что мы стали напарниками. Но у него была своя жизнь, как и у меня – своя. Но вот что я тебе скажу — он был хорошим полицейским. Настолько хорошим, насколько это вообще возможно.

– Он доказал это, погибнув при исполнении служебных обязанностей?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что хотел бы знать, участвовал ли Бехаген в ограблении до того, как братья Хауэр напали на броневик.

– Дэн в жизни не взял ни цента. Это...

Я подождал, пока Куэльяр придумает что-нибудь другое вместо того, что он собирался сказать.

– ...Это правда.

Я сказал:

– Вы не хотите со мной разговаривать, ладно. Я могу поговорить с кем-нибудь ещё.

– Ты собираешься встретиться с Карен?

– Если так зовут его жену, то Вы знаете, что да.

– Отнесись к ней с уважением, Марлоу. Если я узнаю, что это было не так, то тебе покажется, что Господь высрал на тебя тонну кирпичей.

Дом Бехагена представлял собой захудалое место в квартале, где дома выглядели настолько одинаково, что даже номера на них не помогали отличить их друг от друга. Всё выглядело вымытым и подметенным, но вблизи стало заметно, что подъездная дорожка растрескалась, а краска облупилась, и этот процесс начался задолго до прошлой недели.

Я постучал в наружную дверь, затянутую сеткой. Открылась внутренняя дверь, и на минуту, сквозь сетку, мне показалось, что рассказ Мимса о Грейс Келли не прошёл даром. Она была такой красивой блондинкой, в своём роде стильной.

– Да?

Мне потребовалось в два раза больше времени, чем обычно, чтобы представиться и показать ей своё удостоверение. Она открыла сетчатую дверь, чтобы рассмотреть его, неловко вертя в руках книгу, отмечая загнутым указательным пальцем место, на котором она остановилась. Без разделявшей нас ширмы она выглядела старше, но такое старение рано наступает из-за волнения и душевной боли.

Она пригласила меня войти, и я понял, почему всё пошло именно так. И уже давно.

Почти всё место в гостиной занимало «железное легкое», оставляя очень мало места для чего-либо ещё. Голова мальчика лет шести-семи торчала из диафрагмы, которая закрывала его шею наподобие воротника. Его затылок лежал на желтой виниловой подушке. Его лицо смотрело на меня снизу вверх из наклонного зеркала в верхней части аппарата.

Она сказала:

– Кенни, это мистер Марлоу.

Кенни ответил:

– Привет, мистер Марлоу.

Я сказал:

– Привет.

– Кенни, мы с мистером Марлоу немного поговорим на кухне. Крикни, если тебе что-то понадобится.

– Хорошо, мам.

Когда мы проходили мимо него, я заметила приспособление в виде мехов, которые дышали за него. Они двигались взад-вперёд, издавая звук, напоминающий шуршание дверей в супермаркете.

На кухне миссис Бехаген положила книгу, а я села на стул.

– Кофе?

– Нет, спасибо.

Повернувшись ко мне спиной, она налила себе чашку и постаралась, чтобы её голос звучал как обычно.

– Что-то не так со страховкой, мистер Марлоу?

– Всего лишь несколько обычных вопросов. Извините, что приходится задавать их Вам сейчас.

Она села за стол, помешивая в чашке молоко и сахар.

– Дэн рассказывал, что именно это он говорил людям, у которых были самые большие неприятности.

– До того, как он уволился из полиции.

Она перестала помешивать.

– Верно.

– Почему он уволился, миссис Бехаген?

– Наверное, просто устал от всего этого.

– И устроился охранником, потому что устал быть полицейским?

– Полагаю, что да.

– А сокращение зарплаты со всеми этими расходами...

Я остановился.

Она спросила:

– Всеми этими расходами на такого сына, как Кенни, о котором нужно заботиться?

– Мне очень жаль.

– Не надо извиняться. Полиомиелит – это не то, в чём вы виноваты. Это просто случилось.

– Ваш муж в последнее время вел себя как-то иначе?

– Да.

– И как же?

– Он из копа, который имел дело с городскими отбросами, стал относительно нормальным, обычным рабочим парнем.

– Который много зарабатывал.

Она рассмеялась.

– Да, много. Жаль только, что он никогда не приносил их домой, а?

Я смотрел, как она пьёт кофе. Она была хороша, почти так же, как и Мимс.

Подругу Абеля Хауэра звали Моника.

– В честь пирса, – сказала она. Невысокая, с растрепанными каштановыми волосами, она выглядела скромно, но привлекательно, несмотря на то, что уже отпраздновала свой тридцатый день рождения. Но, думаю, последние пять лет были для неё невесёлыми.

Моника неохотно выключила Реда Склелтона¹⁹⁶ на RCA, когда я предложил обойтись без соревнования в громкости между нами.

– Итак, что бы Вы хотели узнать?

– Сколько Вы были знакомы с Абелем Хауэром?

– Ха, мы с Абелем прошли вместе долгий путь. – Спыхватившись, она добавила: – Конечно, тогда я была очень молода для него. Слишком молода, если Вы понимаете, о чём я. Как насчёт того, чтобы выпить?

– Конечно.

– Скотч подойдет?

– Отлично.

За тремя бокалами мы поговорили о её несчастном детстве и прерванной актерской карьере. Затем я спросил:

– Значит, вы знали Абеля до того, как он попал в тюрьму?

– О, да. Задолго до этого. – Она сделала изрядный глоток. – Тогда он был хорошим парнем, всегда присматривал за Рэнди, потому что у них не было мамы и папы, понимаете?.. На самом деле, даже после того, как их отправили в тюрьму, он и там присматривал за Рэнди. В тюрьме встречаются всякие забавные парни, если Вы понимаете, к чему я.

У меня сложилось впечатление, что никогда не было сложно понять к чему она ведёт.

– За что их посадили?

Моника посмотрела на свой напиток, слегка покачав головой.

– Банк. Они пытались его взять. Придурки.

– И что произошло?

– Взяли, конечно. И даже скрылись. Но они убили... Копы сказали, что они убили того деревенского шерифа где-то в долине, когда убегали. В конце концов их поймали, но у них не было при себе оружия, из которого был убит шериф, так что их посадили только за ограбление банка. И всё же, семь лет – это не прогулка по пляжу, понимаете?

– И Абель, и Рэнди теперь мертвы. Теперь-то ты можешь рассказать мне как всё было?

Моника вздернула подбородок и прикрыла глаза, одарив меня нахальной улыбкой.

– Некоторым парням я рассказываю всё.

– Это ведь Абель убил шерифа, верно?

– Я, конечно, сама там не была. Но я так слышала.

– Предположительно, Абель и Рэнди ненадолго отлучались, прежде чем заняться броневином.

– Брат, ты сам это сказал. Этот Абель держал меня за... Он оставался со мной максимум три дня. Потом задумал что-то новое. С Абелем всегда так, всегда что-то новое.

– Есть мысли, как ему пришло в голову напасть на бронированный автомобиль?

Она снова вздернула подбородок, но уже не так игриво.

– Напомни, как ты сказал, кто ты?

¹⁹⁶ Ричард Ред Склелтон (1913 —1997) — американский комик и актёр, наиболее известный своими радио- и телешоу в 1937—1971 гг.

-
- Детектив. Частный детектив.
- Значит, не полицейский, верно?
- Верно.
- И то, о чём мы здесь говорим, не должно дойти до копов, верно?
- Даю слово.
- Что ж, мне этого достаточно. Видишь ли, Абель... Налей мне ещё немного, хорошо, милый?
- Конечно.
- Спасибо. То, что надо. – Она отпила половину. — О чём это я... ах, да, этот Абель, он был храбрым, как... как... Не знаю, как кто. Но с мозгами у него было не всё в порядке. Ему нужен был... Ну, не знаю, главный, наверное.
- И он такого нашёл.
- Да. Или его кто-то нашёл. Он так и сказал, что этот парень его нашёл. Не знаю как.
- И что тогда?
- Тот парень всё это устроил, затеял всё это с Абелем и Рэнди, а закончилось всё это так... – Она начала плакать, проводя рукой по глазам, размазывая тушь. – ...ужасно, и их убили. Почему они должны были там погибнуть, скажи мне?
- Я терял её.
- А кто, по словам Абеля, все это устроил?
- Я не сказала копам.
- Я знаю, что ты этого не делала.
- Я им не сказала
- Конечно. Они ведь не сделали тебе ничего хорошего, верно?
- Нет, нет, придурок. Я не сказала им потому, что так мне сказал Эйбел.
- Что сказал тебе?
- Сказал, что это был полицейский. Это устроил коп. А ты что подумал?

Публичная библиотека – одно из лучших зданий в Лос-Анджелесе. Я знаю об этом, потому что один мой друг из Массачусетса проходя однажды мимо неё, похвалил её, высказавшись в том духе, что её можно было бы разместить в центре Бостона, и это даже не выглядело бы неуместно. Я был там уже следующим утром, как только они открыли двери, беспокоя беднягу, который отвечал у них за периодические издания.

Я воспользовался в качестве точки отсчёта смутными воспоминаниями Моники и начал с 1948 года, решив, что это вполне могло оказаться на первой полосе. Я нашел вторую статью о погибшем шерифе в номере от 18 сентября, затем вернулся к 17 сентября, чтобы найти статью об ограблении банка на 10 странице. Я не заметил, чтобы там упоминался кто-нибудь, кроме самих Хауэров.

В последнем абзаце статьи от 18 сентября была указана дата судебного заседания в ноябре. Пролистав дальше, я нашёл отчёт о пятидневных слушаниях. Моника оказалась права: они были признаны виновными в ограблении, но не в убийстве. Репортер обратил внимание на особенно разгневанное лицо одного из полицейских, который прибыл на место ограбления и давал показания «на безупречном английском». Молодого патрульного звали Виктор Куэльяр.

Следить за полицейским участком непросто. Следить за домом намного проще. Я полагал, что рано или поздно он там появится. Оказалось, что поздно. Я отвернулся от его фар, чтобы сохранить возможность видеть в темноте. Его «помпадур» блестел в лунном свете, когда он шёл по дорожке по знакомому мне уже небольшому участку.

Я подождал, пока все устроятся, затем поднялся и постучал в дверь.

Возможно, я не дал им достаточно времени. Когда Карен Бехаген молча провела меня через гостиную мимо спящего Кенни, она была полностью, подобающим образом, одета. Войдя в кухню, я посмотрела на Куэльяра. Он вертел в руке бокал для виноградного желе, в котором плескалось красное вино, и, если не считать пиджака, висевшего на спинке стула, и приспущенного галстука, то выглядел вполне презентабельно. И не на шутку разозлился.

Куэльяр начал было:

– Марлоу, лучше...

– Вик, – мягко, предостерегающе позвала она. – Кенни...

Куэльяр глубоко вздохнул, медленно и с некоторым усилием выпуская воздух. Но когда он заговорил снова, то это был шёпот.

– Зачем ты следил за мной?

– А я и не следил. Я ждал тебя здесь. -

Он начал:

– Карен – жена моего напарника. Иногда ей нужен кто-то на вечер, чтобы побыть с Кенни.

– Тогда давай я расскажу тебе сказку на ночь. Только подожди, пока я закончу, прежде чем наброситься на меня, чтобы выбить дерьмо, хорошо?

Куэльяр и миссис Бехаген просто смотрели на меня.

– Ты влюбляешься в жену своего напарника. Никто не хотел, чтобы это произошло, это просто случилось. Он узнает об этом, или подозревает и не может этого вынести. Он не может тебе доверять, и терпеть тебя он не может, но и заставить тебя уволиться из полиции он тоже не может, поэтому он уходит сам. Идёт работать в охранную компанию, потому что это почти то же самое, что быть копом, возможно, настолько почти, насколько он смог найти за столь малый срок. Но если вы больше не партнеры, тебе больше незачем встречаться с Карен, и это тебя гложет. Потом ты вспоминаешь о братьях Хауэр, и тебе в голову приходит блестящая идея.

Карен Бехаген сказала:

– Пожалуйста, прекратите.

Куэльяр спокойно ответил:

– Нет. Продолжай.

– Тебе приходит в голову идея подставить своего бывшего партнера, убрать его с дороги и в то же время немного получить по страховке. Хауэры – профессиональные грабители, и ты знаешь, что однажды они убили полицейского, и им это сошло с рук, так что они не будут стесняться. Ты устроил это вместе с ними, чтобы всё выглядело как ограбление, но на самом деле они затеяли это только для того, чтобы убить Бехагена, получить от тебя часть страховки, а ещё, возможно, им что-то перепадёт из грузовика. Но ты должен быть уверен, что это не будет похоже на то, что Бехаген замешан в этом деле, потому что это аннулирует страховку. Поэтому ты заставляешь их напасть на броневик, когда в нём не так много денег, такой специалист, как Бехаген, стал бы не планировать ограбление на этот день, и

когда он чувствует себя не очень хорошо и остаётся в машине один, пока его приятели завтракают. Насколько я близок к правде?

Карен Бехаген закрыла лицо руками.

– Пожалуйста, пожалуйста, прекрати это.

Куэльяр сказал:

– Заканчивай, Марлоу.

– Абель Хауэр даже устраивает всё так, чтобы его младший брат смог совершить своё первое убийство. Он всегда заботился о нём таким образом. Но Бехаген слишком хорош, и уложил обоих братьев, что избавляет тебя от необходимости избавиться от них или столкнуться с шантажом на всю оставшуюся жизнь. Держу пари, что есть человек из тюремного архива, который выдавал тебе под расписку или просто так тюремные дела Хауэров задолго до ограбления, примерно тогда, когда они вышли из тюрьмы. Что думаешь?

Миссис Бехаген опустила руки и сказала:

– Вик, мы должны ему рассказать.

Куэльяр ответил:

– Нет.

Она положила свою руку на его и сжала. Он повернулся, чтобы взглянуть на неё. Что-то между ними промелькнуло. Несомненно, привязанность, может быть, любовь и даже чувство вины. Но не страсть. И внезапно я понял, что неправ.

Куэльяр повернулся ко мне, несколько раз пошевелил челюстью и сказал:

– Ты прав насчет досье Хауэрсов, Марлоу. Ты бы смог доказать, что я их брал. Не думаю, что этого было бы достаточно, но если Карен больше не может этого выносить, то и я тоже.

Он потёр большим пальцем костяшки её пальцев.

– Дэн умирал. Он всем говорил, что это какая-то аллергия или что-то в этом роде, но у него в лёгких была инфекция, и он, то и дело, кашлял. Доктор говорил ему о какой-то болезни, в которой тоже было больше слогов, чем в «Типпеканоу» и «Тайлер». Он думал, что это из-за работы Дэна на верфи, потому что док видел много парней, которые раньше работали на верфи, и у них было то же самое.

– Сколько, пятнадцать, двадцать лет назад?

– Так говорил Дэн.

Миссис Бехаген сказала

– Это было всё, о чём он только мог думать.

– Итак, ваш муж уходит из полиции, а Куэльяр просматривает досье в поисках подходящей банды грабителей. И что дальше?

Куэльяр сказал:

– Я знал, что Хауэры семь лет назад замочили этого помощника шерифа, и они поплатились за это. Дэн многих убил... на войне. Нервы у него были крепкие. Так что, когда Хауэры вышли на свободу, Дэн связался с ними и рассказал невероятную историю о том, как озлобился и ушёл из полиции, и они организовали ограбление, для которого всё спланировал Дэн.

Именно это и видел Гарт Пиви из аптеки тем воскресным утром.

– И поэтому задняя дверь броневика была открыта.

– Верно. Хауэры думали, что Рэнди окажется внутри, врежет Дэну, чтобы всё выглядело соответственно, а потом смоется с деньгами, которые им обещал Дэн, тысяч сто-сто двадцать. Вместо этого Дэн... – Куэльяр замолчал, искоса взглянув на миссис Бехаген. – Вместо этого Дэн застрелил Рэнди, зная, что это заставит старшего брата Абеля слететь с катушек и ввязаться в перестрелку, вместо того чтобы скрыться.

– Чего Бехаген не мог допустить, потому что тогда остался кто-то, кто мог бы поведать копам о случившемся.

– Верно. И... – Куэльяр снова взглянул на миссис Бехаген.

Она сказала:

– И Дэну тоже нужно было, чтобы Абель остался, мистер Марлоу.

Наконец-то я понял.

– Значит, у Абеля была возможность застрелить Вашего мужа. Чтобы можно было получить страховку.

Она опустила голову на грудь.

– Страховка покроет закладную на дом и поможет нам с Кенни, чтобы мы могли сводить концы с концами.

Я подумал о Дэне Бехагене, который застрелил Рэнди, а затем ждал, что Абель не просто останется тут же, а достанет оружие и будет стрелять, ждал, когда пули Абеля попадут в него туда, где ранение, как он знал, будет смертельным, а у него всё-таки останется достаточно сил, чтобы выстрелить Абеля и убить его наверняка.

– Вот и всё, Марлоу, – сказал Куэльяр. – И что теперь?

Я закрыл глаза, но всё, что я смог увидеть, – это умирающего человека в серой униформе, который держался за живот и молча отсчитывал про себя сколько ему осталось.

– У вас есть что-нибудь покрепче вина?

В четверг утром Мимс сказал:

– Присядьте, Марлоу. Вы ужасно выглядите.

– Похмелье.

– На нашей работе?

– Вовсе нет.

– Вы что-нибудь узнали?

– Узнал.

Он сложил свои бумаги и убрал их.

– Итак?

– Бехаген чист как стеклышко. Никакой связи. Всё будет в моём отчёте.

– Тогда зачем Вы пришли сюда?

– Я знал, что для Вас это важно. Хотел Вас успокоить.

Мимс попытался понять, не шучу ли я.

– Что ж, я это ценю. Особенно после вчерашнего вечера.

Тут уже я не мог его понять.

– Вчерашнего вечера?

– «Оскар», парень. Где ты был, на Марсе? Джуди Гарленд проиграла этой девчонке Келли!

Я встал, сказал мистеру Мимсу, как мне понравилось с ним работать, и ушёл.

Я знаю, что увидел фильмы по произведениям Рэймонда Чандлера до того, как прочитал любую из его книг. Пораженный версией «Глубокого сна» с Хамфри Богартом и заинтригованный версией «Долгого прощания» с Эллиотом Гулдом, я обратился к самим романам. Незамысловатая, описательная манера Чандлера как в повествовании, так и в диалогах пришлась по душе адвокату, которым я тогда являлся. Многие адвокатов справедливо критикуют за многословный стиль составления контрактов, завещаний и других документов. Чандлер показался мне более похожим на юриста, выступающего в суде, нежели человека, склонного всё запутать до неузнаваемости, как автор, который должен чётко изложить свою точку зрения широкой аудитории неспециалистов, к которой обращается.

Чандлер, Джон Д. Макдональд и Роберт Б. Паркер были авторами, которых я читал, когда начал писать свой первый роман о частном детективе. У человек, который жил на Юге, как правило, южный акцент. И, думаю, Чандлер и другие мастера повлияли на меня точно так же. Я же просто надеюсь, что мои усилия окажутся успешными хотя бы наполовину.

Джерemi Хили

ЭД ГОРМАН

АЛИБИ

1956

Художник Джон Мартинес

Когда я впервые увидел Роберта Хатчингса, он лежал на модном кожаном

диване в модном отеле чуть в стороне от Голливудского бульвара. Напротив него на отделанном светлым деревом семнадцатидюймовом¹⁹⁷ экране «Адмирала» Дуглас Эдвардс рассказывал нам о негритянке по имени Кэтрин Люси, которая пыталась попасть внутрь Университета Алабамы. Особых успехов она не добилась. И это чувство было мне знакомо. Мой бизнес — Филип Марлоу, расследования — тоже переживал не самый лучший период.

Рядом с Хатчингсом, на диванчике, который, казалось, был создан специально для идеально округлой попки принцессы, сидела высокая, безоглядно красивая темноволосая женщина в сером габардиновом костюме, подразумевавшая, что её красота не будет казаться такой безрассудной. Но её слегка неправильный прикус и лунное притяжение тёмных глаз делали это невозможным. Ей было лет тридцать пять, и она излучала бы сексуальность даже в стальном гробу, который отправили бы прямоком в Марианскую впадину. Или, во всяком случае, так было бы при обычных обстоятельствах. В настоящий же момент она находилась в шоковом состоянии, и потому её сексуальная привлекательность была на одном уровне с мраморной статуей, которая могла только намекать на реальность.

Тут был ещё один человек, потрепанный жизнью мужчина, которому не мешало бы побриться, надеть чистый костюм и начать новую жизнь. Его звали Дональд Хэнратти, и было время, когда он служил в полиции, сияя, как новенький «дайм»¹⁹⁸. Но это было до того, как его жена умерла от рака, а сын обмотал свой «форд» 46-ого года с откидным верхом вокруг фонарного столба. Хэнратти, хороший полицейский, хороший человек, хороший муж, хороший отец, умер в некотором роде вместе с ними — смертью разлитого по бутылкам спиртного, с тем своеобразным периодом полураспада, который проходит со слезами, яростью и кровоточащим желудком алкоголика. Он служил в полиции до тех пор, пока «нервы» не вынудили его уйти в отставку, и с тех пор продавал обувь, парковал машины и работал — смешно и печально — вышибалой в танцевальном зале, где однажды ночью парень, только начинающий карьеру в кино, сломал ему челюсть. Последние несколько лет Хэнратти называл себя частным детективом.

Хэнратти, закуривая третий «честерфилд» менее чем за десять минут, произнёс:

— Она убила его.

В любом случае, его кто-то убил. В грудь Роберта Хатчингса по самую рукоятку был воткнут особенно неприятный на вид мясницкий нож. Кровь полностью залила дорогой коричневый кожаный диван. В Лос-Анджелесе есть несколько отелей, где просто обдали бы помещение из шланга и вернулись к своим делам. Но этот был не таким. Здесь, когда об этом узнает руководство, поднимется крик, ругань, будет достаточно копов, гоняющимися за взятками, и много прессы. Очень много. В конце концов, многим, у кого был телевизор, Роберт Хатчингс был известен как Капитан Стармен.

Я подошёл к женщине поближе. По её глазам я понял, что она всё ещё где-то в другом месте, в таком, где мелким телезвездам не вонзают в грудь мясницкие ножи. В этот момент она напоминала мне Джин Симмонс из «Гамлета» с Лоуренсом Оливье своим

¹⁹⁷ Чуть больше 43 см.

¹⁹⁸ Монета в 10 центов.

отсутствующим, но в то же время каким-то меланхоличным взглядом. Да, я не провожу всё своё время за чтением журнала «Конфиденциально»¹⁹⁹.

– У неё руки и костюм в крови, – сказал я.

– Я знаю, – сказал Хэнратти.

– И ты ещё не вызвал полицию? Почему?

– Мне нужно было время подумать. Из-за этого, – он кивнул на окровавленную грудь капитана Стармена. – Из-за этого я выгляжу не очень хорошо, Филип.

Это было не совсем уместное замечание, когда менее чем в шести футах от нас находится мёртвая телезвезда, а ещё ближе – женщина в состоянии клинического шока.

Тем не менее, это его замечание вызвало у меня чуть более, чем обычное любопытство.

– Чем ты занимаешься, Хэнратти?

Я говорил тихо. Лет десять лет назад, когда в Сакраменто некие очень недружелюбно настроенные типы подвергли мою лицензию частного детектива серьёзному и, возможно, окончательному пересмотру, Хэнратти прислал мне письмо с поддержкой, которое растопило бы сердце судьи, выносящего приговор. Я был у него в долгу, и так и с ним и не расплатился.

Он вздохнул. Он говорил так, словно Пэт О'Брайен²⁰⁰, облаченный в римский воротничок, собирался проводить его по гулкому коридору на электрический стул.

– Я вроде как присматриваю за звёздами.

– Присматриваешь?

– Решаю все их проблемы.

– Кого именно?

Он взял еще «честерфилд». Когда он вынул его изо рта, на белой бумаге в том месте, где он прикоснулся к ней губами, осталось мокрое пятно. А на губе остался кусочек бумаги.

– Не таких уж и больших звёзд, Филип. Никого из кино. Телевизионщики, знаешь ли. Как этот. – Он выглядел как грустная и побитая собака.

– И ты «присматривал» за Хатчингсом?

– Да. Или я должен был это делать. Он должен был встретиться с ней в этом номере, но боялся оставаться с ней наедине.

Хатчингс был рослым блондином, из тех, кто накачивает в спортзалах мускулы, которые в конечном итоге и сыграют Капитана Стармена. Без сомнения, у него было столько же недостатков, сколько у священника, лишённого сана, но трусость вряд ли входила в их число.

– Он боялся её? – спросил я.

– Она пыталась застрелить его два дня назад.

– Почему?

– Он заигрывал с ней, а ей это не нравилось.

– И с кем же он заигрывал?

Он пожал плечами.

¹⁹⁹ Американский журнал, считающийся пионером в области скандалов, сплетен и разоблачительной журналистики.

²⁰⁰ Пэт О'Брайен (1899-1983) – американский актёр ирландского происхождения, наиболее часто ему доставались роли полицейских и священников.

– С его женой.

Подойдя к окну, я взглянул вниз, в апрельский полдень. В этот район города не пускали тех, кто ездил на чем-то меньшем, чем «паккард», но и тогда его лучше было натереть воском, отполировать, а потом полировать ещё в течение двадцати четырёх часов. Я еще раз окинул взглядом номер. В просторном мраморном вестибюле внизу, который наводил на мысль о слегка обветшалых декорациях из «Quo Vadis»²⁰¹, были развешаны фотографии звёзд, которые останавливались здесь на протяжении многих лет — молодого Дугласа Фэрбенкса-младшего, Кларка Гейбла и самой Гарбо. Я попытался представить, как они сидят в этом степенном, ледяном помещении и смеются своими серебристыми голливудскими голосами, но почему-то эта наличие трупа заглушило во мне чувство ностальгии.

Я повернулся к нему, сунув трубку в рот.

– Хэнратти, что, чёрт возьми, происходит?

– Знаешь, чего я обещал не делать?

– Да.

– И я это сделал.

Я произнес слово, которое прозвучало особенно вульгарно в изысканной атмосфере этой комнаты. Пять раз за последние три года я возил Хэнратти в те незаметные, напоминающие мотели, маленькие больницы, в которых алкоголиков привязывают к кроватям и позволяют кричать далеко за полночь. Пять раз его должны были «вылечить». Пять раз. Полагаю, таким образом я вернуть ему долг за то, что он помог мне не потерять лицензию.

Теперь у него на глазах были слезы. У меня почти тоже.

– Всё довольно просто, Филип. Она, Сьюзен Эймс, должна была стать следующей миссис Хатчингс. Но затем первая миссис Хатчингс — Дарла — опять стала для него хороша. Пару дней назад он попытался порвать со Сьюзан, и тогда она попыталась его застрелить его.

– И опять никакой полиции?

– Без полиции. Он звезда детских фильмов. Он не может позволить себе такой огласки.

Он покачал головой. Ему не нужно было продолжать. Всё и так было предельно ясно.

— Ну, я сидел в соседней комнате, пока Хатчингс и Сьюзен разговаривали, и... — Он снова провел рукой по лицу.

– И у тебя была бутылка?

– Да.

– И сколько было в бутылке?

– Пинта²⁰².

Я снова грязно выругался.

– Итак, ты приложился к ней и...

– Я думал ограничиться парой глотков, Филип. Честно.

– И ты вырубился.

Он сделал паузу.

– Да.

²⁰¹ Фильм американского режиссёра Мервина Лероя 1951 года. Экранизация одноимённого романа Генрика Сенкевича.

²⁰² Около 0,568 л.

— И пока ты был без сознания...

Он закончил за меня.

— Она его убила.

Теперь я понял, почему ему не нужна была никакая огласка. Немногие наймут тебя телохранителем, если известно, что ты напиваешься до бесчувствия. Или когда погибает человек, за которым ты должен присмотреть.

У него перехватило дыхание, и как только он заговорил, то заплакал. Он выглядел старым, таким старым, что один вид может тебя напугать, таким старым, каким, как ты надеешься, ты никогда не станешь, даже если проживешь достаточно долго.

— Как мне выпутаться из этой передраги?

— Расскажи мне, как всё это произошло.

— А? — Его начинало трясти.

— Расскажи всё, что произошло. Покажи мне, где ты был, и где они были, и как ты их всё обнаружил.

— О, — сказал он, — точно.

Он расправил плечи и вытер свой мокрый красный нос тыльной стороной ладони, а затем поднес к губам ещё один «честерфилд».

— Всё очень просто.

Нам потребовалось минут десять, чтобы во всём разобраться. Когда он проснулся в соседней комнате, то услышал рыдания, а когда вышел, то обнаружил рядом с Хатчингсом Сьюзен Эймс. Хатчингс был уже давно мёртв. У Сьюзен был шок и она ушла в себя.

Когда он закончил свой рассказ, то я оказался там же, где и он, — рядом с женщиной по фамилии Эймс.

Я сел и взял её холодную руку в свою. Я нежно коснулся её щеки кончиками пальцев, затем повернул её лицо к себе.

— Мне нужно поговорить с тобой, Сьюзен. Мне нужно с тобой поговорить.

Но в глазах ничего не было. Красота манекена из витрины универмага, ироничная пустота под идеальной эротической оболочкой.

— Сьюзен, — повторил я. — Сьюзен.

Лучше. Гораздо лучше.

Когда я поднялся, Хэнратти сказал:

— Не мог бы ты не сделать так, чтобы моё имя не упоминалось газетах?

Я поймал себя на том, что качаю головой.

— Боже, Хэнратти, я постараюсь, но ты же не с мэром разговариваешь!

— Но люди тебя знают, Филип. Важные люди.

— Да, — сказал я, — мой домовладелец в день оплаты.

Он ещё раз повторил:

— Мне просто нужно немного помочь, Филип. Совсем немного.

В коридоре я услышал скрип начищенных ботинок по истончённому ковру. Этот звук навёл меня на мысль.

— Жди здесь.

— Хм?

— Жди здесь, — повторил я.

В дальнем конце коридора было светло, и там, в ярко-жёлтом послеполуденном солнечном свете, кружились пылинки. Горничная-негритянка катила тележку с усталостью отработавшей на плантации, а щеголеватая молодая пара, только что закончившая одну из тех одноразовых супружеских измен, которые здесь почти обязательны, прошелестела к лифтам.

Над автоматом для приготовления льда склонился коридорный в блестящих серых брюках и поношенной красной куртке, крошечная шапочка с обезьянкой нелепо смотрелась на его жирных волосах. Кажется, ребяташки называют эту причёску «утиная задница». Парню было не меньше тридцати.

– Ты, по большей части, сегодня работал на этом этаже? – спросил я.

– А кто хочет знать?

– Я хочу знать.

– Значит, ты хочешь знать. И это так важно, приятель. – Он поднял руку, чтобы увеличить громкость маленького радиоприемника из белой пластмассы.

– Элвис, – сказал он. – Мне нравится.

Парень с необычным именем Элвис Пресли пел довольно стандартную и не выделяющуюся из всех остальных песню под названием «Отель, где разбиваются сердца», а мир вокруг воспринимал это так, как будто Христос только что отправил послание, адресованное всей планете.

Я положил руку на запястье коридорного:

– Я поклонник Гленна Миллера.

Затем я засунул хрустящую пятидолларовую купюру в карман его дурацкого красного пиджака.

– Мой слух только что улучшился.

– Я беспокоюсь не о том, как ты слышишь, – сказал я. – В шестьсот втором – женщина.

Очевидно, он её видел. Очевидно, она ему понравилась.

– Уверен. – Он ухмыльнулся. – Красотка.

– Видел или слышал что-нибудь сегодня днём?

– Нет.

– Номер. Что-нибудь видел или слышал?

– Нет.

– Уверен?

– Зачем мне врать?

Я кивнул в сторону радио.

– Не уверен, что могу доверять тому, кому нравится подобная музыка.

– Эй, приятель, – сказал он. – Это одна из возможностей таким как мы, оставаться молодыми.

– Если это молодость, то выдайте мне кресло-качалку.

Он снова наклонился над автоматом и начал набирать лёд в пластиковое ведро руками. После трёх зачёрпываний они у него начали трястись.

– Пальцы мерзнут. Стоило бы носить перчатки.

Потом он сказал:

– Эй, перчатки.

-
- Что – перчатки?
- Напомнило мне о том, что она сказала.
- Кто сказал?
- Малышка из шестьсот второго.
- Я думал, она ничего не говорила.
- Наверное, я просто забыл. О том, что она уронила сумочку и всё такое.
- Уронила сумочку?
- Ну да, когда они втроем входили в номер.
- Кто – трое?
- Ну, эта дамочка, парень примерно моего возраста, как будто бывший коп, и симпатичный парень, который играет Капитана Стармена или ещё какого засранца в этом роде.
- И она уронила сумочку?
- Да, и у нее выпали перчатки и какой-то маленький пузырек с таблетками. И вот тогда Капитан Стармен слетел с катушек.
- Из-за чего?

Он пожал плечами. Кисточки на его погонах раскачивались взад-вперед, как абажуре гавайской лампы с девушкой-танцовщицей.

- Заорал, что она не должна употреблять их с выпивкой.
- И всё?
- Они зашли и закрыли дверь. Это всё, что я слышал.
- Ты не слышал, они спорили или что-то в этом роде?
- Ну, на самом деле они и не спорили. Он просто немного разозлился, вот и всё. Затем, как я уже сказал, они зашли внутрь.
- Он кивнул на свой контейнер со льдом.
- Мы почти закончили, приятель?
- Да, приятель, мы почти закончили.
- Когда я вернулся в номер, Хэнратти сказал:
- От него начинает вонять.
- Я тоже заметил.
- Нам ведь придётся вызвать полицию, так ведь, Филип?

Его снова трясло.

Я взял его под руку и усадил в кресло. Выглядел он очень плохо.

- У тебя что-нибудь осталось?

Он понял, что я имею ввиду. Он развёл пальцы примерно на дюйм и сказал:

- Там. – И кивнул в сторону спальни.

Я отправился туда и нашёл бутылку. Дешёвое пойло, примерно как я и ожидал. Я сунул бутылку ему в руки. Он выпил ее быстро и без стеснения. То, как двигалось его горло, когда он глотал, выглядело почти непристойно. Мне пришлось отвернуться, чтобы посмотреть на Сьюзен Эймс. Если она вообще двигалась, то пришлось бы использовать линейку, чтобы это доказать.

- Я должен позвонить в полицию, – сказал я.

Он схватил меня за руку. Так прокаженные хватаются за Папу Римского.

– Ты можешь не упоминать моё имя, Филип? Ты можешь, Филип, а?

Я вздохнул.

– Я постараюсь. Это всё, что я могу обещать.

Он подскочил из кресла прежде, чем я успел усадить его обратно.

– Почему, чёрт возьми, ты не сядешь и не дашь мне позвонить в полицию и разобраться с всем этим делом?

– Мне надо в туалет, Филип. Извини. С самых первых дней, когда я нервничаю, мне хочется в туалет. Ничего не могу с собой поделать.

Я вздохнул.

– Ладно, но поторопись, хорошо?

– Хорошо.

Харкорт выглядел более радостным, чем следовало бы, находясь рядом с трупом. Он был детективом, и он был молод, и в определенном смысле он был похож на актера Джона Дерек²⁰³, из-за которого многие девочки-подростки были готовы разрушить свою жизнь.

У Харкорта были все основания для радости. Он был ответственным за расследование смерти Капитана Стармена. Именно на таких случайных возможностях строятся целые карьеры.

Тут были все, кого можно было бы ожидать, – от команды судмедэкспертов, выглядевших как пара суровых фармацевтов в своих белых халатах, до нетерпеливых газетных фотографов, которые то и дело заглядывали внутрь номера, пока один из парней в форме не пригрозил захлопнуть дверь, совершая акт законного обезглавливания.

Можно было предположить, что Харкорт учился в колледже, потому что в первых четырех предложениях он произнес «нет» всего три раза, что намного ниже среднего показателя для полицейского из Лос-Анджелеса.

– Итак, Вы вошли в комнату, – сказал он.

– Итак, я вошёл в комнату, – отозвался я.

– И Вы видите, что у неё вся одежда и руки в крови.

– И я вижу, что у неё вся одежда и руки в крови.

– А Хэнратти вон там?

Я кивнул.

– И тогда вы позвонили в полицию?

Я снова кивнул.

Улыбка у него была широкая, как у жуликоватого политика.

– Так вот, я полагаю, в чём дело. – Он указал на женщину, которая к этому моменту выглядела, пожалуй, как впавшая в кому, и приказал двум полицейским в форме увести её.

Тут и там сверкали вспышки, со столов снимали отпечатки пальцев, а толстый полицейский в форме зевал. Даже убийство может стать скучным.

– И Вы сможете всё это засвидетельствовать? – спросил меня Харкорт.

– Да.

²⁰³ Джон Дерек (1926 — 1998) — американский актёр кино, кинорежиссёр, продюсер и фотограф.

Харкорт, обладатель короткого «ёжика» и чёрных очков в роговой оправе, какие выдают в подготовительных школах в день поступления нуждающимся, взглянул на Хэнратти и произнёс:

– Ну и телохранитель же, чёрт возьми.

Оскорблённый Хэнратти вскочил со стула, как будто собирался ударить Харкорта. Очевидно, передумав, он сел обратно и уставился на меня с выражением «я же тебе говорил» в глубине своих глаз.

Я демонстративно похлопал себя по карманам.

– Чёрт!

– Что? – спросил Харкорт.

– Сигареты кончились.

Он полез в карман пиджака и достал красно-белую пачку сигарет «Кавальерс».

– Возьми одну из моих.

– Боюсь, в последнее время я стал неженкой. Только с фильтром. Пожалуй, я спущусь вниз и куплю себе пачку.

– Я с тобой ещё не закончил.

– Пять минут – это всё, о ём я прошу. Я даже принесу записку от мамы.

– Хорошо, – сказал Харкорт, – пять минут.

До приезда полиции и после того, как Хэнратти снова отправился в туалет, я порылся в сумочке Сьюзен Эймс, нашёл её водительские права и много другого интересного. Я подумал, что не помешает узнать о ней немного больше.

Более полезным, чем её права, оказался рецепт от доктора Фарнхэма. На нём был проставлен штамп с жирными зловещими буквами – «ПРОСРОЧЕН». На бланке не было никаких указаний на то, каким специалистом был этот Фарнхэм. Но мой подозрительный от природы ум стал действительно ещё более подозрительным.

Вот почему, когда я спустился в вестибюль с предполагаемой миссией купить пачку сигарет с фильтром, первое, что я сделал, это зашёл в телефонную будку и набрал номер доктора Фарнхэма.

Секретарша, которая, по-видимому, училась у Германа Геринга, поначалу была такой же склонной к сотрудничеству, как монахиня, случайно попавшая на оргию. Но потом, когда я скормил ей маленькую невинную ложь о том, что я из полиции Лос-Анджелеса, она придала своему голосу немного жизнерадостности.

Доктора Фарнхэма я смог услышать через двадцать три секунды.

У нас состоялся краткий, но очень поучительный разговор о Сьюзан Эймс. Прошло совсем немного времени, прежде чем я смог поблагодарить доктора и повесить трубку.

Затем, поскольку номера звёзд, пусть даже и телевизионных, не значатся в справочниках, я позвонил в Гильдию киноактеров и попросил сообщить имя агента Роберта Хатчингса. У этого человека, снова прибегнув к своей маленькой невинной лжи, я узнал домашний номер Хатчингса, по которому и позвонил.

Осознавая, что то, что я делаю, так же рискованно, как расспрашивать Либераче²⁰⁴ о его сексуальной жизни, я набрал номер и сказал так резко, как только мог: «Всё сделано, и копы уже здесь». Я говорил очень быстро, надеясь, что это мне поможет.

От женщины на другом конце провода я услышал:

– Слава Богу.

– Мне нужны остальные деньги.

Она немного разозлилась.

– Вы знаете наш уговор, Хэнратти, вы...

Я повесил трубку и поднялся наверх в лифте, таком же роскошном, как гроб богача.

Харкорт впустил прессу. Он улыбался так же широко, как симпатичные мальчики из рекламы зубной пасты.

Один из репортеров сказал, что его шестилетний сын очень расстроится, когда узнает, что Капитан Стармен мёртв. И он был недалёк от истины. Я до сих пор помню тот день, когда мама сказала мне, что «Толстяк» Арбакл²⁰⁵ может попасть в тюрьму. Незрелый ум не должен сталкиваться с подобными вещами.

– Да, – вещал Харкорт, – дело открыто и закрыто. Она ревновала его, потому что он собирался вернуться к жене, и потому убила его.

Я подошёл к Хэнратти, который сидел в кресле и смотрел в окно.

– Я знаю, что произошло, Хэнратти. Какого чёрта ты это сделал?

Я пытался говорить шёпотом, но судя по тому, как люди оборачивались в нашу сторону, мне это нисколько не удалось.

Я шагнул в круг репортёров и сказал:

– Его убил Хэнратти.

Во второй раз менее чем за двадцать минут Хэнратти вскочил со стула, как будто собирался кого-то избить.

Я продолжил:

– Он работал с миссис Хатчингс. И они знали, что у Сьюзен Эймс были проблемы с психикой и, время от времени, у неё бывали вспышки ярости, а потому она была идеальным козлом отпущения в подобной ситуации. Она находилась под наблюдением доктора Фарнхэма, психиатра, если вы захотите, то сможете это проверить.

– Миссис Хатчингс, без сомнения, намеревалась получить за своего мужа большую сумму в качестве страховки. Поэтому она связалась с Хэнратти, которого её муж нанял в качестве телохранителя, и вступила с ним в сговор. Если бы Хэнратти убил её мужа и обставил всё

²⁰⁴ Владзю Валентино Либераче (1919 —1987), более известный по монониму Либераче — американский пианист, певец и шоумен. В 1950-е—1970-е годы — самый высокооплачиваемый артист в мире. Ходили упорные слухи о его гомосексуальности.

²⁰⁵ Роско Конклинг «Толстяк» Арбакл (1887 —1933) — американский актёр немого кино, комик, режиссёр и сценарист. Арбакл был одним из самых популярных и высокооплачиваемых голливудских актёров немого кино первых двух десятилетий XX века.

В сентябре 1921 года во время уикенда в честь празднования Дня труда, знакомая Арбакла актриса Вирджиния Рапп заболела и через несколько дней умерла в госпитале. Роско обвинили в изнасиловании и непреднамеренном убийстве Рапп. Дело получило широкую огласку, фильмы Роско были запрещены, его карьера угасла, а он сам был публично унижен.

Хотя Арбакл был оправдан судом присяжных, а запрет на его фильмы формально был снят, скандал всё же затмил все достижения актёра в комедийном кино.

так, будто это сделала Сьюзен Эймс, то получил большую часть страховки. Разве не так всё было, Хэнратти?

Прежде чем он успел ответить, я добавил:

– И он привлёк меня в качестве свидетеля. Я бы приехал сюда и убедился, что всё выглядит именно так, как будто Сьюзен Эймс и в самом деле убила Роберта Хатчингса. Тогда у Хэнратти был бы своего рода свидетель из вторых рук, который подтвердил бы его версию. Я бы дал показания о том, что всё выглядело так, как будто она была убийцей. Я бы выступил в суде качестве свидетеля, и моим показаниям бы поверили, и Хэнратти это знал. В каком-то смысле я был бы его алиби.

Но Харкорт, который был не из тех, кого можно отодвинуть на второй план, продолжил:

– И именно поэтому я задержал Хэнратти здесь.

Как и любой хороший политический деятель, он почувствовал, что поезд набирает ход, и захотел вскочить на подножку.

– Но Вы же сказали, что убийца Сьюзан Эймс, – сказал Харкорт парень с писклявым голосом Джимми Олсена²⁰⁶.

– Только затем, что я хотел внушить Хэнратти ложное чувство безопасности. – Он с тревогой посмотрел на меня. – Верно, Марлоу?

– Верно, – сказал я. – Харкорт с самого начала всё знал.

– Парень, – произнёс парень с писклявым голосом. – Это та ещё история!

Складывалось впечатление, что он только на прошлой неделе закончил школу журналистики.

Я спустился на служебном лифте вместе с Хэнратти в наручниках и двумя здоровенными молчаливыми копами.

Хэнратти был в очень плохом состоянии. Я старался не смотреть на то, как его трясло.

– Хотел бы я знать, что сказать, Филип.

– Да.

– Ты злишься?

– Мы не должны об этом говорить, Хэнратти. Мы вообще не должны об этом говорить.

– Я никогда не был преступником. Я имею в виду, на службе.

– Я знаю.

Он начал плакать.

– Знаешь, Марлоу, что сказала мне жена, когда умирала?

– Нет, – сказал я. – Нет, и не хочу.

Мой голос звучал ненамного лучше, чем у Хэнратти, и в тот момент я понял, почему он мне всегда нравился. Он был мною повзрослевшим. В молодости, когда он был щеголеватым и успешным, он был тем, кем я хотел стать. Теперь же он был тем, кем я стать боялся.

– Она сказала: «Ты никогда не был тем, кем мог бы стать». Знаешь, Марлоу, она была права.

Он заплакал так сильно, что начал задыхаться. Он упал на меня, и я обнял его. Полицейские посмотрели друг на друга и покачали головами.

²⁰⁶ Вымышленный персонаж, появляющийся в американских комиксах, издаваемых DC Comics. Чаще всего изображается как молодой фотожурналист.

Когда он снова взял себя в руки, там, в крошечном, пахнущем машинным маслом лифте, он сказал:

– И я не знаю, что сказать. Я действительно не знаю.

– В этом-то всё и дело, – сказал я, как только лифт с грохотом остановился и богато украшенные двери начали открываться. – Мне нечего сказать, Хэнратти. И в самом деле, нечего.

Мы вышли на улицу, где день величественно клонился к закату — небо было усеяно пурпурными и янтарными полосами, а пальмовые листья стрекотали на ветру, как сверчки, – и его усадили в машину, а он даже не обернулся. Он даже не обернулся ко мне.

Он оказал нам обоим огромную услугу.

Рэймонд Чандлер более, чем любой другой писатель, за исключением Хемингуэя, научил меня тому, что язык имеет значение, по крайней мере, не меньше, чем сюжет и, возможно, не меньше, чем персонажи. Доказательство этого достаточно простое — вспомните сотни историй о частных детективах, теперь совершенно забытых. Почему же мы, спустя столько лет, помним Чандлера? Из-за сюжетов? В большинстве случаев он не выступал в роли особо одаренного рассказчика. Из-за персонажей? И да, и нет. Некоторые из них были выписаны блестяще, но большинство были не более чем стереотипами, причем киношными. И мне всегда было интересно, действительно ли в мире так много гангстеров? Нет, мы помним Чандлера за то, как его фразы делали привычное особенным, а обыденное — совершенно новым. Его носки с часами. Тарантул на торте для ангелов. Перегретая теплица и покалеченный тиран с одеялом на коленях. А кроме того, он подарил нам, по крайней мере, один замечательный роман, возможно, лучший из когда-либо написанных романов о частном детективе, — «Долгое прощание». Это «Гэтсби» среди детективов, и больше тут добавить нечего.

Эд Горман

ДЖЕЙМС ГРЕЙДИ

ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЬЯВОЛА

1957

Художник Хавьер Ромеро

СУПЛИ ПРЕДСТАВЛЯЛ собой три обветренных глинобитных строения на

выжженной солнцем равнине из песка и кустарника в 224 милях к северо-востоку от Лос-Анджелеса, где шоссе штата пересекало шоссе US91. По одну сторону дороги стояли две коробки домов. За этой черной змеей располагались кафе на стоянке для грузовиков и заправочная станция. Когда в кафе вошла она, моя машина стояла на подъёмнике в гараже, а я держал в руке чашку с кофе, делая вид, что изучаю меню, а сам обдумывал свой следующий шаг.

Мы все обернулись: пара битников за соседним столиком, водитель грузовика, примостившийся на табурете у стойки и читающий газету, официантка, наполняющая кружку водителя из кофейника, и мускулистый мужчина за кассовым аппаратом. У неё были растрёпанные ветром длинные каштановые кудри, одета она была в кожаную куртку пилота военно-воздушных сил поверх ковбойской рубашки на кнопках, слаксы цвета хаки и знавшие лучшие времена чёрные туфли на плоской подошве. Её сумочка была чёрной и объёмистой, и, вероятно, сохранилась ещё с выпускного вечера. Когда она с лица откинула волосы, перед нами предстала необыкновенная красавица, с широкими губами, тонким носом и ярко-зелёными глазами. Казалось, воздух вокруг неё был наэлектризован. Она миглом сориентировалась, подошла к стойке и выпила воды, из стоявшего рядом с водителем грузовика стакана.

– Сломалась – сообщила она, ставя пустой стакан на стойку, – где-то в миле отсюда. У вас есть эвакуатор?

– Хотите пить? – без улыбки спросила официантка.

– Позови Билли, – сказал официантке мужчина за кассовым аппаратом. Открытая дверь соединяла кафе с гаражом. Колёса моей машины виднелись где-то в шести футах²⁰⁷ над цементным полом. Официантка подошла к двери и вызвала парня в комбинезоне.

– Мистер, – обратился мне Билли, выходя из гаража, – я снял две шины, но не нашёл...

Билли увидел девушку и потерял дар речи. Календарь гласил, что они примерно одного возраста, но он лгал.

– Ей нужен эвакуатор, – сказал кассир. – Примерно в миле отсюда на север. Так ведь?

– Да, – ответила девушка. – Мои братья остались с машиной.

Зубочистка во рту дальнобойщика изменила свой угол наклона.

– Ты хочешь сказать, что в твоей машине было двое мужчин, и они позволили тебе отправиться одной пешком? – спросил он.

– Конечно. – Она улыбнулась Билли. Тот покраснел.

– Что, чёрт возьми, за люди? – сказал дальнобойщик. – Позволить пойти женщине. Здесь же не так безопасно, как в городе.

– Хэнк, – сказал Билли мужчине за кассой, кивая в мою сторону, – я так и не понял, что за стук в машине этого парня. Она всё ещё на подъёмнике.

– Давай, тащи их сюда, – сказал я Билли, благодаря судьбу. – Я никуда не спешу.

²⁰⁷ Около 180 см.

– Сейчас с Вами отправимся, – сказал он девушке.

– Езжайте без меня, – сказала она, и лицо Билли вытянулось. – Это единственная поломавшаяся машина в том направлении. Ребята обо всём позаботятся.

Билли уехал на эвакуаторе. Девушка устроилась на табурете сбоку от дальнбойщика, спиной к стойке, и стала за нами наблюдать. Водитель грузовика заказал горячий сэндвич с ростбифом. Пара битников пожаловалась, что в меню нет клубных сэндвичей, и заказала гамбургеры.

– А что насчёт Вас? – спросила официантка, подойдя ко мне.

– Сэндвич со стейком, – сказал я ей.

– А что не так с Вашей машиной? – На её карточке было написано «Анна».

– Спросите у Билли, – ответил я. – А много людей живёт в этом городе?

– Недостаточно, чтобы он был *городом*, – сказала Анна, и мы рассмеялись. – Мы с Билли приезжаем из Бейкера.

Девушка взяла свою сумочку и отправилась в туалет.

– А здесь кто живёт?

– Хотите переехать? Я улыбнулся, и она сказала:

– Только Хэнк, владелец, Сэл, повар, и ещё овцевод, но он, чёрт возьми, пьяница.

– И много в округе людей ездят на автобусе? – спросил я, кивая на вывеску «Грейхаунд»²⁰⁸ на стене.

– в округе не так много людей. Чтобы добраться сюда, надо ехать на машине, так что, если у тебя есть машина, зачем автобус? Зачем Вам это?

– Да просто так.

Это был один из тех дней в пустыне, когда термометр говорит тебе, следовало бы надеть рубашку без рукавов, а ветер приносит с собой сухой холод и тысячи колящихся песчинок. Я допил свой кофе и уже подумывал о том, чтобы снять пиджак, когда вернулась девушка. Билли бы снова покраснел. Она расчесала волосы, чтобы они ровно ниспадали на плечи, умыла лицо и подкрасила губы в тёмно-красный цвет. Она посмотрела в окно.

– Снаружи ужасно пустынно, – сказала она.

– На карте это место зовётся Игровая Площадка Дьявола, – отозвался Хэнк.

– Ему не нужно специальное место, – сообщила она миру.

– Ты всё об этом знаешь, не так ли? – съязвил Хэнк.

– Хватит, – отрезала она. Кивнула на холодильник за кассой. – У вас есть пиво?

– А у тебя есть документы? – ухмыльнулся ей Хэнк.

Она надулась, повернулась к нему спиной и села на табурет.

– Мальчики захотят пива, – сообщила она всем и в то же время никому.

В окно я увидел, как с шоссе свернул эвакуатор, таща за собой красный «додж». Билли направил «додж» к пустому боксу. Двое выскочили из эвакуатора и направились в кафе.

Они вошли так, словно это место принадлежало им. На главном была куртка «Леви'с» поверх белой футболки, синие джинсы с закатанными манжетами и чёрные инженерные ботинки²⁰⁹ на каблуках, благодаря которым он казался шести футов²¹⁰ ростом. Это был

²⁰⁸ Крупнейший оператор междугородного автобусного сообщения в Северной Америке.

²⁰⁹ Тип традиционных рабочих ботинок из толстой крепкой кожи без шнурков, особенно популярных среди мотоциклистов.

симпатичный мальчик с грязными светлыми волосами, зачесанными назад, бледной кожей, дикой улыбкой и весёлыми голубыми глазами. На его спутнике был старомодный брезентовый плащ, опускавшийся чуть ниже его колен. Судя по выражению его лица, уровень интеллекта можно было обозначить двумя цифрами²¹¹. Он хромал на левую ногу.

– Как у нас дела, Нора? – спросил красавчик. Он остался у двери. Его взгляд блуждал по залу. Хромой подошёл к кассе и спросил у Хэнка пива. Хэнк открыл холодильник.

– А вы, значит, те два героя, которые отправили за помощью девушку, – сказал дальнобойщик, разворачиваясь на стуле лицом к красавчику.

– Мы решили, что ей никто не откажет. – Красавчик улыбнулся.

– Может, ей стоит ездить с мужчиной за рулем?

Девушка по имени Нора предостерегла:

– Джесси.

– Её устраивает то, что есть, – сказал красавчик Джесси.

На кассе рассмеялся хромой.

Дальнобойщик с отвращением покачал головой и вернулся к своим еде и газете.

– Как у нас дела? – спросил нас Джесси.

Битники его проигнорировали. Я пожал плечами.

Дверь в гараж открылась, и вошёл Билли.

– Мистер, – обратился он к Джесси, – я посмотрел вашу машину и...

– Я же говорил тебе не трогать, – голос Джесси был холоден.

– Эй, я как раз занимаюсь ремонтом машин. Вы знаете, что ваш радиатор в паре мест пробит?

– Нет, – сказал Джесси.

– Как, чёрт возьми, Вы не могли знать? – продолжил Билли. Хромой прислонился к окну и наблюдал за Хэнком и Анной за прилавком. – Похоже, кто-то расстрелял вашу машину.

Водитель грузовика встал, бросил на стойку рядом с газетой пару банкнот. Он не сводил глаз с Норы, сидевшей через два стула от него, и направился к входной двери, где стоял Джесси.

– Куда ты идешь? – спросил Джесси.

– Пора в путь. – Голос водителя грузовика звучал напряженно. – Я должен к полуночи быть в Техасе.

– У тебя ещё много времени, – сказал Джесси. – Посиди немного. Я угощу тебя чашечкой кофе.

Дальнобойщик сильно размахнулся от бедра. Его кулак врезался Джесси в челюсть, и малыш рухнул на пол. Дальнобойщик перешагнул через ноги Джесси и взялся за дверную ручку, и всё пока я вставал со стула. Джесси перекатился и выхватил револьвер. Тот трижды рывкнул. На спине водителя появились два красных круга, а по виску как-будто прочертили багровую полосу. Он наполовину вывалился в дверь, наполовину остался внутри.

Хромой извлёк из-под плаща полицейское ружьё – теперь я понял, почему он хромал. Дробовик качнулся от Хэнка к нам и обратно.

Нора осталась на своем стуле, сжимая сумочку.

²¹⁰ Те же 180 см.

²¹¹ Ну и что? Такой уровень у половины населения Земли...

– Ты! – заорал Джесси на Билли, который уставился на упавшего дальнбойщика с открытым ртом и бледным лицом. – Затащи его внутрь!

Когда Билли не пошевелился, Джесси дал ему пощечину. Билли затащил дальнбойщика обратно в кафе.

Битница завопила.

– Заткнись! – заорал Джесси.

Хэнку:

– Кто на заднем дворе?

– Только... просто повар-мексиканец!

– Скутер!

Хромой подозвал Хэнка и Анну из-за стойки и побежал на кухню.

Битница снова завопила.

– Заткни её! – заорал Джесси. Её мужчина зажал ей рот руками.

– Вы все! Туда!

Они присоединились ко мне у стены.

– Заберите его с собой!

Мы с Билли подтащили к нам водителя грузовика. Рана у него на голове была неглубокой, но он был без сознания.

– Мёртв? – спросил Джесси.

– Нет, – ответил я. – И это пока просто нападение.

Джесси рассмеялся. Скутер вывел из кухни и отправил к нам кудрявого черноволосого мужчину: Сэл, повар. Оливковая кожа, белая рубашка с длинными рукавами.

– Кто ещё в городе? – спросил Джесси Хэнка.

Владелец кафе, запинаясь, указал на один из двух домов на другой стороне шоссе.

– П-просто пьяница. Льюис. Он, наверное, там.

– Пригласи его к нам, Скутер.

Скутер выбежал.

– Ну что ж, – сказал Джесси, чуть покачивая револьвером в руке, – держу пари, ничего подобного вы не ожидали.

– Что вам надо? – воскликнула женщина. – Деньги...

– Хорошая идея. Нора, собери их бумажники.

Билли стоял рядом со мной; когда Нора подошла к нам, она прошептала:

– Будь осторожен!

Джесси ковбойским жестом подвинул стул и сел. Нора принесла ему бумажники. Не спуская с нас глаз, он свободной рукой освободил их от зелени²¹². Мне повезло – он не открыл мой бумажник и не обнаружил значок специального помощника шерифа.

Скутер втолкнул в нашу компанию растрепанного мужчину: Луиса, овцевода, от которого разило виски.

– Это не совсем то, что мы планировали, – сказал Джесси.

²¹² Не мне вам напоминать, что в то время долларовые банкноты были зелёного цвета. Ну, почти все.

– Что *планировали*? – огрызнулась Нора.

– Пока тебе не на что пожаловаться, – сказал Джесси. Она нахмурилась, уставившись на свои туфли.

Заскулил Скутер:

– Когда мы отсюда уберёмся?

Джесси улыбнулся.

– Мы только приехали.

– Там будет патруль.

– Может, будет, а может, и нет.

– Они увидят этого человека в канаве, найдут его машину.

– На этих дорогах безлюдно, – сказал Джесси. – Никогда не знаешь, кого встретишь. И когда.

Ветер стучал в сетчатую дверь.

– Ты голоден? – спросил Джесси. Скутер кивнул. Джесси указал пистолетом на хозяина.

– Мужик, приготовь нам бургеры.

– Я не повар, – сказал Хэнк. Он кивнул на кудрявого. – Это Сэл.

– Ты нанял его, потому что он хорошо готовит? – спросил Джесси.

– Я нанял его, потому что он со мной. Он готовит, а я командую.

– Держу пари, что ты честный парень, так ведь? – улыбнулся Джесси.

– Чертовски верно! – подтвердил Хэнк. На мгновение он забыл об оружии. – Я не такой, как некоторые. Я работаю со всеми честно, с цветными или мексиканцами, главное, чтобы они знали свое место.

– Хороший человек, – сказал Джесси. – Так ведь, Сэл?

– Я знавал и хуже, – ответил повар. У него был сильный акцент, более гортанный, чем у большинства мексиканцев.

– Может, нам стоит попросить его повысить тебе зарплату? – предложил Джесси.

– Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, – ответил Сэл.

– Ничем не могу тебе помочь, амиго, – сказал Джесси. – Скутер, отведи Сэла обратно на кухню, пусть поджарит нам бургеров. По дороге захвати зелень из кассы. И хорошенько обшарь там всё.

– Нам надо убираться, – заскулил Скутер, но все же махнул Сэлу дробовиком.

– Веди себя хорошо, – сказал Джесси повару. – Выполняй приказы.

– Я знаю, как поступать. – Сэл направился на кухню. Скутер позвал его вскоре после того, как обчистил кассу. Скутер улыбнулся, сунул руку под прилавок и достал «винчестер» 30-го калибра с рычажным затвором.

– Опасаешься нападения индейцев? – спросил Джесси.

Скутер рассмеялся. С дробовиком в одной руке и «винчестером» в другой он повёл Сэла обратно на кухню.

– Еще есть железки?

Хозяин покачал головой.

– Мистер, – сказала Анна, официантка, – я собираюсь достать из-под прилавка аптечку и оказать помощь этому человеку.

– Вперёд, сестрёнка.

Водитель грузовика лежал на спине, бледный, его грудная клетка медленно поднималась и опускалась. Я перевернул его и стащил рубашку. Из двух отверстий в его спине должно было вытечь больше крови.

Джесси взмахнул револьвером 22-го калибра.

– Ему повезло, что у меня с собой не было пушки побольше.

– О, ему действительно повезло, – сказал я, когда подошла Анна с жестяной коробкой аптечки первой помощи.

– Я помогу, – сказала Нора. Джесси нахмурился, когда она отошла от него и встала рядом со мной. – Никогда раньше не видела подстреленного человека.

– Конечно, наслышан, – прошептал я. Если Джесси и услышал меня, то не подал виду. Нора покраснела.

– Скольких, ребята, вы уже пристрелили?

– Тише, – прошептала она в ответ. – Он нас услышит.

Мы с Анной наложили тугую повязку на спину дальнобойщика и заклеили пластырем рассечение на его черепе. Нора несколько мгновений наблюдала за нами, а затем отправилась на кухню.

– Помоги мне, – попросил я битника. На нём была зелёная вельветовая куртка, брюки цвета хаки и чёрная водолазка, такая же, как на его подруге-блондинке. У него была борода, лохматые волосы и тонкие запястья. Водитель грузовика захрипел, когда мы поднимали его, а битница заплакала. Из кухни доносились шипение брызг и треск жарящегося мяса.

– Боже мой! – прошептал Билли, на его лицо вернулся румянец.

Мы положили водителя грузовика на столы, которые сдвинул вместе Билли.

– Кто вы такие? – спросила битница. – Чего вы хотите?

– Дамочка, – сказал Джесси, – мы те, кем хотим быть.

– Зачем вы это делаете? – прошептала она. – Мы как раз направляемся в Сан-Франциско...

– *Зачем?* – Джесси широко развёл руками. – Затем, что можем.

– Мистер, – сказал Билли, – у вас серьёзные неприятности с полицией.

Джесси рассмеялся, приложив ладонь ко лбу, словно собирался расплакаться.

– Об этом, наверное, писали в газетах, – сказал я, кивая на сложенную газету, которую дальнобойщик оставил рядом со своей тарелкой.

Голубые глаза показались из-под руки Джесси; он отошёл к прилавку и взял газету.

– Так вот что заставило его насторожиться! – Джесси прочёл вслух: «Полиция пяти западных штатов разыскивает трёх молодых людей, подозреваемых в убийстве, которые, как полагают, направляются в Калифорнию».

– А разве не все едут в Калифорнию? – Он ухмыльнулся и продолжил: «Полиция Ривертон, штат Вайоминг, сообщила, что Джесси Эдвардс застрелил Харли Бенсона, отчима своей девушки, Норы Бенсон, два дня назад. Власти сообщают, что девушка может быть жертвой... Ха!.. – жертвой, которую похитил Эдвардс. Прежде чем скрыться на угнанной машине, Эдвардс заехал в городскую тюрьму, где его сосед по комнате в исправительной школе Юджин Пандоно, также известный как Скутер, находился под стражей по обвинению в краже со взломом. Эдвардс застрелил тюремного служащего и скрылся вместе с Пандоно. Украденный автомобиль был брошен в Айдахо, где полиция обнаружила тело разьеженного торговца, но не его машину».

– Слышали, ребята? Мы знамениты! Эй, детка! – крикнул он на кухню. – Теперь у нас действительно все получится!

– Где? – спросил я.

– В Америке, знаешь ли? – Джесси улыбнулся. – Она большая.

Сэл и Нора появились из кухни с тарелками гамбургеров и картошки фри. Скутер шёл за ними со всей передвижной артиллерией. Он оставил «винчестер» на стойке, достал из холодильника три бутылки пива и направился к столу с едой. Сэла отправили к нам. Скутер и Джесси сидели, не сводя с нас глаз.

– Эй, мужик, – заскулил Скутер, – ну, поехали, а?

– Время обеда! – Джесси кивнул Хэнку. – У вас здесь есть музыкальный автомат?

– Рядом с кофейником есть радио, – отозвалась официантка Анна.

– Что ж, сестрёнка, – сказал ей Джесси, – давай послушаем какую-нибудь мелодию.

Анна медленно прошла мимо сидящей за прилавком троицы. Включила радио и мы услышали новости: Джо Маккарти²¹³ умер, МБВГ²¹⁴ выгнали из АФТ-КПП²¹⁵ за то, что ею руководили мошенники, на Ближнем Востоке опять неспокойно.

– А вы слышали, что атомная бомба есть теперь и у Англии²¹⁶? – поинтересовался у нас Джесси во время рекламы страхования жизни. И ухмыльнулся:

– На дворе 1957-ой: теперь каждый может умереть.

Анна скользнула взглядом по винтовке, лежащей у кассы.

Не глядя на нее, Джесси бросил:

– Забудь об этом, сестрёнка.

Анна сделала радио погромче и вернулась к нам.

– Люди, встаньте в ряд, чтобы я мог увидеть вас всех, – сказал Джесси, мы подчинились. – Можете сесть.

Я пододвинул стул Анне. Я не думал, что если мы будем шептать, то из-за радио они смогут нас слышать.

– Ты поступила разумно, – сказал я ей.

– Кто-то должен пристрелить этого ублюдка, – ответила она.

– Кто-то и пристрелит. Здесь есть ещё оружие?

Она покачала головой.

– Как давно ты знаешь этих парней? Не тех, – добавил я, исключая нашу троицу. – Хэнка. Пастуха Луиса. Повара-мексиканца.

– Сэл, может, и не мексиканец. Для Хэнка любой, кто не белый, не чёрный и не индеец, – мексиканец. А тебе-то что?

– Просто любопытно, – соврал я.

– Я приехала в эти края всего пять лет назад, – сказала она. – Мне следовало остаться в Батте.

Билли сидел рядом со мной, засунув руку в карман комбинезона.

²¹³ Да-да, тот самый, умер, кстати, 2 мая 1957 года.

²¹⁴ Международное братство водителей грузовиков – американский и канадский профсоюз работников сферы автомобильных перевозок.

²¹⁵ Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов — крупнейшее в США объединение профсоюзов, объединяющее 57 национальных и международных профсоюзов.

²¹⁶ Господь с ним! К 1957 году у Великобритании атомная бомба была уже как пять лет!

– Хэнк живет здесь с тех пор, как я родился. Ему следовало держать там пистолет. Может, они бы его не заметили. Может, я...

– Ты тоже будь умницей, – сказал я. Троица была поглощена своим обедом. Через боковую дверь я видел, что моя машина находится на подъемнике.

– Где рубильник, чтобы опустить подъёмник?

– Мистер, у вас нет шин... – Мой свирепый взгляд оборвал его. – Переключатель управления находится у двери в боксе. Главный гидравлический переключатель находится прямо за углом. Вы могли бы повернуть его прямо отсюда, и всё опустилось бы, как гигантская снежинка, но...

– Я знаю, где он, – вмешалась Анна.

– Он опустится без звука, – сказал я. – Если кто-то из вас сможет, когда они не будут смотреть, опустите мою машину.

– Кто вы, мистер? – спросил Билли.

– Ну, давай, Джесси! – снова заскулил Скутер. – Давай заберём одну из их машин и свалим отсюда!

По радио заиграли «Семьдесят Шесть Тромбонов»²¹⁷.

– Скутер, – сказал Джесси, откидываясь на спинку стула, – тебе надо больше думать. Вот почему ты всегда попадаешь в беду.

Я встал, и дробовик Скутера посмотрел в мою сторону.

– Не возражаешь, если мы пройдем туда? – Я кивнул на дальноточника, распластанного на столе. – Взглянем на него?

– Двигайся медленно, – сказал Джесси, – или окажешься рядом с ним.

– Давай я помогу, – сказала Нора. Она взяла свою сумочку, и мы вместе оказались рядом с водителем грузовика. Её зелёные глаза скользнули по мне сверху вниз.

Водитель был холодный, пятна крови выглядели засохшими. Его грудная клетка была неподвижна, и я не чувствовал биения сердца. Нора наблюдала за мной.

– С ним всё в порядке, – сказал я Джесси. – Он без сознания, но выкарабкается.

И Нора знала, что я солгал.

– Ты очень умный, – прошептала она мне. – Мне нужен по-настоящему умный мужчина, чтобы выпутаться из всего этого.

– У тебя есть Джесси, – ответил я ей.

– Всё не так, как кажется, – сказала она. Закусила губу.

Повар Сэл и седой овцевод сидели за столом в стороне от остальных. Я сел между ними.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал пастух Луис. Его руки дрожали, когда он пытался скрутить сигарету. Табак сыпался на пол. Нора уставилась на меня, затем села на стул между своими друзьями и нами. – Никогда.

– Неужели? – спросил я.

– Так как же мы собираемся отсюда выбираться? – заскулил Скутер.

– Я видел, как зарезали парня в баре, дело было в Баме, – рассказал мне Луис. Ему удалось завернуть табак в бумажку. Обеими руками он поднес её к губам и облизал. – В сорок втором году я видел, как медведь растерзал пастуха на горе Меса, но никогда не видел, чтобы кого-то застрелили.

²¹⁷ Музыкальная композиция из мюзикла 1957 года «Музыкальный человек».

Я устроился на стуле поудобнее.

– Скутер, – сказал Джесси, – ты прав. Рано или поздно здесь будут копы. А на дорогах, наверное, посты.

Взгляд Джесси скользнул по нам, по стенам кафе. Он увидел вывеску «Грейхаунд». Улыбнулся.

– Они будут останавливать каждую машину, – Джесси кивнул на дальнбойщика, – каждый грузовик. Мы возьмем одну из их колымаг, но от этого легче нам не станет. Это в этом дерьмовом месте есть автобусная остановка, так ведь?

Хэнк кивнул.

– Когда следующий автобус? – спросил Джесси.

– Четыре ноль две, – ответил Хэнк. – В Лос-Анджелес.

– Эй, детка! – Джесси окликнул Нору. Она бесстрастно посмотрела на него. – Голливуд! Ты всегда хотел стать звездой!

Сэл, повар, сидел слева от меня. Рукава его белой рубашки были застегнуты на запястьях, а руки скрещены на коленях. Я видел, как от многих мужчин исходил запах страха, но не от т Сэла. Он сидел, как кукла с кудрявыми волосами. Без особого удивления ожидая, что же произойдет.

– Сэл – забавное имя для мексиканца, – прошептал я.

– Для Хэнка вполне сойдёт. – У него был мягкий акцент, не похожий ни на один из мексиканских, какие я когда-либо слышал. – Кто-то должен их остановить.

– Кто-то это сделает, – сказал я ему. – Не всегда легко понять, как поступить.

– Ложь, – ответил он. – Ложь, которую мы говорим себе, чтобы не смотреть правде в глаза. Мы знаем, что делать, но притворяемся, что не знаем, чтобы нам не пришлось ничего делать.

– Мы просто сядем в этот автобус, – сказал Джесси своим спутникам, – проедем на нём все посты, и всё будет хорошо.

– У нас нет билетов, – с серьёзным видом произнёс Скутер.

Джесси рассмеялся. Он приподнял дуло дробовика Скутера.

– Конечно, есть, – сказал он.

– Сейчас только половина второго, – сказал Скутер. – Что будем делать до тех пор?

– А до тех пор? – Джесси улыбнулся нам, как кобра кролику. – А до тех пор нам нужно просто развлекаться.

– А что, если ты сделаешь что-то не так? – прошептал я Сэлу.

– Потом ты будешь с этим жить, – сказал он. – А если тебе повезет, то умрешь, чтобы люди смогли позабыть тебя и продолжить жить своей жизнью.

– Что будет с нами? – спросил Джесси битник.

– Ничего, – быстро и громко ответил я. Джесси пристально посмотрел на меня. – Абсолютно ничего. Потому что они умные. Что бы на них не висело, на них только это. Они в бегах и не хотят, чтобы псы закона еще больше разозлились, и у них появилось ещё большее желание их схватить. Чёрт возьми, они только слегка подстрелили парня. Ничего страшного. Ничего, что могло бы ухудшить их положение.

Я услышал, как рядом со мной Сэл с отвращением вздохнул.

– Ты довольно сообразительный, – сказал Джесси. – И не похож ни на продавца, ни на туриста. Как тебя зовут?

– Марлоу. Филип Марлоу.

– Милая, – сказал он Норе, – поройся в этих бумажниках и найди мне мистера Филипа Марлоу.

Она так и сделала. Он раскрыл его. Нашёл значок. Когда он показал его всем, Скутер направил на меня свой дробовик.

– Продолжай, – сказал я. – Эта жестянка для простофиль.

– Так, так, так, – сказал Джесси, доставая из бумажника фотокопию лицензии. – Ты частный детектив.

– Эй, милая! – крикнул он Норе, которая снова встала между нами, не сводя с меня зелёных глаз. Её алые губы были приоткрыты. – Он частный детектив! Мы как в кино!

– И у него может быть пистолет. Проверь-ка его, сладкая.

Нора подошла ко мне и, когда я встал, распахнула мой пиджак. Она оказалась ещё ближе. Её руки скользнули по моей груди, вниз по бокам. Когда они добрались до пояса, она провела ими по моей спине. Её грудь коснулась моей рубашки. Её густые волосы были ниже уровня моего подбородка. Она пользовалась дешёвыми сиреневыми духами, и ни до, ни после они не пахли так сладко. Глаза Джесси горели.

Она отступила назад и прошептала:

– Помоги мне.

Джесси она сказала: – У него нет оружия.

Она отошла от меня медленно и непринужденно, брюки туго обтягивали её округлые бёдра. Она оглянулась через плечо. Алые губы улыбнулись.

– Итак, Марлоу, – сказал Джесси, – что такой известный лос-анджелесский сыщик, как ты, делает в таком захолустье, как это?

– Я ищу человека, – сказал я.

– Ты ищешь меня? – Джесси постучал себя по груди.

– Нет, дело не в тебе, – сказал я ему.

– Значит, тебе повезло. Кого ты ищешь?

– Я не знаю, – ответил я.

Джесси щелчком открыл барабан своего револьвера. Вытряхнул три стреляные гильзы, потраченные на водителя грузовика, выудил из кармана куртки три новых патрона, перезарядил барабан, защёлкнул его. Пистолет уставился на меня.

– Тебе лучше бы знать, – сказал он мне. – И тебе лучше честно бы всё рассказать. Я не люблю, когда кто-то делает что-то, чего я не понимаю.

– Моя клиентка — жена кинопродюсера...

– Видишь, детка? – перебил Джесси. – Я же говорил тебе, что ты станешь звездой.

– Она из Германии, – продолжил я. – Еврейка. Когда она была маленькой, отец отправил её, мать, сестёр и братьев, родных и двоюродных братьев, в Америку. От нацистов. А сам остался там. Её дядя, старший брат отца, управлял семейным бизнесом. И он решил, что будет просто ещё один погром, пусть жестокий, но который можно пережить. И он убедил отца остаться и помочь присматривать за семейным магазином.

– Это было не очень умно, – сказал Джесси.

– Да, – согласился я. – Их отправили поездом в Освенцим.

– Твой клиент нанял тебя убить нацистов? Здесь?

– Две недели назад в одну из синагог Лос-Анджелеса пришёл мужчина. Он купил две свечи для Йорцайта²¹⁸. Одну для её отца, Абрама Мюллера. Другую для дяди, Саула Мюллера. Моя клиентка наняла меня, чтобы я выяснил, кто зажёт свечи за её умерших родственников.

– Зачем зажигать свечи за умерших? – тихо спросила Нора. – Они нужнее живым.

– Зачем искать этого парня здесь? – спросил Джесси.

– Всё, что раввину удалось от него узнать, что туда, куда ему надо, надо ехать из Лос-Анджелеса на автобусе четыре часа двадцать минут. Третья автобусная остановка примерно в четырех часах двадцати минутах езды от Лос-Анджелеса.

Джесси покачал головой. Встал.

– Марлоу, ты, в конце концов, не такая уж большая шишка. Пошли, – он помахал пистолетом. – Давай-ка мы с тобой выйдем наружу. Может, и найдём твоего поджигателя.

Он заставил меня идти впереди. На улице, у заправочных колонок, он велел мне развернуться. Держался от меня шагах в трёх.

– Довольно глупо с моей стороны, – сказал он.

Ветер швырял нам в лицо песчинки, но ни один из нас не закрыл глаза. Мы, прищурившись, смотрели друг на друга.

– Что? – спросил я его.

– Сам выбери, – сказал он. – Играть с нацистами. Выслеживать кого-то, кто зажигает свечи для привидений.

– Убить патрульного, – сказал я.

Джесси пожал плечами.

– Он не должен был нас останавливать.

– А как с остальными?

– В газете не упоминалось, что я угнал машину у людей, которые были добры к нам. А они сами пошли дальше.

– Идея понятна.

– Ну, может, быть и так, а может, и нет. Я видел, как ты смотрел на Нору.

– Ничем не могу помочь. Ты сам прислал её ко мне.

– Мужик, никто её никуда не посылает. Она идёт, куда хочет. Тебе лучше это запомнить. Тебе также лучше помнить, что я для неё сделал. Старик всегда цеплялся ко мне. Он её отчим, и он не хотел, чтобы рядом с ней был мужчина. Особенно я. Между нами... Думаю, она сама пришлась бы ему по вкусу.

– Она могла дать это кому угодно.

– Да, – он покачал головой. – А он заявился ко мне. Никогда не стоит донимать мужчину в его доме.

– Да, – согласился я, – не стоит.

– То, что ты сказал тогда. Насчет полицейских псов. Если нас поймают, как думаешь, может, нас отпустят? Ну, пара лет, конечно, но...

²¹⁸ Принятый в иудаизме день поминовения умершего в годовщину его смерти по еврейскому календарю. Обычай сопровождается особыми траурными и религиозными практиками, в частности, зажигать специальную траурную свечу, которая горит в течение 24 часов.

– Ты убил несколько полицейских, торговца, её старика. – Я пожал плечами, пытаюсь придумать ответ, которому он поверит. – Если это прекратится сейчас, если они возьмут тебя живым или ты сам сдашься... у тебя будет шанс пойти на сделку по невменяемости.

Он рассмеялся навстречу ветру.

Он рассмеялся по ветру.

– *Невменяемости*? Мужик, я был в здравом уме. Это мир сошёл с ума! Люди вечно надо мной издеваются, никогда не дают мне получить то, что я хочу, думая, что они лучше меня. Нора, она знала меня, она знала, что я заберу её от старика и увезу из этого захолустного городишки, но нет, им надо было повязать меня. И Скутера, запереть его. Джесси не забывает своих друзей. Или своих врагов. Сумасшедший? Чёрт возьми, нет, я не сумасшедший!

– Когда тебя поймают, – сказал я, – то стоит попробовать.

– *Если* меня поймают, Марлоу. И только один вариант имеет смысл обсуждать.

– Мы можем вернуться внутрь?

– Конечно, – сказал он. – Я считал тебя умным парнем, но ты не знаешь ничего такого, чего я сам бы не знал.

Когда мы шли обратно к кафе, я спросил:

– А Нора знает, в какие неприятности ты её втянул?

– Я предупредил тебя насчёт неё, – рассмеялся Джесси. – А Нора знает? То, что она так выглядит, ещё не значит, что она глупа. И она знает, что будет со мной, пока я не скажу «нет».

Когда моя рука коснулась входной двери, Джесси сказал:

– Эй, Марлоу. Если начнешь западать на неё, то помни: это она позвонила своему старику и сказала, где мы.

– Джесси, – сказал Скутер, когда мы показались в двери, – что будем делать? До автобуса ещё два часа!

– У вас здесь есть телевизор? – спросил Джесси.

– Пока нет, – покачал головой Хэнк. Я сел рядом с Сэлом-поваром.

– Чёрт возьми, Скутер! У нас есть пиво, есть радио. – Джесси улыбнулся Норе. Её взгляд в ответ был холодным и жестким. – Мы устроим вечеринку.

По радио заиграла «Юная любовь».

– Эй, детка! – Джесси прошаркал по залу к тому месту, где сидела Нора. – Играют нашу песню!

Он сунул пистолет за пояс и рывком поставил Нору на ноги. Закружил её в объятиях. В песне был запутанный танцевальный ритм, но им, казалось, не это не мешало. Он широко улыбался и сверкал глазами. Она откинулась в его руках назад, разметав назад волосы.

– Что с нами сделают? – прошептала битница своему мужчине.

– Нас отпустят. С нами всё будет в порядке, – ответил он. – Мы просто должны делать то, что нам говорят.

– Выполнять приказы? – Это был Сэл, повар. Мы шептались, ни к кому конкретно не обращаясь, наблюдая за безумным танцем. – *Довериться* им?

– У нас нет особого выбора, – сказал я. – Пока нет. Если у нас будет больше шансов...

– Каких шансов? Ждешь, как овца, и умираешь или продолжаешь жить, а тебе лучше умереть, лучше для всего мира.

– Подожди, – прошипел я ему. – У нас всё получится.

Песня закончилась. Нора оставила Джесси посреди танцпола. Она бросила на меня взгляд, в котором все заключенные увидели бы мольбу.

– А как же я? – заскулил Скутер.

Я посмотрел направо. Билли и Анна, официантки, сидели ближе всех к двери в гараж. Они заметили мой взгляд.

– Ты? Чёрт побери, Скутер! Найди себе девушку! – Джесси оглядел нас и сказал: – Никто здесь не будет жаловаться.

И я похолодел. Я знал.

Скутер положил свой дробовик на стол рядом с Джесси. Облизнул губы и провёл рукой по сальным чёрным волосам. По радио передавали рекламу хозяйственного мыла. Скутер подошёл к Анне.

– Сначала тебе придется застрелить меня. – Она встала и прислонилась спиной к стене. В десяти футах²¹⁹ от боковой двери.

– Ты всё равно слишком старая и тощая, – сказал он.

Скутер перевел взгляд своих глаз-бусинок на битницу. Под чёрным свитером у неё была большая грудь. Скутер протянул руку. Она всхлипнула.

– Нет, – тихо простонала она. – Пожалуйста. Нет.

– Просто потанцуем, – завопил Джесси. Он взял со стола дробовик Скутера. – Эй, Скутер, тебе нужна эта большая длинная штука?

Женщина-битница посмотрела на своего мужчину. Тот уставился в пол.

Скутер рывком подняла её со стула. По радио заиграли «Любовные письма на песке».

Она была выше Скутера. Он прижался к ней бёдрами, уткнулся подбородком ей в плечо, её правая рука оказалась в его ладони. Сквозь музыку мы слышали, как она всхлипывает.

В отражении окон я увидел, как Анна протягивает руку через боковую дверь. Джесси смеялся, наблюдая, как его приятель лапает битницу. Моя машина медленно и бесшумно опустилась с подъёмником.

Песня закончилась. Женщина попыталась вырваться, но Скутер потащил её за собой. Они оказались снаружи, направляясь к домам на другой стороне шоссе. Она плакала, еле волоча ноги. Умоляла: – Нет!

– Всё надо прекратить! – закричал Сэл. Он встал. – Отпусти её! Убирайтесь отсюда!

– Сядь! – крикнул Джесси. Его рука легла на пистолет. – Не лезь не в своё дело или...

Анна отошла от двери. Я встал, повернулся спиной к Джесси и попытался усадить Сэла на стул. Он стряхнул меня с себя, отодвинул в сторону — поближе к двери. Я продолжал стоять, прижавшись спиной к стене, как будто хотел быть подальше от повара.

– Или что? – заорал Сэл. – Твои пули меня не убьют. А теперь отпусти её и убирайся!

Сэл направился к Джесси, битнице и Скутеру. Нора отодвинулась в сторону.

– Для мексиканца ты не слишком сообразителен, – огрызнулся Джесси.

Сэл бросился к Джесси.

Битница вырвалась из рук Скутера.

Джесси вскочил на ноги и попятился. Он выстрелил Сэлу в грудь. Выстрелил снова. К тому времени, как он выпустил третью пулю, я был уже у двери. Джесси крикнул: – Держи

²¹⁹ Около 3-х м.

Марлоу! – и выстрелил снова. Сэл навалился всем телом на пистолет, из которого Джесси стрелял в него. Я побежал в гараж. Битница кричала, когда я рывком открыл дверцу машины, перегнулся через сиденье, открыл отделение для перчаток и нашёл «люгер», который был мне не нужен для простой охоты на привидение. Позади себя в кафе я услышал грохот: Билли прыгнул на Скутера и был сбит с ног прикладом дробовика. Но он выиграл нужные мне секунды. Я разогнулся и оказался на сиденье, когда в дверях показался Скутер со своим дробовиком. Я выстрелил в него, ещё, и ещё, и он упал.

Крики эхом разносились по кафе, когда я, извиваясь, выбирался из машины. Я выстрелил высоко в дверь, чтобы задержать их внутри, и выскочил из гаража к фасаду здания, низко пригибаясь за машиной битников и направляясь к окнам кафе.

Когда я высунул голову и посмотрел в окно, то увидел Джесси. Он целился из «винчестера» в боковую дверь. Я прицелился и нажал на спусковой крючок.

Окно разлетелось вдребезги, но толстое стекло отклонило мою пулю. Джесси развернулся. «Винчестер» рывкнул в мою сторону. Пуля просвистела по капоту машины и попала в бензоколонку.

Нормальный человек остался бы в кафе и пристрелил меня оттуда из винтовки. Но Джесси ошибся, он, должно быть, и в самом деле был сумасшедшим. Он распахнул дверь кафе и выпустил в мою сторону ещё одну пулю. Она не попала в машину, но угодила в бензоколонку. Воздух наполнился парами бензина. Джесси выругался. Спрятавшись за машиной, я знал, что он направляется ко мне с винтовкой наготове, и ожидал выстрела. Чем ближе он подходил, тем вероятнее становилось, что, даже если я его подстрелю его, он подстрелит меня. Ещё одна винтовочная пуля ударилась в металл автомобиля между нами. Я попытался вспомнить, сколько патронов в Винчестере.

Когда он был примерно в десяти футах от машины, он выстрелил снова, стараясь, чтобы пуля прошла над капотом. Пуля срикошетила от бетонного покрытия и выбила искру из металлической ручки у бензинового шланга.

Волна жара отбросила меня на машину и окрасила мир в оранжевый цвет. Там, где только что был бензоколонка, теперь бушевало пламя высотой в футов двадцать²²⁰. Едкий черный дым клубился вокруг меня. Жар обжигал лицо и руки, глаза слезились, и у меня не оставалось выбора. Я опёрся «люгером» на капот машины, выстрелил вслепую и побежал к шоссе. Мои ноги коснулись дорожного покрытия. Впереди виднелись два дома. Я оглянулся на кафе.

Увидел, как Джесси целится в меня из винтовки. Я пригнулся. Он выстрелил. Пуля прочертила линию по моим плечам и сбросила меня с дороги. Я упал спиной в канаву. У меня перехватило дыхание, «люгер» выпал из руки.

Десять, двадцать секунд агонии. Воздух, который я втягивал в лёгкие, вонял горящим бензином и песком. Я перевернулся на живот. Джесси направлялся ко мне с винтовкой в руке. За ним спешила девушка, сжимавшая в руках сумочку. В небо взметнулся столб пламени.

Джесси остановился посреди шоссе и вскинул винтовку к плечу.

– Прощай, Марлоу, – сказал он.

Нора была в шести футах позади него. Из своей черной сумочки, с которой она ещё ходила на выпускной, она вытащила револьвер, который они забрали у убитого полицейского. Она выстрелила Джесси в спину. Он, шатаясь, сделал несколько шагов вперёд, упал на колени и замертво рухнул на дорогу.

²²⁰ Около 6 м.

Мне потребовалась неделя, чтобы подняться на ноги. Нора держала револьвер наготове. Билли выбежал к нам из кафе с дробовиком Скутера в руках.

– Я спасла тебе жизнь, – сказала она мне, когда я забирал у нее пистолет. – Запомни это. И скажи им.

– Конечно, – произнёс я.

– Марлоу! – Она потянулась ко мне, но я оттолкнул её руки. – Ты у меня в долгу! Я спасла тебя!

Она получила двадцать пять лет. Но её следовало повесить.

Огненная полоса жгла мне спину. Рубашка облепила меня. Меня шатало и тошнило. Я оставил её там под охраной Билли, а сам побрёл мимо гигантского пламени в кафе. Живые бежали в пустыню. Внутри меня ждали. Мёртвый водитель грузовика. Скутер. И мужчина по имени Сэл. Он лежал на спине, его белая рубашка окрасилась красным. Я закатал его левый рукав и обнаружила вытатуированные цифры. Моя клиентка поверила мне, когда я сказал ей, что никого не нашёл и что следует всё забыть и оставить мёртвых в их собственном раю или аду.

Рэймонд Чандлер сделал путешествия по тёмным закоулкам Америки вполне допустимыми для американской литературы в целом и для меня в частности.

Острый взгляд Чандлера, классная проза и вечная популярность заставили критиков признать его допустимым автором в 1950-х годах, когда я был мальчишкой в Монтане, мечтавшим стать писателем. Для меня быть писателем означало — и означает — рассказывать истории, в которых есть что-то о добре и зле, истории, которые показывают небольшие правдивые истории о том, как мы живем, которые отражают нашу позицию в мире жестокого морального и физического хаоса. Когда я был маленьким, истории Чандлера, Дэшила Хэмметта и других помогли мне в этом. Они сделали это, не жертвуя развлекательной стороной, и не проповедуя. Когда я взялся за написание своего первого романа, то решил пройти по тем тёмным и плодородным аллеям, которые мне показали, и написал «Шесть дней Кондора».

Но я беспокоился, чувствовал себя неловко из-за того, что не написал что-то равное «К востоку от Эдема»²²¹. Моя книга была хороша, это лучшее, что я мог тогда написать, но было ли этого достаточно?

За несколько месяцев до выхода «Кондора» я работал помощником сенатора США Ли Меткалфа. Однажды холодным и унылым февральским днем 1974 года я пожаловался помощнику сенатора по законодательным вопросам на недостаточную «весомость» моего первого романа. Она была жёсткой, умной и не терпела глупости. С сигаретой, торчащей изо рта, она сказала: «Парень, если ты когда-нибудь сможешь написать что-то хотя бы наполовину такое же хорошее и существенное, как «Убийство во время дождя»²²², то с тобой всё в порядке».

И я всё ещё верю ей.

Джеймс Грейди

²²¹ Роман американского писателя Джона Стейнбека, опубликованный в сентябре 1952 года.

²²² Повесть Рэймонда Чандлера (1935). Частично легла в основу романа Чандлера «Глубокий сон» (1939).

ЭРИК ВАН ЛАСТБАДЕР

АЗИЯ

1958

Художник Пол Ривош

АНДЖЕЛА КАРТЕР БЫЛА самой красивой девушкой в мире. У неё была

кремовая кожа цвета персика, длинные волосы светло-жёлтого цвета кукурузных рылец, а в её огромных глазах было то тепло, которое напоминало о летних днях, когда тебе нечем было заняться, кроме как лежать под яблоней и смотреть в бескрайнее небо.

Анджела Картер действительно была чем-то особенным. А ещё она была мертва.

Скорбная душа лебединой песни Голливудского бульвара напомнила мне о жестокости растраченной юности. Юности Анджелы Картер.

Я только что завершил расследование. Шесть месяцев назад Анджела Картер вошла в мой кабинет с бледным от страха лицом. По её словам, кто-то терроризировал её по телефону.

Выяснилось, что это сводный брат Анджелы Картер, профессиональный бейсболист, которого она боготворила, делал те непристойные звонки. Я узнал об этом слишком поздно. Он задушил её в приступе ярости, когда, будучи полупьяным, увидел мужчину, выходящего из её квартиры в три часа ночи. Но перед этим он изнасиловал её, как, по его признанию, он и мечтал сделать всё это время.

Таков уж этот мир, говорил я себе, стоя, прислонившись лбом к оконному стеклу в своём офисе. Три часа ночи, в руке пустая бутылка скотча, и я так устал, что хотел проспать месяц напролёт.

Тогда что я делал здесь, в офисе, когда тут и поговорить не с кем, кроме тараканов и мышей? Я смотрел, как полицейская машина, вращая красными огнями, заворачивает за угол. Сирена была не громче вздоха. Дым от моей сигареты оседал на стекле, окрашивая неон в цвет, достойный сумасшедшего художника. Может быть, кисло сказал я себе, это потому, что я больше не мог выносить общество людей. Может быть, это было потому, что после всех этих лет, проведенных по уши в убийствах, шантаже и торговле наркотиками, я наконец-то начал понимать, что пришло время завязывать с этим паршивым бизнесом.

Я всё ещё чувствовал, как сжимаются руки при виде сводного брата Анджелы Картер, когда я неохотно отодвинулся от края красной пропасти, в которой я чуть не разрядил свой пистолет ему в живот. Вместо этого я любезно передал его лейтенанту Оливеру с его сверлящим взглядом, и дело было закрыто. А во рту у меня оставался вкус пепла.

Весь Лос-Анджелес сверкал за моим окном, и в эту ясную, усыпанную звездами ночь он никогда ещё не был так прекрасен. Тогда почему же все, что я мог видеть, — это вид её некогда совершенного тела, лежащего на столе коронера?

Где-то щеголи в смокингах сопровождали высоких блондинок в залитые неоновым светом ночные клубы, где-то парочки раскачивались под ритмы боссановы, где-то хрупкие девушки смеялись шуткам своих мужчин. Но только не Анджела Картер, и не я.

Я выбросил бутылку в мусорную корзину и подхватил плащ и шляпу. Нравится мне это или нет, но пора было убираться отсюда — хотя бы потому, что у меня закончился скотч.

Но я не отправился домой. Думаю, что собирался так поступить, но, должно быть, свернул налево, на Кауэнгу, а не направо, потому что не успел я опомниться, как уже ехал по бульвару до самого Бэй-Сити.

В конце концов, я оказался на шоссе Пасифик-Коуст, в пятистах футах²²³ над океаном, в заведении, где я уже бывал раз или два по тому или иному делу. Это было такое заведение, которое открывалось только в полночь, и никто не знал, когда оно закроется. Оно называлась «Хрустальная тувелька», что было вполне уместно в этом городе разобщенных душ, несбывшихся амбиций и сгоревших мечтаний.

Здесь пахло. Казалось, что клуб пропитан ароматом орхидей и лаванды. Возможно, они хотели, чтобы здесь запах здесь был как в будуаре. Снаружи оштукатуренные стены закрывали то, что осталось от вида на океан, и крики чаек часто заглушали звуки уличного движения. Некоторые вещи никогда не меняются.

Чего нельзя было сказать о «Хрустальной тувельке». Розовые банкетки оставались всё такими же, как и черные пластиковые столы, барная стойка из полупрозрачного стекла, за которой запыленные фигуры потягивали напитки, словно то были воспоминания. Когда-то у них был бармен с одышкой и похожим на бумажное лицом, который знал о бейсболе всё, что только было можно. Но теперь напитки с поразительной ловкостью разливала высокая, стройная японка с пухлыми, полураскрытыми губами.

Заведение было полупустым, но вы бы обратили на неё внимание, даже если бы в нём было так же многолюдно, как в китайском ресторане Граумана. Она была центром внимания в помещении, полном свечей. У неё были огромные блестящие глаза и роскошные иссиня-черные волосы, убранные с овального лица парой декоративных заколок.

– Что будете? – спросила она, когда я опустился на барный стул, обитый черным винилом. На ней был облегающий костюм из змеиной кожи, украшенный люрексом. Слишком дорогой для большинства заведений, но не для этого.

– Как тебя зовут?

– А как бы ты хотел? – Она одарила меня самой лёгкой из улыбок, которые я когда-либо видел. Она была не просто красивой. У неё был тот самый взгляд, который так хорошо использовали Лана Тёрнер и Сьюзан Хейворд, за тайну волшебства которого, старлетки, попадающие в Голливуд целыми грузовиками, готовы были убить. Так чем же она занималась, когда не работала в баре в дешёвой забегаловке, двигаясь по дороге неизвестно куда?

– Скотч, – я показал на бутылку с хорошим напитком. – И не убирай её.

Она поджала губы, и я был ослеплен изображением этого лица, увеличенного в десять раз на киноэкране. Она налила мне двойную порцию.

– Неудачный день на скачках?

– Плохой день, и точка, – сказал я, допивая виски.

– Если бы не невезение, – тихо пропела она, – мне бы вообще не повезло. – Голос у неё тоже был.

Я наблюдал за ней, пока она наливала мне ещё двойную порцию, а затем отошла, чтобы выполнить заказ пары узкоглазых мужчин в другом конце стойки. Мне стало интересно, знает ли она что-нибудь о бейсболе или бейсболистах. Это всё-таки всеамериканский вид спорта.

Тот же усталый мексиканский оркестр, который всегда играл в этом месте, словно во сне заиграл «Начинай бегинку». Она покачивалась во время работы, оживляя сбивчивый ритм, который следовало заглушить много лет назад.

– Тебе следовало бы сниматься, – сказал я ей.

²²³ Около 150 м.

Она рассмеялась, наливая мне ещё порцию. Сказала:

– Я японка. Никому я не нужна, не говоря уже о том, чтобы показывать мое изображение на экране.

– Не про меня.

Она поставила локти на стойку и, наклонившись, прижала ладони к моим глазам. Они были холодными и твердыми, как мрамор.

– Отправляйся спать, – сказала она. – Когда ты проснёшься, уже не будешь настолько сумасшедшим.

Три часа спустя я всё ещё пил скотч, глядя в зеркало за стойкой бара. Когда я огляделся, персонал уже расставлял стулья на столах, а в баре было пусто. Я положил двадцатку на стойку и вышел на парковку.

С моря дул сильный бриз, и на востоке можно было различить розовую полосу, ползущую вдоль горизонта, словно женская рука, небрежно перекинутая через спинку дивана. Ночь больше не была чёрной.

Я завёл машину и поехал на запад по поднимающейся в гору извилистой дороге.

Не проехав и мили, я заметил машину — белый «корвет» 58-го года — на смотровой площадке у отвесной скалы, спускающейся к Тихому океану.

Я бы проехал мимо, но внутри увидел барменшу. Она просто сидела на переднем пассажирском сиденье, глядя прямо перед собой.

Я пристроился позади нее, гадая, не отказала ли у нее машина. Подошёл и постучал костяшками пальцев по стеклу. Её голова дернулась так сильно, что, клянусь, я услышал хруст позвонков.

Выражение испуга на её лице длилось так недолго, что я даже не был уверен, было ли оно вообще. Затем она опустила стекло и сказала:

– Итак, ты наконец-то закончил пить.

– Я ещё не начинал.

– Да. Я вижу. – Она откинула голову на спинку сиденья. – Выглядишь так, будто только что протанцевал пятнадцать раундов с Паттерсоном²²⁴.

– Да ты сама сногшибательна.

Она охнула, но тоже улыбнулась. Это было самое приятное, что случилось со мной за последние недели.

– Теперь-то ты мне скажешь, как тебя зовут?

– Азия.

– А меня Марлоу. Филип Марлоу.

Я уже собирался продолжить, когда черный лимузин «флитвуд» на большой скорости вынырнул из-за крутого поворота и въехал на смотровую площадку.

Двое мужчин успели выскочить из машины, прежде чем она, покачиваясь на амортизаторах, затормозила. Оба были вооружены и имели вид кроманьонцев, характерный для представителей преступного мира. Единственная разница заключалась в том, что эти двое были японцами.

Один из них направил на меня пистолет, в то время как другой быстро подошёл к машине Азии и вытащил её оттуда. Еле передвигая негнущиеся ноги, она казалась парализованной.

²²⁴ Флойд Паттерсон (1935 — 2006) — американский боксёр-профессионал, олимпийский чемпион 1952 года, двукратный чемпион мира в супертяжёлом весе (1956-1959, 1960-1961).

– Что происходит? – Спросил я, и обезьяна ткнула дулом пистолета мне в рот. Я сплюнул на землю и двинулся на него.

– Я бы серьёзно не советовал предпринимать каких-либо агрессивных действий.

Из «флитвуда» вышел мужчина. Это был японец средних лет, одетый в чёрный костюм из акульей кожи, белую рубашку и серебристый галстук, который гармонировал с цветом его коротко стриженных волос. Это был крепкий мужчина, мощного вида, с головой, напоминающей пулю, и угольно-чёрными глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь.

Он отошёл от двери «флитвуда», когда вторая обезьяна толкнула Азию внутрь и исчезла вслед за ней.

– Для меня было бы обескураживающим, если бы пришлось убить Вас сейчас. Я бы здорово потерял лицо.

– Мы знакомы?

– Это не имеет значения, мистер Марлоу. – Он поманил меня к «флитвуду». – Я Вас знаю.

Я попятился.

– Не думаю, что хочу играть в эту игру.

Пулеголовый сказал что-то, чего я не расслышал, и обезьяна, угрожавшая мне, пошевелилась. Я смотрел за его рукой с пистолетом, поэтому, когда другая его рука коснулась моей шеи, то не придавал этому особого значения.

Мгновение спустя я уже ни о чём не думал. Я провалился в такую глубокую яму, что понял, что никогда оттуда не выберусь.

Я проснулся от звука бьющихся о корпус волн. Меня мягко покачивало. Я – в море. Я открыл глаза и застонал. Задался вопросом, был ли я нокаутирован в пятом или всё-таки шестом раунде, а потом вспомнил, что именно Азия сказала, что я выгляжу так, будто у меня с Паттерсоном их было пятнадцать.

Она сидела в другом конце каюты, скрестив ноги, и курила сигарету.

– Я бы тоже не отказался, – прохрипел я.

Она подошла и, опустившись на колени рядом с койкой, поднесла к моим губам сигарету. Я выпустил облако дыма.

– Не пытайся встать, – сказала она. – Они приковали тебя наручниками.

– «Они» ещё и знают, кто я.

– Меня это не удивляет. – Она достала ещё одну сигарету и закурила. – Ты детектив. И ты опасен для них.

Я закрыл глаза и задумался, не то же самое чувствовала Алиса, когда провалилась в кроличью нору. Что знали все остальные, чего не знал я?

– Начни с самого начала, – сказал я, – и не останавливайся, пока не закончишь.

Азия вернулась и села на плетёный стул. Она выставила напоказ ноги, но я был не в том положении, чтобы оценить это. У меня в голове было такое ощущение, будто в ней приземлились Санта Клаус со всеми его оленями. С другой стороны, впервые за долгое время я не думал об Анджеле Картер.

– Человека, который говорил с тобой, зовут Тоно Курума. Он владеет промышленным объединением в Токио, которое производит сталь, химикаты, пластмассы. Он невероятно богат.

Дым обвивал её, как змея, скрывая одну половину её лица.

– Он преследовал меня всю дорогу из Японии.

Я задал очевидный вопрос:

– Зачем?

– Я совершила роковую ошибку, влюбившись в его сына.

– Это плохо?

Она встала и принялась ходить взад-вперед по маленькой комнате, как будто внезапно занервничала.

– Это хуже, чем плохо. Это запрещено.

Я посмотрел на неё.

– Не понимаю.

– Конечно, не понимаешь.

Она повернулась ко мне, и я получил от нее ещё один высоковольтный удар.

– Это вопрос чести. Так мы, японцы, понимаем вопросы чести. Честь – самый важный элемент в нашей жизни, Филип. Без этого мы ничто.

– Ёси — единственный сын Тоно Курумы, и я планировала тайно выйти за него. Тоно Курума обо всё м узнал. Теперь он хочет меня убить.

– За то, что ты хотела выйти замуж за его сына? – скептически спросил я. – Я думал, он будет в восторге. Какой мужчина не отдал бы свою левую руку, чтобы заполучить тебя?

Теперь Азия, казалось, рухнула на плетёный стул. Она сгорбилась, и дым, падавший каскадом на ее волосы, полностью скрывал ее лицо.

– В жилах Курума течёт кровь самураев. Они аристократы. А я, однако, из других. Моя мать – гейша. Я никогда не знала, кем был мой отец, но ясно, что я не благородного происхождения. Тоно Курума испытывает только стыд из-за того, что мы с Ёси любим друг друга. Если бы мы поженились, это было бы огромным ударом по репутации его и всей семьи.

– Но разве это причина, чтобы желать тебе смерти?

Она подняла голову, и я увидел, что она плачет.

– Она есть, если носишь ребёнка Ёси, наследника состояния Курума.

Некоторое время я прислушивался к плеску волн о борт лодки. Я задавался вопросом, далеко ли мы от берега. Я пытался определить глубину волн по движению лодки. Всё, что я знал, это то, что мы пришвартованы не в доке.

– Мне нужны две вещи, – сказал я ей. – Ключ и пистолет.

Я видел, как в ее глазах расцветает надежда.

– Тоно Курума думает, что я наняла тебя, чтобы ты забрал меня у него.

– Я удивлён, что кто-то из вас знает обо мне всё, начиная с моего детства.

– У Тоно Курумы много интересов в Лос-Анджелесе, Филип. Он бывал здесь много раз. Что касается меня, то я читаю газеты. Ты нашёл убийцу Анджелы Картер.

– Я, должно быть, самый известный частный детектив в мире.

Я уловил иронию в своём голосе, но не придавал этому особого значения. В этом чувствовалась жалость к самому себе.

Азия прижалась ко мне.

– У меня очень мало денег, но я рада предложить всё, что есть.

– Оставь их себе, – сказал я. – Когда ребёнок подрастет, купишь ему машину, что-нибудь красное с хромом.

Она улыбнулась, и помещение осветилось, как в канун Нового года.

– Ты очень добрый, Филип.

И снова она назвала меня по имени. Было легко влюбиться в то, как она его произносила.

Я наблюдал, как она вынула из волос одну из своих длинных заколок. Вставила её кончик в замок наручников и немного покрутила. Сосредоточенность превратила её лицо в лицо маленькой девочки, такими бывают дети, когда не смущаются, будучи уверенными, что никто на них не смотрит. Через мгновение я услышал тихий щелчок, и оковы пали.

Я сел, растирая покрасневшую кожу на запястьях. Я удивился, почему она не знает, как отсюда выбраться. Она знает что-то ещё.

Я подошёл к двери. Она была заперта.

– Дай мне шпильку, – сказал я. Затем, услышав звук приближающихся шагов снаружи. – Подожди. – Скрежет ключа в замке. – Есть идея получше.

Я снял ботинок и встал прямо за дверью. Когда она открылась в неё вошла одна из обезьян Тоно Курумы, я хладнокровно ударил её за правым ухом каблуком со стальной кромкой.

Когда я забрал его 38-ой, то увидел, что это тот, который меня вырубил. Мне стало приятно от того, что тут лежит именно он. Я надел ботинок и подтащил тело к койке. Пристегнул его наручниками к стойке. Потом мы покинули это место.

– Что ты собираешься делать? – прошептала Азия, когда мы поднимались вверх по трапу.

Я не знал. Если бы я знал. Я был бы умным, но в тот момент я ни в малейшей степени себя таковым не чувствовал. Мне выбили несколько зубов, я потерял сознание и был прикован к койке, а мне даже не платили за это. Это было не расследование, а миссия милосердия. Теперь я уже был уверен, что мне давно пора на покой.

И всё же, впервые с тех пор, как я увидел Анджели Картер на сцене, я понял, что не хочу уходить. Ни сейчас, ни когда-либо ещё. Возможно, я уже был наполовину влюблён в Азию. И я знал, что влюблён в опасность.

Над палубой взошла луна. Этот день подошёл к концу. Повсюду чувствовался запах океана. На западе я мог видеть огни острова Каталина. Город Ангелов был далеко, за Тихим океаном, где в воду ныряли и в небе кружили бакланы. В любом случае, им было весело. Они не знали, насколько серьёзной может быть жизнь.

Мы были на роскошной яхте. В лунном свете поблёскивала латунная фурнитура, а впереди я видел тени, мелькающие в свете носовой каюты. Я услышал стук и, перегнувшись через борт, увидел маленькую моторную лодку, пришвартованную к борту.

Я жестом велел Азии оставаться в тени, где она находилась, а затем двинулся вперёд. Я молчал, пока Тоно Курума не оказался в поле моего зрения.

– Выходи, Азия.

Он неторопливо повернулся, когда она появилась из темноты, и произнёс холодным голосом:

– Я вижу, ты нашла своего самурая.

Если его и беспокоил мой 38-ой, он этого не показывал.

– Что она тебе сказала?

– Достаточно.

Его брови взлетели вверх.

– Действительно.

Я помахал пистолетом, когда один из его головорезов поднялся с нижней палубы.

– Я сажаю её на катер. Не делай глупостей.

Он нахмурился. — Мистер Марлоу...

– Заткнись, – сказал я. – Скажи животному, чтобы не вынимало руки из карманов.

Тоно Курума сказал что-то по-японски.

– Хорошо, Азия. – Я почувствовал, как она подошла ко мне сзади. – Ты знаешь, как завести мотор?

– Да.

– Направление на огни пристани. Это займёт не больше двадцати минут.

– Спасибо, Филип. Я почувствовал, как она обняла меня, и на мгновение оказался по пояс в орхидеях. – Я никогда тебя не забуду.

Она поцеловала меня, и мне не захотелось её отпускать. Я наблюдал за Тоно Курумой и обезьяной, пока слушал, как удаляется стук её каблучков по палубе.

Через мгновение двигатель кашлянул и ожил. Я почувствовал сильный запах дизельного топлива, а затем звук мотора стал меняться, и я понял, что она сбежала.

Лицо Тоно Курумы вытянулось. Он потёр лоб, как будто тот начал болеть.

– Я прощаю вас, мистер Марлоу, – сказал он, – потому что Вы понятия не имеете, что натворили. Но теперь я должен отправиться на этом судне за ней.

– Сделай шаг, и ты труп.

Тоно Курума вздохнул.

– Что она Вам рассказала?

– Всё. – Я повторил то, что Азия рассказала мне о своём прошлом, и о его прошлом, о своей любви к Ёси, сыну Тоно Курумы, и о ребёнке, которого носила.

Тоно Курума печально улыбнулся.

– Она хорошо знает, как сочетать факты с вымыслом. Это правда, что мой сын любил её. Это правда, что они планировали пожениться. Но это было с моего благословения.

Его лицо стало суровым, как гора Рашмор²²⁵.

– Азия происходит из самой знатной самурайской семьи, какая только существует в Японии. Мы с её отцом были конкурентами и вели войну, которая едва не уничтожила нас обоих. До тех пор, пока мой сын Ёси не пришел ко мне с решением: он и дочь моего соперника должны пожениться, тем самым объединив наши компании в союз, который никогда нельзя будет разорвать.

– Азия была обязана подчиниться. Это вопрос чести — сохранить лицо.

– И она сбежала?

– В некотором роде.

Я видел, что он держит себя в руках благодаря огромной силе воли.

– Она убила моего сына. Воткнула ему в глаз одну из своих отвратительных булавок.

Я вспомнил, как ловко она орудовала булавкой, чтобы избавить меня от наручников. Меня начало подташнивать, и я не думал, что это из-за морской болезни.

– Значит, это правда, – тихо сказал я. – Ты хочешь её убить.

²²⁵ Та самая, где высечены президенты Вашингтон, Джефферсон, Линкольн и Теодор Рузвельт.

– Я не могу.

Я думал, что видел всякую боль человеческих существ, но то, что было написано на лице Тоно Курумы, не было похоже ни на что.

– Она носит ребёнка моего сына. Моего наследника. Честь обязывает меня не причинять ей вреда.

Мне нужно было проверить его. Я должен был понять, кто говорит правду, леди или тигр. Я опустил 38-ой и посмотрел на восток, в сторону розового сияния Лос-Анджелеса. Мне показалось, что я увидел бледное фосфоресцирующее свечение, оставленное катером.

Никто не вытащил оружие. Никто не двинулся на меня. Вздыхнув, я убрал пистолет в наплечную кобуру.

– Она меня обманула.

– Ты не первый, – сказал Тоно Курума. – Осмелюсь предположить, что и не последний. – Он вышел из каюты. – Теперь я никогда её не найду. Только благодаря невероятной удаче я в этот раз обнаружил её местонахождение.

Я подошёл к перилам и вцепился в них с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Что ты собираешься делать?

Тоно Курума присоединился ко мне у поручней.

– Знаете, мистер Марлоу, в старые времена самураям, которым бусидо, их кодекс чести, запрещало действовать определенным образом, приходилось нанимать других для выполнения этих действий. Этих людей иногда называли «ниндзя». Что-то вроде частных детективов.

– Забудьте об этом, – сказал я с отвращением. – Я знаю, о чём Вы думаете.

Он покачал головой.

– Нет, мистер Марлоу, не думаю. Я хочу нанять Вас, чтобы Вы нашли Азию. Теперь я вижу, что она похожа на некоторых животных: неспособна выжить в неволе.

– Для меня важен мой внук.

В глазах Тоно появилось то влажное, непонимающее выражение, которое можно заметить у молодых родителей, когда они достают бумажник, полный детских фотографий.

– Я хочу, чтобы Вы убедились, что она не прервёт его жизнь. Видите ли, мистер Марлоу, я думаю, именно поэтому она приехала в Лос-Анджелес. Чтобы набраться храбрости, как Вы бы сказали, найти врача, который...

Я посмотрел на него, и он полез в карман пиджака. Он протянул мне визитку.

– Я нашёл это в записной книжке Азии.

Я слишком хорошо знал это имя. Один из тех подлых ящеров, которые называют себя врачами и берут деньги за то, что устраивают резню.

– Конечно, она слишком умна, чтобы теперь обратиться к нему. Но она найдёт другого.

Я разжал пальцы, и карточка растворилась в ночи.

– А как же правосудие? Она убила Вашего сына.

– У нас с вами, мистер Марлоу, разные представления о правосудии. Но подумайте вот о чем: разве нет правосудия в том, чтобы видеть, как ребенок Ёси становится взрослым? Наказание может быть разным.

Он был прав. Или, может быть, я просто схожу с ума.

– Я хочу своего внука, – сказал Тоно Курума.

Я знал, о чём он меня просит, и совсем не был уверен, что мне это нравится.

– Я думаю, вы выбрали не того человека, – сказал я.

Он улыбнулся.

– Напротив, мистер Марлоу. Хотя вы гайджин, иностранец, у Вас есть честь, самое важное качество, которое только может быть у человека. Такой человек найдёт способ выполнить свои обязательства.

– Я не знал, что у меня есть какие-то обязательства перед Вами или Ёси.

Тоно Курума сказал

– Вы совершенно правы. Если ты этого не чувствуете, значит, у Вас их нет.

Я наблюдал за ним, лунный свет отражался от его костюма из акульей кожи. Я задавался вопросом, каково это – потерять сына, и надеялся, что никогда этого не узнаю.

– Вы знаете, что сделает Азия, когда увидит ребенка? Может, она не захочет от не него избавиться.

Лицо Тоно Курумы было совершенно бесстрастным.

– Мистер Марлоу, никто из нас не знает, на что она способна. Мы можем только догадываться об этом.

Я на мгновение задумался. Я не смог бы убедить лейтенанта Оливера отправить Азию за решётку; она не нарушила здесь никаких законов. Но она совершила убийство в Японии, и я подумал, что бы я чувствовал всю оставшуюся жизнь, если бы сказал Тоно Куруме «нет» и просто ушёл, когда мы причалим. Я знал, что не смогу так поступить. Так что же оставалось?

– Я прослежу, чтобы у неё появился ребенок, – сказал я, зная, что только что ответил на свой собственный вопрос.

– А что потом?

– Посмотрю, когда придёт время, – сказал я. – То, что мне предстоит сейчас сделать, будет достаточно сложно.

Тоно Курума кивнул.

– Вы сделали достойный выбор, мистер Марлоу. Я Вам полностью доверяю. Лос-Анджелес, как Вы, кажется, сказали, это Ваша территория. Кроме того, от моего внимания не ускользнуло, что за короткий промежуток времени у вас с ней установились — как бы это сказать? — взаимопонимание. В случае с Азией это весьма необычно — и для Вас полезно, не так ли?

Что ж, в одном он был прав: Лос-Анджелес был моей территорией. Я знал здесь каждый квадратный дюйм. Я знал, что найду Азию, но что дальше? Было ли взаимопонимание, о котором говорил Тоно Курума, реальным или еще одной из её иллюзий? Однажды она уже убила. Вот тебе и красавица с чудовищем.

Давай по порядку, Марлоу, сказал я себе. Ты только что воскрес из мёртвых, и у тебя есть дело всей жизни.

Чего ещё ты можешь желать?

Когда я впервые познакомился с произведениями Рэймонда Чандлера, то был потрясён. Это был мастер-стилист, который с удивительной ясностью воплотил в жизнь лихорадочную, почти сюрреалистическую атмосферу Лос-Анджелеса. Довольно грустная, довольно безыскусная проза Чандлера, написанная в неоновом свете, нарисовала реалистичный портрет города, который традиционно считался бездушным. Он вдохнул характер и жизнь в американскую икону, превратив её в легенду.

Творчество Чандлера показало мне исключительную важность атмосферы. Его романы и рассказы заставили меня осознать, какой силой может обладать такая красота, чтобы просвещать и увлекать читателя.

Эрик Ван Люстбадер

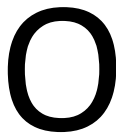
РОБЕРТ КЭМПБЕЛЛ

МЫШИ

1959

Художник Пол Ривош

НИ заставили меня чувствовать себя немного странно. Я не имею в виду

беспричинный смех. А то самое чувство, которое возникает, когда тебе кажется, что что-то не так, но ты поначалу не можешь понять, что именно. Это напоминает спазм в желудке, когда проглатываешь несвежую устрицу, не успевая её выплюнуть, чувство вины, когда начинаешь понимать, что именно не так, а потом жалость, которая не настолько искренняя, как первые два ощущения.

Я стоял там, наблюдая за ними, и наконец испытал приятное чувство, напоминающее то, которое испытываешь, наблюдая за детьми с их невинными глазами, всегда готовыми рассмеяться или заплакать.

Они были из тех, кого некоторые люди до сих пор называют монголоидными идиотами, хотя они никогда не были идиотами, а просто медлительными и способными не на многое. И они никогда не принадлежали исключительно к азиатам, несмотря на их плоские лица и прищуренные глаза, а были просто людьми, страдающими синдромом Дауна.

На мой взгляд, им было где-то под тридцать, довольно много для таких людей, поскольку обычно они не доживают и до подросткового возраста. Мужчина казался старше женщины, но с таким же успехом могло быть и наоборот.

Они выглядели как брат и сестра. Ещё одна особенность синдрома Дауна, из-за него все кажутся родственниками. Возможно, если бы мы все выглядели как члены одной семьи, мы не были бы так скоры на расправу друг с другом. С другой стороны, внутри семьи больше насилия, чем среди остальных. Спросите любого полицейского.

Я увидел их сразу после того, как уехал из Пудл-Спрингс и вернулся в Лос-Анджелес, шныряя по Франклин-авеню в поисках места, где можно было бы обосноваться и опять зажить в одиночестве.

Я пытался жить в браке. Через полгода всё пошло прахом. Может быть, потому, что моя жена была богата, а я нет. Может быть, потому, что Линда не чувствовала себя счастливой, если несколько десятков человек не пытались поцеловать ей руку, даже если она и знала, что их целью являются её кольца, а я не был счастлив, если мы не оставались только вдвоём. Но даже и тогда я не был по-настоящему счастлив, если не оставался совсем один. По крайней мере, Линда обвиняла меня именно в этом.

Итак, она осталась там, под солнечным светом, а я оказался здесь, под моросящим дождём. Оставалось только гадать, настолько ли сильна моя к ней привязанность, что я откажусь от своей, присущей скорее святым, бедности и вернусь в Спрингс, готовый стать избалованным мужем женщины с несколькими миллионами, плавать в бассейне с коктейлем в руке, наблюдая, как у загорают пальцы на ногах, или она привязана ко мне настолько сильно, что присоединилась бы ко мне в том единственном городе, который я когда-нибудь считал своим домом, чтобы ждать меня, пока я буду копаться в руинах общества, которое лучше всего производило отбросы и прочий мусор.

Я вернулся на Франклин-авеню, как голубь на свой чердак. Я жил тут как раз перед тем, как совершить своё первое глубокое погружение в таинство, именуемое браком, возможно, надеясь, что произойдёт какое-то чудесное волшебство, которое и вернёт всё в прежнее русло. На самом деле мне не хотелось бросать Линду, и я оставил спасательный трос на случай, если захочу вернуться на судно.

В «Хобарт Армс», где я жил раньше жил, свободных мест не было, поэтому я перешел на улицу, потом обратно, проходя квартал за кварталом.

Это милая улица с тенистыми деревьями, редкими пальмами и довольно новыми контейнерами для мусора, выстроившимися в ряд у обочины в ожидании дня его вывоза, который, похоже, должен был наступить завтра.

Я рассказываю об этом, поскольку те двое, о которых я упомянул раньше, с трудом поднимались по трёхступенчатой лестнице из подвала жилого дома, неся меж собой мусорный бак, смеясь, когда они спотыкались и бились о перила, как будто этот нелёгкий для них процесс представлял не что иное, как чистое удовольствие.

Все это вызывало адский шум, и я постоял там с минуту, далеко отойдя от спуска в подвал, позволяя тем чувствам, которые я только что описал, вспыхнуть во мне.

Когда они заметили меня, то рассмеялись ещё громче с преувеличенной радостью приглашая меня своими ухмыляющимися ртами и прищуренными глазами присоединиться к веселью. Я и сам не смог удержаться от смеха, теперь, когда понял, что не впал в транс и не оказался среди каких-то троллей или гномов в какой-то заколдованной стране.

Затем, как и в любой приличной сказке, в кадре появился людоед. Мужчина с головой, напоминающей пулю «дум-дум», плоской и покрытой шрамами, отороченной старящей её обладателя и напоминающей мох бахромой чёрных волос, свисающих на уши и шею, с бычьей шеей и бычьим же носом, появился в поле зрения подобно бестелесному ужасу. Он находился ниже уровня ступенек, но, несмотря на это, я мог сказать, что он был ненамного выше людей, которые тащили мусорный бак.

Он выкрикивал ругательства наполовину по-английски, наполовину по-испански. Словом, которое употреблялось им чаще других было «слабоумные».

Они съезжились, как пара побитых собак. Его ярость оборвала их смех, как будто он вырвал им языки и стёр улыбки с их нежных ртов, как стирают влажной тряпкой радостное послание с классной доски. Они посмотрели на меня так, словно почувствовали себя ещё хуже из-за того, что хозяин отчитывает их в присутствии незнакомца.

Я уже был готов покинуть это место, чтобы своим присутствием не усугублять их унижение, когда этот тупоголовый ублюдок замахнулся, словно собираясь ударить женщину. В руке он держал отпиленный кусок черенка от метлы. Она вздрогнула, отдёргнув в сторону голову, и, вскрикнув, выпустила ручку мусорного бака.

Тот упал на ступеньки и опрокинулся, прежде чем её спутник успел его подхватить, и несколько фунтов мокрого мусора, рыбьих скелетов, куриных костей, апельсиновых корок, кофейной гущи, консервных банок и размокших газетных листов высыпались на пол.

Это ещё больше разозлило и без того вышедшего из себя быка.

Он начал размахивать черенком в воздухе около головы мужчины, не задевая её, но подбираясь всё ближе и ближе.

Я подошёл и сказал:

– Не делай этого.

Он посмотрел на меня так, как будто я неприлично высказался о его матушке.

– Ты кто такой?

– Меня зовут Марлоу.

– Я тебя знаю?

– Если ты не перестанешь над ним издеваться, то узнаешь, и очень хорошо.

– Занимайся своими делами.

Я сделал так же, как и он. Размахивая руками, я не касался его, но был к его лицу всё ближе и ближе, давая понять, каково это, когда к тебе относятся с таким презрением.

В ответ он замахнулся палкой и треснул меня ею по запястью. Когда я отдёргивал руку, то ободрал о перила костяшки пальцев. Тогда я шлёпнул его по губам, и он скрылся в подвале.

Через секунду мне стало не по себе. Он сам напросился, но я знал, что мог бы справиться со всем этим получше. Ничего не добьешься, отвечая угрозой на угрозу, насилием на насилие.

– Как его зовут? – спросил я у тех двоих, что смотрели на меня так, словно я сделал что-то героическое.

Мужчина указал на себя и сказал:

– Бенни. А её – Минни.

– Да нет. Как зовут того парня?

Бенни стоял, высунув язык, и пытался вспомнить. Минни шепнула ему на ухо.

Он ухмыльнулся и сказал:

– Мистер Януария.

– Он твой босс?

– Он заботится о нас.

– Ты хочешь сказать, он твой опекун?

Они переглянулись. Это было для них слишком сложно. Они пожали плечами, ухмыльнулись, запрокинули головы и с минуту смотрели на меня. Потом потеряли ко мне интерес и начали собирать мусор. И это тоже превратилось в игру.

– Вы, случайно, не знаете, где здесь можно снять квартиру?

Они прекратили своё занятие. Двигаться и думать одновременно они не умели. Снова начали шёпотом совещаться. На этот раз Минни указал на противоположную сторону улицы.

Я обернулся и увидел вывеску в окне первого этажа.

Через пятнадцать минут я уже подписывал договор аренды и передавал чек мистеру Бохосу, греку со счастливым лицом.

– Аренда это хорошо, – сказал он, – но у нас принято, чтобы скрепить сделку, выпить по бокалу вина.

– С уважением отношусь ко всем обычаям, – ответил я.

Когда мы потягивали вино, Бочос взглянул на меня и сказал:

– Я видел, что Вы сделали. Добрый поступок.

– Януария часто так себя ведёт?

– Эх, – сказал он, словно собирался сказать об этом человеке что-то нехорошее. – На самом деле он не бьёт мышей. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

– Мышей?

– Я так называю этих дурачков. Я так жене говорю, что у них мозгов не больше, чем у мышей.

– А если бы Вы были уверены, что он бьёт тех людей, Вы бы что-нибудь предприняли?

Выражение восхищения и признательности за то, что я сделал, исчезло с его лица.

– Не знаю. Думаю, Януария – жестокий человек. Может, на самом деле он и избивал мышей, но я не знаю, как насчёт нас с вами.

Я мог бы сказать, что Бохос боится уборщика из дома напротив, но я больше не хотел на него давить. Ни к чему хорошему это бы не привело, а у меня не было причин не поддерживать дружеские отношения с управляющим зданием.

– Бенни и Минни с ним как-то связаны?

Boхос пожал плечами.

– Не думаю.

– Откуда они вообще взялись?

Он снова пожал плечами.

– Не знаю. Время от времени я видел, как они слонялись по кварталу, возле пустыря на углу. Иногда замечал, что они роются в мусорном контейнере за супермаркетом на Голливудском бульваре. Понимаете, о чём я?

– Думаю, да.

– Поэтому я начал задаваться вопросом, кто они такие и откуда взялись. Как раз собирался позвонить в полицию, чтобы что-то выяснить, как увидел, что они работают на Януарию. Так что, думаю, займусь своими делами.

– Неплохая идея, – сказал я, допивая вино. – Думаю, поступлю так же.

Я поднялся в свою новую квартиру на третьем этаже. В гостиной был потолочный светильник, в котором работала одна лампочка из трёх, а в спальне – другой такой же, но с одной перегоревшей лампочкой. Светильники по обе стороны зеркала в ванной работали.

С минуту в раковину бежала ржавая вода, затем она стала чистой. Я умыл лицо и вытер руки носовым платком.

Я снял квартиру без мебели. В квартире не было ничего, кроме двух деревянных стульев на кухне. Я перенёс их в гостиную и поставил перед газовым камином. Достал из кармана спичку и зажёл его. Сел на один стул, а на другой положил ноги. Так и сидел, пока вечер за окном не сменился ночью, и думал о том, каким же чёртовым идиотом должен быть мужчина, который ценит свою гордость, независимость и одиночество больше, чем красивую женщину с мешком денег.

Начинаешь так себя чувствовать, сидя в тёмной, пустой комнате, жалея себя, а в следующее мгновение уже ищешь лужу, в которую можно сунуть нос и погрузиться целиком. Поэтому я встал и взглянул вниз на улицу, надеясь заметить какое-нибудь движение: мальчика-курьера, разносящего пиццу, или собаку, задирающую лапу на дерево.

В проёме входа в подвал на другой стороне улицы я заметил какое-то свечение. Мне потребовалась секунда, чтобы привыкнуть к нему, и тогда я смог разглядеть, что там кто-то сгорбившись сидит и светит фонариком в журнал или газету. Пока я это наблюдал, дверь в подвал открылась. Кто-то появился в дверном проеме, частично загорая свет. Прошла минута, а затем другая тёмная фигура прошла мимо первой, и прямоугольник снова почернел.

Я захотел узнать, кто сидел там и читал при свете фонарика. И я захотел узнать кто же спустился в подвал. И мне не хотелось оставаться сейчас одному в пустой комнате.

Я спустился вниз, пересёк улицу, и, остановившись у перил, заглянул вниз, в проём.

Бенни скрючился на старом тюфяке, его ноги были укрыты от холода рваным одеялом. Он читал так сосредоточенно, что даже не замечал моего присутствия, пока я не прочистил

горло. Тогда он поднял взгляд, напомнив мне испуганного оленя, и его рука с фонариком дрогнула.

– Привет. Извини, Бенни. Не хотел тебя напугать, – сказал я.

– Ты застал меня врасплох, правда, – сказал он.

– Что читаешь?

Он заколебался, а затем протянул мне.

– Вам нужен фонарик?

– Здесь достаточно света, – сказал я, просматривая журнал.

Это был комикс, с чёткими ярко раскрашенными рисунками. Название на обложке гласило «*Выживание*». Внутри были рассказы о походах по горам, когда у тебя нет ничего, кроме ножа, о жизни в пустыне, когда есть только пластиковый тент, как спастись от смерти, если у тебя только палка или, вообще, ничего. Я уже видел подобные журналы раньше в кондитерских и аптеках. Дети скупали их тоннами, новые комиксы для детей, родившихся уже в тени бомбы.

– Довольно захватывающе, Бенни.

– О, да. Читаю его каждый вечер.

– Ты хорошо читаешь?

– Ну, вообще-то, я не читаю, но по картинкам можно понять, о чём речь.

– Где ты это взял?

– Нашёл в мусорном контейнере. Я не крал его, – словно оправдываясь, сказал он.

– Я так и не думал. Просто спросил.

– О, ну, тогда всё в порядке.

– А где Минни? – спросил я, возвращая ему журнал.

– Я забочусь о Минни.

– Это хорошо.

– А она заботится обо мне. Мы заботимся друг о друге.

– Это действительно здорово. Так, где же она?

На его лице появилось странное выражение, как у ребенка, который только что узнал, что такое стыд.

– Мистер... Януария вышел и спросил, не холодно ли ей. Она сказала, что нет, но он всё равно заставил её вернуться внутрь.

– Зачем же он это сделал?

– Он захотел, чтобы она была с ним внутри. Это часть сделки.

– Какой сделки, Бенни? – спросил я, чувствуя неприятное ощущение внизу живота.

– Он разрешает нам здесь ночевать. Иногда он даёт нам кофе и хлеб или что ещё остается после ужина. Он разрешает нам пользоваться раковиной и туалетом в подвале.

– И что вы должны делать за всю эту щедрость?

– Мы работаем по дому. Мы выносим мусорные баки и подметаем коридоры. И иногда, когда мистер Януария ей об этом говорит, Минни заходит с ним к нему в квартиру.

Он пристально смотрел на меня, ожидая моей реакции, как будто, увидев отвращение на моём лице, он, наконец, перестанет себя обманывать, что в квартире мистера Януарии не происходит ничего плохого. Я старался никак себя не выдать, но, думаю, он заметил гнев, вспыхнувший в моих глазах, и этого было достаточно, чтобы его сердце сжалось.

– Она не должна была заходить в его квартиру, когда он этого хочет, так? – спросил он самым тихим голосом, какой я только мог себе представить.

– Я мог бы поговорить с ним, если хочешь.

– Нет, нет. О, не делай этого.

– Но если он как-то издевается над ней. Если он пользуется этим в своих интересах, может быть, я подберу слова, чтобы дать ему понять, что это лучше прекратить.

Он снова был в ужасе.

– О, нет, это только разозлит его, и он может снова нас избить.

– Бенни, по крайней мере, позволь мне вызвать полицию.

Теперь он плакал, умоляя меня ничего такого не делать.

– Они отправят нас в разные места. Я никогда больше не увижу Минни.

Я как мог успокоил его и вернулся в пустую квартиру к двум кухонным стульям с прямыми спинками. Я снял туфли и устроился в углу. Воспользовавшись ими как подушкой, а пиджаком как одеялом, я задумался о том, на какие страдания способны некоторые люди во имя любви. Каким-то образом я лучше понимал, что делает Бенни, ночуя в подвале, чем то, чем занимался я, когда спал в атласной королевских размеров постели Линды.

Едва забрезжил рассвет, как меня разбудил стук в дверь. Я был неподвижен, как труп недельной выдержки. И представлял собой грудку поломанных костей, которые прогремели по полу к двери, чтобы узнать, кто это так настойчив в столь ранний час.

Никому не нужно было говорить мне, что двое персонажей, стоявших там, были полицейскими в штатском. Это было запечатлено на их устах. Один улыбался, а другой нет. Один – вежлив, а другой – нет.

Тот, что без улыбки, прошёл мимо меня и осмотрел помещение, не спрашивая моего разрешения.

Улыбчивый спросил:

– Мистер Марлоу?

– Меня вам представил мистер Бохос? – спросил я, похлопывая себя по карманам в поисках сигарет. Но всё, что я обнаружил, были две или три спички.

Тогда он достал пачку сигарет «кэмэл» и предложил мне.

– Меня зовут Менафи. Он – Шиндлер.

Я взял сигарету, отметив что они без фильтра.

– Вижу, Вы не боитесь умереть.

Он достал зажигалку и крутанул колесико.

– Наверное, я фаталист. Когда собираешься сделать что-то, от чего не отвертеться, то ты это сделаешь.

Я отмахнулся от зажигалки и зажёл спичку.

– Небольшой привкус серы – хорошее начало первого выходного дня.

– Небольшое нападение и побои – тоже неплохое начало дня? – спросил Шиндлер, всё ещё стоя у меня за спиной.

Я повернулся к нему лицом.

– Я лучше отвечаю на вопросы, когда вижу человека, который их задает.

Он протянул руку и схватил меня за запястье, притягивая к своему лицу мою руку с ободранными костяшками. Я отдернул её, радуясь, что он быстро её отпустил, потому что, несмотря на его рост и усталость, я бы проиграл эту схватку по армрестлингу.

– Вы только что переехали сюда, так ведь, мистер Марлоу? – спросил Менафи.

– Верно.

– У тебя лицензия частника, не так ли, Марлоу? – спросил Шиндлер.

– Вы довольно быстро соображаете для столь раннего утра.

– Имя сразу же бросилось мне в глаза, мистер Марлоу, – сказал Менафи, не переставая улыбаться. – За Вами репутация.

– Репутация человека довольно жестокого и довольно жёсткого. Вы достаточно жёсткий человек? – спросил Шиндлер и пошевелил губами, что, как я понял, должно было означать усмешку. – Ты был жесток с тем коротышкой, что с другой стороны улицы?

Небольшая ударная волна встряхнула меня.

– Что-то случилось с Бенни?

– Я не знаю, зовут ли мистера Януарию Бенни, – сказал Менафи.

– Бенни – это тот дурачок, которого мы нашли прячущимся в подвале со своей тупой подружкой, – сказал Шиндлер.

– У тебя просто замашки аристократа, – сказал я.

Даже Менафи, похоже, не понравилось, что его напарник назвал их дурачками.

– Да, ради Бога, Шиндлер.

– Речь о том уборшике-латиносе, – продолжил Шиндлер, решив разыгрывать расиста до конца.

– И вы спрашиваете меня, кто это сделал?

– Мистер Бохос сказал нам, что вчера вечером у вас была небольшая стычка с Януарией, – сказал Менафи, снова стараясь говорить спокойно и непринужденно.

– У нас состоялся небольшой разговор. Он насел на Бенни и Минни, поэтому я помахал руками у него перед носом.

Шиндлер снова потянулся к моему запястью, но я отдернул его.

– Я промахнулся и поцарапал костяшки о перила.

– Просто помахал перед носом руками у него перед носом? – любезно спросил Менафи.

– И всё.

– Мы слышали, что Януария ударил тебя палкой, а ты ударил его по губам, – сказал Менафи.

– И на этом всё закончилось.

– Только потом у Вас была небольшая прогулка.

– Бохос?

– Да, мистер Бохос Вас видел.

– Потом он увидел, как я возвращаюсь обратно.

– Ну, нет, его оттуда на кухню позвала жена. Он не видел, как Вы возвращались.

– Мы не сомневались, что ты вернулся, – сказал Шиндлер. – Я имею в виду, что ты же здесь, не так ли? Но нам интересно, достаточно ли долго ты оставался на той стороне улицы, чтобы отобрать у Януарии палку, которой он тебя ударил, и бить его в живот и по почкам столько раз, чтобы он умер?

– Вот как всё произошло?

– Пока мы беседуем, эксперт заканчивает предварительный осмотр, но, похоже, всё обстоит именно так, – сказал Шиндлер.

– Не хотите ли пройти с нами и посмотреть, не выяснил ли он что-нибудь ещё? – спросил Менафи так же вежливо, как джентльмен в Пудл-Спрингс приглашает даму на танец.

Они подождали меня, пока я обувался, умывался и отряхивал пиджак.

На другой стороне улицы, на бетонных ступенях, ведущих в подвальный колодец, лежало распростертое тело Януарии. Судмедэксперт неловко присел на корточки рядом с ним, одна его нога оказалась выше другой. Он расстегнул рубашку уборщика. Синяки на его груди и животе были цвета разбавленных школьных чернил.

Мы втроём обошли Януарию и собрались внизу у входа.

– Что-нибудь ещё? – спросил Менафи.

Эксперт с некоторым трудом поднялся на ноги, глядя на меня так, словно знал, что у нас с ним одни и те же проблемы, связанные с приближением старости.

– Один из ударов повредил ему селезенку. Это могло бы помочь ему побыстрее откинуться. Но непосредственной причиной смерти стал перелом шеи. Он упал и ударился о ступеньки, как видите. И всё.

– Такие удары могли быть нанесены только сильным мужчиной? – спросил Менафи.

Не выглядело так, что эксперту были нужны подсказки. Он улыбнулся и сказал:

– Женщина или здоровый ребенок могут убить палкой, если использовать её правильно. Это вопрос техники и физики. Дело в фунтах на квадратный дюйм, приходящиеся на острие небольшой затупленной поверхности. Так сможет убить любой, кто сделает пару удачных ударов или жертва не будет защищаться.

Я посмотрел на Бенни, который сидел в углу рядом с Минни на их импровизированной кровати, он обнимал её, а она его, с широко раскрытыми глазами и испуганным видом. Но в то же время он выглядел торжествующим.

Эксперт велел бригаде скорой помощи упаковать тело и положить его в фургон. Когда они благополучно увезли Януарию, эксперт сказал:

– Ещё кое-что.

Мы ждали, как зрители в ночном клубе, когда же комик выдаст кульминационную фразу.

– Он был убит во время полового акта или сразу после него.

– На вашем месте, – сказал я, взглянув на Менафи, а затем на Шиндлера, – я бы поискал в округе мужа или чьего-то приятеля, склонному к насилию.

– Возможно, Вы и правы, – сказал Менафи.

Никто даже не взглянул на Бенни и Минни, которые сидели там, держась друг за друга. Мало кто задумался бы о том, что такие люди, как Бенни и Минни, вообще что-то знают о сексе.

– У меня плохое предчувствие, – сказал Шиндлер. – Это будет одним из тех нераскрытых убийств.

– Никто ничего не видел? Никто ничего не слышал? – спросил я.

– Никто, кто мог бы сообщить об этом, – сказал Шиндлер, бросив взгляд на Бенни и Минни.

– Всё совсем плохо.

– Возможно, Вы правы, – снова сказал Менафи. – Будете поблизости на случай, если мы снова захотим с Вами поговорить, мистер Марлоу?

– Сегодня утром я собираюсь купить кровать и кофейник.

– Хорошо, – сказал он, поднимаясь вслед за Шиндлером по ступенькам.

Я двинулся за ними, но сначала наклонился и поднял комикс, который лежал под телом Януарии. Я протянул его Бенни.

– Держи, Бенни, – сказал я. – И почему бы тебе его не выбросить?

Я купил кровать, кофейник, чашку, блюдо и кое-какую утварь. И даже довольно хороший подержанный диван, мягкое кресло и торшер. Несколько полотенец и мочалку.

В тот вечер я приготовил себе на новой сковородке гамбургер с фасолью. Затем я пошёл в гостиную, сел в мягкое кресло под торшером у окна и стал читать последний газетный номер.

Когда мой взгляд скользнул из окна вниз, я увидел, светящийся в темноте фонарик Бенни.

Бенни, Минни и я были дома.

Мне никогда не нравилась мысль о том, что Марлоу решил жениться, будь его избранница богата или нет. Это неестественно. Классический частный детектив – это, по сути своей, одиночка. Как ещё он смог бы развить в себе то что, заставляет его разбирать мусорные завалы и места бойни, когда он знает, что эта работа просто невыполнима? Как ещё он мог позволить себе работать за гроши? Как еще он мог бы представлять собой вызов каждой женщине, которая ему встретится, и каждому злодею, у которого он встанет на пути, угрожая тому тем, что он схватится с человеком, которому абсолютно нечего терять?

Если Чандлер чему-то и научил авторов детективов, то следующему. Он был одним из тех немногих первопроходцев, которые стащили одинокого ковбоя, архетипического американского героя, с лошади и усадили его за руль «форда» или, что более до сих пор более распространено, отправили на грязные улицы пешком.

Роберт Кэмпбелл

РЭЙМОНД ЧАНДЛЕР

КАРАНДАШ²²⁶

Художник Хавьер Ромеро

²²⁶ Перевод А. Липатова.

Вошедший был не грузен, но полнотел. Неискренняя улыбка едва трогала уголки его рта, оставляя губы крепко сжатыми, – он словно боялся проговориться. Двигался он замедленно и как-то расхлябанно, что меня удивило: люди такой комплекции, как правило, живчики. Одет мой гость был в серый костюм, на галстук стройная нырлящица демонстрировала длинные ноги и аккуратный задок. Примиряла меня с посетителем, пожалуй, только белая рубашка – я уважаю чистоту и аккуратность. Ботинки, хоть и не подходили по цвету к костюму, были надраены до блеска.

Пока он пробирался мимо меня, я успел внимательно его рассмотреть. Да и он времени не терял: мгновенно окинул взглядом комнату и все зафиксировал. Мне знаком этот тип людей. Гангстер из второразрядных. В кармане брюк или за поясом у него наверняка револьвер, – пиджаки он любит узкие, а это не позволяет носить кобуру под мышкой.

Он осторожно присел. Я устроился напротив, мы посмотрели друг на друга. На его физиономии промелькнуло что-то лисье; я в ответ изобразил внимание – без особого интереса, впрочем. Потом взял трубку и кисет с табаком, а ему предложил сигареты.

– Не курю, – проскрипел он, и голос его мне не понравился так же, как одежда и лицо. Пока я набивал трубку, он положил на стол тысячедолларовую купюру – новенькую, чистенькую, только что из-под прессы.

– Вам случалось спасать людям жизнь?

– Бывало.

– Тогда спасите еще раз. Мне.

– То есть?

– Я слышал, Марлоу, что вы с клиентами не хитрите.

– Оттого и беден, как церковная мышь.

– У меня есть два друга, вы можете стать третьим, не обижу. Получите пять штук, если вытащите меня из беды.

– Какой беды?

– Что-то вы с утра разговорчивы. Что, не видно, кто я такой?

– Нет.

– Не бывали в восточных штатах?

– Бывал, но не в вашей компании.

– Какой-такой компании?

Разговор начинал мне наскучивать.

– Послушай, или ты не строишь из себя умника и говоришь по существу, или забирай свою штуку и исчезни.

– Звать меня Икки Россен, и я таки исчезну – и навсегда, если ты чего-нибудь не придумаешь. Усек?

– Усек. Говори, как есть, да побыстрей. У меня нет времени слушать по капле в час.

– Я решил завязать, выйти из игры. А боссы считают так: либо ты скурвился и можешь продать, либо слишком о себе возомнил. Или просто перепугался. Со мной как раз третий случай – я перепуган до смерти. Дела за мной серьезные, но «мокрых» нет. Им-то наплевать, я ведь нарушаю традицию, порядок и все такое – они взяли карандаш и подвели черту. Исполнители уже в пути. А я облажался – спрятался в одной норе, в Вегасе, но они меня перехитрили. Когда я летел в Эл-Эй, меня уже, наверное, пасли, так что они наверняка знают, где я остановился.

– Ну, так перепрячься.

– Поздно. Я уже на крючке.

Он был прав.

– Почему же ты еще на этом свете?

– Ликвидацией занимаются мастера, а они не любят торопиться. Разве ты не знаешь этого?

– Как же, знаю. Солидный торговец из Буффало или хозяин молокозавода из Канзас-Сити – вывеска всегда приличная. Прежде всего, хорошие манеры и неброскость. Спокойные, хорошо одеты, вместе никогда не садятся. Оружие в кейсах, – а с кейсами сейчас ходят все, даже женщины...

– Прямо в точку. А когда самолет сядет, их отправят прямо ко мне, – но не сразу, не из аэропорта. Им торопиться некуда, у них свои люди и среди легавых, и даже в муниципалитете. Пойду я в полицию, скажем, меня выставят в двадцать четыре часа, и куда мне деваться? В Мексику? В Канаду? Достанут.

– А как насчет Австралии?

– У меня нет паспорта. Я живу в Штатах нелегально вот уже двадцать пять лет. Ну, допустим, попаду я в тюрьму, – но не пройдет и часа, как меня выпустят за отсутствием состава преступлений. А на другой стороне улицы меня в машине будут ждать «друзья», чтобы отвезти... не домой, разумеется.

– Ладно, хватит ныть, – сказал я. – Допустим, – но только допустим, – что я помогу тебе исчезнуть. А что ты будешь делать дальше?

– Есть одно место. Свою тачку брошу, поеду туда на прокатной, потом куплю какую-нибудь подержанную, потом поменяю на новую. Город достаточно большой, но там безопасно.

– Ну-ну, – сказал я, – слышал я что-то такое про Уичиту. Но ведь и там все могло измениться...

Он хмуро взглянул на меня.

– Ты, Марлоу, не зарывайся.

– А ты мне свои правила не диктуй. Я берусь за твое дело, получаю эту бумажку сразу, а остальные, если все выгорит. И не мешай мне. Может, и мне достанется, тогда принесешь мне красную розу на могилку. Когда прилетает самолет?

– Вечером. Из Нью-Йорка вылетает в девять утра, здесь, наверное, будет в полшестого.

– Но мне будет нужен помощник.

– Какой еще, к черту, помощник?!

– У меня есть знакомая девчонка, она не заговорит и под пытками.

– Ты не имеешь права рисковать девушкой, – сердито сказал Икки.

Я так удивился, что челюсть у меня отвисла чуть не до пояса. Потом я с трудом вернул ее на место.

– Надо же, у тебя и чувства имеются!

– Женщины не созданы для опасных игр, – проворчал Икки.

Я взял купюру и сложил ее пополам, с удовольствием прислушиваясь к ее характерному хрусту.

– Извини, расписки не пишу – незачем тебе носить в кармане мою фамилию. Будем надеяться, что все будет о'кей.

Потом Икки рассказал мне все, что ему известно о тех, кто прилетит из Нью-Йорка. Закончив, он протянул мне руку. Пришлось ее пожать. Ладонь была потной. Он кивнул мне и вышел.

* * *

Дом Энн Райорден стоял на тихой улочке в Бэй-Сити – нарядный, как свежевystиранный фартук. Лужок перед ним был аккуратно подстрижен, а окружавший его кустарник выглядел настолько франтовато, что, казалось, над ним поработал модный парикмахер. Возле белой двери висел молоток в форме головы тигра, а рядом с ним было круглое оконце, через которое хозяйка могла общаться с неожиданными гостями, не впуская их в дом.

Где-то внутри зазвенел звонок, и через минуту Энн открыла мне дверь. Она была в бледно-голубой блузке спортивного покроя и очень коротких белых шортах. Темно-каштановые волосы обрамляли милое личико с серо-голубыми глазами, в глубине которых пряталась печаль: ее отец и мать погибли, попав в гангстерскую заварушку. Впрочем, Энн нашла в себе силы преодолеть жизненные и душевные невзгоды; она писала для разных журналов рассказы о юношеской любви, чем и зарабатывала себе на жизнь. К тому же в критических ситуациях она проявляла такую выдержку и находчивость, что ей мог позавидовать опытный полицейский.

Она закрыла за мной дверь, устроилась на широкой тахте и закурила.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал я.

– Еще бы. Только в таких случаях я тебя и вижу.

– Ко мне обратился клиент, бывший гангстер. Он хочет завязать и удрал от своего синдиката – или банды, называй, как хочешь. Одолеть их нереально, они богаты, как царь Мидас, а адвокаты за миллион в год делают все, чтобы защитить их интересы...

– Ты словно в сенат решил баллотироваться, – хмыкнула Энн. – Никогда не слышала от тебя таких пламенных речей.

Она поболтала ногами. Понятно, не для того, чтобы соблазнить меня, – но мысли мои все равно начали путаться.

– Не мельтеши, – сказал я. – Или надень что-нибудь подлиннее.

– Свинья ты, Марлоу. Ни о чем больше думать не можешь.

– Можно попытаться. Вообще говоря, чертовски приятно иметь хоть одну хорошенькую знакомую с крепкими моральными устоями.

Я сглотнул слюну и стал рассказывать дальше.

– Зовут его Икки Россен. Он не красавец и не из тех, кто мне симпатичен, но одна черта в нем меня подкупает. Он запротестовал, когда я сказал, что мне будет помогать девушка. Женщины, по его мнению, не созданы для опасных дел. Наверное, поэтому я и решил ему помочь... Для настоящего гангстера женщина и мешок муки – примерно одно и то же. Переспать с девчонкой, конечно, никто не откажется, но если женщина встает поперек дороги, от нее избавляются без колебаний.

– Пока я слышу только пустой треп. Тебе, по-моему, нужно выпить чашечку кофе... или, может быть, чего-нибудь покрепче?

– Очень мило с твоей стороны, но с утра – ни-ни. А кофе чуть позже. Так вот, этого Икки накололи на карандаш.

– То есть?

– Есть список людей. Берешь карандаш и кого-нибудь оттуда вычеркиваешь. И считай, что тот, кого ты вычеркнула, мертв. Но для тебя это будет игра, а для них – повседневная канцелярия.

– Что я могу сделать? Извини, я скажу больше: что можешь сделать ты?

– Я могу попробовать. А ты поможешь мне вычислить убийц и проследить, куда они поедут.

– А как они выглядят?

– Ну конечно, я с убийцами общаюсь ежедневно. Принимаю их у себя дома, угощаю виски с лимонным соком и бутербродами с икрой.

Энн улыбнулась, а я быстро преодолел разделяющий нас узорчатый коврик, поднял ее с тахты, крепко поцеловал в губы и вернулся на исходную позицию.

– Они выглядят обычными деловыми людьми – как коммерсанты или чиновники. Одеты солидно, вести себя будут донельзя корректно, – когда надо, они это умеют. Оружие в кейсах, после выполнения задания они его выкинут. Скорее всего, пистолеты, но, может быть, и автоматы. В самолете будут сидеть порознь, но, сойдя, могут притвориться старыми знакомыми, которые совершенно случайно встретились. Пожмут друг другу руки, улыбнутся, сядут в одну такси и поедут в отель. Затем переберутся в другое место, откуда будут наблюдать за Икки.

– Стрелять будут из комнаты или квартиры напротив?

– Нет. Они подойдут к нему, скажут: «Привет, Икки», он обернется, а они начинают его свинцом. Потом побросают оружие, прыгнут в автомобиль и помчатся вслед за первой машиной.

– А кто будет в первой машине?

– Какой-нибудь солидный гражданин с безупречной репутацией. Он будет прокладывать путь машине с гангстерами, а если его остановит полиция – сокрушаться и лить крокодиловы слезы, но убийцы будут уже далеко.

– Боже милостивый, – сказала Энн, – и как ты можешь жить такой жизнью? Если у тебя все получится, убийц подожмут и к тебе.

– Наверяд ли. Посторонних они не убивают. Виноваты будут исполнители. Боссы мафии – деловые люди. У них – огромные деньги, и бизнес для них на первом месте. Они становятся жестокими только тогда, когда кто-то из их же компании мешает их бизнесу. Что-то я не припомню ни одного случая, когда было раскрыто организованное убийство.

Энн принесла два коктейля. Пока мы пили, я давал ей конкретные указания.

– Когда засечешь их, проследи, куда они направятся. Если в отель, то зарегистрируйся там и сразу звони мне.

– Ты – ужасный тип, – сказала Энн. – Женщины делают для тебя все, чего ты захочешь. И как это я, дожив до двадцати восьми лет, осталась незамужней?

– Нужны, наверное, и такие. А почему ты, собственно, не выходишь замуж?

– За кого? За какого-нибудь циничного искателя приключений? Кроме тебя, я не знаю ни одного приличного мужчину. А на белозубые улыбки я уже давно не покупаюсь.

– Я – честный парень, – сказал я почти шепотом. – А это уже кое-что. Но для такой девушки, как ты, слегка поношенный. Один взгляд твоих чистых, ясных глаз всегда ставит меня на место.

* * *

В Лос-Анжелесском международном аэропорту к самолетам близко не подойдешь. Если нужно рассмотреть прибывающих, нужно ждать за барьером.

Я переписал расписание прибытия и слонялся туда-сюда, как пес, забывший, где спрятал кость. Самолеты садились, взлетали, грузчики перетаскивали багаж, суетились пассажиры, плакали дети, и весь этот шум время от времени перекрывался объявлениями по радио.

Несколько раз я прошел мимо Энн, но она словно не замечала меня.

Наверное, они прилетели без четверти шесть, потому что Энн вдруг исчезла. Я рванул в контору. Через час зазвонил телефон.

– Скорее всего, это они, – сказала Энн. – Отель «Бeverли-Вестерн», номер четыреста десять.

– Какие они с виду?

– С кейсами, в строгих костюмах, белые рубашки, черные туфли. Можно подумать что угодно – адвокаты, издатели, врачи, банковские служащие...

– Внешность,

– Волосы у обоих темно-русые. Лица невыразительные. Глаза у одного серые, у другого – голубые. Взгляды быстрые, цепкие. Мгновенно оглядели все вокруг. Оба одинаковые, как автомобили с конвейера.

– Теперь беги домой.

– Ты будешь их пасти?

– Может, это они будут пасти меня. Я уже снял комнату через улицу от Икки.

Когда я уже собрался идти домой, в приемной раздался звонок. Я открыл. На пороге стоял невысокий человек и покачивался на каблучках. Увидев меня, он улыбнулся; вышло это у него натушно. Потом шагнул ко мне.

– Филип Марлоу?

– Собственной персоной. Чем могу быть полезен?

Он подошел вплотную и вытащил из-за спины руку с пистолетом, направив его дуло прямо мне в живот.

– Если не откажешься от дела Россена, схлопочешь пару свинцовых пилюль в брюхо.

Это был любитель. Если бы он остановился фута за четыре, то, может быть, и добился бы чего-нибудь. Я вынул изо рта сигарету и беззаботно зажал ее между пальцами.

– С чего это ты взял, что я знаю какого-то Россена?

Он рассмеялся и ткнул меня дулом.

– Ишь чего захотел?

Издевательская усмешка, дешевый кайф от сознания своего превосходства, от настоящего тяжелого пистолета в руке.

– Все-таки расскажи мне, о чем идет речь?

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я уже бросил сигарету на пол и резко выбросил руку вперед. Перехватив пистолет, я сжал его конечность и одновременно двинул ему коленом промеж ног. Он хрюкнул и сложился пополам. Я вывернул ему руку, вынул из нее пистолет, а потом сделал ему подсечку, и он оказался на полу.

Он лежал, подтянув колени к животу, хлопая глазами от удивления и боли одновременно, со стонами перекатываясь с боку на бок. Я поднял его.

– Пойдем в кабинет. Поговорим немного, а заодно выпьешь чего-нибудь. В следующий раз не подходи к противнику слишком близко, чтобы он до тебя не дотянулся.

Я подтолкнул его к дверям кабинета, а затем – к креслу. Налил в бумажный стаканчик виски и поставил перед ним. Потом взял его 38-й, вытащил магазин и высыпал патроны в ящик стола. Засунул магазин на место и положил пистолет на стол.

– Заберешь, когда будешь уходить, – если будешь, конечно. Ну, так как ты сюда попал?

– Так я тебе и сказал.

– Не будь идиотом. У меня много друзей, и я вполне могу привлечь тебя за вооруженное вторжение. Сам понимаешь, такого тебе не простят. Так кто тебя послал и зачем?

– Икки на крючке, – хмуро сказал гангстер. – Он полный лопух. Я спокойно шел за ним прямо до твоей квартиры. А чего это он поперся к частному детективу? Наверху этим заинтересовались.

Я поднялся с кресла, и он выставил руку перед собой.

– Если шлепнешь меня, сюда явятся профессионалы. А козырей особых у тебя на руках нет.

– Тебе нечего сказать хозяевам. Если Икки и был у меня, ты не знаешь, по какой причине, и уж тем более не знаешь, взялся я за его проблему или нет. Что вы так навалились на этого Икки, чем он так уж виноват?

– Думаешь, ты такой крутой, да? – прошипел он, держась за то место, где пять минут назад было мое колено. – В моей команде ты бы приза не взял.

Я рассмеялся. Потом взял его за правое запястье и выкрутил руку за спину. Он заскрежетал зубами. Левой рукой я залез во внутренний карман его пиджака и достал портмоне. Там лежали водительские права на имя Чарлза Чикона. Это ничего мне не давало. Таких недомерков зовут кличками. Его могли звать Коротышкой, Хиляком или Шибздиком. Я бросил ему кошелек назад.

– Убирайся ко всем чертям. И пушку свою забирай.

У порога он обернулся и посмотрел на меня своими маленькими злыми глазками.

– Прощевай, бодливый. И не таким рога скручивали

Я спокойно поехал домой, упаковал саквояж и отправился в автосервис, где меня хорошо знали. Там оставил свою машину и сел во взятый напрокат «шевроле». На нем добрался до Пойнтер-стрит, занес вещи в снятую комнату и поехал ужинать в ресторан «Виктор». Потом остановился на бульваре Сансет возле бензозаправки и позвонил своему приятелю, главному следователю Берни Оулзу, и предупредил его о возможном покушении на Икки.

Потом позвонил самому Икки.

– Это Марлоу. Собирайся, в полночь отправляемся. Твои друзья сидят в «Бeverли-Вестерн». Где твоя тачка?

– Стоит перед домом.

– Отгони ее на боковую улицу и запри. Где черный ход твоей ночлежки?

– Сзади.

– Оставь чемодан там. Выйдем вместе и пойдем к твоей машине.

– Хорошо, – буркнул он. – Я жду.

На Пойнтер-стрит я оставил машину за углом, поднялся в комнату и, не зажигая света, стал наблюдать за улицей. В дом, где остановился Икки, вошел какой-то тип почти такого же роста; фигурой он тоже смахивал на моего подопечного. Входили и выходили другие люди.

Никого, кто наблюдал бы за домом, я не увидел.

В полночь я вышел на улицу и направился к дому Икки. Черный ход был открыт; я поднялся на третий этаж и постучал. Икки открыл дверь с пистолетом в руке.

– Выходим через парадные двери. Руки держи в карманах, если кто окликнет тебя сзади, поворачивайся и стреляй.

– Я боюсь, – хрипло сказал Икки.

– Я тоже, – хмыкнул я, – но выхода у нас нет.

Мы поставили вещи у черного хода; вокруг не было ни души. Вернулись в дом, прошли вестибюлем до парадного. Никого, улица пустынна.

Нам оставалось только забрать вещи и погрузить их в машину, после чего мы направились в сторону 66-го шоссе. Все вроде прошло без приключений. Я доехал с ним до Помоны.

– Дальше мне ехать смысла нет, – сказал я. – Сяду на обратный автобус или в мотеле переночую.

Он достал портмоне, вытащил из него четыре тысячных купюры и протянул мне.

– Ты не представляешь, во что ты вляпался. Твои беды только начинаются. У мафии везде глаза и уши. Забирай хрусты, у меня их хватает.

Я взял деньги и спрятал в карман. «Мои беды только начинаются», сказал Икки – и, черт возьми, он был прав.

На автостанции «Голливуд» я взял такси и вернулся к себе в контору. Посмотрел почту; в ящике не было ничего – только маленький неподписанный пакетик. В нем лежал свежезаточенный карандаш, гангстерский знак смерти.

Не стоило принимать это близко к сердцу. Если они действительно хотели бы прикончить меня, то не стали бы предупреждать. Это просто рекомендация: с Икки пора завязывать. «Когда мы берем кого-то на карандаш, ему приходится несладко», – вот что означало это послание.

Домой, на Юкка-авеню идти не хотелось, и я решил заночевать на Пойнтер-стрит. Револьвер под подушкой мешал уснуть, поэтому, поерзав полчаса, я переложил его в правую руку.

Проснулся, когда солнце уже светило вовсю. Перехватил чего-то в забегаловке на углу и вернулся в свою нору, где уселся возле окна. Около половины девятого из дома напротив вышел человек, которого я видел накануне, с небольшим портфелем в руках. Тотчас же из синей машины, стоявшей у обочины, выскочили двое. Оба были одинакового роста, в костюмах и низко надвинутых на лбы шляпах. Они выхватили револьверы.

– Эй, Икки, – крикнул один.

Человек обернулся.

– Прощай, Икки, – сказал другой.

Раздались выстрелы, человек рухнул на асфальт, двое попрыгали в машину и умчались прочь. В тот же момент из переулка вывернул большой лимузин, который поехал перед машиной убийц. Мгновение, и обе тачки скрылись вдали.

Они застрелили не того.

Я вышел на улицу, сел в прокатную машину и поехал в контору. Там было пусто.

Я набрал номер офиса шерифа и спросил Берни Оулза.

– Привет, Берни, это Марлоу. У меня проблемы.

– Твоя контора на прежнем месте?

– Да.

– Я заеду.

Он приехал через минут двадцать.

– Ну, выкладывай.

Я рассказал ему все, как было. Он посоветовал не волноваться:

– Раз они грохнули не того, на какое-то время притихнут.

Потом принесли телеграмму. «Еду Флэгстар Мотель Мирадор кажется пасут немедленно приезжай».

Я позвонил Энн, она посоветовала пересидеть какое-то время у нее, – и тут позвонили в дверь.

За дверью стоял элегантно одетый человек средних лет с приветливой и лукавой улыбкой. Кремовый фланелевый костюм был скроен безупречно. Закурив сигарету с золотым фильтром и выпустив луб дыма, он взглянул на меня.

– Филип Марлоу? Я кивнул в ответ.

– Меня зовут Фостер Граймз, я из Лас-Вегаса, управляющий «Ранчо Эсперанца». Я слышал, вы имели какие-то дела с Икки Россеном.

– Может, вы зайдете?

Он прошел мимо меня в кабинет и вальяжно расположился в кресле. Внешность его ничего мне не говорила – этакий везунчик, который хочет выглядеть ковбоем. По выговору – из Нью-Йорка или Балтимора.

– Мистер Марлоу, где теперь Икки?

– Не знаю, мистер Граймз.

– Чего ради вы с ним связались?

– Ради денег, конечно.

– И как далеко это зашло?

– Я помог ему уехать из города. Кто вы такой, я не знаю, но в офисе шерифа уже обо всем знают. Вы не того прикончили.

– Ребята поторопились. Нам вот что нужно, – он вытащил тысячную и аккуратно положил на стол. – Найдите Икки и скажите ему: пусть возвращается, все будет в порядке. Если вы это сделаете, получите еще одну такую же. Если нет – вашему клиенту конец.

– А если я вас по носу щелкну этой купюрой?

– Это будет не слишком умно, – он вытащил «кольт-вудсмен» с глушителем – такая пушка укладывает человека с первого выстрела; лицо его при этом совершенно не изменилось. – В случае чего я из Вегаса не выезжал, а вот вас найдут мертвым в собственном кабинете. Положите руки на стол и подумайте как следует. Я хорошо стреляю.

Я поднял со стола карандаш, повертел его в руках и снова бросил на стол; карандаш покатился. Граймз переложил пистолет в левую руку и взял его.

– Его прислали мне сегодня утром, – сказал я. – Ни записки, ни адреса. Думаете, мистер Граймз, я не знаю, что это значит?

Он нахмурился и положил карандаш на стол. Но прежде чем ему удалось снова взять пистолет в правую руку, я опустил под стол свою и положил палец на спусковой крючок своего сорок пятого калибра.

– Посмотрите под стол, мистер Граймз. Пистолет надежно закреплен и нацелен прямо на вас. Даже если вы убьете меня с первого выстрела, мой сработает от конвульсивного сжатия руки. Сорок пятый калибр отбрасывает человека на шесть футов назад, сейчас об этом даже школьники знают.

– Похоже на ничью, – сказал Граймз. Потом опустил «кольт» и улыбнулся. – Чистая работа, Марлоу. Вы бы нам пригодились. Может, вы все-таки разыщете Икки?

– Скажите, Граймз, – поинтересовался я, – почему вы ко мне привязались?

– Дело Ларсена, помните? Вы запихнули одного из наших прямиком в газовую камеру. Мы такого не забываем.

– Забирайте свои деньги и двигайте отсюда подобра-поздорову. Может, я и сделаю по-вашему, но мне нужно подумать.

– Я в Вегасе, Марлоу. «Ранчо Эсперанца».

Он кивнул мне и вышел.

Я задумался. Икки к ним не вернется, это точно. Но у меня была другая причина согласиться на предложение Граймза.

* * *

В Финикс я приехал вечером и остановился в мотеле на окраине. Стояла страшная жара. Я побрился, принял душ, поужинал и направился во «Флэгстар». В ресторане мотеля Икки пообедался черной форелью.

Я уселся напротив. Мое появление, похоже, удивило его.

– Ну, что там? – спросил он с набитым ртом.

– Ты газеты читаешь?

– Только спортивную страницу.

– Те двое сидели в засаде возле твоей норы и вчера убили человека, немного похожего на тебя.

– Вот так! – оскалился Икки. – Про это уже знают легавые, да и мои дружки тоже. Так что приговор остается в силе.

– Ты, наверное, думаешь, что я круглый дурак, – сказал я. – И, скорее всего, ты прав.

– Мне кажется, Марлоу, ты отлично справился с делом.

– С каким делом?

– Ты чертовски ловко вывез меня оттуда.

– А сам ты не мог с этим справиться?

– Иметь помощника в таком деле совсем не лишнее дело.

– Ты хочешь сказать – дурачка на подхвате.

Икки нахмурился. В скрипучем голосе послышалось недовольство.

– Не понимаю. Если ты чем-то недоволен, верни деньги.

– Верну, коли рак на горе свистнет.

– Не надо так со мной разговаривать, – сказал он и вытащил револьвер.

Свою пушку я сжимал в кармане уже минут пять.

– Спрячь свою железку и слушай меня внимательно. В этой истории есть мелкие детали, которые портят всю картину. Почему ты вообще пришел ко мне? Зачем ко мне послали этого недомерка Чикона? Почему такой стреляный воробей, как ты, дал проследить себя до моей конторы?

– Марлоу, ты убиваешь меня. Ты умен до полного идиотизма и не можешь поэтому отличить черное от белого. Бьюсь об заклад, – вернувшись в контору, ты был рад тем пяти косым, что кот валерьянке, и вылизал каждую купюру!

– После того, как они побывали в твоих руках – нет. А почему мне прислали карандаш? Я, правда, сказал этому типу, джентльмену из Лас-Вегаса: если хотят убрать кого-то, предупреждать не обязательно. Он, кстати, пришел с «вудсменом» 22-го калибра; пришлось убедить его, что лучше спрятать эту штуковину. И он послушался. А потом стал совать мне в лицо деньги, чтобы я сказал ему, где ты прячешься...

– Не понимаю, о чем это ты.

– Сейчас поймешь. Смотри: один малый с Ист-Сайда начинает дружить с гангстерами. Крутится в банде, но до конца не портится, потому пытается свалить. Переезжает в наши края, меняет имя, находит себе какую-то мелкую работенку и живет себе тихонько в мебелирашке. Но кто-то из старых знакомых узнает его. И боссы, покуривая свои сигары, рассуждают: «Напрасно ты, Икки, так поступил. Ты, конечно, мелочь пузатая, но мы этого не потерпим. Это подрывает дисциплину. Отправим парочку ребят, прищучим паренька». И парочка уже готова отправиться, как вдруг боссы вспоминают, что в тех же краях обитает один детектив, который сдал властям их парня по имени Ларсен. Неплохо бы заодно и ему хвост прищемить! И посылают подставного.

– Братья Торренс – не подставные, они киллеры из первых, не раз это доказывали. Вот только теперь ошиблись.

– Они-то как раз не ошиблись, нашли настоящего Икки Россена и убрали его. А вот ты – подсадная утка. И теперь тебя ожидает арест за соучастие в убийстве. Но и это не самое грустное для тебя: твои хозяева вытащат тебя из-за решетки и сотрут в порошок. Ты провалил задание.

Его палец нажал на спусковой крючок... но я успел выстрелить раньше и выбил револьвер из его руки. Мой пистолет хоть и маленький, но в цель попадает идеально.

Он застонал и стал сосать раненый палец. Я изо всех сил ударил его в грудь; вежливое обращение с убийцами не в моем стиле. Он отлетел на несколько шагов. Я поднял с пола его пушку, потом обыскал его. Больше оружия у него не было.

– Что ты хочешь сделать со мной? – прохныкал он. – Я же тебе заплатил. Я тебе хорошо заплатил!

– У каждого из нас – свои проблемы. Твоя теперь – остаться в живых.

Я заломил ему руки за спину и защелкнул на них наручники, которые всегда ношу с собой. А потом вызвал полицию.

* * *

В мотеле мне пришлось задержаться на несколько дней, но я не огорчился: уж больно вкусна была форель в ресторане. А потом я вернулся в Лос-Анджелес и пригласил Энн на ужин с шампанским в ресторан «Романофф».

– Одного я не могу понять, – сказала она после третьего бокала. – Зачем они втянули тебя в эту историю? Зачем был нужен фальшивый Икки Россен?

– Трудно сказать. Может, их боссы чувствуют себя настолько уверенно, что временами им хочется проявить чувство юмора. А может, Ларсен, который попал в газовую камеру, был более значительной фигурой, чем казался. Если так, то меня вполне могли поставить на очередь еще тогда...

– Но зачем было столько тянуть? – спросила Энн. – Они могли бы сразу с тобой разделаться.

– Они могут позволить себе подождать. Кто их торопит? Меня-то беспокоит другое, – деньги, эти грязные пять тысяч. Что с ними делать?

– Не будь чистоплюем. Ты заработал эти деньги, рискуя жизнью. Теперь можешь вложить их в акции какой-нибудь страховой компании, вот и отмоешь.

– Хорошо, а теперь ты мне скажи – почему они нажали на газ?

– Ты себя недооцениваешь. Почему не допустить, что на газ нажал этот фальшивый Икки Россен? Судя по всему, он из тех, кто ничего без выкрутасов не делает.

– Если так, и он действовал по собственной инициативе, хозяева хорошенько его отблагодарят...

– ...если раньше этого не сделает окружной прокурор. Впрочем, мне все равно, что с ним будет. Налей, пожалуйста, еще шампанского...

* * *

«Икки», прижатый к стене, назвал на допросе имена убийц, братьев Торренс, – а еще раньше их имена назвал я. Но найти их не удалось; домой они не вернулись. А доказать сговор, имея лишь одного подозреваемого, практически невозможно. Его не могли судить даже как непрямого соучастника. Не было никаких доказательств, что он знал об убийстве настоящего Икки. И его просто выпустили на волю, отдав на суд «друзей».

Где он теперь? Чутье подсказывает мне: его нет нигде.

Энн Райордэн была рада, что все кончилось и мне теперь ничто не угрожает. Впрочем, в моей профессии слово «безопасность» употребляется редко.

ОБ АВТОРАХ И ИЛЛЮСТРАТОРАХ²²⁷

РЭЙМОНД ЧАНДЛЕР родился в Чикаго в 1888 году и получил образование в Далвич-колледже в Англии. В разное время он писал стихи, работал учителем, книжным обозревателем, бухгалтером, руководителем нефтяной компании и автором для массовых журналов, прежде чем в 1939 году написал свой первый роман о Филипе Марлоу «Глубокий сон». За ним последовали «Прощай, красавица», «Высокое окно», «Женщина в озере», «Младшая сестра», «Долгое прощание» и «Воспроизведение». Последние десятилетия своей жизни Рэймонд Чандлер прожил в Южной Калифорнии. Умер в 1959 году.

САЙМОН БРЕТТ – автор двенадцати криминальных романов с участием актёра-детектива Чарльза Пэриса и трех других криминальных романов, в том числе «Потрясение системы», который был номинирован на премию «Лучший роман» от ассоциации детективных писателей Америки.

У **РОБЕРТА КЭМПБЕЛЛА** главные герои – три разных детектива с тремя разными голосами, появляющиеся в трёх разных сериях. Уистлер, Джимми Фланнери и Джейк Хэтч. Но у Кэмпбелла он всегда один и тот же. Классический частный детектив, живущий один. И он, как и большинство классических частных детективов, редко применяет оружие.

МАКС АЛЛАН КОЛЛИНЗ – автор исторических детективных романов о Натане Хеллере, первый из которых, «Настоящий детектив» (1983), получил премию «Детектив»²²⁸. Он также является автором трех других популярных детективных сериалов с Ноланом, Куорри и Мэллори, а также новой серии романов о реально существовавшем «неприкасаемом» Элиоте Нессе.

РОБЕРТ КРЕЙС пишет популярные романы об Элвисе Коуле. Его первая книга. «Платье обезьяны» был номинирован как на премию «Детектив», так и на премию «Эдгар»²²⁹. Кроме того, Крейс написал множество сценариев для таких заметных и признанных критиками телесериалов, как «Блюз Хилл-стрит». Его работа на телевидении была отмечена несколькими наградами, в том числе номинацию на премию «Эмми».

Первый роман **ЛОРЕНА Д. ЭСТЛЕМАНА** был опубликован в 1976 году. На сегодняшний день он опубликовал двадцать восемь книг, включая детективные романы об Амесе Уокере и многочисленные вестерны. В прошлом он был лауреатом премии «Писателей Западного побережья Америки» «Золотая шпора» (дважды) и премии «Детектив» (дважды), а также номинантом на Американскую книжную и Пулитцеровскую премии.

ЭД ГОРМАН написал книги в нескольких жанрах. В его последнем романе «Осенние мертвецы» появляется актёр и частный детектив Джек Дуайер. Горман был номинирован на премию «Детектив», а его исторический роман «Гильдия» «Писателями Западного побережья Америки» был назван «волнующим и запоминающимся».

ДЖЕЙМС ГРЕЙДИ работал криминальным репортером в Вашингтоне, округ Колумбия, освещая политику, шпионаж, организованную преступность и торговлю наркотиками. Грейди начал свою карьеру писателя с «Шести дней Кондора». Его девятым и последним на данный момент романом стал «Стальной город».

²²⁷ Эти данные по состоянию на 1988-ой год были приведены в первом издании сборника.

²²⁸ Премия, ежегодно присуждаемая организацией «Авторы Америки, пишущие о частных детективах».

²²⁹ Премия Эдгара Аллана По, ежегодно присваиваемая организацией «Писатели Америки, работающие в криминальном жанре».

Первый рассказ **ДЖОЙС ХАРРИНГТОН** «Пурпурный саван» в 1973 году был удостоен премии «Эдгар». С тех пор она написала от сорока до пятидесяти рассказов и три романа. Она ещё трижды номинировалась на эту премию за короткий рассказ, а её последний роман «Ночные сны» был опубликован в июне 1987 года.

Первый роман **ДЖЕРЕМИ ХИЛИ** «Тупые стрелы» был назван «Нью-Йорк Таймс» одним из семи лучших детективов 1984 года. Вторая книга Хили. «Козел на кону» получил премию «Детектив» как лучший роман 1986 года.

ЭДВАРД Д. ХОХ – бывший президент ассоциации «Писатели Америки, работающие в криминальном жанре» и автор более семисот пятидесяти рассказов, в основном в жанре детектива. Среди его тридцати одной опубликованной книги – «Разбитый ворон» и три других романа. В 1968 году он получил премию «Эдгар» по литературе за рассказ «Прямоугольная комната».

СТЮАРТ М. КАМИНСКИ – автор более двадцати опубликованных детективных романов и множества рассказов. Среди его романов – серии о Тоби Питерсе, и инспектор Порфирии Петровиче Ростникове, а также и о Ксавье Флоресе. В 1984 году он был номинирован на премию «Эдгар» за роман «Чёрный рыцарь на Красной площади».

Помимо «Спящего пса», удостоенного премии Ниро Вульфа, и последнего «Смеющегося пса», **ДИК ЛОХТ** писал для многочисленных изданий, а также для кино и телевидения. В течение десяти лет он был книжным обозревателем «Лос-Анджелес Таймс», а в настоящее время является драматическим критиком журнала «Лос-Анджелес Мэгэзин».

ДЖОН ЛУТЦ был удостоен премий «Детектив» в 1982 году и «Эдгар» в 1986 году. Он является автором двух серий произведений о частных детективах. В одном из них рассказывается о Наджере, частном детективе из Сент-Луиса, страдающим нервным расстройством желудка, неохотно берущимся за расследования. Другая серия рассказывает о Фреде Карвере, бывшем полицейском из Орlando, который расследует дела во Флориде.

ФРЭНК МАКШЕЙН – автор книги «Жизнь Рэймонда Чандлера» и редактор «Избранных писем Рэймонда Чандлера». Он также является автором ряда других книг, в том числе биографий Форда Мэдокса Форда, Джона О'Хары и Джеймса Джонса. Он является директором Центра переводов при Колумбийском университете, а также профессором Школы искусств того же университета.

ДЖОН МАТИНЕС последние десять лет работает иллюстратором в Нью-Йорке. Его работы появлялись на обложках книг и в различных рекламных кампаниях. Он также опубликовал ограниченным тиражом несколько плакатов.

ФРЭНСИС М. НЕВИНС-младший – автор около сорока рассказов о преступлениях и загадочных происшествиях, и четырёх детективных романов, самыми последними из которых являются «Часы на 120 часов» и «Мышь за девяносто миллионов долларов». Он также написал ряд научно-популярных работ в этом жанре, в том числе книгу «Королевская родословная: Эллери Куин, писатель и детектив»²³⁰, получившую премию «Эдгар».

САРА ПАРЕЦКИ начала писать пьесы, когда ей было пять лет; продолжила писать для собственного развлечения в подростковом и взрослом возрасте. Её первый роман «Только возмещение», опубликованный в 1982 году, был посвящен частному детективу из Чикаго В. И. Варшавски. Её пятый роман о Варшавски «Кровавый удар» вышел из печати в 1988 году.

У. Р. ФИЛБРИК – автор «Медленного танцора», «Убийств в тени» и «Льда для эскимоса», а также трёх криминальных романов с участием гида по рыбной ловле на Флорида-Кис Т. Д.

²³⁰ Игра слов: queen (англ.) – королева.

Сташа: «Неоновый фламинго», «Чистой воды убеждение» и «Достаточно крепкий». Недавно он закончил триллер «Ходячие мертвецы».

РОБЕРТ ДЖ. РАНДИЗИ опубликовал семь детективных романов, более двадцати детективных новелл и более двадцати пяти коротких рассказов. Он является автором книг «Исчезновение Пенни», «Глаз в кольце» и «Полный контакт», в которых главную роль играет полицейский с Манхэттена Майлз Джейкоби. В 1982 году он основал организацию «Авторы Америки, пишущие о частных детективах» и премию «Детектив».

ПОЛ РИВОШ в течение десяти лет работал иллюстратором-фрилансером в Торонто. Его работы можно найти в рекламе, анимации и многочисленных книгах, включая серию бестселлеров «Город роботов Айзека Азимова». Он участвовал в создании известного графического романа «Мистер Икс».

ХАВЬЕР РОМЕРО родился в Мадриде, Испания, и сейчас работает в Нью-Йорке графическим иллюстратором и преподавателем в Школе визуальных искусств. Среди его редакторских клиентов – «Нью-Йорк Таймс», «Форчун», «Бизнес Уик», также он работает в различных рекламных агентствах, звукозаписывающих компаниях и с таким корпоративными клиентами как «Эсти Лаудер».

БЕНДЖАМИН М. ШУТЦ – автор трех романов с участием частного детектива Лео Хаггерти. Его четвёртая книга «То, что мы делаем ради любви» будет опубликована в ближайшее время. Он клинический и судебный психолог и проживает в пригороде Вашингтона, округ Колумбия.

Первый детективный роман **РОДЖЕРА Л. САЙМОНА** о Мозесе Уайне, «Большая проблема», получил награды от «Писателей Америки, работающих в криминальном жанре» и «Авторов детективов Великобритании» как лучший криминальный роман года. Его роман «Настоящий мужчина» был номинирован на премию «Эдгара». Саймон также является сценаристом и президентом недавно созданной Международной ассоциации детективного и политического романа.

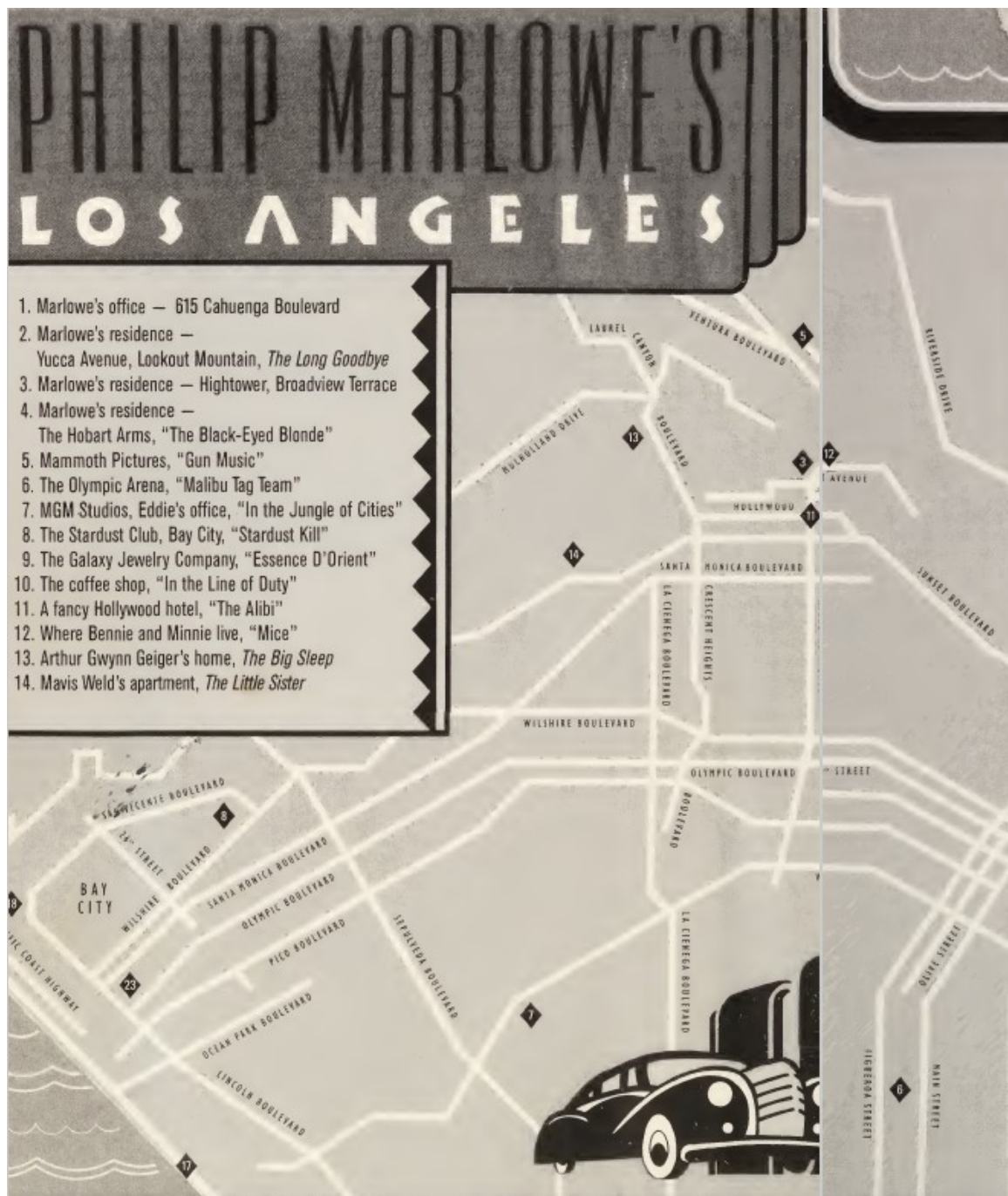
ДЖУЛИ СМИТ — биограф двух сыщиков – Ребекки Шварц, юриста из Сан-Франциско, и Пола Макдональда, бывшего репортера, автора детективов. Шварц появляется в «Смертельном трюке», «Войнах на закваске» и «Ловушке для туристов»; Макдональд – в «Приключениях из реальной жизни» и «Демоне Гекльберри».

ПАКО ИГНАСИО ТАЙБО II – автор двадцати восьми книг, семь из которых относятся к жанру криминальной литературы: «Дни сражений», «Лёгкая вещь», «Несколько облаков». «Между прочим, счастливого конца не будет», «Тени тени», «Сама жизнь». В Мексике он признан основателем и ключевой фигурой новой мексиканской криминальной литературы.

ДЖОНАТАН ВЭЛИН написал семь романов с участием частного детектива по имени Гарри Стоунер, персонажа, которого он создал по образу Филипа Марлоу. В настоящее время он заканчивает свою восьмую книгу о Стоунере «Смягчающие обстоятельства».

ЭРИК ВАН ЛАСТБАДЕР написал семь крупных романов-бестселлеров, в том числе «Ниндзя», «Шан» и «Зеро». Он закончил Колумбийский колледж со степенью бакалавра социологии. Работал в индустрии музыки и развлечений.

ДЕННИС ЗИМИНСКИ из Калифорнии профессионально занимается иллюстрацией с 1973 года. Его работы появлялись в ряде национальных рекламных кампаний, а также в некоторых ведущих журналах страны.

1. Marlowe's office — 615 Cahuenga Boulevard
2. Marlowe's residence — Yucca Avenue, Lookout Mountain, *The Long Goodbye*
3. Marlowe's residence — Hightower, Broadview Terrace
4. Marlowe's residence — The Hobart Arms, "The Black-Eyed Blonde"
5. Mammoth Pictures, "Gun Music"
6. The Olympic Arena, "Malibu Tag Team"
7. MGM Studios, Eddie's office, "In the Jungle of Cities"
8. The Stardust Club, Bay City, "Stardust Kill"
9. The Galaxy Jewelry Company, "Essence D'Orient"
10. The coffee shop, "In the Line of Duty"
11. A fancy Hollywood hotel, "The Alibi"
12. Where Bennie and Minnie live, "Mice"
13. Arthur Gwynn Geiger's home, *The Big Sleep*
14. Mavis Weld's apartment, *The Little Sister*

1 «Офис Марлоу, Бульвар Кахуэнга, 615»

2 Место жительства Марлоу, Юкка-авеню, Лукаут-Маунтин
«Долгое прощание»

3 Место жительства Марлоу, Хайтауэр, Броудвью-Террас

4 Место жительства Марлоу, Хобарт-Армз

«Блондинка с грустными глазами»

5 «Мамонт Пикчерз»

«Оружейная музыка»

6 Олимпийская Арена

«Команда из Малибу»

7 Студия «МГМ», офис Эдди

«В городских джунглях»

8 Клуб «Звёздная Пыль»

«Убийство в клубе «Звёздная Пыль»

9 Ювелирная компания
«Галактика»,

«Essence d'orient»

10 Кафе
«При исполнении служебных обязанностей»

11 «Хрустальная туфелька»

«Азия»

11 Шикарный отель в Голливуде

«Алиби»

12 Место жительства Бенни и Минни

«Мыши»

13 Дом Артура Гвинна Гейгера
«Глубокий сон»

14 Апартаменты Мэвис Вельд

«Младшая сестра»

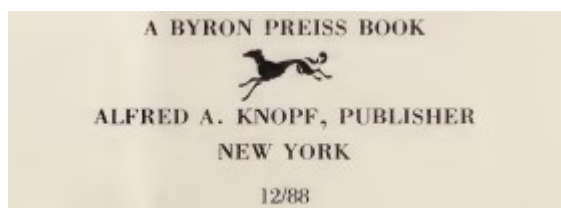
Рэймонд Чандлер, один из самых почитаемых американских авторов двадцатого века, родился в Чикаго в 1888 году и получил образование в Англии, в Далвич-колледже. В разное время он успел побывать поэтом, учителем, книжным обозревателем, бухгалтером, руководителем нефтяной компании и автором криминальных историй для изданий в мягкой обложке, прежде чем, наконец, в 1939 году написал свой первый роман о Филипе Марлоу. «Глубокий сон». За ним последовали «Прощай, любимая», «Высокое окно», «Женщина в озере», «Младшая сестра», «Долгое прощание» и «Воспроизведение». Большую часть своих последних лет Рэймонд Чандлер прожил в Южной Калифорнии. Скончался в 1959 году.

АЛЬФРЕД К. НОПФ

Байрон Прейсс редактор нашумевших бестселлеров «Планеты», «Вселенная» и «Динозавры», а также романа Майкла Хардвика «Месть пса», изданного к столетию создания Шерлока Холмса. Его проект «Слова Ганди» получил в 1985 году «Грэмми», а монография «Искусство Лео и Дайан Диллон²³¹» была номинирована на премию Хьюго. Он имеет степень бакалавра в Университете Пенсильвании и степень магистра в Стэнфордском университете. В настоящее время проживает в Нью-Йорке.

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ ДЕННИСА ЗИМИНСКИ
ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ АЛЕКСА ДЖЭЯ / «ДЖЭЙ СТУДИО»

²³¹ Лео Диллон (1933 – 2012) и Дайан Диллон (урожденная Сорбер; родилась в 1933 году) – американские книжные иллюстраторы.

**NEW PHILIP MARLOWE
STORIES BY**

MAX ALLAN COLLINS
BENJAMIN M. SCHUTZ
LOREN D. ESTLEMAN
JOYCE HARRINGTON
JONATHAN VALIN
DICK LOCHTE
W. R. PHILBRICK
SARA PARETSKY
JULIE SMITH

PACO IGNACIO TAIBO II
FRANCIS M. NEVINS, JR.
ROGER L. SIMON

JOHN LUTZ
SIMON BRETT
ROBERT J. RANDISI
STUART M. KAMINSKY

ROBERT CRAIS
EDWARD D. HOCH
JEREMIAH HEALY
JAMES GRADY

ED GORMAN
ERIC VAN LUSTBADER
ROBERT CAMPBELL
AND

"THE PENCIL,"
THE FINAL

PHILIP MARLOWE
STORY BY

RAYMOND CHANDLER

INTRODUCTION BY FRANK MACSHANE

ILLUSTRATIONS BY PAUL RIVOCHÉ,
JAVIER ROMERO, JOHN MARTINEZ,
AND DENNIS ZIEMIENSKI

BYRON PREISS, EDITOR

9 780394 573274

ISBN 0-394-57327-7